МОСКОВСКІЙ

ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Оксенштирна.

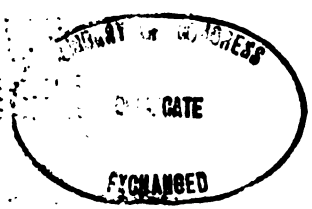
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1826.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810875
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 31 го дня, 1820 года. *Экстра-Ординарный Профессоръ Дмитрій Перевощиковъ.*



Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть IX.

Отдѣленіе первое.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.
II. КРИТИКА.
III. БИБЛІОГРАФІЯ.
IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О развалинахъ храма Діаны ловитвы (αγροτεραι) на островѣ Таманѣ.

Во многихъ мѣстахъ древней Греціи возвышались храмы Діаны ловитвы: о нѣкоторыхъ говоритъ Павзаній; но эпитета αγροτεραι, приложеннаго къ имени Діаны, до сихъ поръ не находили ни на одномъ изъ памятниковъ древности, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія времени и варваровъ, истребившихъ болѣе памятниковъ, чѣмъ самое время. Достойно удивленія, что сіе прозваніе Діаны встрѣчаемъ мы въ первый разъ на одной изъ надписей Воспора, въ странѣ столь удаленной отъ Греціи и въ эпохѣ столь-же удаленной отъ вѣка классической литтературы. Прозваніе сіе (αγροτεραι) часто употреблялось Каллимахомъ, Гомеромъ, Эврипидомъ и другими извѣстнѣйшими древними писателями.

На островѣ Таманѣ найдены развалины храма Діаны ловитвы. Ни въ одномъ

Digitized by Google

изъ извѣстныхъ мнѣ путешествій по Крыму и Кавказу о семъ не упоминается. Вотъ что послужило мнѣ поводомъ къ изданію нѣкоторыхъ о семъ предметѣ свѣдѣній, собранныхъ мною во время моего путешествія въ Крымъ и землю Черноморскихъ Казаковъ (1).

На островѣ Таманѣ, вправо отъ дороги, идущей отъ г. Тамана въ мѣстечко Темрюкъ, въ 2-хъ верстахъ отъ станціи Пересыпь (2) находится село Акденисовка, расположенное на берегу Акденисовскаго или Темрюкскаго лимана. На полдень отъ сего селенія въ полуверстѣ версты, видѣнъ возвышенный холмъ, омываемый водами лимана. Въ 1809 году, было на островѣ Таманѣ землетрясеніе, отъ котораго часть сего холма обрушилась въ лиманъ, а на остальной сдѣлались трещины. Жители селенія Акденисовки замѣтили въ сихъ камняхъ, начали раскапывать землю и нашли фундаментъ и два камня изъ бѣлаго

(1) Для пользы Наукъ прискорбно, что сей предметъ не описанъ ни однимъ изъ извѣстныхъ Антикваріевъ, коимъ Южный край Россіи столь извѣстенъ: не трудно будетъ догадаться, что я говорю о Келлерѣ, Бларамбергѣ и Стемпковскомъ, которымъ ученый свѣтъ обязанъ многими любопытными открытіями въ Археологіи. ***

(2) Станція Пересыпь, отъ Тамана 49 верстъ, отъ Темрюка 18 верстъ. ***

Digitized by Google

мрамора, съ Греческою надписью. Вотъ переводъ оной:

Ксеноклидъ Посіосовъ (*сынъ*), посвятилъ сей храмъ Діанѣ Агротерѣ (или ловишвы).

Паризадъ Левконовъ (*сынъ*) былъ когда Архонтомъ въ Воспорѣ и Θеодосіи

и Царемъ Синдовъ,

Торетовъ и Дандарійцовъ.

Ни одна изъ Воспорскихъ надписей не представляетъ столько любопытныхъ фактовъ для Исторіи и Географіи. Паризадъ былъ современникъ Александра Великаго; Аѳиняне воздвигли ему статую, въ знакъ благодарности за снабженіе хлѣбомъ, который отправлялся изъ портовъ Воспорскихъ въ Аѳины (3). Надобно полагать, что правленіе его было счастливо и основано на любви народной, ибо по смерти его подданные сооружили ему храмъ и учредили жертвоприношенія (4).

На Акенисовскомъ камнѣ, Паризадъ названъ Царемъ двухъ только племенъ Меотійскихъ: Торетовъ и Дандарійцовъ; въ двухъ-же надписяхъ напечатанныхъ Кел-

---

(3) По словамъ Страбона (*), изъ одной Θеодосіи при Левконѣ (отцѣ Паризадовомъ) вывезено было въ Аѳины милліонъ сто тысячь медимновъ жита, что составляетъ около 550,000 четвертей. ***

(4) Polyaen, Stratagem. libr. VII, c. 37. — Strab. L. VII, p. t. g. 310. — Diod. Sic. L. XX, c. 5. ***

(*) Strab. Libr. VII, c. IV, § 6. ***

Digitized by Google

леромъ (5), Паризадъ именуется Царемъ Синдовъ и *всѣхъ Меотійцовъ*. Изъ сего можно заключить, что въ то время, когда Акденисовская надпись была сдѣлана, два только племени *Меотійцовъ* были подвластны Паризаду; въ эпоху-же начертанія двухъ другихъ вышеупомянутыхъ надписей, вся нація Меотійцовъ подпала подъ его правленіе. По этому съ большею достовѣрностію можемъ положить, что надпись Акденисовская древнѣе прочихъ, и вѣроятно принадлежитъ къ первымъ годамъ царствованія Паризада, которое продолжалось съ 348 по 311-й годъ до Р. Х.

Въ сочиненіи о Греческихъ древностяхъ Воспора Киммерійскаго, извѣстнаго Археолога Раулъ-Рошета (6), находится списокъ съ сей надписи (7) и подробное истолкованіе оной. Сколь ни должны быть Рускіе благодарны иностранцу, занимающемуся древностями въ Россіи найденными, но благодарность да не сдѣлаетъ насъ пристрастными, и да не заглушитъ въ насъ голоса здравой Критики.

1) Раулъ-Рошетъ начинаетъ свой разборъ увѣреніемъ, что копія имъ представляемая сдѣлана съ большимъ рачені-

(5) Dissertation sur le monument de Comosarye. Planche I. et II. ***

(6) Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien, publ. et expliq. par. M. Raoul-Rochette, Paris. 1822. ***

(7) Planche IV, f. 3. ***

Digitized by Google

емъ (стр. 26). Къ сожалѣнію, находимъ совершенно прошивное.

2) Что буквы надписи принадлежатъ къ цвѣтущей эпохѣ Александра. Приложенная къ сему копія съ настоящаго камня доказываетъ, что и сіе заключеніе не совсѣмъ вѣрно.

3) Г-нъ Р. Р. находитъ только двѣ ошибки. Онъ могъ-бы отнесть оныя къ своему списку — нѣтъ, онъ полагаетъ (разумѣется, неосновательно), что онѣ находятся на самомъ камнѣ; вотъ онѣ:

ΔΑΝΔΑΡΙΟΝ вмѣсто ΔΑΝΔΑΡΙΩΝ, и

ΘΕΥΔΟΣΥΣ вмѣсто ΘΕΥΔΟΣΙΑΣ;

первой ошибки нѣтъ, второй также нѣтъ, хотя впрочемъ ни копія представленная Раулъ-Рошетомъ, ни эта поправка его не сходны съ подлинникомъ, гдѣ мы видимъ вмѣсто оныхъ: ΘΕΥΔΟΣΙΗΣ.

4) Г-нъ Р. Р. приводитъ Акденисовскій камень въ подтвержденіе своихъ предположеній, на счетъ правописанія Греками родительнаго падежа слѣдующимъ только образомъ: ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ, опровергая мнѣніе извѣстнаго нашего Археолога Келлера. Но на камнѣ семъ, сей падежъ написанъ иначе, а именно: ΠΑΡΙΣΑΔΟΥΣ, чѣмъ мнѣніе Келлера подтверждается.

5) Г-нъ Р. Р., взявъ изъ своей копіи слово ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ, утверждаетъ, что имя сего Царя было изуродовано *всѣми древними Авторами*, исключая Справона. Приговоръ довольно рѣзкій, который вопреки

Digitized by Google

Автора не подтверждается нашею надписью, ибо въ ней, вмѣсто принятой Р. Р. ореографіи, читаемъ *πα*, а не *παι* — *ΠΑΡΙΣΑΔΟΥΣ*.

Весселингъ подпалъ также подъ критику Французскаго Археолога за то, что въ текстѣ Діодора Сицилійскаго, имя Воспорскаго Царя читаетъ: *Παρισάδης* (in e. пакъ, какъ оно въ Діодорѣ написано (8)); по мнѣнію же Рауль Рошета, ему-бы слѣдовало сдѣлать перемѣну въ текстѣ.

Увлекаясь своими догадками, основанными на ошибкахъ въ спискѣ надписи, онъ дѣлаетъ такую же поправку въ рѣчи Демосѳена противъ Парміона (9).

6) У Г-на Р. Р. *ΘΕΥΔΟΣΥΣ*, на камнѣ же: *ΘΕΥΔΟΣΙΗΣ*.

7) Въ спискѣ Р. Рошета (10) омеги и омикроны не представлены въ такомъ видѣ, въ какомъ они на камнѣ, на коемъ они менѣе прочихъ буквъ, въ особенности *О* очень малы.

Сіе обстоятельство для ученыхъ изысканій немаловажно. Буквы сіи писались такимъ образомъ во время царствованія Филиппа, и вѣроятно приняты въ Воспорѣ, равно какъ и нѣкоторыя символическія

---

(8) Diodor Sic. Lib. XVI, c. 52. Тамъ-же, Lib. XX, § 22. Tom. VII, p. 55, ed. Bipont. ***

(9) Or. contr. Phorm. p. 909 и 917, ed. Reisk. ***

(10) Antiquités Grecq. черт. IV, фиг. 3. ***

Digitized by Google

изображенія; въ послѣдніе годы царствованія Левкона.

Такія-же формы буквъ находимъ на монетѣ Левкона, о коей упоминаетъ Р. Рошетъ, на стр. 60, § V. Не находя такого почерка на другихъ памятникахъ древности, онъ запрудняется въ описаніи сей монеты. Если-бы онъ замѣтилъ, что и на камняхъ Акденисовскихъ, такое-же письмо, онъ-бы скорѣе увѣрился, что сія монета точно Воспорскаго Царя.

Таковой-же почеркъ могъ онъ также замѣтить на одномъ изъ камней, описанныхъ Г. Вакселемъ (11), который небезызвѣстенъ Г. Р. Рошетту, ибо онъ объ ономъ упоминаетъ (12).

***

Новѣйшія извѣстія о Сіамѣ и Кохинхинѣ.

(Окончаніе статьи, начатой въ No 6.)

Кохинхина, получившая нынѣшнее Государственное устройство свое только въ первые годы XIX столѣтія, заключаетъ въ себѣ всю Кохинхину собственно, весь Тон-кингъ, большую часть Кам-

(11) Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la mer Noire par M. de Waxel, черт. 7. ***

(12) Antiquités grecques, стр. 27. ***

Digitized by Google

боджіи и небольшое владѣніе Тсіампа. Она простирается отъ южнаго берега Камбоджіи до Сѣверныхъ границъ Тон-кинга (находящихся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тропика Рака) и 105° до 109 Восточной долготы. Границы ея съ Востока составляютъ Китайскія провинціи: Кантонъ, Кианг си и Юн-нанъ; съ Запада Королевства: Лао и Сіамъ; съ другихъ сторонъ, заливы: Сіамскій, Тон-кингскій и Китайское море.

Хотя въ плодородіи и разнообразіи почвы земли, равно какъ и въ богатствѣ произведеній, Кохинхина и уступаетъ Королевству Сіамскому, но она имѣетъ большія выгоды для торговли какъ по своему центральному положенію, по своимъ судоходнымъ рѣкамъ, такъ и по множеству превосходныхъ гаваней.

Во всемъ Королевствѣ не менѣе пяти значительныхъ и судоходныхъ рѣкъ, именно: Канг-као, Камбоджія, Сангунъ Тон-кингъ и Гюе.

Первая изъ сихъ рѣкъ впадаетъ въ заливъ Сіамскій; на берегахъ ея находится Атіенъ и Понніамасъ: сія рѣка, соединяющаяся съ великою рѣкою Камбоджіею и текущая черезъ Паномпинъ, столицу Королевства, въ началѣ XVIII столѣтія была очень часто посѣщаема торгующими Европейцами. Г-нъ Кравфордъ, въ переговорахъ съ Кохинхинскимъ Дворомъ, употреблялъ все стараніе для полученія свободнаго доступа къ сему мѣсту, ибо это един-

Digitized by Google

ственная значительная Кохинхинская гавань въ Сіамскомъ заливѣ: Канг-као доставляетъ способъ прямо проникнуть во внутренность Камбоджіи.

Собственно Кохинхина не имѣетъ значительныхъ судоходныхъ рѣкъ. Теченіе рѣки Гюе весьма невелико, и хотя она широка, но не глубока, и потому не приноситъ большой пользы какъ для внутренняго, такъ и для внѣшняго судоходства. Впрочемъ, устье ея образуетъ прекрасную гавань, въ которую корабли, поднимающіе двѣсти тоннъ, могутъ входить съ величайшею безопасностію во время юго-западнаго муссона; во время-же сѣверо-восточнаго муссона она почти неприступна (*).

Въ Тон-кингѣ есть рѣка, бывшая прежде очень извѣстною Европейскимъ мореплавателямъ; кажется, что тогда, не взирая на порогъ въ ея устьѣ, могли входить въ нее корабли отъ 500 до 600 тоннъ. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, устье ея теперь очень много загражданотъ песчаныя мѣли, и потому по ней могутъ ходить только корабли поднимающіе сто тоннъ. *Кахао*, столица Тон-кинга, лежитъ въ 200 миляхъ отъ моря на берегу сей рѣки, которая удобряетъ большую часть

(*) Муссонами называются вѣтры на Индійскомъ морѣ, въ извѣстное время и по извѣстному направленію дующіе.

Digitized by Google

сей земли, и составлять главную причину ея плодородія. Выходя изъ Юн-нана, въ Китай, и протекая весь Тон кингъ, она могла бы почесться весьма удобною къ выгодному и обширному судоходству.

Кохинхина. въ разсужденіи своихъ гаваней, въ особенности облагодѣтельствована природою. Между мысомъ Св. Іакова и Туронскимъ заливомъ, на пространствѣ шести съ половиною градусовъ широты, считается пять прекраснѣйшихъ гаваней, доступныхъ во время всякихъ вѣтровъ; корабли съ совершенною безопасностію могутъ приближаться и стоять внутри сихъ гаваней.

Между произведеніями Кохинхины, важнѣйшими для иностранной торговли, сахаръ занимаетъ первое мѣсто; онъ преимущественно собирается во внутреннихъ провинціяхъ собственной Кохинхины. Природные жители разводятъ сахарный тростникъ и умѣютъ добывать изъ него сокъ, не предоставляя, подобно Сіамцамъ, сего занятія Китайцамъ. Хотя сей сахаръ и зернистъ, но въ бѣлизнѣ уступаетъ Сіамскому. Вывозимое количество простирается до 30,000 пекулей, по большой части въ Китай.

За сахаромъ слѣдуетъ шелкъ-сырецъ. Въ Камбоджіи его нѣтъ; разведеніемъ шелковыхъ червей болѣе занимаются въ Кохинхинѣ, а особливо въ Тон-кингѣ. Количество сырца, ежегодно вывозимое

Digitized by Google

изъ всего Государства, простирается до одного лака и двадцати тысячъ фунтовъ. Сырецъ сей, будучи коротокъ, негодится для Англинскихъ машинъ. Пукъ сего сырца, внимательно разсмотрѣнный Калькутскими купцами, оцѣненъ былъ въ одиннадцать рупій; рѣшили, что онъ стоитъ немного дороже Бенгальскаго шелка, вышедшаго не съ прядильныхъ фабрикъ Компаніи. Французскіе корабли, недавно посѣщавшіе Кохинхину, вывезли значительное количество онаго. Кажется, что сырецъ, грубѣйшей доброты, очень хорошо сбывали въ торговыхъ мѣстахъ Франціи.

Въ Кохинхинѣ растетъ настоящая корица: ее вывозится около 2,000 пекулей или двухъ лаковъ и шестидесяти шести тысячъ фунтовъ. Она растетъ только въ горахъ центральной Кохинхины; оттуда отправляется въ Камбоджію и Тонкингъ, а въ особенности въ Китай, гдѣ ее предпочитаютъ всѣмъ другимъ сортамъ сего произведенія. Хотя она очень пріятнаго вкуса и очень душиста, но негодится ни для Индіи, ни для Европы. Дабы сдѣлать ее годною для нашего употребленія, Кохинхинцы должны-бы научиться сдирать съ сей коры перепонку, и сверхъ того, укладывать и приготовлять ее по примѣру жителей острова Цейлана, чему очень легко-бы научить ихъ черезъ Китайцовъ.

Digitized by Google

Другое произведеніе, исключительно принадлежащее центральной части Королевства, есть чай, разведеніе коего очень обширно, и коимъ снабжаютъ отсюда и другія провинціи. Онъ низкой доброты и весьма дешевъ: цѣна его рѣдко бываетъ выше одного или двухъ пенсовъ за фунтъ (10 или 20 сантимовъ). Не худо бы разсмотрѣть, не должно-ли отправлять сей чай въ Англію для потребленія неимущихъ жителей.

Произведенія наносныхъ земель сей страны и смежныхъ лѣсовъ, почти тѣже, какъ и въ Королевствѣ Сіамскомъ, и потому нужно исчислить только главнѣйшія изъ оныхъ, а именно, въ Камбоджіи: кардамонъ, орлиное дерево, арека, слоновая кость, гумми-лакъ, кожи, рога, кости, сушеная рыба, красильныя деревья, строевой и корабельный лѣсъ; Тон-кингъ доставляетъ: сандаракъ, гумми-лакъ, красильныя деревья и корни.

Хорошій строевой лѣсъ находится только въ Камбоджіи. Количество дерева *тека*, растущаго въ лѣсахъ сего Государства, весьма незначительно. Для постройки кораблей, для пушечныхъ лафетовъ и вообще для городскихъ строеній, употребляется дерево *сао*. Не видавши дерева, дающаго сей лѣсъ, Англичане, бывшіе при посольствѣ, не могли опредѣлить его. Дерево сіе крѣпко, прочно и въ великомъ количествѣ доставляется въ столицу. Всѣ

Digitized by Google

общественныя зданія, виденныя Англичанами, также и всѣ превосходные лафеты, которымъ они удивлялися въ Королевскомъ Арсеналѣ, сдѣланы изъ сего дерева. Для столярной работы въ большомъ употребленіи ко, черное, крѣпкое дерево: такъ какъ оно состоитъ въ толстыхъ брусьяхъ и принимаетъ прекрасный глянецъ, то, кажется, весьма прилично для сего употребленія. Хорошо-бы присылать его и въ Европу. Въ Камбоджіи есть и розовое дерево; Китайцы вывозятъ его, также какъ и Сіамское.

Изъ произведеній растительныхъ, доставляемыхъ Тон-кингомъ, довольно употребляютъ о корнѣ *нао*, называемомъ въ Кантонѣ Шеу-ли-онгъ: онъ составляетъ балластъ всѣхъ Китайскихъ кораблей, отплывающихъ изъ Тон-кинга. Онъ очень дешевъ, и во всемъ Тон-кингѣ, и въ Кохинхинѣ, равно какъ и въ Китаѣ употребляется для крашенія въ красный цвѣтъ; для такой-же цѣли можно-бы его употреблять и на нашихъ мануфактурахъ.

Изъ всѣхъ провинцій Королевства Кохинхины, только въ одномъ Тон-кингѣ находятся металлы, въ числѣ коихъ есть желѣзо, золото и серебро. Тон-кингскимъ желѣзомъ, находящимся тамъ въ такомъ-же изобиліи, какъ и въ Сіамѣ, снабжаютъ всю Кохинхину, исключая провинцію Самгунъ, получающую оное изъ Сіама.

Digitized by Google

Кохинхинцы, на выше упомянутые товары, вымѣниваютъ издѣлія Китайскихъ фабрикъ, разныя вещи изъ Азіатскаго Архипелага и Индіи и нѣкоторые товары Европейскихъ фабрикъ.

Изъ Китая получаютъ они: шелковыя матеріи, фарфоръ, лекарственныя вещи, большое количество бумаги, назначаемое въ особенности для церковнаго употребленія, и лучшій чай; изъ Азіятскаго Архипелага: перецъ, гвоздику, мускатные орѣхи, сандалъ и олово; изъ Индіи: опіумъ и селитру; что же касается до Европейскихъ товаровъ, то въ Кохинхину привозятъ только сукно, нѣкоторыя бумажныя матеріи, огнестрѣльныя оружія и чугунъ.

Въ средней провинціи Кохинхины растетъ хорошій перецъ, но онъ дорогъ, и количество онаго недостаточно для вывоза Китайцовъ. И потому ввозъ перца и олова въ Китай можетъ принесть значительную пользу торгующимъ. Потребленіе опіума во всемъ Королевствѣ ежегодно простирается до ста пятидесяти ящиковъ, изъ коихъ двѣ трети употребляются для Тон-кинга, а одна для Кохинхины и Камбоджіи. Ящикъ опіума въ оптовой покупкѣ стоитъ 3.500 піастровъ. До основанія Сингапорскаго заведенія, запасъ опіума получался изъ Кантона, часть онаго съ Явы и большое количество сухимъ пу-

Digitized by Google

шемъ: Кохинхинцы получали его изъ вторыхъ рукъ.

Кажется, что сукно съ давняго времени употребляется въ Кохинхинѣ: армія, состоящая нынѣ почти изъ 40,000 человѣкъ, обмундирована вся толстымъ и плотнымъ Англинскимъ сукномъ, преимущественно краснаго цвѣта, небольшею частію желтаго и зеленаго такой-же доброты; частію платья шьютъ изъ саржи и камлота. Привозятъ и тонкія сукна для зимней одежды людей высшихъ классовъ.

Недавно привозили изъ Кантона и Сингапора небольшое количество бумажныхъ матерій, которыя въ большомъ употребленіи между зажиточными людьми. Ситцы и другія цвѣтныя бумажныя матеріи, которыхъ столь много требуется въ Сіамѣ, въ Кохинхинѣ со всѣмъ не употребляются. Выключая платковъ, наши толстыя Индѣйскія бумажныя матеріи не годятся для Кохинхины, ибо по образцамъ, привезеннымъ посольствомъ, видно, что наши ткани не могутъ сравняться съ тѣми, которыя дѣлаютъ въ сей странѣ.

Не взирая на искуство свое въ дѣланіи пушекъ и другихъ военныхъ снарядовъ, Кохинхинцы не въ состояніи снабжать себя огнестрѣльнымъ оружіемъ: Европейцы всегда доставляли имъ оное. Одинъ Французскій корабль, прибывшій въ Кохинхину въ 1819 году, снабдилъ Короля

Digitized by Google

десятью тысячами ружей; но онъ требуетъ еще. Хотя желѣзо Сіамское и Кохинхинское кажется дешевымъ, но при всемъ томъ привозятъ его и изъ Европы, и меньшій угарь при ковкѣ заставляетъ предпочитать Европейское во всѣхъ отношеніяхъ желѣзу той страны.

Внѣшняя торговля Кохинхины почти исключительно производится съ Китайцами; торговля съ Сіамомъ очень не значительна, а еще менѣе того съ Европейцами. Кохинхинцамъ запрещено, также какъ и Сіамцамъ, и можетъ быть по тѣмъ-же самымъ причинамъ, выѣзжать въ иностранныя Государства: вся иностранная торговля производится жителями тѣхъ Государствъ, съ которыми сіи народы имѣютъ сношенія. Кохинхинцы изъ Государства своего могутъ выѣзжать только по особенному позволенію; такимъ образомъ немногіе изъ нихъ ѣздятъ въ Китай, а съ нѣкотораго времени многіе изъ торговцовъ ихъ посѣщаютъ Европейскія гавани Малаккскаго пролива, и въ особенности Сингапоръ. Здѣсь можно замѣтить, что если-бы Кохинхинцы имѣли право выѣзжать свободно, то они были-бы лучшими мореходами изъ всѣхъ народовъ Восточной Азіи, потому что они сильны, дѣятельны, послушны и понятливы. Они и теперь производятъ моремъ обширную торговлю между разными частями своего Государства: отъ сихъ путешествій и

Digitized by Google

привоза податей въ столицу, пріобрѣтаютъ они великую опытность въ мореплаваніи.

Торговыя сношенія съ Китаемъ производятся по большой части черезъ гавани: Кахао въ Тон-кингѣ, Саи-гунъ въ Камбоджіи, Фаи-фо и Гюе въ Кохинхинѣ; нѣкоторыя отправленія бываютъ черезъ Пунг-тае, Ятранга, Фуіэнъ, Сам-чао, Куэнъ-ніонь и Куанг-іи.

Вся торговля съ Китаемъ простираетея до 20,000 тоннъ, считая по шестнадцати пекулей въ тоннѣ, что составляетъ немного болѣе половины торговли Банкока съ симъ-же Государствомъ; изъ сего видно, сколь значительна прибыль сей послѣдней гавани, доставляемая множествомъ свободныхъ отправленій отъ живущихъ тамъ Китайцовъ. Правленіе Кохинхинское столь-же деспотическое какъ и Сіамское; но вообще если оно и не умѣреннѣе, по крайней мѣрѣ сильнѣе и свободнѣе. Кохинхинцы въ образѣ правленія, равно какъ и въ другихъ учрежденіяхъ, подражаютъ Китайцамъ; но они отстаютъ отъ сего народа въ исполненіи законовъ, равно какъ въ промышленности и въ дѣятельности. У нихъ отличія сопряжены съ должностями; они раздѣлены на два главные класса, гражданскій и военный, что составляетъ родъ двойнаго управленія въ провинціяхъ.

Digitized by Google

Образъ правленія исправный; дѣла производятся скоро и методически.

Несправедливое мнѣніе, распространенное новѣйшими писателями о Тон-кингѣ и Кохинхинѣ, кажется, получило перевѣсъ передъ прочими въ Европѣ; именно, что входъ въ сіе Королевство по большой части запрещенъ Европейцамъ на нѣхъ-же правилахъ, какъ въ Японіи и во всѣхъ гаваняхъ Китайской Имперіи. Сіе мнѣніе не имѣетъ никакого основанія; ибо ни въ одно изъ Государствъ Азіятскихъ Европейцы не допускаются съ такою свободою и съ меньшимъ принужденіемъ, какъ въ Кохинхину. До 1818 года Европейскіе корабли дѣйствительно платили пошлины болѣе нежели Азіятскіе; но въ семъ году Король учредилъ новый тарифъ для иностранной торговли, которымъ всѣ иностранные торговцы уравниваются.

По сему установленію всѣ корабли платятъ положенную умѣренную пошлину съ вѣса; они избавлены отъ осмотра груза и отъ всѣхъ пошлинъ на ввозимые товары; они платятъ только небольшія подати за нѣкоторые вывозимые товары. Корабли, останавливающіеся въ гаваняхъ Кохинхинскихъ по причинѣ дурной погоды, или входящіе только для того, чтобы узнать, выгодно-ли имъ будетъ продать грузъ свой, не платятъ никакихъ пошлинъ. Четыре гавани Кохинхинскаго Госу-

Digitized by Google

дарства открытыя для Европейской торговли.

Трудно найти лучшія постановленія для иностранной торговли, тѣмъ болѣе, что ни Государь, ни чиновники его не производятъ торговли; въ Кохинхинѣ нѣтъ ни Королевской монополіи, ни пошлинъ съ перекупки, которыя гораздо вреднѣе для торговли нежели отягощительнѣйшія пошлины.

До сего времени одни только Французы воспользовались новыми постановленіями Кохинхинскаго правительства въ пользу Европейской торговли. Со времени введенія сего новаго порядка, прибыли въ Кохинхину четыре большіе Французскіе корабля. Они привезли огнестрѣльныя оружія, желѣзо, мѣдь, шерстяныя издѣлія и нѣсколько рѣдкостей для Двора, а оттуда вывезли сахарь и значительное количество сырцу. Одинъ изъ значительныхъ торговыхъ домовъ въ Бордо, основалъ двухъ Французовъ въ Туронѣ, для приготовленія груза кораблямъ, которые должны придти.

Англичане по всему могутъ теперь надѣяться, что торговля съ Сіамомъ и съ Кохинхиною откроетъ намъ имъ, для употребленія ихъ капиталовъ, непосредственный каналъ, гораздо обширнѣйшій и выгоднѣйшій, нежели торговля съ сими Государствами, именно торговлю съ Китаемъ. Связанное нами болѣе отношеніе

Digitized by Google

въ Кохинхину, нежели въ Сіамъ, потому что первое изъ сихъ Государствъ находится прямо на торговомъ пути, и что Китайцы, посѣщающіе его гавани, болѣе имѣютъ надобности брать въ немъ грузъ на возвратномъ пути, нежели ѣдящіе въ Сіамъ: впрочемъ, все сіе можно приложить къ обоимъ Государствамъ, коихъ соединенная торговля простирается до 60 000 тоннъ.

Симъ-то каналомъ непосредственныя, но удобныя сношенія могутъ быть поддерживаемы со всѣми Китайскими гаванями отъ Гам-нама до Желтаго моря, и симъ средствомъ можно будетъ отправлять изъ Китайскихъ гаваней всѣ товары Азіатскаго Архипелага и Индіи, свойственные Китайскимъ торговымъ мѣстамъ; симъ-же путемъ мы непосредственно изъ главныхъ торговыхъ мѣстъ Государства можемъ получать чай, шелкъ сырые и обработанные. Торговля сія можетъ существовать независимо отъ своенравія Китайскаго правительства, и можетъ возвыситься по мѣрѣ свободы, которою будетъ наслаждаться. Китайскіе торговцы въ Кохинхинѣ, съ которыми переговаривалъ Г. Кравфордъ, всегда обращали вниманіе его на сію отрасль торговли и оказывали сильное желаніе заниматься ею.

Кромѣ выгодъ, которыя Англичане могутъ получить отъ торговыхъ сношеній Кохинхины съ Китайскими гаванями, торговля между Тон-кингомъ и Китайскими

Digitized by Google

провинціями, граничащими съ Сѣвера и Востока, производящаяся по большой рѣкѣ Тон-кингъ, можетъ доставить другое средство къ распространенію произведеній нашей промышленности въ тѣхъ частяхъ Китая, которыя не имѣютъ непосредственнаго или удобнаго сношенія съ единственною гаванью, въ которую намъ позволено входить. Съ этой стороны мы получили-бы драгоцѣнные и полезные металлы, находящіеся или въ Тон-кингѣ или въ Юн-нанѣ, съ которымъ онъ смеженъ.

Оффиціальнымъ извѣстіемъ, напечатаннымъ въ Калькутской газетѣ, объявляется, что правительство Кохинхинское открыло Англичанамъ гавани: Саигунъ, Ганъ, Фаи фо и Гюе на условіяхъ, изъясненныхъ въ постановленіи, присоединенномъ къ тому-же извѣстію.

II. КРИТИКА.

Полный Французско-Россійскій Словарь, составленный по пятому изданію Словаря Академіи Французской. Изданіе третіе, противу втораго изданія Словаря Французско-Россійскаго, Г-на Статскаго Совѣтника И. Таппицева, исправленное и во многомъ дополненное. Спб. и М. 1824 г. 4 тома in 8, всего 5156 столбцовъ, считая по два на осьмушку.

Digitized by Google

Въ Россіи, языкоученіе нуждается въ исправныхъ пособіяхъ. Нѣмецкаго Словаря, на примѣръ, до сихъ поръ у насъ совсѣмъ нѣтъ даже порядочнаго, ибо изданный Вейтбрехтомъ въ 1798 году, по Аделунгу (Обществомъ ученыхъ людей), такъ сосшарѣлся, такъ невѣренъ и страненъ, что по немъ можно разучиваться, а не выучиваться Нѣмецкому языку. Англинскаго Словаря, кромѣ перваго опыта Гг. Паренаго и Граммашина, также у насъ нѣтъ. И Французскій языкъ, столь общій и употребительный, у Рускихъ бѣденъ хорошими учебными книгами. Грамматиками, правда, мы довольно богаты, но у насъ нѣтъ главнаго: по возможности совершенныхъ Словарей.

Зная сей недостатокъ, мы обрадовались, прочитавъ въ Газетахъ похвалы *новому* изданію Вейтбрехтова Французско-Россійскаго Словаря — сличенному (какъ увѣряли) съ Буветовымъ, съ Академическимъ Французскимъ Словаремъ, дополненному, пересмотрѣнному — словомъ, въ изданіи Г. Глазунова мы думали найти нѣчто совершеннѣйшее прочихъ прежнихъ Словарей Французско-Россійскихъ.

Теперь скажемъ, что значитъ этотъ *новый* Словарь, громко восхваленный Газетами.

Онъ есть тотъ-же, давно извѣстный Французско-Россійскій Словарь Г. Ташицева, изданный въ 1786 году (in 4) въ 2хъ ч., въ 1798 г. (in 8) въ 2-хъ томахъ и въ 1816 году въ 2-хъ ч. (in 4). Почти всѣ несовершенства, ошибки и неисправности, бывшія въ прежнихъ трехъ изданіяхъ сей

Digitized by Google

книги, *просмотрены*, *не замѣчены* и *остались* въ новомъ (*).

Сказанное надобно подтвердить доказательствами: исполняемъ это, надѣясь сдѣлать угодное читателямъ и самому Г. Издателю Словаря. Стремленіе къ усовершенствованію есть общая наша цѣль.

Полнота, *неизлишество въ словахъ*, *ясность и точность въ объясненіяхъ*, и наконецъ *типографическая исправность* — вотъ четыре условія, необходимыя для совершенства всякаго Словаря. Истина сихъ требованій такъ ясна, что доказывать ее почитаемъ ненужнымъ. Разсмотримъ, исполнено-ли хотъ одно изъ требуемыхъ условій въ Словарѣ, изданномъ Г. Глазуновымъ.

Полнота сего Словаря очень недостаточна. Словъ нужныхъ пропущено удивительное множество. Возьмемъ, на примѣръ, букву А, пересмотримъ нѣсколько страницъ и замѣтимъ слова недостающія. Вотъ они по азбучному порядку: Aaisier, Abadir, Abalié nation, Abat-foin, Abatte или Abbate, Abdest,

---

(*) Дѣльныя замѣчанія на сей Словарь были напечатаны въ No 22 Сына Отч., 1825 г., стр. 155-166. Гг. Издатели Сѣверной Пчелы, прежде сего похвалившіе Словарь Г. Глазунова (въ No III Сѣв. Пчелы, 1825 г.), объяснились при семъ случаѣ, что они не почитаютъ своихъ мнѣній безошибочными и слѣдовательно признались въ неосновательныхъ похвалахъ хорошему предпріятію, дурно исполненному. Но для чего же было давать мѣсто Анти-критикѣ Г. Глазунова (въ No 3 С. О. 1826 г.), гдѣ онъ перепечаталъ свое Предисловіе къ Словарю и безъ всякихъ доказательствъ только хвалилъ свою книгу? Почему не сказалъ онъ, на примѣръ: кто эти *извѣстные своею ученостію люди*, *дополнители* Словаря, которыхъ *цѣлая одна*, по увѣренію Г. Глазунова, и *должность занимавшая или* ручаются за нихъ?

Digitized by Google

Abdominaux, Abe, Abéadaire, Abec, Abechement, Abélir, Abéliser, Abel-Mose, Abélonites, Abéquiter, Aber, Abiannenr, Ablectes, Aboliasable, Abolle, Abluant, Abot, Abouffer; — вотъ на 10 страницахъ сколько пропущено словъ — *двадцать четыре!* Бездѣлица! Что, если сдѣлать математическую посылку на всѣ страницы, которыхъ въ 4 томахъ слишкомъ 2500? Сколько недостанетъ словъ?

Да не подумаютъ читатели, что мы выбрали самыя неисправныя страницы; нѣтъ, это *первыя*, слѣдовательно должны быть *самыя исправныя*. Гдѣ ни разверните Словарь Г. Глазунова — вездѣ выйдетъ одно слѣдствіе. Но зачѣмъ-же было ссылаться на Словарь Буаста? Зачѣмъ твердить: «Академія Французская! Ученые, извѣстные доподлители! Буастъ, Буастъ!» — Особенно досадно употребленіе Буастова имени попустому, ибо мы видимъ на каждой страницѣ доказательства, что Издатели совсѣмъ не пользовались превосходнымъ трудомъ сего Филолога. Французскій Словарь Буаста есть памятникъ рѣдкаго трудолюбія, учености, терпѣнія, и одно имя сего знаменитаго человѣка можетъ *придать вѣсъ* сочиненію *по его части:* какъ-же могъ Г. Глазуновъ въ предисловіи несправедливо сказать, что при настоящемъ изданіи его Словаря *пользовались Словаремъ Буаста?* Не есть-ли это приманка, недостойная нашего вѣка и нашего просвѣщенія?

Тѣмъ страннѣе сей недостатокъ въ изданномъ Г. Глазуновымъ Словарѣ, что въ немъ находимъ много словъ совершенно лишнихъ, каковы, на примѣръ, всѣ слова Географическія, Историческія, Миѳологическія и проч. (иногда съ самыми стран-

Digitized by Google

нами объясненіями (*)). Не уже-ли кто нибудь поймет ихъ, не зная напередъ Географіи, Исторіи, Миѳологіи? Не льзя оправдаться тѣмъ, что нѣкоторыя имена и термины сихъ отраслей Наукъ пишутся не такъ въ Русскомъ, какъ во Французскомъ, или, иногда, замѣняются совсѣмъ другими словами: эти слова и поставьте. Но зачѣмъ было безъ нужды увеличивать книгу, внося въ нее слова одинакіе въ обоихъ языкахъ? Если почитали необходимымъ исчислить слова изъ всѣхъ Наукъ — исполнено-ли это? Нимало! Надобно издать еще четыре тома, тогда, можетъ быть, помѣстятся и будутъ понятны всѣ ученые термины и слова; теперь-же это служитъ только ко вреду и уменьшаетъ даже послѣднее достоинство Словаря Г. Глазунова, потому, 1-е, что слова сіи означены не всѣ, слѣдовательно они безъ пользы — увеличили книгу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *цѣнность оной*. 2-е, Они переведены столь невѣрно, что всякій, кто заглянетъ въ Словарь Г. Глазунова, потеряетъ къ нему и малѣйшее довѣріе, ибо ни одинъ ученикъ не сдѣлаетъ такихъ ошибокъ, какія показаны нами въ примѣчаніи — а ихъ бездна! Мы выбрали сіи ошибки развернувъ книгу на удачу въ разныхъ мѣстахъ.

(*) На прим. Abeilles — пчелы, кормилицы Юпитера. — Asbàm, Нѣкоторые *алхимисты* (!) слово сіе *употребляютъ* для означенія свинца. — Cafa, *Кафа*, *купеческій* городъ на Восточномъ берегу полуострова Крыма. — Dantzick, Данцигъ, вольный городъ въ *Польшѣ* (!?). — Reja, Индѣйской Принцъ. — Jubon, [illegible]на, *планета*. — Sabaisme, Религія древнихъ Волховъ. — [illegible], срачица, хитонъ, военное одѣяніе (одно и тоже!) у Персіянъ, Римлянъ и древнихъ Французовъ (и такъ Персіяне, Римляне и Французы носили — *хитоны?*)!" И проч. и проч. и проч.

Digitized by Google

При слѣдующемъ изданіи, если Г. Глазунову вздумается опять издавать свой Словарь, въ числѣ многихъ исправленій, необходимо сдѣлать слѣдующее: выбросить всѣ Географическія, Миѳологическія и Историческія имена изъ самаго Словаря, а въ конецъ помѣстить, особенно имена собственныя, Географическія, и, если угодно, Миѳологическія, *безъ всякихъ объясненій*, а только для показанія, какъ они пишутся: это займетъ нѣсколько страничекъ и будетъ полезно. Такъ дѣлается во всѣхъ лучшихъ Словаряхъ языковъ. Въ самомъ-же Словарѣ должны быть только одни *слова языка*.

Неполнота и вмѣстѣ съ тѣмъ безполезное *излишество* Словаря Г. Глазунова доказаны нами ясно и неоспоримо. Но разсматриваемый нами Словарь не лучше, не исправнѣе и въ *третьемъ отношеніи*, въ объясненіи словъ, опять отъ того-же, что онъ есть просто новое изданіе Словаря Г. Ташищева, не только не улучшенное, но даже искаженное. Этому доказательствъ найдутся едва-ли не на каждой страницѣ въ неисправностяхъ, которыя могъ просмотрѣть прежній Издатель (Г. Ташищевъ) при всѣхъ познаніяхъ своихъ и стараніи, а Г. Глазуновъ и *извѣстные ученостію* дополнители не умѣли или не позаботились исправить прежнихъ недостатковъ и увеличили ихъ новыми. Развертываемъ 2й Томъ: колонна 621 я, буква F. — Fabagelle. Это слово у Таш. ошибкой поставлено ниже Fabago — и у Г. Глазунова также. Fabagelle у Таш. переведено *Африканская рута* — и у Г. Гл. также.— Fabanomancie — гаданіе бобами — но такого слова нѣтъ во Французскомъ языкѣ: оно

Digitized by Google

Латинское. У Г. Татищева это ошибка — Fabè. Надобно было сказать, что это старое слово и значило тоже, что нынѣ Fable: *басня*. Но у Т. написано *содержаніе поэмы* — и Г. Гл. повторяетъ: *содержаніе поэмы!* Fabliau у Гл. *сказка въ стихахъ*; у Т. это слово переведено было лучше: *старинная сказка въ стихахъ*. Именно это говорится только о старинныхъ сказкахъ. — Fabrégue — такъ пишется это слово, а не *Fabrégue*, повторыхъ оно *не женскаго*, какъ показано у Г. Глазунова, а муж. рода, втретьихъ: что за изъясненіе этого слова: »*Растеніе, получившее названіе свое отъ Фабрегона, описавшаго дикорастущія около Парижа травы.*« Но какое намъ дѣло до Г. Фабрегона? Скажите, какъ это слово выражается по-Русски? Объясненія нѣтъ!

Fabricant — »*заводчикъ, хозяинъ завода, фабрикантъ, содержатель фабрикъ, на которыхъ дѣлаются разныя шелковыя или шерстяныя и другія матеріи.*« Каково объясненіе? Сколько лишнихъ словъ и сколько невѣрности! Не лучше-ли было поставить одно слово: *фабрикантъ*? Кромѣ того, Гг. ученые Издатели, видно, не знаютъ, что *заводчикъ*, по-Русски, значитъ другое нежели *фабрикантъ*, и что дальнѣйшимъ изъясненіемъ они выразили болѣе *мануфактуриста*, нежели *фабриканта*.

Fabricateur — »*дѣлатель (сіе слово употребляется только въ слѣдующемъ рѣченіи)*:« и послѣ сего означено шесть рѣченій! Но развѣ *рѣченіе* значитъ *рѣченія*? Нѣтъ, это поставлено во второмъ изданіи у Г. Татищева, а Гг. ученые Изда-

Digitized by Google

шели только перепечатали слово въ слово эту ошибку. Въ доказательство, что *только*, здѣсь все еще ни мало *не только*, можно было-бы привести множество примѣровъ, но мы, на этотъ разъ приведемъ въ примѣръ одинъ анекдотъ, случившійся въ царствованіе Наполеона. Кто не помнитъ, какъ сей послѣдній *дѣлалъ Королей?* Двое старыхъ пріятелей встрѣтились на улицѣ, и одинъ, желая посѣтить другаго, спрашивалъ, гдѣ онъ живетъ? »Je loge auprès de fabricateur de Sires,« отвѣчалъ другой. Mais, dites-moi donc le nom de ce fabricateur *de sire?* опять спросилъ первый. »Napoléon« отвѣчалъ засмѣявшись другой пріятель. Онъ жилъ подлѣ Дворца Наполеонова.

Fabrique »*построеніе, сооруженіе, созиданіе, особливо церкви;* — (морск.) *конструкція.*« — Откуда все это взяли Гг. Изъяснители? Fabrique d'une église развѣ значитъ *построеніе, сооруженіе церкви?* »Fabrique — церковная казна, церковный доходъ.« И то неправда: *церковное имѣніе, а не казна, не доходъ.*

»Fabriquer (au pl.) (у живописц.) *зданія, развалины архитектурныя и проч.* Такъ, но зачѣмъ-же неправильно написано слово? Должно было написать: Fabriques. — „Fabriquer, *дѣлать, работать что руками, исправлять всякую работу.*« Не просто-ли *дѣлать?* Издатели сами должны были (въ примѣрахъ) опровергнуть свой переводъ: Fabriquer un mensonge (врать), fabriquer un testament (поддѣлать духовную). Развѣ *врать* значитъ *дѣлать руками?* »Fabriqueur (р. и.) *см.* Fabricien« но что-же мы *высмотримъ* тамъ? Fabriqueur не то, что Fabricien. Одинъ

Digitized by Google

соборный староста или *смотритель*, другой *приходскій*.

Какъ думаютъ почтенные читатели, на многихъ-ли страницахъ нашли мы столько ошибокъ? *На одной!* Жаль: но это справедливо! Развернемъ опять Словарь Г. Глазунова гдѣ нибудь, на удачу, и пересмотримъ хоть еще одну страницу — не будетъ-ли лучше.

Томъ 3й стр. 511. »Narratif, ive, повѣствовательный, *сказательный*, *повѣдательный*, историческій, *бытейный*, *повѣстный*.« Что за изобиліе въ словахъ! Вообще во всемъ Словарѣ Г. Глазунова синонимика мучитъ Гг. Издателей, а здѣсь они вдались ихъ въ забавныя ошибки. Они переводятъ Narratif такими словами, которыхъ вовсе нѣтъ въ Русскомъ языкѣ! Просимъ сказать, гдѣ, въ какой книгѣ или въ какой Русской области встрѣтились имъ слова: *сказательный*, *повѣдательный*, *бытейный*, *повѣстный*? На что-же, Мм. Гг., выдумывать такія несносныя, нескладныя слова и искажать ими прекрасный языкъ нашъ?

Но если мы удивлялись этому переводу, то что-же должны сказать, встрѣтивъ далѣе:

»Narrative s. m. (*), *краснобайство*, искусство разсказывать.« Каково? Нужны-ли здѣсь замѣчанія о вкусѣ и умѣньи Гг. Ученыхъ дополнителей Словаря? Кромѣ нелѣпости перваго перевода, второй явно невѣренъ. Narrative значитъ *способъ*, *образъ* повѣствованія, а не *искуство разсказывать*.

(*) Извините: *не мужескаго*, а женскаго рода. Сколько въ этомъ Словарѣ путаницы въ родахъ именъ: ужасно! Рѣдкая страница найдется въ этомъ отношеніи исправною.

Digitized by Google

Далѣе каковъ этотъ *переводецъ*: »Nasal, *носовый*, *употребляется о словахъ*, которыя въ носъ выговариваются; (въ Анат.) говорится о мускулахъ и *о прочемъ*, *принадлежащемъ къ носу* (!!?).«

»Parler nasalement, *говорить въ носъ*, *гнусить!*« Прелестно!

»Nasalité, произношеніе въ носъ.« Неправда: *свойство носоваго звука.*

»Nasarde, щелчокъ въ носъ.« Отъ этого *щелка* иной и не опомнится: мы слыхали, что это цѣлая *носоуля* (творимъ слово по примѣру Гг. Издателей!).

»Nasammonite и Nasomonite, два различные камня, а не одинъ и тотъ-же, какъ поставлено въ Сл. Parler nasalement, Nasiller, Nasonner — все у Гг Издателей значитъ *говорить въ носъ*, *гнусить!*

»Nassat (въ органахъ) см. Nasard.« Но отъ чего-же? Это не Nasard — а *квинта въ органныхъ нотахъ.*

»Nassauves, родъ растеній.« Рецензентъ въ Сынѣ От. замѣтилъ уже неправильность подобнаго объясненія. По этому опредѣленію *всѣ роды растеній* — одно и тоже.

»Nasselle, тростяная корзиночка.« Неправильно: это въ уменьшенномъ видѣ Nasse или *маленькая верша.*

Вотъ слѣдствіе разсмотрѣнія еще одной страницы!

Остается сказать наше мнѣніе о Словарѣ Г. Глазунова касательно типографической исправности. Всякій легко разсудитъ, какъ важно это достоинство въ Словарѣ, какого-бы-то ни было рода, ибо здѣсь малѣйшая опечатка вовлекаетъ иногда въ

Digitized by Google

большія хлопоты. Вотъ почему, для пользы всѣхъ читателей, мы должны сказать, что типографическое достоинство Словаря Г. Глазунова — ужасно! Каждая страница *запечатлѣна* одною (рѣдко), пятью, а иногда десятью и болѣе опечатками! . . Въ концѣ Словаря приложены показанія опечатокъ *на три тома*, и одни сіи показанія занимаютъ *двадцать пять* страницъ; но это еще далеко не все: ихъ надобно приложить вдесятеро болѣе.

Излагая безпристрастно наше мнѣніе, мы хотѣли-бы поблагодарить Г. Глазунова за увеличеніе Словаря Г. Татищева въ новомъ изданіи, ибо противъ прежняго изданія здѣсь прибавлено, по словамъ Издателя, 800 страницъ — но истина заграждаетъ намъ уста на похвалу и въ семъ случаѣ. Къ чему служитъ это увеличеніе при безчисленномъ множествѣ всѣхъ родовъ погрѣшностей, ошибокъ и неисправностей? Можно-ли употреблять Словарь, на который не льзя положиться въ вѣрности? И что-же значатъ 800 страницъ *лишнихъ*, *если вся книга негодится* къ употребленію? Пріятно-ли тому, кто купилъ Словарь Г. Глазунова, когда онъ съ досадой долженъ закрыть его и опять обратишься къ послѣднему изданію Словаря Г. Татищева, хотя не столь огромному, но гораздо исправнѣйшему, ибо все, что есть лучшаго въ Словарѣ Г. Глазунова, все это заимствовано у Г. Татищева.

Должно признаться и въ томъ, что раздѣленіе Словаря на 4 тома (какъ сдѣлано это у Г. Глазунова), чрезвычайно неудобно, а оберточная

Digitized by Google

бумага, на которой напечатанъ оный (*), довершаетъ всѣ недостатки.

К.

Опытъ Библіотеки для военныхъ людей, изданный В. Соцомъ, Членомъ С. Петербургскаго Общества Люб. Слов., Наукъ и Художествъ. Спб. 1826. in 8. XVIII и 315 стр. (**).

Цѣль сей книги состоитъ въ томъ (какъ говоритъ Авторъ), »чтобы познакомить читателей »съ тѣми писателями, коихъ творенія необходимы »для составленія Избранной военной Библіотеки.« Для сего раздѣляетъ онъ военныхъ писателей на четыре періода, объясняя притомъ, что: »обозрѣніе состава вооруженія, разныхъ родовъ оружія, »образа войны и достопамятнѣйшихъ военныхъ происшествій, извлеченное изъ писателей, относящихся къ каждому изъ четырехъ періодовъ, оправдаютъ причину сего принятаго раздѣленія.«

Краткія жизнеописанія военныхъ писателей, составляющія сіи четыре періода, изложены Г-мъ Соцомъ съ надлежащею точностью и написаны чистымъ слогомъ; въ этомъ должно отдать ему полную справедливость. Сожалѣемъ, что Г-нъ Соцъ

(*) Что замѣтилъ уже Г. Издатель Отечественныхъ Записокъ. К.

(**) Статья присланная. О книгѣ Г. Соца мы писали въ Телеграфѣ, но охотно помѣщаемъ сію статью, находя ее весьма любопытною. 2-е изданіе книги Г. Соца уже печатается. Не льзя не пожелать, чтобы Авторъ успѣлъ воспользоваться замѣчаніями Г-на И. *Изд.*

Digitized by Google

включилъ въ книгу свою одни лишь сочиненія вышедшія на Русскомъ или Французскомъ языкахъ, не показавъ такимъ образомъ всѣхъ писателей, заслуживающихъ вниманіе военнаго человѣка, и помѣстивъ между тѣмъ сочиненія, не могущія, какъ кажется, принесть большой пользы.

Г-нъ Соцъ во введеніи своемъ говоритъ, что обозрѣнія Военнаго искуства, помѣщенныя послѣ каждаго періода писателей, извлечены имъ изъ достовѣрнѣйшихъ твореній сихъ писателей; но уже и самое введеніе сіе невольно заставляетъ предположить, что Г-нъ Соцъ во многомъ облегчилъ себѣ трудъ сей, наполняя книгу свою отчасти переводами нѣкоторыхъ статей извѣстнаго сочиненія Генералъ-Лейтенанта Ронья: *Considérations sur l'art de la Guerre* Скажемъ еще, что, къ сожалѣнію, статьи извлеченныя изъ сей книги переведены по большой части не совершенно удачно. То и другое не трудно доказать. На примѣръ: во введеніи Г-на Соца, на страницѣ X, строки 7 — 11, сказано: »Исторія военная представляетъ вообще два великіе періода, весьма различные по роду оружія и образу военныхъ дѣйствій.«

Во введеніи-же Генерала Ронья на страницѣ 1й сказано: »L'histoire de la guerre peut se diviser en deux »grandes périodes, fort distinctes par la nature des armes, et la manière de se battre.«

Г-нъ Соцъ, переводя эти три строки, не обратилъ надлежащаго вниманія на чистоту перевода, полагать должно, болѣе потому, что воспользовавшись уже мыслью Г. Ронья, не почелъ онъ

Digitized by Google

за нужное изложить оную тѣми-же выраженіями, при всемъ томъ, *Исторію войны* (L'histoire de la guerre) не льзя назвать *Исторіею военною*.

Нѣкоторые параграфы переведены Г-мъ Соцомъ съ большею точностью. *На прим.*

Обозрѣніе періода 1-го, страницы 22 — 23. »На »маршѣ, фалангисты занимали въ шеренгѣ 3 фу»та; но готовясь встрѣтить нападающаго непрія»теля, вся фаланга такъ сжималась, что воины со »всѣхъ сторонъ касались другъ друга. Шесть или »восемь переднихъ шеренгъ устремляли свои сарис»сы впередъ; такимъ образомъ каждый воинъ пер»вой шеренги былъ защищенъ остріями шести или »восьми сариссъ. Заднія шеренги держали свои са»риссы къ верху, ибо, не смотря на длину свою, онѣ »не могли выдаваться за переднюю шеренгу. Слѣдо»вательно, однѣ первыя восемь шеренгъ участвовали »въ сраженіи, прочія могли только поддерживать »оныя, смѣнять раненыхъ, или оборачиваться въ »противную сторону, когда фаланга, при нападе»ніи непріятеля на ея тылъ, принуждена была имѣть »фронтъ въ обѣ стороны. Иногда уменьшали тол»стоту фаланги, если требовалось вытянуть »фронтъ длиннѣе: тогда строили ее въ 12 и даже »8 шеренгъ.«

Во введеніи Г. Ронья, на страницѣ 25, сказано: Dans la marche, les phalangistes occupaient trois pieds dans le rang; mais, lorsqu'ils se préparaient à recevoir le choc de l'ennemi, toute la phalange se serrait de manière que les hommes se touchassent dans tous les sens. Les six ou huit premiers rangs présentaient la sarisse, en la tenant à deux mains, de sorte que chaque homme du premier rang était défendu par six ou huit

Digitized by Google

pointes de sarisses. Les autres rangs tenaient leurs piques haut, parce qu' elles ne pouvaient pas déborder le premier rang, malgré leur longueur de 24 pieds. Ainsi, les huit premiers rangs seuls prenaient part au combat; les autres ne servaient qu'à les soutenir, à remplacer les hommes blessés, ou à faire volte-face lorsque la phalange étant chargée par derrière, ce corps se trouvaient obligé de faire front de deux côtés. Du reste, on diminuait quelquefois la profondeur de la phalange, pour augmenter l'étendue de son front, et on ne la rangeait alors que sur 12 et même sur 8 de profondeur.

Кажется, достаточно этого примѣра, чтобы доказать истину нашего предположенія. Для желающихъ же еще въ томъ удостовѣриться покажемъ мы тѣ статьи, кои переведены изъ Г. Ронья.

Г. Соцъ. Стр.	18,	строки	13-25.	Г. Ронья стр. 24
	26	———	3-14	—— » — 8
	32	———	1- 5	—— » — 12
	36	———	20-44	—— » — 38
	38	———	5-16	—— » — 41
	38-39	———	»	—— » 42-43
	59	———	10-25	—— » 54-55
	60	———	1-10	—— » — 55
	62	———	6-19	—— » — 60
	63	———	6-23	—— » — 62
	64	———	21-27	—— » — 64
	101	———	11-17	—— » — 61
	102	———	18-39	—— » — 64
	106	———	6-12	—— » — 66

Г-нъ Соцъ перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ статей, не слѣдуя въ точности подлиннику, вѣроятно желая такимъ образомъ развлечь вниманіе читателя;

Digitized by Google

но при всемъ томъ, разсматривая оныя, не льзя не спросить: дѣйствительно ли извлечены онѣ изъ Поливія, Вегеція и другихъ Историковъ, помѣщенныхъ Г-мъ Соцомъ въ первыхъ трехъ періодахъ своей книги? Признаемся, что необыкновенное сходство сихъ статей, съ показанными выше статьями Г. Ронья, заставляетъ насъ усомниться.

Г. Ронья во введеніи своемъ говоритъ, что описывая образованіе легіона Римскаго и Греческой фаланги, основывался онъ на твореніяхъ извѣстныхъ Авторовъ тѣхъ временъ; но даетъ-ли это Г-ну Соцу право утверждать, что и онъ руководствовался сими же Авторами, тогда какъ въ его обозрѣніяхъ 1 го, 2 го и 3 го періодовъ, находимъ мы статьи переведенныя изъ Г. Ронья?

Въ періодѣ *четвертомъ* Г. Соцъ помѣстилъ почти всѣхъ Русскихъ Военно-писателей, то есть, почти всѣхъ тѣхъ, кои *хотя что нибудь писали относительно Воѣннаго искуства;* въ этомъ отступилъ онъ отъ плана своего, вѣроятно предполагая, что

И дымъ Отечества намъ сладокъ и пріятенъ! Но, какъ кажется, Г. Соцъ ошибся; ибо человѣкъ, разсматривающій Военное искуство какъ Науку, не можетъ и не долженъ имѣть пристрастія къ какому-либо народу въ особенности, а потому очень жаль, что Г. Соцъ, познакомивъ насъ съ нѣкоторыми безполезными книгами Русскихъ писателей, не помѣстилъ въ числѣ иностранныхъ книгъ, заслуживающихъ вниманіе, на примѣръ: *Похода Аннибала*, соч. Г. Водонкура, или Походовъ 1812 — 13 — 14 годовъ, того же Автора. Правда, что Г. Водонкуръ пишетъ пристрастно, но можетъ ли Г. Соцъ

Digitized by Google

утвердительно сказать, что въ числѣ Русскихъ писателей, помѣщенныхъ имъ въ 4-мъ періодѣ, не найдемъ мы ни одного пристрастнаго?

Покажемъ теперь нѣкоторыя мысли, описанія и выраженія, принадлежащія собственно Г-ну Соцу и кажущіяся намъ не совершенно справедливыми.

Въ обозрѣніи періода 3 го, на страницѣ 101., Г. Соцъ, говоря о введеніи карабиновъ въ кавалеріи, рѣшительно утверждаетъ, что »въ этомъ *поступленіе не основательно;* ибо огонь конницы, невѣрный и затруднительный, не дѣйствителенъ »противъ прицѣльныхъ выстрѣловъ неподвижной пѣ»хоты«

Вѣроятно Г. Соцъ полагаетъ, что кавалерія вооружена карабинами для того, чтобы сражаться съ линейною пѣхотою, батальнымъ огнемъ; въ такомъ случаѣ Г. Соцъ совершенно правъ.

Обозрѣніе періода 2 го на страницѣ 66. »Конде, Тюрень и Монтекукули показали *истинный* боевой порядокъ, ставя конницу во вторую линію.«

Нынѣшнія арміи не могутъ имѣть постояннаго боеваго порядка, ибо съ измѣненіемъ мѣста, занимаемаго арміею, измѣняется и боевой порядокъ ея, а потому и надобно полагать, что Конде, Тюрень и Монтекукули, если и ставили кавалерію свою иногда во вторую линію, то это потому, что того требовали обстоятельства мѣстоположенія.

Въ обозрѣніи періода 3 го на страницѣ 110. »Подъ Полтавой, ставъ съ вечера предъ непріятелемъ, онъ (Петръ Великій) построилъ ночью *семь* »редутовъ *предъ своимъ фронтомъ*«

Во первыхъ: редутовъ построено было не семь — а десять; во вторыхъ: редуты сіи не

Digitized by Google

прикрывали фронта армія, ибо боевой порядокъ оной въ день сраженія былъ почти перпендикуляренъ къ линіи редутовъ.

На страницѣ 118. »Въ новѣйшія времена бомбардированіе признано сильнѣйшимъ средствомъ для завоеванія крѣпостей.«

Желательно знать, откуда Г. Соцъ почерпнулъ эту систему?

На страницѣ 119: »Конгревъ составилъ особый родъ *бомбъ*, получившихъ наименованіе Конгревовыхъ ракетъ, которыя производятъ самое ужасное дѣйствіе.«

Вѣроятно, эти-то *бомбы* признаны Г-мъ Соцомъ сильнѣйшимъ средствомъ для завоеванія крѣпостей.

Страница 130. »Маршалъ Бертье, сколько извѣстно, не помрачилъ своего имени никакимъ предосудительнымъ поступкомъ, кромѣ участія его въ войнѣ противъ Россіи.«

Страница 63. »Конница занимала *самые крайніе фланги*.

Какого же рода войски занимали *самые средніе фланги*?

Страница 57. (Во времена Карла Великаго) »каждый *помѣщикъ* выставлялъ опредѣленное число людей, и проч. . . .« —

Я думаю, читатели наши имѣли уже случай замѣтить, что Г. Соцъ, переводя нѣкоторыя статьи сочиненія Г. Ронья, не обращалъ вниманія на точность перевода. Желательно-бы знать, какимъ Словаремъ руководствовался онъ, поставивъ въ переводѣ своемъ, вмѣсто: *Офицеровъ Штаба* — (officier d'état-major. Ронья — страница 12 — строка 9)

Digitized by Google

Штабъ-офицеровъ (Соцъ, страница 32 — строка 4), вмѣсто: *честолюбіе* (стр. 508 — l'ambition) *властолюбіе* (стр. 213) и проч.

Въ No 70 Отечественныхъ Записокъ помѣщенъ краткій разборъ книги Г. Соца. Тамъ сказано: »Опытъ Библіотеки для военныхъ людей есть прекрасный подарокъ Исторіи и Литературѣ — »мы совершенно согласны съ этимъ, ибо дѣйствительно, за исключеніемъ переводовъ, ложныхъ мыслей и выраженій, показанныхъ нами выше, книга сія вмѣщаетъ въ себѣ статьи весьма занимательныя. Эпиграфъ, помѣщенный въ началѣ введенія Г-на Соца,

On le peut, je l'essaie, un plus savant le fasse,

даетъ намъ право пожелать вмѣстѣ съ Г-мъ Соцомъ, чтобы кто-либо изъ военныхъ людей, имѣющій хорошія свѣдѣнія въ Военной Наукѣ, занялся симъ предметомъ съ бо́льшею внимательностью.

Н. И.

Г. Балашевъ.

Chefs - d'oeuvre du théatre russe. Ozerof, fon-Vizine, Krilof, Schakofskoi. *Избранныя сочиненія изъ Русскаго Театра.* Озеровъ, Фонъ-Визинъ, Крыловъ, Шаховской. Парижъ. 1823 г. in 8. 468 стр.

Введеніе Романтизма во Францію, ознаменовавшее нынѣшній вѣкъ Французской Литературы, доказываетъ, что Французы ни въ какомъ случаѣ не потеряютъ права на всеобщее мнѣніе, что они народъ просвѣщенный и образованный. Физическія и политическія причины устанавливаютъ характеръ народа; характеръ Французовъ уже образованъ. Онъ

Digitized by Google

отличенъ отъ характера сосѣдей ихъ, на примѣръ Нѣмцовъ и Англичанъ. Всякій народъ имѣетъ свои достоинства и свои недостатки; но то неоспоримо, что Французы въ просвѣщеніи и Литературѣ довели себя до высокой степени, и въ достиженіи къ совершенству не отстали отъ другихъ. Словесность ихъ составила себѣ основныя правила и выполняла все что только сіи правила ей позволяли. Основаніе правилъ было невѣрно и отъ того, не смотря на высокую степень всѣхъ отраслей Словесности, Французы не могли не признать наконецъ, власти романтизма и новѣйшей Философіи. Новыя идеи втѣснились къ нимъ, не смотря на крѣпость, какую заключали въ себѣ основанія ихъ литературныхъ мнѣній. Французы примѣтили сами, что стараго имъ мало: дѣятельность ума искала новаго, и нашла его.

Но борьба нововведеній литературныхъ съ старыми, уже утвердившимися мнѣніями, производится у нихъ такъ, какъ должно производиться ей у народа самостоятельнаго въ своихъ мнѣніяхъ. Французы, выполнивши уже всѣ требованія классицизма, имѣя богатую свою Литературу, почувствовали потребность знать не одно *классическое* (принимаемъ здѣсь это слово какъ заключающее въ себѣ понятіе о Словесности Грековъ, Римлянъ и ихъ подражателей). И еще Писатели прошлаго вѣка принялись за Словесность Англинскую и Словесность Восточную; еще тогда другіе обратились къ разсмотрѣнію Словесности Южной Европы и наконецъ, образовавшаяся въ прошедшемъ вѣкѣ Германская Словесность, привлекла вниманіе Французскихъ Литераторовъ. Не будемъ говорить о

Digitized by Google

людахъ, закоснѣлыхъ въ старыхъ предразсудкахъ: не они, а общность литтературнаго согласія, общее наклоненіе умовъ рѣшаютъ споры. И если не смотрѣть на классическія воззванія, общій ходъ романтизма во Франціи доказываетъ просвѣщеніе и образованность Французовъ. Они конечно и сами не примѣтили, какъ начался у нихъ переворотъ литтературный. Сначала нововводители боялись сказаться другимъ, старались преображать все новое и передавая оное, примѣнялися къ духу и утвердившимся уже свойствамъ Французской Литтературы. Наконецъ, сообразивъ все вновь приобрѣтенное, все новое, Французскіе Литтераторы изумились. И тогда-то, если съ одной стороны начались жаркіе споры Классиковъ съ Романтиками, за то Французская публика вскорѣ увидѣла, что сіи споры ничего не рѣшаютъ, и потребовала надлежащихъ доказательствъ. Классики утверждались на авторитетѣ Литтературы Французской и Романтики рѣшились противопоставить имъ авторитетъ тѣхъ великихъ людей, на мнѣніи коихъ они утверждаются. Они сличили Французскіе переводы съ Англійскаго, съ Восточныхъ языковъ, и нашли что сіи переводы невѣрны и не даютъ понятія о подлинникахъ. Отъ этого родилась мысль: вновь передать соотечественникамъ славнѣйшіе подлинники сколько можно вѣрнѣе, а публика потребовала для составленія собственнаго мнѣнія, чтобы все было представлено ей въ самыхъ полныхъ и вѣрныхъ переводахъ.

Этимъ занимаются нынѣ во Франціи съ большою ревностію. Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте, Бейронъ, В. Скоттъ, Восточные и Южные Европейскіе

Digitized by Google

Писатели, вполнѣ переводимые, нанесли сильный ударъ Классицизму. Новыя для Французовъ, изящныя красоты романтиковъ, не смотря на принадлежащія каждому народныя особенности, не согласныя съ духомъ Французской Словесности, убѣдили всѣхъ болѣе нежели ученыя доказательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудили во Франціи сильное желаніе обозрѣть вполнѣ не только славнѣйшихъ людей каждаго народа, но каждую Словесность вообще. Теперь нѣкоторыхъ Англинскихъ, Германскихъ и другихъ Писателей одного рода или народа выдаютъ огромными собраніями. Разумѣется, что при потворствѣ корыстолюбія издателей, много появилось переводовъ невѣрныхъ, неудачныхъ и было нѣсколько литтературныхъ предпріятій худо исполненныхъ; но многіе изъ новыхъ переводовъ и литтературныхъ предпріятій заслуживаютъ величайшую похвалу. Замѣтимъ, что желаніе Французовъ видѣть все вполнѣ на языкѣ своемъ, важно и для другихъ народовъ, ибо всеобщее употребленіе Французскаго языка доставляетъ и другимъ народамъ средства читать то, до чего въ подлинникахъ они никогда не могли-бы достигнуть, а обширная торговля Французскими книгами даетъ Парижскимъ книгопродавцамъ способы пускаться въ предпріятія весьма обширныя. Такимъ образомъ, Франція въ наше время становится посредницею въ литтературныхъ сношеніяхъ, и надобно признаться, что ни одинъ народъ лучше Французовъ не могъ-бы этого выполнить. Умъ ихъ быстръ, просвѣщенъ, гибокъ, способы обширны, и потому смѣло можно сказать, что если оставить безъ вниманія упорное сопротивленіе ихъ старожиловъ-классиковъ, то нынѣшнее стараніе Французовъ

Digitized by Google

узнать литтературныя богатства всѣхъ народовъ, и роскошь, съ какою они поступаютъ въ семъ случаѣ, рѣшительно доказываютъ ихъ образованность и просвѣщеніе. Впрочемъ, Французскіе романтики, Делавинь, Ламартинъ и другіе, показали Европѣ, что геній Французовъ напрасно обрекаютъ на старость, и что онъ съ новыми способами легко можетъ приобрѣсть новыя силы. Самая упорность классиковъ Французскихъ являетъ намъ, что имъ *есть на что опереться*. Они не боятся сравненій и готовы дать право гражданства иноземцамъ, только *требуютъ доказательствъ на это право*. Дѣло, вѣроятно, кончится тѣмъ, что истинно-изящное въ Романтизмѣ будетъ во Франціи рѣшительно принято. Но между тѣмъ въ борьбѣ мнѣній познаются литтературные недостатки и достоинства, и оцѣняются подвиги каждаго народа на поприщѣ просвѣщенія. Словомъ: принятіе Романтизма во Франціи, принятіе истинныхъ законовъ Изящнаго Французами, по нашему мнѣнію, произведетъ вообще для Европы великія слѣдствія, и будетъ, можетъ быть, знакомъ новаго періода дѣятельности фантазіи новыхъ народовъ и познанія истинныхъ законовъ ума. Пусть Классики и Романтики спорятъ; по любимой поговоркѣ Французовъ: du choc des opinions jaillit la vérité.

Къ обширнѣйшимъ литтературнымъ предпріятіямъ, произведеннымъ спорами романтиковъ съ классиками, принадлежитъ огромное изданіе книгопродавца Ладвока, напечатавшаго уже прекрасные отдѣльные переводы Шиллера и Шекспира. Онъ рѣшился издать *избранныя драматическія произведенія всѣхъ народовъ*. Польза сего предпріятія

Digitized by Google

очевидна и отличнѣйшіе Французскіе Литтераторы согласились участвовать въ трудѣ. Съ Англинскаго переводили Бенжаменъ-Констанъ, Барантъ, Пишо, Андріё, Виллеменъ; съ Итальянскаго, Висконти; съ Датскаго, Малтебрёнъ; съ Испанскаго, Лабомель, Эсменаръ; съ Китайскаго, Абель-Ремюза, и проч. Многіе переводы въ семъ собраніи отлично хороши, нѣкоторые не совсѣмъ достойны вниманія, но вообще предпріятіе Г. Ладвока исполнено весьма удачно.

Разумѣется, что въ семъ случаѣ дошла очередь *до Русскаго Театра*, и къ счастію, нашелся переводчикъ, который отлично хорошо выполнилъ свою обязанность. Удивляемся, что Русскіе Журналы донынѣ ничего не говорили о сей новости, пріятной для Рускихъ, и потому, получивъ нынѣ изданныя Г-мъ Ладвока Chefs d'oeuvre du théatre russe, мы спѣшимъ отдать читателямъ отчетъ.

Переводомъ съ Русскаго занимался Графъ А. Сен-При. Пять Русскихъ пьесъ переведены имъ: *Фингаль*, *Димитрій Донской*, *Недоросль*, *Модная лавка* и *Казакъ Стихотворецъ*. Всѣ переводы въ собраніи Г. Ладвока прозаическія, чтобы соблюсть сколько возможно оригинальность подлинниковъ. Графъ Сен-При также перевелъ всѣ пять пьесъ прозою, кромѣ нѣсколькихъ арій изъ Казака Стихотворца и хоровъ изъ Фингала, переведенныхъ стихами.

Взглядъ на переводы избранныхъ Драматическихъ твореній всѣхъ народовъ кажется намъ весьма поучительнымъ. Онъ можетъ поубавить спѣси и у нашихъ Русскихъ классиковъ и вразумить ихъ, что ограниченіе Литтературы однимъ Классицизмомъ

Digitized by Google

не доводитъ ни чьей Словесности до великихъ, самобытныхъ красотъ, болѣе заставляетъ творить рабскіе сколки съ великихъ твореній и что истинно - самостоятельная Словесность является только тамъ, гдѣ генію народа дается полная свобода и указываются ему единственно законы истинно - изящнаго, а не заковывается онъ въ непреложныя условія какого нибудь образца. И потому въ драматической Словесности, съ какимъ блескомъ является Драма Испанская, Германская и Англинская, и какъ бѣдна напротивъ оказывается Драма Польская, Голландская, Шведская, Италіянская! Въ первыхъ роскошь и свобода — въ другихъ принужденность и усиліе; тамъ недостатки выкупаются красотами неподдѣльными, уклоненіе отъ вкуса силою и смѣлостью, герои и дѣйствующія лица живутъ въ своемъ вѣкѣ, говорятъ своимъ языкомъ — здѣсь холодная натяжка: отечественныя событія и нравы одѣть въ Греческія котурны и Французскіе кафтаны, кое гдѣ убирается сильными выраженіями, а стараніе подражать подражателямъ сбивается въ собраніе шутокъ неестественныхъ, либо холодныхъ, либо грубыхъ.

Другой урокъ даетъ намъ переводъ Русскихъ пьесъ. Какъ часто слыхали мы добродушныя восклицанія о нашей Литтературѣ; но просимъ поставить себя на мѣсто переводчика, который просвѣщенному, образованному Европейцу, взялся представить нѣсколько драматическихъ пьесъ, могущихъ дать понятіе о Русской Драмѣ: богатъ-ли рудникъ, изъ котораго можетъ онъ черпать? Самородное-ли золото представитъ онъ на показъ? —

Digitized by Google

У насъ, вѣроятно, есть нѣсколько сотъ Трагедій, Комедій, Драмъ, Оперъ и Водевилей, а согласиться надобно, что положеніе переводчика было хуже Паридова: сынъ Пріама не зналъ, кому отдать преимущество, ибо передъ нимъ стояли три равно прекрасныя богини. Парисъ-Переводчикъ вѣроятно затруднялся отъ того, что нѣкому было отдать яблока: требователей много, но какія права ихъ?

Съ надеждою, что Русской Словесности предоставлена въ будущемъ блестящая участь, признаемся что въ нынѣшней Трагедіи Русской, кромѣ Озерова, ни на кого не могъ пасть выборъ. Переводить Трагедіи Сумарокова, Ломоносова и Хераскова, отъ коихъ отказываются уже и соотечественники, было не возможно. Но кромѣ сихъ Трагиковъ, только Озеровъ и представляетъ въ нашей Словесности нѣкоторую самостоятельность. Всѣ другіе Трагики наши — или произвели творенія, не заслуживающія вниманія иностранцовъ, или переводили съ Французскаго, или подражали Французамъ, одѣвая своихъ героевъ по мѣркѣ Французской Мельпомены и часто даже въ платье, лоскутками взятое у Расина, Корнеля, Вольтера или Дюсиса.

Комедія наша могла представить для перевода немного болѣе, нежели Трагедія. Если бы *Горе отъ ума*, была уже издана, всего-бы лучше перевесть ее: до сихъ поръ Русская Талія ничего не произвела самобытнѣе и природнѣе сей Комедіи, а кромѣ ее что можно выбрать изъ Русскаго Театра? Какую нибудь Комедію Княжнина, Фонъ-Визина, Капниста, Князя Шаховскаго — и Переводчикъ рѣшался передать иностранцамъ *Недоросля*, или какую

Digitized by Google

пьесу, гдѣ весьма вѣрно изображены нравы нѣкоторыхъ нашихъ дворянъ прошлаго вѣка и гдѣ обширнѣе другихъ комедій картина. Комедіи Княжнина вообще неоригинальны и довольно несообразны въ частяхъ; Комедіи Князя Шаховскаго односторонни, и болѣе подражанія нежели сочиненія. Ябеда, Капписта, конечно пьеса достойная уваженія, но можетъ имѣть цѣну только въ Русскомъ оригиналѣ, а не въ переводѣ. Произведенія остальныхъ Комиковъ Русскихъ можно раздѣлить на два рода: они, или переводы и подражанія Французскому, или фарсы, болѣе и менѣе несносные. Первыхъ нѣчего было переводить; изъ огромной кипы другихъ Переводчикъ выбралъ *Модную лавку*, И. А. Крылова, вѣроятно и за извѣстность Автора во Франціи, и для того, чтобы Французовъ позабавить проказами нѣкоторыхъ Парижскихъ *авантюристовъ*, залетающихъ на Русь.

Наконецъ мелкія пьесы наши — Оперетки, Водевили, небольшія Комедіи почти ничего не могли представить для перевода, ибо здѣсь все сплошь или переводъ, или подражаніе, и часто подражаніе Французскому подражанію. Кромѣ Князя Шаховскаго и Аблесимова, почти никто изъ Русскихъ не произвелъ въ семъ родѣ ничего самобытнаго и замѣчательнаго. Впрочемъ, кажется, изъ пьесъ Князя Шаховскаго можно было выбрать что нибудь лучше *Казака стихотворца*. Вѣроятно Переводчику онъ понравился болѣе другихъ.

Жаль, что Переводчикъ не предложилъ въ началѣ книги Историческаго взгляда на Русскую Драму. Онъ могъ-бы изобразить для Французовъ состояніе Русской Литтературы въ истинномъ ея видѣ, сказать объ ея достоинствахъ, недостаткахъ и надеждахъ. Онъ могъ-бы еще сдѣлать, ибо

Digitized by Google

мы видимъ что языкъ и Литература Русская ему очень хорошо извѣстны. Только передъ Фингаломъ онъ говоритъ коротко о жизни Озерова и передъ Недорослемъ о жизни Фонъ-Визина. Сверхъ того, предъ каждою пьесою помѣщено небольшое вступленіе, а въ концѣ каждой пьесы нѣкоторыя замѣчанія Переводчика, гдѣ онъ излагаетъ свои мысли о частныхъ красотахъ и недостаткахъ, или буквально переводитъ тѣ мѣста, которыя почиталъ неприличнымъ помѣщать въ текстъ, или которыхъ не возможно было перевесть. Отдаемъ справедливость его вкусу: мѣста имъ выпущенныя точно не стоили повторенія (на примѣръ, слова Скотинина о свиньяхъ, драка Вральмана съ Цыфиркинымъ и Кутейкинымъ), а замѣчанія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Озеровъ подражалъ Французскимъ Трагикамъ, справедливы; также справедливы и нѣкоторыя мысли его о недостаткахъ Озерова и проч. Но въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ съ мнѣніями его не льзя согласиться. Онъ вообще слишкомъ строго осуждаетъ Озерова, когда въ тоже время, предупреждая судъ Французскихъ Критиковъ, называетъ Модную Лавку *прекрасною Комедіею*, и когда Князь Шаховской, по его мнѣнію, сочиняетъ также *прекрасныя Комедіи*. Переводчикъ даже и не критикуетъ, а безотчетно хвалитъ сихъ писателей, подвергнувъ критикѣ далеко опередившаго ихъ Фонъ-Визина. Переводчикъ увѣряетъ даже, что Малороссійское нарѣчіе правильно въ пьесѣ Князя Шаховскаго; но кажется, легко было понять, что Модная Лавка, какъ и всѣ Комедіи Крылова, забавный фарсъ, а не Комедія, и что Кн. Шаховской совершенно обезображиваетъ въ своихъ пьесахъ Малороссійское нарѣчіе.

Digitized by Google

Мнѣнія Переводчика о Драмѣ вообще, основываются на Французскихъ Піитикахъ, и въ предисловіи своемъ къ Недорослю, приводя слова Лагарпа, что «вопросъ о преимуществѣ великихъ умовъ требуетъ обзора болѣе обширнаго и болѣе глубокаго, нежели правила утвержденныя Буало» — Переводчикъ какъ будто съ негодованіемъ восклицаетъ: «намъ кажется, что это говоритъ какой нибудь романтикъ!» — Что жъ за бѣда? Мысль Лагарпа совершенно справедлива, и если-бы Переводчикъ былъ знакомъ съ настоящими законами Изящнаго, а не съ одною только Французскою Піитикою, онъ конечно не съ такою строгостію осуждалъ-бы Озерова и нашелъ-бы правила для Критики болѣе основательныя и вѣрныя.

Но все это дѣло постороннее, которое можемъ предоставить суду другихъ. Главное въ томъ, что Переводчикъ передалъ избранныя имъ пьесы съ отличнымъ умѣньемъ, доказывающимъ совершенное знаніе языка Русскаго и Французскаго. Сильные, блестящіе стихи Озерова и всѣ шутки Фонъ-Визина переданы имъ (сколько позволяетъ проза, и притомъ Французская) вѣрно и ясно. Модная Лавка и Казакъ - Стихотворецъ много даже выигрываютъ въ переводѣ. Всѣ переведенныя пьесы такъ извѣстны Русскимъ читателямъ, что мы не почитаемъ нужнымъ приводить Русскіе подлинники и только выписываемъ здѣсь отрывки изъ переводовъ, для доказательства нашего мнѣнія о вѣрности перевода. Любопытно знать, что будутъ говорить о нашихъ Трагедіяхъ и Комедіяхъ иностранные Критики? До сихъ поръ, мы еще нигдѣ въ журналахъ не встрѣчали никакого имъ разбора.

Digitized by Google

Вотъ начало *Димитрія Донскаго*, или рѣчь, которую говоритъ Димитрій Россійскимъ Князьямъ:

Princes russes, boyards, voiévodes, vous qui venez de traverser le Don pour ressaisir la liberté, et secouer un joug odieux . . parlez: . . . combien de temps encore souffrirons nous la puissance des Tartares? Ne serons-nous jamais que des esclaves assis sur le trône? Près de deux siècles se sont écoulés depuis que les cieux irrités nous ont envoyé ces fléaux: depuis près de deux siècles, ennemis tantôt découverts, tantôt cachés, les Tartares, tels que d'insatiables vautours ou des loups dévorans, portent dans nos foyers le meurtre, l'incendie et la dévastation. C'est pour la vengeance que je vous ai convoqués. Il est venu le moment de payer nos maux à l'ennemi. La Horde de Kipchat, comme un géant formidable, s'appesantissait tout entière sur la Russie, et semait partout l'épouvante; entraînée par son poids énorme elle s'est brisée en éclats. La guerre civile, la discorde, enfin tous les malheurs qui conduisirent notre patrie sur le bord de l'abîme, ont pris maintenant le chemin de la Horde. De nouveaux kans se sont élevés et se sont séparés d'elle: ils n'ont fait que paraître, et déjà ces mortels avides menacent notre patrie. Le plus insatiable, le plus astucieux d'entre eux, Mamaï, chef perfide de la Horde Donique, a soulevé contre nous une guerre injuste. Il s'avance à grands pas et peut-être l'aurore prochaine le verra-t-elle devant nos tentes. Mais l'aspect imprévu de nos forces assemblées l'a troublé jusqu'au fond du coeur. Le doute s'est emparé de ses pensées; enfin il s'est décidé à se faire précéder d'un ambassadeur. Amis de Dimitri, faut-il le recevoir? ou persistant dans notre héroïque résolution, ne répondrons-nous au kan qu'en face de son armée, afin que les

Digitized by Google

premiers exploits des Russes retentissent sur la terre, et portent l'épouvante dans l'âme de Mamaï? —

Хоры изъ Фингала (дѣйствіе 1, явленіе 1). Они въ примѣчаніяхъ переведены прозою —

Ullin.

Peuple! guerriers!.. que tout fasse silence:
A la clarté des nocturnes flambeaux,
Du grand Fingal je chante la vaillance:
Toujours vainqueur, de sa terrible lance
Il a frappé ses impuissans rivaux:
Voilà les jeux de son adolescence.
Que le sons de la harpe d'or
Se prolongent dans la vallée!
Que sa voix vous anime encor,
O vous, qui sous le mausolée
Dormez du sommeil de la mort!
Des flancs humides de la terre,
Sortez, ombres de nos aïeux!
Sur la colline solitaire
Venez, .. paraissez à nos yeux!

Les Bardes.

Le bruit du bouclier nous appelle aux combats;
Une ardeur belliqueuse a transporté nos âmes:
Les airs sont embrasés, les chênes sont en flammes;
La victoire rayonne au front de nos soldats.

Ullin.

Fingal se lève, il prend son armure divine,
Les traits hérissent son carquois;
L'acier brille sur sa poitrine,
Sa lance est comme un pin, vieil habitant des bois.
J'ai vu, j'ai mesuré le pavois du héros:
Le disque de la lune est sa brillante image,

Digitized by Google

Quand, voilée à demi des vapeurs d'un nuage,
De l'immense Océan elle argente les flots.

Les Bardes.

Ainsi que sur les rives sombres
Le peuple errant des vaines ombres
Apparaît un instant et s'efface à jamais ;
Ainsi que la biche timide,
S'élançant au sein des marais,
Se dérobe en fuyant à la flèche rapide !
Nos ennemis troublés, princes, chefs et soldats,
Devant le grand Fingal précipitent leurs pas ;
Sous ses drapeaux la victoire s'incline,
Et debout dans la plaine on dirait qu'il domine
Le champ ténébreux du trépas.

Недоросль (le Dadais) — Действие 1. явление 3-е.

M-me Prostakof. Qu'est ce donc? qu'est ce donc ? tu t'avises de m'éviter, je crois. Vois ce que j'ai recueilli de ta sotte indulgence : regarde le bel accoutrement de ton fils pour les fiançailles de son oncle. Le bel habit que M. Trichka lui a fait !

Prostakof, (*bégayant de peur*). Ma...ma foi..., c'est aussi large qu'un sac.

M-me Prostakof. Sac toi-même, bonne tête !

Prostakof. Je croyais, mon coeur, que cela te semblait ainsi.

M-me Prostakof As-tu donc la berlue, toi ?

Prostakof. Quand tu es là, je ne vois plus rien.

M-me Prostakof. Voilà de quel mari le ciel m'a fait présent! il n'a pas même l'esprit de distinguer ce qui est large de ce qui est étroit.

Prostakof. Sur tout cela, ma chère, je m'en rapporte, et m'en suis toujours rapporté à toi.

Digitized by Google

M-me Prostakof. Apprends donc de moi que je ne prétends nullement flatter des valets. Va-t-en, et punis sur le champ. . .

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1825.

147. *Военное краснорѣчіе*, основанное на общихъ началахъ Словесности, съ присовокупленіемъ примѣровъ въ разныхъ родахъ онаго. Сочиненіе Орд. Профессора Санктпетербургскаго Университета Якова Толмачева. Спб. 1825 г. 3 части, in 8. 170,120 и 162 стр.

Можетъ-ли быть Наука, предметъ которой составляло-бы — *Искуство быть краснорѣчивымъ?* Будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ другимъ вопросомъ: можетъ-ли быть Наука, предметъ которой составляло-бы *Искуство быть умнымъ?* Умъ есть непосредственное отъ нашихъ Наукъ и неподлежащее имъ свойство природы человѣка. Умъ есть свободное явленіе духа въ вещественности человѣка. Онъ даетъ человѣку ту непобѣдимую силу слова, которая убѣждаетъ людей, ведетъ ихъ къ согласію съ предметомъ рѣчи и которую называютъ Краснорѣчіемъ. Можно-ли пріобрѣсть эту силу, это свойство Наукою? Никакъ! Что жъ такое разумѣемъ мы подъ названіемъ *Науки Краснорѣчія?* Нѣкоторые изъ древнихъ мыслителей утверждали, что сія Наука или существуетъ только въ другихъ, или что самостоятельность ея ничтожна и не заслуживаетъ вниманія. Цицерону

Digitized by Google

хотѣлось противнаго. Самолюбіе его требовало чтобы Краснорѣчіе составляло Науку. Справедливо-ли сіе требованіе? Справедливо, при условіяхъ: въ чемъ должна заключаться сія Наука. Философія Цицеронова вѣка была несовершенна Цицеронъ смѣшалъ множество различныхъ идей и назвалъ это смѣшеніе *Наукою Краснорѣчія*. Послѣ, еще болѣе все перемѣшали, и наконецъ Краснорѣчіе попалось въ руки схоластикамъ: будучи въ практикѣ совершенно, забыто, въ теоріи явило оно Науку сбивчивую и основанную на ложныхъ понятіяхъ. »Если Поэзія,« скажутъ намъ, »составляетъ Науку, почему Краснорѣчію не быть также Наукою?« — Такъ; но Поэзія, какъ самостоятельное, многообразнѣйшее проявленіе ума въ Изящномъ, есть предметъ самобытный. И если Науку Поэзіи будемъ ограничивать толкованіями о стиховныхъ формахъ — Наука сія будетъ ничтожна: она тогда только велика, когда предметъ ея заключимъ въ изслѣдованіи проявленій духа человѣческаго въ Изящномъ вообще и въ изящномъ словѣ особенно. Тогда Поэзія составляетъ Науку важную и самостоятельную. Въ чемъ *обыкновенно* заключаютъ Науку Краснорѣчія? Риторы учатъ сначала образованію идей — но это Логика! Потомъ образованію формъ слова, въ которыя идеи облекаются — но это Грамматика, это дѣло Синтаксиса; и такъ по ихъ размѣру на часть Риторики остаются одни украшенія словъ, одно фигурное разстановленіе ихъ? И въ самомъ дѣлѣ: Риторика развѣ не ограничивалась въ средніе вѣки одними хитросплетенными хріями, аргументами, рогатыми и всякими силлогизмами, тропами и проч. и проч., и развѣ не поставляли сущности Краснорѣчія

Digitized by Google

въ извѣстномъ употребленіи риторическихъ гремушекъ? Развѣ не разсѣкали великихъ твореній Цицерона и Демосѳена риторическимъ ланцетомъ, тщательно изыскивая: у мѣста-ли находятся восклицанія, отрицанія, олицетворенія и проч., въ пламенныхъ рѣчахъ Цицерона и Демосѳена?

Пустота *такого* знанія весьма ощутительна. Русскіе поплатились въ свою очередь школьной Риторикѣ и въ наше время уже пора освободиться отъ оковъ схоластики во всѣхъ знаніяхъ совершенно. Дабы опредѣлить *настоящее* мѣсто и предметъ Риторики, должно разсмотрѣть, что должна заключать ея область.

Не фигуры словъ, не силлогизмы и не хріи составляютъ ея сущность. Всякому свое мѣсто. Если будемъ разсматривать способность говорить, т. е. способность человѣка проявлять свои мысли извѣстными, опредѣленными звуками — найдемъ прежде всего отдѣльные элементы въ *звукахъ*, которые *слогами* образуютъ слова: изъ словъ составляется *рѣчь*. Логическіе выводы доводятъ насъ до различнаго соотношенія словъ въ рѣчахъ Слово, человѣкъ употребляетъ непосредственно: посредственно и здѣсь слово разсматривается какъ орудіе *Поэзіи* и *Краснорѣчія*: въ первомъ, по непосредственному дѣйствію, слова распредѣляются въ извѣстныя изящныя формы; въ другомъ, распредѣляются они въ слѣдствіе извѣстнаго назначенія, предписываемаго умомъ. Всѣ обороты, какія въ семъ случаѣ принимаетъ рѣчь (какъ собраніе словъ) суть принадлежность *Грамматики*. Въ слѣдствіе сего понятно заблужденіе схоластиковъ, которые Грамматику низводятъ къ низшему назначенію, къ какому-то без-

Digitized by Google

жизненному разбору словъ отдѣльно, лишая оную достоинства ей принадлежащаго, путаясь въ своихъ понятіяхъ, и фигуры и рѣченія поставляя предметомъ особенной Науки, которую называютъ *Риторикою*. Можно понять сбивчивость ихъ раздѣленій, если заглянемъ только въ старыя Грамматики и Риторики: тамъ увидите, что о стихахъ толкуется въ Грамматикѣ, о фигурахъ словъ въ Риторикѣ, а о расположеніи словъ въ слѣдствіе логическихъ выводовъ — и въ Грамматикѣ и въ Риторикѣ! Впрочемъ, мы сказали уже, что вся Риторика ограничивалась прежде словоизвитіями. — Какое-жь настоящее назначеніе Риторики? Самое названіе ея показываетъ оное. Риторика есть Наука выражать словами мысль свою для извѣстной цѣли. Поэзія выражается непосредственно, самобытно; Риторика посредственно, относительно. Такимъ образомъ Риторика есть Наука употреблять элементы Грамматики въ слѣдствіе извѣстнаго назначенія рѣчи. Она объемлетъ всю область *не-поэтическаго* выраженія человѣческихъ мыслей словами. Симъ образомъ заключаетъ она выраженіе *Историческое*, *Витійственное* и *Дидактическое*, которыя соотвѣтствуютъ поэтическимъ выраженіямъ слова въ *Эпопеѣ*, въ *Лирикѣ* и въ *Драмѣ*. Слѣдовательно: въ Риторикѣ должны быть изслѣдуемы проявленія идей ума въ отношеніи законовъ, необходимыхъ для краснорѣчиваго изложенія мыслей. Сдѣлаться Ораторомъ невозможно, ибо человѣкъ не творитъ своихъ способностей: Риторика показуетъ намъ только законы выраженія мыслей въ словѣ, предоставляя Грамматикѣ законы словъ и расположеніе оныхъ.

Digitized by Google

Сначала Рецензентъ изумился, читая названіе книги Г. Толмачева — *Военное краснорѣчіе*: ему казалось, что краснорѣчіе одно и для воиновъ и для гражданъ. Еще болѣе изумился онъ, читая: *основанное на общихъ началахъ Словесности!* Слову *Словесность*, одно значеніе: такъ называется извѣстное количество книгъ, изданныхъ у какого нибудь народа, и если въ семъ количествѣ заключаются и ученыя и учебныя книги, то слово сіе замѣняется словомъ *Литтература*. »Долгъ требовалъ отъ меня написать *что нибудь* новое и полезное,« говоритъ Авторъ — согласны, только не *что нибудь*. »Я желалъ издать *полную систему*« — продолжаетъ Авторъ, »дабы *въ случаѣ нужды* на почли оной недостаточною тѣ, которые думаютъ, что Военное краснорѣчіе есть *только отрасль общей Словесности*: и потому *должно быть основано на общихъ началахъ оной*?« Не понимаемъ: *чего* полную систему хотѣлъ издать Авторъ? О какомъ *случаѣ нужды*, говоритъ онъ? Не уже-ли Краснорѣчіе, какое-бы оно ни было, не есть отрасль Словесности, или Литтературы? Какая это *общая* Словесность? Вотъ вопросы, которыхъ Авторъ не рѣшаетъ, и какъ рѣшить ихъ?

Авторъ раздѣлилъ сочиненіе на три книги. — Книга первая, »*Содержащая общія начала Словесности*. Глава I. *Опредѣленіе Словесности въ разныхъ отношеніяхъ и Риторики*. Природная способность человѣка изъяснять мысли и чувствованія »голосомъ членораздѣльнымъ называется Словесностію.« — Какъ! Способность изъяснять мысли и чувствованія голосомъ, т. е. просто: *способность говорить* есть *Словесность*? Не понимаемъ! И не

Digitized by Google

останавливаясь на *членораздѣльномъ* какомъ-то *голосѣ*, читаемъ далѣе: »Человѣкъ, *изъясняя* мысли »и чувствованія, или подчиняетъ рѣчь свою *единообразнымъ законамъ музыкальнаго лада*, »или *выражая* оныя слѣдуетъ свободному и »разнообразному *звукотеченію* слова: по симъ »двумъ *свойствамъ* (чего?), *нѣкоторые писатели* раздѣляютъ произведенія Словесности на »*стихотворныя* и *прозаическія*.« Лучше-бы сказать *не-нѣкоторые*, а *никто* не раздѣлитъ; мы никогда не слыхивали и не встрѣчали подобнаго опредѣленія стиховъ и прозы. И какъ согласить противорѣчія Автора? Не онъ-ли самъ опредѣлилъ, что Словесность есть *способность говорить*, и не онъ-ли послѣ этого принимаетъ Словесность, въ обыкновенномъ значеніи сего слова? Что такое — *единообразный законъ музыкальнаго лада?* Вѣроятно Авторъ разумѣетъ *музыкальные тоны*. Что такое *свободное и разнообразное звукотеченіе слова?* Вѣроятно: слова, которыя произноситъ человѣкъ; и такъ по опредѣленію Г. Тодмачева вышло, что кто наводитъ голосомъ *утъ, ре, ми, фа, соль*, тотъ сочиняетъ стихи, а кто выговариваетъ слова, тотъ сочиняетъ прозою? Но, если Авторъ и разумѣетъ скандовку стиховъ и не скандованныя слова, не уже-ли *только этимъ* онъ различаетъ стихи отъ прозы? И почему у него, въ стихахъ человѣкъ *изъясняетъ* мысли и чувствованія, а въ прозѣ только *выражаетъ* ихъ? Посмотримъ далѣе. — »Обыкновенная *способность*, не имѣющая никакихъ отличительныхъ качествъ, *выражать* свободною рѣчью мысли и чувствованія »можетъ назваться въ обширномъ смыслѣ *Словес-*

Digitized by Google

костію.« Вотъ Авторъ опять Словесность называетъ просто — *способностію говорить!* »Но *способность, показывающая отличное искуство выражать оныя* ясно и красиво, именуется *Краснорѣчіемъ;* выражать сильно и убѣдительно *Витійствомъ.*« Какая сбивчивость! Развѣ *способность* можетъ быть *искуствомъ*? Далѣе смѣшаны родъ съ видомъ и опять развѣ Витійство, *способность*? И притомъ: *безъ силы и убѣдительности* можно-ли назваться краснорѣчивымъ, а *безъ ясности и красоты* можетъ-ли быть Витійство?

Но вотъ вслѣдъ за симъ еще новое: »Способность изъяснять *просто и обыкновенно* мысли и чувствованія получается человѣкомъ отъ природы; но искуство выражать оныя съ отличною ясностію и красотою, съ силою и убѣдительностію *пріобрѣтается Наукою:* сію Науку называютъ *Риторикою.*« И такъ Авторъ думаетъ, что выучивши хріи, фигуры, тропы, можно быть Ораторомъ? Нѣтъ: онъ, кажется, этого не думаетъ. Читатели изъ разобраннаго нами начала книги видятъ, что въ книгѣ его нѣтъ системы, нѣтъ точности въ изъясненіяхъ и еще менѣе въ словахъ. Вотъ для примѣра опредѣленія Наукъ:

Риторика есть Наука, научающая выражать мысли и чувствованія ясно и красиво, сильно и убѣдительно (стр. 2).

Риторика есть система правилъ, касающихся до Краснорѣчія (стр. 3).

Риторика есть Наука правильнаго соглашенія мыслей съ словами, показывающаго *извѣстную степень искуства въ употребленіи рѣчи* (стр. 4).

Digitized by Google

Краснорѣчіе пріобрѣтается Наукою, на стр. 2, Краснорѣчіе проистекаетъ отъ совершенствъ ума и сердца, на стр 3.

Слѣдствіемъ подобныхъ противорѣчій есть то, что прочитавъ первую книгу, не знаемъ: *чего хочетъ Авторъ?* Назвавъ свою книгу Военнымъ Краснорѣчіемъ, онъ говоритъ кое-что о Грамматикѣ, о Логикѣ, а съ 21 стр. идетъ у него, ни Грамматика, ни Логика, а чистая схоластическая Риторика, въ которой говорится о періодахъ, о родахъ, о видахъ, о хріяхъ, о фигурахъ. Все это перемѣшано съ плохо-переведенными примѣрами изъ Французскихъ и Латинскихъ Писателей, и съ примѣрами изъ сочиненій Ломоносова, Батюшкова и вмѣстѣ съ ними — изъ Трагедіи: Димитрій Самозванецъ!

Въ Грамматикѣ руководствуется Авторъ — Кондильякомъ! Не думая о томъ, что начало языка должно отыскивать въ цѣломъ человѣчествѣ, онъ разсматриваетъ происхожденіе частей рѣчи въ каждомъ человѣкѣ и утверждаетъ, что ребенокъ сперва говоритъ междометія, потомъ имена существительныя, потомъ прилагательныя; на этомъ основывается вся Этимологія. Глаголы происходятъ у Автора послѣ именъ; мѣстоименія по его мнѣнію *изобрѣтены для избѣжанія повторенія именъ.* Въ Логикѣ Авторъ смѣшалъ вмѣстѣ *идею* и *понятіе.* Слогъ по выраженію Автора бываетъ *мягкій, благозвучный, цвѣтущій, флегматическій, придворный, убѣдительный* и проч. и проч.

Но все это не составляетъ главнаго предмета книги. Гдѣ Военное краснорѣчіе? И вотъ, книга II, посвящена *частнымъ правиламъ Военнаго краснорѣчія,*

Digitized by Google

и здѣсь мы узнаемъ совершенно, что Авторъ не отдалъ самъ себѣ отчета въ своемъ предметѣ. 42 страницы посвящены у него общимъ разсужденіямъ о качествахъ и достоинствахъ воина, разсужденіямъ очень хорошимъ, хотя есть между ними и ошибки. За тѣмъ идетъ поверхностное разсужденіе о формахъ разныхъ родовъ сочиненій историческихъ, описательныхъ и проч., и наконецъ о письмахъ, рапортахъ, реляціяхъ, вѣдомостяхъ. Авторъ начинаетъ о томъ и о другомъ, приводитъ примѣры, иногда восклицаетъ, говоритъ съ жаромъ и наконецъ переходитъ къ третьей части, гдѣ помѣщены разные отрывки, манифесты, реляціи и анекдоты. Выборъ въ третьей книгѣ вообще хорошъ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя изъ переводныхъ статей писаны не-изящнымъ Русскимъ слогомъ, и что въ примѣръ хорошаго слога едва-ли можно поставить рапортъ, гдѣ Штабсъ-Капитанъ N. доноситъ, что солдатъ его роты — *упалъ по нечаянности въ рѣку*, или требованіе Прапорщика N. о провіантѣ, и проч.

По всему видно, что Автору хотѣлось составить *учебную книжку для военныхъ людей*, въ которой нашли-бы они вообще правила для исправнаго слога всякаго рода сочиненій. Для сего надобно было систематически изложить Логику, Грамматику и Риторику, ибо сіи Науки одинаковы для всѣхъ званій. Къ этому надобно было прибавить отдѣльную статью объ отношеніяхъ сихъ Наукъ къ военнымъ знаніямъ частно, удаляясь вообще отъ излишнихъ ученыхъ подробностей ненужныхъ военному человѣку. Авторъ въ огромной книгѣ ничего не вывелъ порядкомъ, обреме-

Digitized by Google

нилъ ее ненужными подробностями, не сдѣлалъ никакого раздѣленія Наукъ, и начавши изложеніе Наукъ съ непѣрныхъ основаній, не соблюдалъ въ послѣдствіи никакой системы и опчетливости въ изложеніи.

148. *Смерть сестры и брата*, истинное происшествіе. Въ стихахъ. Сочиненіе Ивана Страхова. М. 1825. in 12. 36 стр.

О слава! слава! Кто тебя не искалъ, кто за тобою не стремился! Ты ведешь насъ въ битвы; ты заставляешь насъ корпѣть надъ стихами — и какое-же другое побужденіе могло одушевить Автора къ *сочиненію истиннаго происшествія въ стихахъ*, которое онъ *написалъ душою*, и послѣ котораго почилъ *на лаврахъ, безъ шиповъ* (видно, есть лавры и съ шипами!)? Все это объясняется въ стихословномъ предисловіи. Авторъ кстати браниτъ Критику, называетъ Критиковъ *ученымъ зоилами* и — не хочетъ имъ отвѣчать —

Когда красавцемъ былъ Сатиръ,
Онъ съ длинными ушами,
Про это знаетъ цѣлой міръ,
Что даже и съ рогами —
Не вѣрю: смѣхъ не исправлялъ
Невѣжество и нравы —

И мы не вѣримъ и ни слова не скажемъ о томъ, что Авторъ *пишетъ стихи, не зная стопосложенія и различія римъ мужескихъ и женскихъ*. Вотъ содержаніе Поэмы:

У одного дворянина были сынъ и дочь. Сынъ вступилъ въ службу и уѣхалъ въ гусарскій полкъ. Дочь осталась въ деревнѣ, пошла купаться и уто-

Digitized by Google

нула. Братъ ея между тѣмъ служилъ юнкеромъ. Однажды съ товарищами, зимою, пришелъ онъ въ какую-то избу —

Усѣлись — все встаетъ для нихъ;
Усы отерли ледяные,
Дымъ прежній вакштафъ замѣнилъ,
Густѣетъ сфера избяная;
Кто просто чай, кто съ ромомъ пилъ;
Текла бесѣда круговая.
Одинъ запѣлъ, другой свисталъ,
Заботы съ плечъ сложили,
А третій въ слухъ стихи читалъ;
Потомъ о нихъ судили. . . . .

Юнкеръ чувствовалъ ознобъ:

Товарищамъ онъ такъ сказалъ:
»Я скоро заболѣю,
»Вчера въ разводѣ чуть стоялъ;
»Теперь весь день слабѣю —
»Мнѣ скученъ будетъ лазаретъ:
»Но долженъ васъ оставить.
»Вотъ скоро буду я корнетъ,
»Сбѣритеся поздравить;
»Надѣну меншикъ новой мой,
»Предъ вами появлюся. . . . .«

Но, говоритъ Сочинитель:

Тебѣ не меншикъ золотой
Судьба опредѣлила —

Юнкеръ сталъ лечиться, ошибкою выпилъ вмѣсто микстуры *спирту, которымъ натирался*, и умеръ. Поэма оканчивается, и за нею слѣдуютъ — *портреты несчастливцовъ*, т. е. описаніе того-же происшествія въ прозѣ. Авторъ полагаетъ, что

Digitized by Google

стихи его тронули уже читателя и прозаическое описаніе начинаетъ такъ: »Если вымыслъ трогаетъ сердце читателя — чтожъ истина?« —

149. *Оставшееся послѣ покойнаго N. N. Разсужденіе объ опасности и вредѣ*, о пользѣ и выгодахъ отъ Французскаго языка. Сравненіе его съ Россійскимъ. *Изданіе второе.* M. 1825. in 8. VI и 60 стр.

Помнятъ-ли читатели анекдотъ, описанный Бартелеми? Гдѣ-то въ Италіи, какой-то Капуцинъ, кажется, говорилъ слушателямъ: »Предувѣдомляю васъ, братія, что появилась страшная ересь: »выдумали новый языкъ — Греческій, а кто ему »выучится, тотъ будетъ Жидъ!« — Вотъ въ коротенькихъ словахъ содержаніе Разсужденія Г-на N. N

»Въ новѣйшія времена,« говоритъ онъ, »не изъ Цельтическаго, который есть явно происхожденія Европейскаго, но изъ стараго Франкскаго съ половиною Латинскаго вдругъ появился модный щеголь Французскій языкъ. За 400 или за 500 лѣтъ былъ онъ еще деревенскимъ мужичкомъ, аляповатъ, и нынѣ, если читать, то смѣшонъ и такъ часто теменъ, что для разумѣнія его прибѣгать должно къ Сивилламъ, по признанію самихъ Французовъ, что случилось испытать надъ разговорами одного древняго Французскаго Короля безграматнаго, проименованнаго Лѣнивымъ, съ однимъ своимъ чиновникомъ въ Journ. Encyclop. За 200 лѣтъ или больше онъ пооправился, попріодѣлся, изъ крестьянина сдѣлался уже городовымъ купцомъ, а въ сіи сто лѣтъ уже и въ первую гильдію записался. Но сего не довольно: онъ спознался большой свѣтъ, и у большаго свѣта сталъ въ знати. . . .

Digitized by Google

»Наконецъ въ послѣднія 50 лѣтъ, а особливо отсель лѣтъ за 25 сдѣлался онъ по употребленію и по модѣ всеобщимъ почти во всей Европѣ, и въ другихъ частяхъ свѣта по сразмѣрности. Въ это время онъ уже крайне избаловался, сдѣлался вертлявъ, лукавъ, высокомѣренъ, вмѣстѣ почтителенъ и вмѣстѣ ѣдокъ и гордъ, полишикантъ крайній, пролазливъ, любострастенъ и Циникъ, обманчивъ, презирающъ другими, все охуждающій у другихъ, несносный самолюбецъ, одного себя выхваляющій, и начиная съ Вольтера, по сію пору возсталъ на все; старое портитъ и губитъ, а новаго хорошаго не видно: сталъ горами качать, и честолюбіе его столь шибко захрепѣло, что полетѣлъ на небеса, къ огненному солнцеву дому, подобно Фаэтону. Онъ сдѣлался безбоженъ, и сталъ распространять безбожіе; онъ сталъ первымъ дѣйствующимъ орудіемъ повсюднаго головокруженія и необычайно злыхъ замысловъ, отъ вѣка неслыханныхъ. Однимъ словомъ, по Якобинцамъ онъ сдѣлался совсѣмъ діаволическимъ адскимъ языкомъ, за злобою котораго ни одинъ какой другой языкъ не могъ успѣвать. Онъ очаровалъ сперва повсюду знатность, потомъ и прочихъ въ умѣ перепортилъ: такъ что самый шотъ, кто его знаетъ и имъ пользовался, не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, и думаетъ, не пора-ль его въ отставку. Онъ столь много въ свѣтѣ зла надѣлалъ!

»Ни на какомъ другомъ языкѣ нѣтъ столь много книгъ, какъ на Французскомъ; онъ вездѣ запрудилъ библіотеки. У знатныхъ и у простыхъ всякое ухищренное зло, всякое развращеніе въ умѣ и нравахъ онъ провелъ въ переднія, боковыя и задніе двери,

Digitized by Google

и всѣхъ научилъ bon françois. Учители и мадамы плодородно расплодились и сойдясь вмѣстѣ, подобно Римскимъ птицегадателямъ, другъ на друга поглядывая съ ѣдкою улыбкою, тайкомъ промежъ себя говорили: дайте намъ карты, здѣсь олухи есть. Вообще поработилъ онъ себѣ воспитаніе дѣтей у персонъ большаго свѣта, а въ подражаніе имъ и другіе соблазнились. Многіе уже охаютъ отъ сего ярма, и въ подборъ иждивенія и доходовъ принуждены посылать искать учителя, говоря: да смотрижъ сыщи подешевле. Онъ молчитъ, гдѣ боится; но таинственное сообщеніе всего худаго чрезъ него въ домахъ переливается. Онъ созидаетъ по видимому, но въ самой вещи раззидаетъ. Онъ, подобно Кондильяку, дѣйствуетъ двумя снастьми, одною въ собраніяхъ, а другой наединѣ. Все позволяетъ, все разрѣшаетъ, все извиняетъ; нѣтъ ничего запрещеннаго.«

Тонъ, слогъ, замашки, доказываютъ, что Критикѣ съ разсужденіемъ Г-на N. N. дѣлать нѣчего. Книги, подобныя *Разрушенію Коперникової системы и Разсужденію Г-на N. N.*, ниже всякой Критики.

1826.

50. *Игры и занятія дѣтей въ первыхъ лѣтахъ*, или собраніе занимательныхъ повѣстей, съ Словаремъ, украшенное 18 картинками иллюминованными. М. 1826. in 18. 295 стр.

18 маленькихъ дѣтскихъ анекдотовъ на Русскомъ, Французск. и Нѣмецкомъ языкахъ. Эта книжечка можетъ составить пріятный подарокъ дѣтямъ, хотя картинки въ ней очень плохи. Въ концѣ не-

Digitized by Google

большой Словарь. Напрасно помѣщено въ окончаніи *Собраніе нѣкоторыхъ пословицъ и изрѣченій.* Многія изъ нихъ грубы, а нѣкоторыя для дѣтей совсѣмъ не годятся, на примѣръ: Beauté sans bonté, est comme vin éventé. — Dans le vin on dit la vérité. — Кто убитъ, тотъ не вредитъ. — Изъ чужой кожи хорошо рѣзать ремни, и проч. — Такія понятія слишкомъ рѣзки для ума дѣтей.

51. *Прибавленіе къ систематической Росписи Россійскимъ книгамъ, изданнымъ* въ 1825 и въ началѣ 1826 года. Спб. 1826. in 8. 39 стр.

С. Петербургскій книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ имѣя въ С.Петербургѣ обширную Библіотеку для чтенія, умножаетъ ее всѣми вновь выходящими книгами и каждогодно выдаетъ роспись симъ новымъ книгамъ въ видѣ прибавленій къ большой систематической Росписи, выданной въ 1819 г. бывшимъ владѣтелемъ Библіотеки, Г-мъ Плавильщиковымъ. Всего до нынѣ вышло шесть прибавленій. О прошлогоднемъ Прибавленіи мы говорили въ Телеграфѣ. Въ концѣ нынѣшняго Прибавленія, Г. Смирдинъ объявляетъ, что Роспись и всѣ шесть прибавленій будутъ напечатаны имъ вмѣстѣ, вновь. Онъ проситъ сообщать ему замѣчанія о неисправностяхъ, находимыхъ въ Росписи и Прибавленіяхъ. Желая, чтобъ новое изданіе сей весьма полезной книги было удовлетворительно, совѣтуемъ Г. Смирдину поручить какому нибудь трудолюбивому и опытному Библіографу новое изданіе оной, ибо въ ней ошибокъ найдется довольно. Для опыта сообщаемъ замѣченныя нами въ новомъ прибавленіи ошибки, на примѣръ: въ размѣщеніи книгъ по статьямъ: No 8501 не принадлежитъ къ Гидравликѣ; No 8555, 8556,

Digitized by Google

8557, 8558, 8560 не принадлежатъ къ Богословію; No 8629 и особенно No 8632 не принадлежатъ къ Исторіи и Географіи, также и No 8640 и слѣд. до 8645; No 8668 не принадлежитъ къ Языкоученію; No 8758 и особенно No 8759 не принадлежитъ къ Краснорѣчію: всѣ сіи No должно передвинуть въ другія статьи. При No 8778 неправильно выставленъ 1825 годъ; въ названіи статьи на 668 стр. сдѣлана ошибка; тутъ-же *Домоводство*, должно замѣнить словомъ: *Сельское Хозяйство*, и нѣкоторыя книги переставить къ другимъ отдѣленіямъ; No 8579 совсѣмъ не относится къ Философіи, а надъ No 8580 и слѣд. до 8585, кажется, пропущено названіе статьи. Все это доказываетъ, что систематическая Роспись книгамъ Библіотеки Г. Смирдина должна подвергнуться большому и тщательному разсмотрѣнію, чего отъ благонамѣренности и извѣстнаго намъ желанія Г. Смирдина издавать книги полезныя, можно надѣяться.

52. *Отвѣтъ на замѣчанія, помѣщенныя въ Сѣверной Пчелѣ 1826 года, No 48, на Географическія карты пяти частей Свѣта*, составленныя Географомъ Департамента Народнаго Просвѣщенія А. Максимовичемъ. Спб. 1826 г. in 4. 8 стр.

С.Петербургскій книгопродавецъ Г-нъ Заикинъ, въ началѣ сего года, издалъ шесть отдѣльныхъ Географич. картъ, т. е. два полушарія, Европу, Азію, Африку, Америку и Южную Индію. Титулъ сихъ картъ былъ довольно громкій: *Новыя карты, составленныя Географомъ*, и проч. Въ No 48 Сѣв. Пчелы, Издатель ея Ѳ. В. Булгаринъ, помѣстилъ краткія замѣчанія на сіи карты. Теперь появился отдѣльною брошурою отвѣтъ на замѣчанія Г. Булга-

Digitized by Google

рина. Сочинитель подписалъ имя свое внизу такъ: N. N. — Обязанность Библіографа поставляетъ насъ въ нѣкоторый родъ посредничества между двумя противниками и — мы скажемъ наше мнѣніе откровенно.

Карты, изданныя Г. Заикинымъ, очень нехороши, исполнены ошибокъ и невѣрностей непростительныхъ, гравированы грубо, иллюминованы также.

Замѣчанія Г. Булгарина были весьма умѣренны, написаны скромно и съ замѣтнымъ желаніемъ приносить пользу и Издателю картъ и тѣмъ людямъ, которые стали-бы ихъ употреблять. Все, что ни замѣчено Г-мъ Булгаринымъ, замѣчено очень дѣльно. Онъ, вѣроятно, потому не распространился въ исчисленіи *всѣхъ* недостатковъ, что это составило-бы статью слишкомъ огромную для Газеты.

Отвѣтъ Г-на N. N. ни сколько не оправдываетъ достоинства картъ Г. Заикина, состоитъ изъ опроверженій ничего неопровергающихъ и показываетъ, что Г-нъ N. N. не знаетъ предмета, о которомъ пишетъ. На примѣръ: Г-нъ Б. сказалъ, что на картѣ Азіи не означены открытія Русскихъ путешественниковъ на Сѣверѣ Сибири; Г-нъ N. N. говоритъ, что нѣтъ картъ, показывающихъ сіи открытія: указываемъ ему на превосходнѣйшую карту Азіятской Россіи, изданную *въ* 1825 *году* Г-мъ Позняковымъ. Г-нъ N. N. утверждаетъ, что сіи открытія ничего не измѣнили въ Географическомъ положеніи Сѣверной Азіи — надобно-ли это опровергать?

Г-нъ Булгаринъ совѣтуетъ въ заключеніи своей рецензіи, при всякомъ ученомъ предпріятіи, совѣтоваться съ людьми знающими — Г-нъ N. N. сов-

Digitized by Google

лается на извѣстность составлявшаго сію карту — но дѣло не въ имени, а въ познаніяхъ. — Имя оправдываетъ-ли, на примѣръ, не говоря о чемъ другомъ, маленькія ошибки на картѣ Америки, а именно: что вся Америка подвинута градусовъ на пять лишнихъ къ Востоку, и что градусы къ Западу и къ Востоку представлены на сей картѣ въ перспективномъ видѣ, отъ чего Европа вытянулась по неволѣ и Испанія, на примѣръ, сдѣлалась продолговатою?

Г. въ N. N. конечно согласится, что мнѣніе наше въ отношеніи замѣчаній Г. Булгарина внушено намъ правотою его въ спорѣ. Повторяемъ: Г. Булгаринъ совершенно правъ, а Г. N. N. не правъ: отвѣтъ его ничего не опровергаетъ, и карты изданныя Г-мъ Запкинымъ точно не хороши и не вѣрны.

Н. П.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Обозрѣніе Буэносъ-Айресской области, Восточная Банда. Въ начавшейся между Бразиліею и Буеносъ-Айресомъ дѣйствительной войнѣ, важнѣйшую роль занимаетъ область: *Восточная Банда.* Новѣйшая Географія Южной Америки, особенно Буэносъ-Айреса, такъ малоизвѣстна, что мы почли весьма любопытнымъ слѣдующее извѣстіе о сей области и тамошнихъ происшествіяхъ.

Восточная Банда (319° и 325° 30′ долготы — 32° 10′ и 35° широты Южной) Бразильцами называется *Цисплатина,* потому что она находится на Сѣверномъ берегу великой рѣки де-ла Платы.

Digitized by Google

Испанцы напротивъ того называютъ ее *пограничною землею* (Banda), потому что она съ Сѣверной стороны прилегаетъ къ Португальской Южной-Америкѣ (Бразиліи). Она раздѣляется на *Западную* и на собственно *Восточную*, между коими границею считаютъ впадающую съ Сѣвера въ де-ла Плату рѣку Уругвай. Банда Западная образуетъ области Энтреріосъ и Корріентесъ. Южный берегъ Банды Восточной при де-ла Платѣ (на 67 Нѣмецк. миль) ушесистъ и простирается прямо къ Востоку. Здѣсь есть превосходныя гавани и находится мысъ Санта-Марія, самый сѣверный пунктъ залива де-ла Платы. Съ Восточной стороны Банда такимъ-же ушесистымъ берегомъ граничитъ съ Южнымъ Атлантическимъ океаномъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи (на 48 Нѣмецк. миль) къ Рio Гранде до Сульде Санъ Педро, пограничной рѣкѣ настоящей Бразиліи, извѣстной намъ по поселившейся на берегахъ ея близъ Порто Алегре въ недавнемъ времени Нѣмецкой колоніи. Жители Банды, сражающіеся съ Бразиліею, оружіемъ достигли до южнаго берега сей великой пограничной рѣки. На южномъ берегу остались теперь во власти Бразильскихъ войскъ, только столица *Монтевидео* и въ 24 хъ миляхъ далѣе къ Югу лежащая, прибрежная крѣпость, основанная Португальцами въ 1681 году, *колонія До-Сакраменто*. Напротивъ того, укрѣпленная гавань *Мальдонадо*, въ $17\frac{1}{2}$ миляхъ къ Востоку отъ Монтевидео, находится въ рукахъ Бандистовъ, и представляетъ имъ удобное сообщеніе съ Атлантическимъ моремъ. Впрочемъ сообщеніе сіе не можетъ препятствовать дѣйствіямъ Бразильскаго блокаднаго отряда, стоящаго передъ Монтевидео. Въ Монтевидео

Digitized by Google

(основанномъ Испанцами въ 1731 году), послѣ Мальдонадо, лучшей гавани на де-ла Платѣ, въ 34 миляхъ къ Западу отъ Буэносъ-Айреса (лежащаго на южномъ, ровномъ берегу де-ла Платы) въ 1822 мъ году считалось 16,000 жителей. Нынѣ сильно блокируетъ его съ сухаго пути Бандскій Генералъ Донъ Бонифаціо Кальдеронъ. Несчастный городъ сей съ 1806 года осаждается уже въ седьмой разъ. Въ немъ начальствуетъ теперь Бразильскій Генералъ-Маіоръ Лекоръ Вискондъ де Лагуна, который, въ чинѣ Португальскаго Полковника, 20 го Іюня 1817 года, занялъ городъ, принадлежащій съ того времени Бразиліи.

Жители Банды Оріенталь (на 10,500 квадратныхъ миляхъ считаются ихъ до 175,000) почти всѣ Испанскаго происхожденія, только колонія До-Сакраментa была основана и удержана Португальцами. — Вирочемъ, вездѣ господствуетъ Испанскій языкъ. По причинѣ сильныхъ частныхъ ссоръ между Испанцами во время войны въ сей пограничной землѣ, возродилась глубоко вкоренившаяся народная ненависть къ Португальцамъ. Сію народную ненависть естественно питаютъ приверженцы де-ла Платскихъ Штатовъ, коихъ Правительство живо ощущаетъ всю важность полнаго обладанія рѣкою де-ла Платою. Когда въ 1817 году внутренніе мятежи и междоусобныя войны безпокоили де-ла Платскіе Штаты и сильно тѣснили главный пунктъ оныхъ, извѣстный торговый городъ Буэносъ Айресъ, военный начальникъ Артигасъ (котораго Парагвайскій Диктаторъ, Докторъ Франція, держитъ нынѣ въ плѣну въ отдаленномъ своемъ Государствѣ) возсталъ противъ Правительства Бу-

Digitized by Google

носъ-Айресскаго, и хотѣлъ изъ обѣихъ областей Банды составить одно совершенно-самостоятельное Государство. Тогда Португальскія войска, подъ начальствомъ Лекора, выступили изъ провинціи Ріо-Гранде до Суль, заняли Банду Восточную, подъ предлогомъ будто-бы уничтоженія въ ней безпорядковъ, и сбереженія ее для Испаніи, пока сія послѣдняя будетъ въ состояніи возвратить ее опять подъ свое владычество. Въ послѣдствіи (1821) Лекоръ содѣйствовалъ добровольному покоренію провинціи, которая подъ именемъ Эстадо-Цисплатино присоединилась къ Бразильской Имперіи. Но представители Банды и Буэносъ-Айреса отъ имени дѣла Платскихъ Штатовъ сильно возставали противъ дѣйствій Бразиліи. Когда Императоръ Бразильскій въ Іюнѣ 1822 г. объявилъ себя независимымъ отъ власти Лиссабонскихъ Кортесовъ, Португальскій военачальникъ въ Монтевидео, Донъ Альваро де Коста де Суза де Мацедо, не хотѣлъ повиноваться, и Лекоръ, объявившій себя на сторонѣ Императора, только 1 го Октября 1823 года успѣлъ принудить сего Португальца къ сдачѣ. За сей успѣшный подвигъ Генералъ Лекоръ пожалованъ былъ Барономъ, а потомъ (5 го Апрѣля 1825) получилъ титулъ Висконда де Лагуна. Уже извѣстно, что произошло въ Бандѣ послѣ возмущенія Испанца Фруктуозо Ривера (который въ 1817 году изъ войскъ Артигаса перешелъ въ Португальскую армію, а потомъ въ Бразильскую). Независимое Правительство Банды торжественно учредилось 29 Іюня, 1825 г., во Флоридѣ, маленькомъ городкѣ, съ 600 чел. жителей (при рѣкѣ Санта Луція, которая въ 7 миляхъ отъ Монтевидео къ Сѣверо-Западу впадаетъ въ дѣла Плату),

Digitized by Google

я Генеральное Правительство Буэносъ-Айреса обѣщало ему взаимную помощь и дружбу, и такимъ образомъ къ противоборству власти Бразильцовъ и къ укрѣпленію Буэносъ-Айреса основано было составленіемъ Банды сильное посредничество.

Банда, находящаяся въ прекраснѣйшемъ климатѣ, имѣетъ весьма плодоносную почву земли, удобную къ воздѣлыванію пшеницы, маиса и всякихъ плодовъ, въ особенности-же удобную для содержанія какъ рогатаго скота, такъ лошадей и проч. Лошадей здѣсь чрезвычайно много, и потому почти всѣ войски Банды конныя; по большой части жители, съ самой юности, такъ сказать, живутъ на лошадяхъ. Сухопутныя сообщенія черезъ внутреннія горы, отъ Монтевидео до Бразильской границы, идутъ по высотѣ Вакарія де Маръ, между береговыми рѣками Атлантическаго моря, и между восточными протоками Уругная, принимающаго въ себя Ріо Негро, съ рѣкою Котша и пр.; въ особенности у самаго берега проложена довольно хорошая дорога, которая не идетъ къ Сѣверу далѣе Бразиліи. Съ Ріо де Жанейро и Ріо Гранде сношенія производятся только посредствомъ судоходства; горы, находящіяся здѣсь, почти непроходимы, и путешествіе бываетъ весьма медленно. Корабли, отправляющіеся изъ Ріо Жанейро, въ 12 или 14 дней достигаютъ до Монтевидео.

Извѣстія изъ Египта. — Англичанинъ, Томасъ Галвай, находящійся нынѣ въ Александріи, пишетъ слѣдующее о состояніи промышленности въ Египтѣ:

»По возвращеніи Магомета-Паши изъ лагеря, я былъ у него и долго разговаривалъ съ нимъ о заведеніи мануфактуръ. Онъ приказалъ мнѣ написать

Digitized by Google

реэстръ тѣмъ вещамъ, которыя я почитаю нужными для Египта; говорилъ о мельницахъ, въ которыхъ плющатъ сталь, и потомъ склонилъ рѣчь на улучшеніе прессовъ, которыми увязываютъ въ кипы хлопчатую бумагу, приказывая мнѣ, съ возможнымъ стараніемъ и поспѣшностію заняться работою по сей части. На слѣдующій день былъ я опять у Паши, который слышалъ уже о дѣйствіи моихъ прессовъ. Онъ сказалъ мнѣ, что не можетъ одобрить ихъ устройства, ибо они приносятъ менѣе пользы, нежели деревянные, дѣлаемые въ Египтѣ. Ему ложно донесли, что моими прессами можно увязать только 10 кипъ въ день и что для нихъ потребно большее число людей нежели для прежнихъ.« Г. Галвай описываетъ далѣе, какъ Паша осматривалъ одинъ изъ его прессовъ, и остался имъ доволенъ. »Я пользуюсь продолжаетъ Г. Галвай »представляющимся мнѣ случаемъ къ просвѣщенію и наученію жителей Египта; но къ сожалѣнію они весьма медлительны и нерѣшительны. Между прочимъ я предлагалъ имъ, чтобы поля свои они орошали водою Нила посредствомъ насосовъ, ибо образъ ихъ нынѣшняго поливанія очень дуренъ и смѣшонъ. Я долго разговаривалъ съ Пашею о паровыхъ машинахъ, которыя, казалось, очень его занимали. Я думаю, что Англичане очень хорошо будутъ сбывать здѣсь свои паровыя машины. Близъ Константинополя открыты угольные рудники, и Паша надѣется, что Султанъ позволитъ ему обрабатывать ихъ. Здѣсь можно-бы сдѣлать большой планъ для учрежденія компаніи, дабы изъ Лондона или Ливерпуля на паровыхъ судахъ плавать черезъ Чермное море въ Остъ-Индію. Я разсуждалъ

Digitized by Google

объ этомъ и предлагалъ Пашѣ прорыть каналъ между Суэцомъ и Каиромъ. Бывши сего утра во дворцѣ, имѣлъ я случай осматривать комнаты. На вопросъ Паши, какъ онѣ нравятся мнѣ? Хороши, отвѣчалъ я, только недостаетъ въ нихъ освѣщенія газомъ. Паша улыбнулся, когда я увѣрилъ его, что здѣсь можно сдѣлать такое освѣщеніе, и препоручилъ мнѣ выписать полный наборъ всѣхъ машинъ, дабы производить газъ для освѣщенія его дворца и площади передъ онымъ. При семъ порученіи должно менѣе смотрѣть на издержки, нежели на время. И потому я прошу переслать все сіе какъ можно скорѣе. Каждый день ожиданія для Паши будетъ казаться недѣлею, пока онъ не увидитъ машинъ въ дѣйствіи. Если онѣ ему понравятся, то онъ намѣренъ заказать три аппарата для Каира. Тогда его зять и всѣ знатные вѣрно послѣдуютъ сему примѣру.« —

Такимъ образомъ изобрѣтенія Европейцовъ переходятъ теперь въ Африку, и вѣроятно ускорятъ тамъ развитіе народнаго образованія. Въ Египетской экспедиціи, вышедшей противъ Пелопоннеза, находится теперь одинъ паровой корабль.

НЕКРОЛОГІЯ. Николай Михайловичъ Карамзинъ. Иногда съ изумленіемъ взирая, что судьбамъ Вышняго угодно бываетъ вдругъ явить на позорищѣ міра обиліе великихъ людей, не замѣчаемъли мы, что въ иное время, по волѣ Его, смерть быстро, единовременно похищаетъ у насъ сіи драгоцѣнные залоги Его величія и премудрости? Да не оскорбишь не исповѣдимыхъ судебъ Его ропотъ

Digitized by Google

нашъ; но горестное чувство невольно объемлетъ сердце наше видя, что два прошедшіе и нынѣшній годъ, во всѣхъ странахъ свѣта, какъ будто особенно похитили много людей великихъ и знаменитыхъ, людей, дѣйствовавшихъ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на поприщѣ политическомъ или на поприщѣ умственной дѣятельности! Сколько вѣнценосцовъ въ сіи годы подверглось общей участи человѣчества: Король Неаполитанскій, Король Французскій, Король Баварскій, Король Португальскій, наконецъ ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій и Августѣйшая Супруга ЕГО кончили земное бытіе свое. Исчислимъ-ли другія потери наши? Вейронъ, Жанъ-Поль, Фоссъ, Ласепедъ, Лангле, Фатеръ, Жироде, Давидъ, Карпинскій и множество другихъ мужей знаменитыхъ угасли мгновенно и быстро, одинъ за другимъ! Россія съ горестію видѣла смерть нѣсколькихъ знаменитыхъ сыновъ своихъ и — гробъ Карамзина, незабвеннаго Карамзина сталъ въ ряду другихъ гробовъ. Пламенныя желанія всѣхъ друзей его таланта, всѣхъ его соотечественниковъ не устранили роковаго мгновенія. Въ лѣтахъ еще непреклонной старости, уваженный Царемъ своимъ, почтенный отчизною, окруженный счастливымъ семействомъ и друзьями, онъ передалъ духъ свой Тому, Коему вся жизнь его была чистымъ ѳиміамомъ. Поэты Русскіе! усыпьте могилу его цвѣтами скорби! Вы, которымъ Провидѣніе вручило рѣзецъ Исторіи и внушило даръ высокаго краснорѣчія! воздвигните ему памятникъ нелестнаго сердечнаго слова!

Съ грустнымъ чувствомъ хотимъ изобразить въ немногихъ словахъ жизнь и заслуги Карамзина —

воздать дань безкорыстнаго уваженія памяти того человѣка, въ которомъ уважали мы при жизни великаго писателя и гражданина. Жизнь Карамзина не обильна происшествіями, какъ жизнь всякаго человѣка посвятившаго себя литтературнымъ и ученымъ трудамъ, въ тишинѣ своего уединенія Жизнь такихъ людей ознаменовывается дѣятельностью духа. И чѣмъ болѣе такой человѣкъ, тѣмъ разнообразнѣе могла-бъ быть его біографія, если-бы мы могли узнать все разнообразіе уединенныхъ его занятій, быстроту и силу, съ какими принимала душа его впечатлѣнія и въ образахъ понятныхъ выражала для другихъ таинственныя созданія своего созерцанія. Но гражданская жизнь Литтератора и ученаго человѣка не означается многочисленностію фактовъ, какою отличается жизнь человѣка, дѣйствовавшаго на поприщѣ политическомъ Карамзинъ родился въ Симбирской Губерніи, 1765 г. Декабря 1 дня. Способы воспитанія въ то время были еще весьма ограничены, притомъ Карамзина назначали для военной службы; но духъ его рано сказался себѣ и повлекъ юношу на другое поприще. Карамзинъ почувствовалъ, что ему предназначено дѣйствовать на согражданъ даромъ слова, пылкій умъ увлекалъ его въ область разнообразной фантазіи, требовалъ высшихъ наслажденій — и съ самыхъ юныхъ лѣтъ Карамзинъ рѣшился быть Литтераторомъ. Въ цвѣтущей молодости онъ старался самъ себя воспитывать старался напитаться высокими уроками знаній. Читая путешествіе его, видимъ, что Карамзинъ, судя по способамъ ученія его, зналъ, необыкновенно много — а ему было тогда только 25 лѣтъ! »Путешествіе сдѣлалось необхо-

Digitized by Google

димою потребностію души моей, говорилъ онъ нѣкогда самъ. Два года посвятилъ онъ путешествію по Европѣ. Кто изъ насъ не читалъ и не перечитывалъ *Писемъ Русскаго Путешественника*? Карамзинъ съ любопытствомъ взиралъ на просвѣщеніе Германіи, политическую дѣятельность Британцовъ, высокія красоты природы въ Швейцаріи и образованность Французовъ. Въ путешествіи онъ видѣлся и бесѣдовалъ съ Кантомъ, Виландомъ, Гердеромъ, Лафатеромъ, Боннетомъ и другими славными людьми того времени. Сильныя, живыя мечты свои высказалъ онъ въ описаніи путешествія своего яркими чертами. Еще до отъѣзда своего изъ Россіи, Карамзинъ занимался уже Словесностію: есть его переводы напечатанные отдѣльно и въ тогдашнихъ журналахъ По возвращеніи же, отказался онъ отъ всѣхъ другихъ упражненій и рѣшился совершенно посвятить себя Литературѣ. Не будемъ объяснять здѣсь, какимъ образомъ понялъ онъ, что̀ должно дѣлать ему въ Русской Литературѣ и какъ приняться за свое трудное и обширное предпріятіе. Оцѣнить заслугу современнаго Писателя почти не возможно; но если и положимъ, что самъ по себѣ наступалъ тогда періодъ новаго преобразованія въ Русской Словесности, и что Карамзинъ въ первыхъ опытахъ слишкомъ старался уклониться отъ слога и вкуса тогдашнихъ писателей — то все заслуга Карамзина велика и незабвенна; все ему принадлежитъ честь послѣдняго преобразованія нашей Словесности! Понимая, что въ юности Литературы всего сильнѣе подѣйствуетъ на соотечественниковъ хорошій журналъ, Карамзинъ немедленно приступилъ

Digitized by Google

къ изданію журнала и съ 1792 г. появился въ Москвѣ — *Московскій Журналъ*. Если и теперь такъ сильно бываютъ въ нашей Литтературѣ дѣйствія новыхъ изящныхъ порывовъ смѣлаго таланта, можно представить, какое дѣйствіе имѣли на соотечественниковъ сочиненія Карамзина, за 35 лѣтъ? Вскорѣ сдѣлался онъ народнымъ Писателемъ: его Журналъ читали и во дворцѣ и въ хижинахъ. До сихъ поръ сохранилась память, какъ поэты, литтераторы, всѣ имѣющіе нѣкоторое требованіе на образованность, пилигримствовали на берега Лизина пруда и къ Симонову монастырю, мечтать и думать тамъ, гдѣ мечталъ и думалъ общій любимецъ Карамзинъ Такъ увлекло всѣхъ волшебное перо Карамзина! Два года издавалъ онъ Москов. Журналъ. Въ 1794 г., прекративъ сіе изданіе, Карамзинъ выдалъ отдѣльно свои стихи и прозу, подъ скромнымъ названіемъ: *Мои бездѣлки*, и особую книжку въ родѣ альманаха; *Аглаю*; въ 1796 г. 1-ю книжку *Пантеона иностранной Словесности*; въ 1797 г. первую книжку *Аонидъ*; то и другое изданіе могутъ также почесться альманахами. Они продолжались по три года. Карамзинъ жилъ тогда въ Москвѣ. Событія надеждъ, всеобщій восторгъ произведенный его сочиненіями очаровывали его пылкую душу и отвлекали Карамзина, какъ говорятъ современники, отъ труда постояннаго. Впрочемъ, онъ тогда не опредѣлилъ еще себѣ рѣшительно родъ Литтературы, который могъ доставить ему прочную славу. Увѣряютъ, что нѣсколько времени колебался онъ между Критикою и Исторіею. но послѣдняя казалась ему и важнѣе для самостоятельности Литтературы Русской и

Digitized by Google

открывала поприще, въ Россіи совершенно новое и по предмету своему великое. Въ 1801 г. онъ уже сказалъ, въ стихахъ на восшествіе на престолъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, что посвящаетъ труды свои Исторіи отечественной. Но потомъ еще рѣшился заняться изданіемъ Журнала. Публика знала Карамзина и услышала объ его предпріятіи съ восхищеніемъ. Болѣе 1200 экз. *Вѣстника Европы*, начатаго въ 1802 г., было раскуплено въ первый годъ. Вѣстникъ показалъ, какъ созрѣли необыкновенныя дарованія Карамзина въ теченіе десяти лѣтъ, прошекшихъ послѣ изданія Московскаго Журнала. Историческія и политическія статьи явили талантъ его съ новой блестящей стороны. Въ 1803 г. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, обративъ вниманіе на предпріятіе Карамзина, удостоилъ его званія Исторіографа и въ 1804 г. наградилъ чиномъ Надворнаго Совѣтника, доставивъ средства къ безпрепятственному совершенію онаго. Тогда Карамзинъ издалъ вполнѣ свои сочиненія и отказался отъ другихъ занятій литературныхъ, посвятивъ все время на важный подвигъ — сочиненіе Исторіи Россійской. Трудность сего предпріятія не легко вообразить. Но Карамзину было предоставлено преобразовать Русскую Словесность, и научить соотечественниковъ любить и знать свою Исторію. Двѣнадцать лѣтъ занимался Карамзинъ. Въ 1811 г. онъ читалъ Исторію свою ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, былъ ободренъ ЕГО вниманіемъ (ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ ему въ 1810 г. Орденъ Св. Владиміра 3 ст., а въ 1812 г. чинъ Коллежскаго Совѣтника) и удовлетворилъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ соотечественниковъ, въ

Digitized by Google

1816 г. рѣшившись издать 8 томовъ *Исторіи Государства Россійскаго.* Трудъ сей всегда будетъ великъ, хотя со временемъ, вѣроятно Исторія достигнетъ высшей степени и въ самомъ выраженіи и въ сущности. То неоспоримо, что Исторія Гос. Росс. была первое твореніе Русское, заслужившее Европейскую славу, переведенное на иностранные языки и ознаменовавшее раждающуюся самобытность Русской Литтературы. Съ 1816 г. до самой смерти Карамзинъ жилъ въ С. Петербургѣ, трудился надъ Исторіею и наслаждался тихимъ вечеромъ жизни, ознаменованной всеобщимъ уваженіемъ и славою. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ удостоивалъ Карамзина личнымъ благосклоннѣйшимъ вниманіемъ, и въ 1815 г. наградилъ его Орденомъ Св. Анны I степ. и чиномъ Статскаго, а въ 1824 г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Три тома Исторіи Г. Р. выданы были Карамзинымъ до 1825 г. Здоровье его ослабѣвало, но духъ былъ еще бодръ. Карамзинъ надѣялся довести повѣствованіе до важной эпохи восшествія дома Романовыхъ на престолъ Россіи. Потомъ, если силы позволятъ, издать томахъ въ двухъ обзоръ Русской Исторіи до Петра Великаго и до вступленія Россіи въ кругъ Европейской политики.

Но не такъ опредѣлило Провидѣніе! Жестокая болѣзнь разстроила въ 1825 г. здоровье Карамзина; горестная вѣсть о кончинѣ ГОСУДАРЯ Благодѣтеля поразила его чрезвычайно. Напрасно, истинно-Царское великодушіе и участіе ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА услаждали послѣдніе дни его. 13 Мая, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ опредѣлилъ Карамзину, по случаю отъѣзда его за границу, 50 тысячъ рублей, обращая сумму сію въ пенсіонъ по-

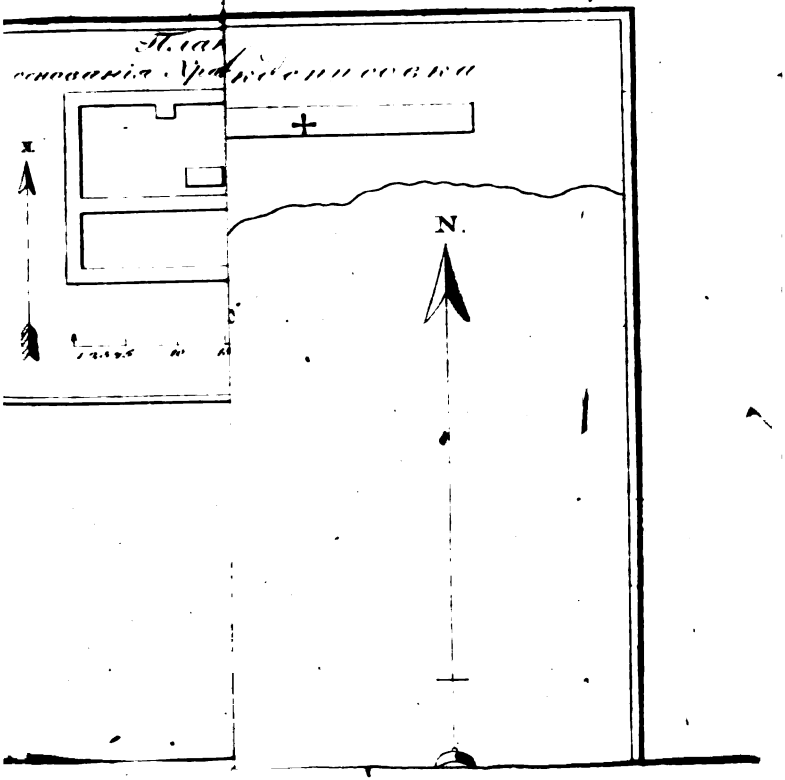
Digitized by Google

жизненный, съ тѣмъ, чтобы по смерти произ-водился оный женѣ его и дѣтямъ, и кромѣ того по-велѣлъ снарядить особенно фрегатъ, на которомъ Карамзинъ могъ-бы отправиться для поправленія своего здоровья въ благорастворенномъ климатѣ Прованса или Италіи — 22 Мая, во 2-мъ часу по полудни, Карамзинъ скончался. 25 Мая, онъ похоро-ненъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, тамъ, гдѣ покоится прахъ великаго Ломоносова.

Тридцать четыре года Русскіе восхищались твореніями Карамзина. Съ воспоминаніями юности нашей сливается воспоминаніе наслажденія, какое чувствовали мы читая его творенія, съ пламеннымъ жаромъ сердца, жаднаго новыхъ чувствъ и ума, раскрывающаго очаровательный міръ мыслей. Почтимъ благодарнымъ, неизмѣннымъ воспоминаніемъ память Карамзина. Имя его будетъ незабвенно въ Исторіи нашего просвѣщенія. Душа Писателя видна въ твореніяхъ. Въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина узнаете согрѣвающее душу чувство доб-ра. Въ послѣдующихъ раскрывается его обширный умъ и неизмѣнная до самаго гроба любовь ко Изящ-ному, и ревностное усердіе ко благу и счастію человѣчества. Кромѣ 11 томовъ *Исторіи Государ-ства Россійскаго*, Сочиненія Карамзина (изд. М. 1820 г.) составляютъ 9 томовъ; къ нимъ послѣ присовокуплено было еще 9 томовъ разныхъ Пере-водовъ его.

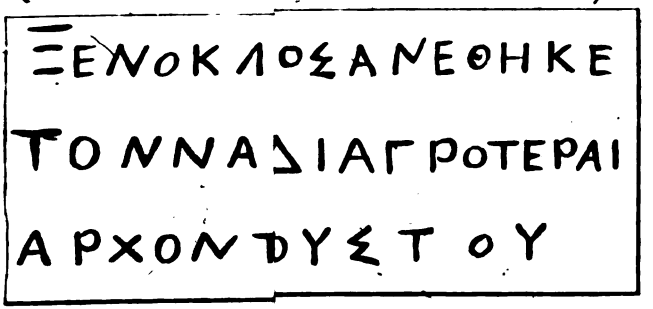
Digitized by Google

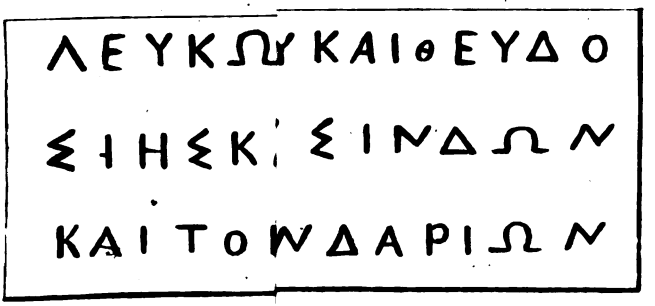
Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google





ΞΕΝΟΚΛΟΣΑΝΕΘΗΚΕ
ΤΟΝΝΑΔΙΑΓΡΟΤΕΡΑΙ
ΑΡΧΟΝΤΥΣΤΟΥ

ΛΕΥΚΩΥΚΑΙΘΕΥΔΟ
ΣΙΗΣΚΙΣΙΝΔΩΝ
ΚΑΙΤΟΝΔΑΡΙΩΝ

Каждый изъ сихъ На первомъ камн. трещин.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть IX.

Отдѣленіе второе.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.
II. СМѢСЬ.

Digitized by Google

И — совершается день твой стройно, властитель природы.
Такъ мрачится туманомъ и тучами генія путь;
Но ударитъ твой часъ, свѣта любимое чадо,
Въ славѣ возносишся ты изъ за тучь, рѣдѣетъ туманъ
И — летитъ дождемъ благотворнымъ невѣжества тма! . . .

Курганъ Марили.

(Изъ народной Литовской пѣсни.)

Погонщикъ витины (*), Пастушка, Янъ, Мать и Подруга.

Погонщикъ.

На брегѣ Нѣмана, гдѣ ручеекъ игривый
Свой недалекій путь скончалъ
И тихую струю съ волной его сліялъ —
Чей вижу я курганъ красивый?
Обсаженный кругомъ
Шиповникомъ, малиною и терномъ —
И вкругъ одѣтый свѣжимъ дерномъ —
И кустъ черемухи на немъ,
Обвѣшанный завялыми вѣнками;
И отъ него по сторонамъ
Я три дорожки видѣлъ тамъ —
Одна идетъ между полями,

(*) На берегахъ Нѣмана сіе слово и Рускими совершенно принято: оно означаетъ большую барку.

Digitized by Google

Другая въ томъ рыбачій домъ,
А третья къ хижинѣ пустынной. . . .
Я тамъ присталъ съ моей вишнёй —
Скажи, пастушка, чей то холмъ?

Пастушка.

Спроси хоть у деревни цѣлой,
Всѣ скажутъ: въ хатѣ опустѣлой
Пастушка кроткая жила,
Прекрасная и добрая Марила —
Она весною умерла,
Курганъ — ея могила,
Тропинка межь полей —
То слѣдъ ея младаго друга;
Изъ хаты мать приходитъ къ ней,
Изъ домика подруга;
Уже заря — свѣтло кругомъ —
Они сей часъ придутъ на холмъ. . . .
Коль хочешь, то иди за мною —
Мы спрячемся за той вербою —
Они насъ не увидятъ тамъ.
Ты посмотря на нихъ, заплачешь вѣрно самъ. . . .
Смотри! Вотъ другъ идетъ: какой унылый, блѣдный!
Какъ онъ перемѣнился бѣдный!
Смотри — вотъ мать въ слезахъ —
А вотъ и добрая подруга —
Онѣ здѣсь жили другъ для друга. . . .
Всѣ идутъ тихо — шагъ за шагъ,
Несутъ вѣнки ей, розы
И слезы.

Янъ.

Мариля! до сихъ поръ
Еще мы не видались —

Digitized by Google

Еще не цѣловались!
А солнце выше горъ! . . .
Я дожидаюсь — ужь не рано. . . .
Уже-ль ты утро проспала?
Или ты сердишся на Яна —
И въ поле безъ него пошла?
Мариля! солнце ужь высоко! . . .
Ахъ, нѣтъ! не проспала ты дня —
Ты не сердита на меня. . . . .
Но ты глубоко. . . . ты глубоко! . . .
Ты въ гробѣ — ты въ землѣ сырой —
Ты тамъ въ неволѣ:
Ты не увидишся со мной —
Тебя я не увижу болѣ.
Бывало прежде я съ тобой
Простася вечеромъ украдкой,
Съ надеждой спать иду домой,
Что мы увидимся съ зарёй —
И спалъ я крѣпко — спалъ я сладко.
Теперь не спится дома мнѣ —
Сегодня спать приду къ кургану. . . . .
Съ тобой увижусь хоть во снѣ —
И можетъ быть уже не встану. . . . . .
На что отцу я своему?
Когда я былъ счастливымъ —
Я былъ трудолюбивымъ,
Все было хорошо въ дому.
Сосѣди всѣ меня хвалили,
Хвалилъ меня отецъ сѣдой —
И мы тогда богато жили;
Теперь отецъ бѣднѣетъ мой —
А я ни людямъ — и ни Богу!
Я не работаю давно:

Digitized by Google

Пусть на поляхъ гніетъ зерно,
Пусть сѣно шащутъ всѣ со стогу,
Пусть хлѣбъ нашъ крадетъ злой сосѣдъ,
Пусть волки разгоняютъ стадо —
Мнѣ здѣсь ужъ ничего не надо:
Марили нѣтъ! Марили нѣтъ! . . . .
Отецъ! не строй мнѣ новой хаты —
Я не женюся ни на комъ. . . . .
Напрасно, ласковые сваты,
Напрасно ходите въ нашъ домъ —
Уже-ли вы забыли,
Что нѣтъ Марили? Нѣтъ Марили!
Я не могу . . . не въ силахъ я —
Прощай, прощай моя семья —
Я далеко уйду съ печали —
И не найдете вы меня,
Хотя-бы вы меня искали. . . .
Я не вернуся больше къ вамъ,
Пристану къ Москалямъ (*),
Чтобы меня убили — —
Ахъ, нѣтъ, ахъ, нѣтъ моей Марили! . . . .

Мать.

Зачѣмъ я проспала разсвѣтъ?
Уже всѣ люди въ полѣ —
Марили нѣтъ! Марили нѣтъ!
Будитъ никто не придетъ болѣ . . . . .
Я ночь всю провела въ слезахъ,
Уснула я передъ зарею . . .
Давно мой Симонъ на лугахъ —
Ушелъ онъ, не простясь со мною —

(*) Москалями называютъ вообще всѣхъ Русскихъ, но преимущественно солдатъ.

Digitized by Google

Не разбудилъ меня, моихъ напрасныхъ слёзъ —
Безъ завтрака ушелъ на сѣнокосъ . . . . .
Коси себѣ — коси день цѣлой —
Что дѣлать въ хатѣ опустѣлой? . . .
Я здѣсь осланусь на холму —
Мнѣ тяжело въ моемъ дому . . . .
Теперь должны все дѣлать сами:
Кто насъ попросилъ на обѣдъ?
И у стола кто сядетъ съ нами? . . .
Марили нѣтъ! Марили нѣтъ! . . .

Покуда съ ней мы жили —
Мы жили будто въ небесахъ:
У насъ и вечеринки были,
Вино и пиво на столахъ —
Со всей деревни парни, дѣвки
Къ намъ заходили каждый часъ;
Зажинки, шумныя досѣвки (*)
Всегда у насъ, всегда у насъ — — —
Теперь нашъ домъ пустыня: нѣтъ родимой!
Кто ни идетъ — все мимо, мимо!
И не заглянутъ въ домъ пустой —
Весь дворъ заросъ уже травой. . .
Насъ Богъ и люди позабыли —
Ахъ, нѣтъ Марили! нѣтъ Марили: . . .

Подруга.

Вотъ здѣсь бывало мы вдвоемъ
Съ тобой сидѣли на досугѣ — —
Я о твоемъ счастливомъ другѣ —

(*) Почти во всѣхъ Польскихъ деревняхъ сіи праздники свято наблюдаются: и й при началѣ жатвы, а й при концѣ посѣва.

Digitized by Google

Ты говорила о моемъ. . . .
Кѣмъ злую замѣну потерю? —
Мариля! нѣтъ уже тебя!
Кто здѣсь повѣритъ мнѣ себя?
Кому и я себя повѣрю?
Ахъ! ты теперь любви моей
Не раздѣляешь грусть и сладость:
Печаль я чувствую сильнѣй —
А радость — безъ тебя — не радость. . . .
— — — — — — — — — —

Пловецъ, растроганный, узналъ
Ихъ тяжкой горести причину —
Вздохнулъ . . . заплакалъ . . . и погналъ
Свою вишину. . .

Кіевъ.
1825, Октября 5 д.

Изъ сог. Мицкевича — Ю. Познанскій.

Лилея.

Изображенье красоты,
Цвѣтокъ лилеи бѣлоснѣжной!
Цвѣтъ нашей жизни, какъ и ты,
Съ весною вянетъ неизбѣжно.
Какъ у тебя листъ за листомъ
Примѣтно время отнимаетъ,
Такъ наша радость съ каждымъ днемъ
Невозвратимо улетаетъ! . . .
Ловите, други, въ цвѣтѣ лѣтъ
Любви и жизни наслажденья! . . .

Digitized by Google

Пока ихъ радостный привѣтъ
Не улетѣлъ безъ возвращенья . . . .
Весна бѣжитъ, какъ съ горъ потокъ;
И вѣтромъ сорванный въ долинѣ
Намъ всякой говоритъ цвѣтокъ
О нашей горестной судьбинѣ! . . .

Съ Франц. В. Астафьевъ.

К ъ ***.

Не вѣрь глазамъ: они для всѣхъ;
Въ одномъ лишь сердцѣ справедливость.
Ни дѣвы рѣзво-юной живость,
Огнистый взоръ, игривый смѣхъ,
Ни станъ ея свободный, гибкой,
Не воспалятъ души моей:
Сравняю-ль ихъ съ одной улыбкой
Твоихъ задумчивыхъ очей?
Ахъ! сердце лишь къ тебѣ прильнетъ,
И голосъ твой, какъ райскій звукъ,
Сказавъ »люби меня, мой другъ«
Одинъ всю душу мнѣ проникнетъ.

Н. И - П. —

Digitized by Google

Верховное благо (*).

Хочешь-ли имѣть образъ нашего просвѣщенія и невѣжества? Представь себѣ людей, заключенныхъ въ подземномъ мрачномъ жилищѣ, въ глубину котораго едва проникаетъ дневный свѣтъ посредствомъ длиннаго отверстія въ сводахъ пещеры. Здѣсь они съ младенчества живутъ окованные по ногамъ и по выямъ. Почти недвижимые, они могутъ видѣть только впереди себя; тяжелыя узы не позволяютъ имъ свободно обращать головы своей. Яркій лучь, высоко и далеко надъ ними пылающій, падаетъ позади ихъ. Узники даже не видятъ пути его. Онъ падаетъ на стѣну, передъ ними возвышающуюся, наподобіе непроницаемаго занавѣса; на которомъ изъ волшебныхъ фонарей для любопытства черни рисуются странныя фигуры. На сей стѣнѣ мелькаютъ предъ ними различные предметы, статуи, животныя, изваянныя изъ камня или изъ дерева, и произведенія всякаго рода. Люди, пронося сіи вещи, иногда разговариваютъ между собою, иногда проходятъ въ молчаніи. Странная картина! непонятные узники! Но не себя-ли мы видимъ въ семъ изображеніи?

Сіи жители мрака могли-ль когда видѣть что либо другое кромѣ тѣни своей,

(*) Изъ сочиненій Платона.

Digitized by Google

которая сіяніемъ луча рисуется предъ ними на противоположной стѣнѣ? Какимъ образомъ, если они во всю жизнь свою принуждены оставаться съ неподвижною главою? Не одну-ли тѣнь представляютъ имъ и другія вещи, кои проносятся позади ихъ? И если они могутъ разговаривать, то не назовутъ-ли дѣйствительностію то, что видятъ? Необходимо. Если подземное эхо можетъ переносить къ нимъ голоса и слова проходящихъ, то подумаютъ-ли они, что другой кто нибудь говоритъ, кромѣ мелькающей тѣни? Не возможно. Они почитаютъ истиною одинъ пустой призракъ.

Но расторгнемъ узы ихъ и предположимъ, что природа наконецъ хочетъ исцѣлить ихъ отъ долгаго заблужденія. Одинъ изъ нихъ, освободясь, вдругъ встаетъ, вращаетъ выю, идетъ и взираетъ на свѣтъ. Но всѣ сіи движенія ему причиняютъ боль, слишкомъ яркій свѣтъ не позволяетъ ему смотрѣть на то, чего онъ видѣлъ одну тѣнь. Что, думаешь ты, онъ будетъ отвѣчать тому, кто ему скажетъ, что прежде онъ видѣлъ только призраки, а теперь онъ ближе къ самымъ вещамъ, ближе къ дѣйствительности и что видимое уже не обманываетъ его? Кто, указавъ ему какой-либо предметъ предъ глазами его, спроситъ у него, что это? Онъ будетъ сомнѣваться и почтетъ болѣе истиннымъ то, что видѣлъ прежде,

Digitized by Google

нежели что, что теперь ему показывают. Заставь его взирать на свет: глаза его почувствуют боль; он убежит, возвратится к тому, что не ослепляет его, и скажет: вот самая действительность.

Но извлечем его, противу воли его, из сего заключения, путем шероховатым и крутым, не оставим его, доколе он не выдет на солнечный свет. Как он сердится, негодует на сие насильство. Вдруг свет поражает взоры его. Ослепленный, он не может различить ни одного из тех предметов, кои мы называем истинными. Не вдруг, но постепенно привыкая, кажется, он может смотреть на сей новый для него мир. Сначала взоры его легче будут видеть в тени; потом он будет различать в зеркале вод изображения людей и других предметов; потом будет видеть самые предметы; далее, он охотнее будет рассматривать в тихой ночи небеса, луну и звезды, нежели днем солнце и дневное сияние; наконец и солнце не в зеркале водном, и не в другом отраженном виде, но самое, истинное, не поражает взоров его болезнию: уже он может видеть и удивляться ему на небесной высоте его. Теперь он заключает, что сие светило есть отец времен года и годовых круговращений, есть царь всего видимаго мира и причина всего, что подвер-

Digitized by Google

жено нашимъ чувствамъ. Таковы успѣхи его разума.

И теперь вспоминая о прежнемъ своемъ жилищѣ, о подземной мудрости, о собратіяхъ-узникахъ, не долженъ-ли онъ радоваться своей перемѣнѣ и сожалѣть объ участи оставшихся? Возбудятъ-ли его желаніе почести, похвалы и награды, кои у нихъ въ подземельѣ давались тому, кто яснѣе видитъ проходящіе призраки, кто лучше различаетъ, какіе изъ нихъ предшествуютъ, какіе послѣдуютъ, какіе вмѣстѣ идутъ и по тому можетъ предсказывать будущее? Позавидуетъ-ли несчастнымъ, кои въ сихъ почестяхъ полагаютъ свою славу и могущество? Скорѣе онъ, какъ Гомеровъ Герой, согласится быть невольникомъ бѣднѣйшаго земледѣльца, скорѣе подвергнется всѣмъ бѣдствіямъ, нежели возвратится въ прежнюю обитель заблужденія и невѣжества. И чего онъ не предпочтетъ столь жалкой жизни?

Но представимъ, что онъ опять сошелъ въ прежнее жилище — опять между собратіями-узниками. Не глубокая-ли тма покроетъ очи его послѣ внезапнаго удаленія отъ солнца? И если-бъ ему опять надлежало здѣсь спорить въ искуствѣ различать тѣни — онъ слѣпорствуетъ; взоры его не могутъ остановиться ни на одномъ предметѣ, и доколѣ онъ опять не привыкнетъ видѣть во тмѣ — въ сіе нехорошкое время, не будетъ-ли онъ пред-

Digitized by Google

нетомъ насмѣшки, не скажутъ-ли, что онъ, вознесясь выспрь, потерялъ зрѣніе; что таковые опыты вредны, непозволительны? И всякой, кто дерзнетъ разрушить ихъ оковы и вознестись горѣ, если можно, по всей справедливости долженъ быть схваченъ и убитъ.

Вотъ наше состояніе. Подземное жилище есть сей видимый міръ. Свѣтъ во тмѣ блистающій есть наше солнце. Узникъ восходящій горѣ, которому представляется совсѣмъ новое зрѣлище, есть душа, возносящаяся къ источнику всякаго познанія. Принявши сіе, ты видишь мои надежды, кои я въ ней полагаю; Богъ знаетъ, истинны-ли онѣ; но я въ нихъ несомнѣнно увѣренъ.

Въ области идей, идея верховнаго блага есть самая высокая и едва постижимая. Но кто однажды постигъ ее, тотъ видитъ въ ней причину всего добраго и прекраснаго: въ видимомъ она производитъ свѣтъ и подателя свѣта; въ умственномъ она есть истина и самое разумѣніе. Вознесемся къ ней, если желаемъ жить разумно съ ближними своими и сами съ собою. Другъ мой! послѣдуй за мною, разсмотри самъ и не удивляйся тому, что возвышающіеся до сей идеи не хотятъ пресмыкаться въ дѣлахъ ничтожныхъ, но стремятся душею къ горней бесѣдѣ. Такъ узникъ, коего изображеніе мы видѣли, неохотно возвращается въ прежнія оковы. И удивитель-

Digitized by Google

но-ли, что человѣкъ, отъ божественныхъ умозрѣній переходя къ жалкимъ дѣламъ человѣческимъ, въ глазахъ черни дѣлается предметомъ посмѣянія? Взоры его теряются во мракѣ, еще онъ не привыкъ къ ночи насъ окружающей и уже долженъ въ судилищахъ нашихъ или въ другихъ собраніяхъ спорить о тѣни, о призракахъ справедливости, долженъ состязаться о ней съ тѣми, кои никогда не видали ее. Не забудь другъ истины, что если переходъ отъ мрака къ свѣту несносенъ для непривыкшихъ глазъ, то и переходящій отъ свѣта во тьму можетъ казаться слѣпымъ. Зная причины, помрачающія зрѣніе душевное, когда ты увидишь человѣка смущеннаго, разсѣяннаго, нечувствительнаго ко всему окружающему его — удержись отъ дерзкой насмѣшки и напередъ разсмотри: помрачается-ли душа его, переходя отъ свѣта истины въ ночь заблужденія, или выходя изъ бездны невѣжества, она потупляетъ взоры свои отъ слишкомъ яркаго свѣта? Уважь страданіе и жизнь перваго и пожалѣй о послѣднемъ. А если хочешь посмѣяться, то простительнѣе смѣяться надъ послѣднимъ, нежели надъ тѣмъ, кто озарился свѣтомъ небеснымъ.

Если это истинно, то мы должны себѣ представить и то, что просвѣщеніе не таково, какимъ его представляютъ нѣкоторые Софисты, которые говорятъ, что въ душѣ нѣтъ никакихъ познаній, но

Digitized by Google

онѣ сообщаются ей ихъ уроками, какъ слѣпому зрѣніе. Мы-же говоримъ: какъ взоръ изъ мрака не иначе обращается къ свѣту какъ посредствомъ движенія всего тѣла, такъ и сила присущая въ душѣ каждаго и органъ разумѣнія со всею душею, отвлекаясь отъ случайнаго, долженъ возноситься къ созерцанію единаго вѣчнаго свѣта. Сіе есть верховное благо.

(Съ Грек.)

Нѣчто о книгѣ: Phantasien über die Kunst, von einer Kunstliebenden Klosterbruder *(Объ искуствѣ и художникахъ — размышленія отшельника, любителя Изящнаго)* (*).

Сочинитель рѣдко бываетъ способенъ говорить безпристрастно о своемъ про-

(*) Книга, о которой изложены здѣсь замѣчанія, издана *Тикомъ*, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ Нѣмецкихъ Писателей нашего времени. Гг-да Титовъ, Мельгуновъ и Щедыревъ отдѣльно переводили ее, и нынѣ, собравши переводы свои, рѣшились издать всю книгу вполнѣ. Появленіе ея конечно порадуетъ друзей Изящнаго, которые лишены были наслажденія читать ее въ подлинникѣ. Мы просили Г-дъ Переводчиковъ показать предварительно опытъ прекраснаго труда ихъ публикѣ, и они, согласившись помѣстить въ Телеграфѣ одну изъ статей находящихся въ сей книгѣ, доставили намъ и замѣчанія, которыя даютъ о ней понятіе вообще. Въ непродолжительномъ времени весь переводъ будетъ изданъ. *Изд.*

Digitized by Google

изведеніи; но переводчику не только извинительно, даже естественно, предъ появленіемъ въ свѣтъ переведенной имъ иностранной книги изъяснить публикѣ — почему она обратила на себя его вниманіе, и какого дѣйствія онъ ждетъ отъ нея въ своемъ отечествѣ.

Россія, въ XVIII вѣкѣ принявъ Науки отъ Европы, долго и въ Искуствѣ слѣдовала недостаточнымъ, опытнымъ теоріямъ XVIII вѣка; но по законамъ непрерывнаго усовершенія ума, должны были наконецъ поколебаться основанія сихъ теорій и уступить мѣсто новымъ, удовлетворительнѣйшимъ выводамъ. Въ Европѣ наступилъ уже сей переворотъ — на Искуство начали смотрѣть съ высшей точки зрѣнія; Россія въ семъ случаѣ является достойною сподвижницей Европы — и благодарность заслуживаютъ мужи, которые въ математическихъ твореніяхъ распространяютъ въ нашемъ Отечествѣ основательнѣйшія мнѣнія объ Изящномъ. Но доказательства ума только тогда имѣютъ на людей рѣшительное дѣйствіе, когда они трогаютъ сердце; и къ чести вѣка, въ коемъ мы живемъ, должно замѣтить, что его изслѣдованія убѣждаютъ въ неразлучности сихъ двухъ сторонъ бытія нашего, въ томъ, что человѣкъ, чѣмъ болѣе мыслитъ, тѣмъ болѣе находитъ поводъ любить Бога, природу и себѣ подобныхъ. Равнымъ образомъ, новѣйшая

Digitized by Google

теорія Изящнаго, выводя его изъ духа и свободной воли, правильнѣе и притомъ отраднѣе прежнихъ объясненій, взятыхъ изъ разума и чувствъ.

Если книга, которой обзоръ представляемъ теперь публикѣ, можетъ способствовать у насъ введенію точнѣйшихъ мнѣній объ Искусствѣ — это потому, что она подѣйствуетъ именно на сердце. Какъ видно изъ предисловія къ ней Издателя, она большею частію собрана изъ Записокъ *Вакенродера*, котораго ранняя кончина похитила у Германіи, подобно столь многимъ цвѣтущимъ талантамъ нынѣшняго вѣка (*), и который въ зрѣломъ возрастѣ вѣрно-бы оказалъ великія услуги теоріи Искусства, страстно имъ любимаго. Онъ обладалъ Музыкою, былъ любитель Живописи, и чувства, возбужденныя въ немъ великими произведеніями Искусствъ и чтеніемъ ихъ исторіи, живо изобразилъ въ отрывочныхъ статьяхъ, которыя здѣсь собраны. Потому обманется, кто будетъ искать въ нихъ строгой системы и доводовъ; но онѣ заслуживаютъ вниманіе мыслящаго, какъ живыя изліянія души, напитанной любовію къ Изящному. Вакенродеръ, творя свои *фантазіи* (такъ сіе

(*) Кернеръ, Зонненбергъ, Новалисъ, Сольгеръ — снискавшіе себѣ прочную славу какъ Поэты или какъ мыслители — всѣ преждевременно утрачены для своего вѣка и отчизны.

Digitized by Google

собраніе названо въ Нѣмецкомъ), слѣдовалъ какъ будто одному голосу сердца, и дошелъ до тѣхъ-же самыхъ мыслей объ Искуствѣ, къ которымъ строгій рядъ изслѣдованій умственныхъ привелъ мыслителей Германскихъ. Главное, что можно извлечь изъ чтенія сей книги, есть слѣдующее: 1) Идеалъ Изящнаго въ Искуствѣ не есть холодная компиляція предметовъ, представляемыхъ внѣшнею природою, но свободное и живое произведеніе человѣческаго духа, который въ немъ достигаетъ совершеннаго согласія съ самимъ собою и съ природою, искомаго повсюду, и нигдѣ не обрѣтаемаго. 2) Созерцаніе твореній Изящнаго Искуства потому не есть одна забава разума и чувствъ, но наслажденіе чисто духовное, котораго плодъ есть назиданіе души и благородствованіе всѣхъ нашихъ наклонностей.

Вся книга раздѣлена на два отдѣла: одинъ заключаетъ статьи о Живописи и объ Искуствѣ вообще, другой — статьи о Музыкѣ. — Надобно замѣтить, что молодой Авторъ, кажется, въ особенности имѣлъ случай заниматься художествомъ среднихъ вѣковъ и вообще романтическимъ родомъ Поэзіи; можетъ быть, свобода и возвышенность онаго болѣе плѣняли его пламенную душу, нежели правильность и прелесть твореній златаго вѣка Древности. Къ этому должно отнести его молчаніе о Пластикѣ, какъ искуствѣ принад-

Digitized by Google

лежавшемъ древнему міру болѣе, чѣмъ новому. — Большая часть перваго отдѣла посвящена описанію примѣчательностей жизни и характера тѣхъ коренныхъ родоначальниковъ Европейской Живописи, кои существовали въ XVI вѣкѣ, каковы: Рафаэль, Михель-Анжело, Леонардо да-Винчи, Пьеръ ди Козимо, Альбрехтъ Дюреръ, Франческо Франчіа и другіе. »Характеръ »каждаго отдѣльно художника,« говоритъ между прочимъ Авторъ, »долженъ для »мыслящаго быть особою картиною, и »рядъ такихъ картинъ представитъ ему »вѣрное зерцало человѣческаго духа« — такую важность приписываетъ онъ изученію жизни и характера Геніевъ-художниковъ. Кромѣ сихъ описаній, въ 1 мъ отдѣлѣ встрѣчается три общихъ статьи: *О нравственномъ дѣйствіи Изящныхъ Искусствъ; Объ отношеніи ихъ къ изящному въ природѣ; О терпимости всѣхъ родовъ Изящнаго;* сверхъ того два отрывка: *Церковь Св. Петра и Письмо молодаго живописца изъ Рима къ своему другу въ Германію*, въ которыхъ съ Лирическимъ жаромъ представлено дѣйствіе на душу храмоваго Зодчества и литургіи Римско-Католической. Весь первый отдѣлъ заключается стихотворнымъ *разговоромъ юноши съ Музою* предъ портретами славнѣйшихъ живописцовъ, гдѣ въ совокупности представлены разительныя отличія ихъ характеровъ. Всѣ статьи сего отдѣ-

Digitized by Google

ма примѣчательны въ особенности по двумъ причинамъ: 1 что въ нихъ вездѣ показано тѣсное соединеніе піитическаго восторга съ стремленіемъ духа къ безконечному; 2) что при всемъ уваженіи къ иностраннымъ живописцамъ повсюду въ нихъ видна любовь къ народному художеству — и восторгъ, съ каковымъ Авторъ, говоря объ Альбрехтѣ Дюрерѣ, переноситъ насъ въ тѣ времена, когда цвѣла оригинальная Германская живопись, назидателенъ для всякаго народа, особенно для насъ, еще не приобыкшихъ соединять уваженіе къ иностранному съ любовію къ отечественному.

Второй отдѣлъ, котораго предметъ — Музыка, начинается здѣсь предлагаемою повѣстію; ея герой лице идеальное, но въ подробностяхъ ея можно найти сходное съ нѣкоторыми чертами жизни Моцарта и Гайдена. Въ Музыкантѣ, котораго искуство всѣхъ неопредѣленнѣе и менѣе всѣхъ себѣ находитъ соотвѣтствія въ природѣ, менѣе всего видѣнъ расколъ между идеалами души и отношеніями житейскими Сей расколъ изображенъ въ *жизни Іосифа Берлингера*, и почти во всѣхъ ему приписанныхъ послѣдующихъ отрывкахъ, изъ которыхъ первый есть *Чудесное сказаніе Востока*, гдѣ подъ покровомъ аллегоріи видимъ ту-же самую вражду человѣка внутренняго съ внѣшнимъ, и примиреніе сей вражды силою Музыки.

Digitized by Google

Остальныя статьи суть или размышленія о Музыкѣ, гдѣ сіе искусство представляется во всемъ своемъ величіи, и Авторъ не рѣдко съ удачною смѣлостію испытываетъ переводить въ слова и въ образы неизъяснимый языкъ тоновъ — или *письма* Берглингера къ своему другу-отшельнику, которыхъ содержаніе можетъ быть подведено подъ сію мысль, составляющую конецъ послѣдняго изъ нихъ, и вмѣстѣ конецъ книги: »И такъ »во всю жизнь моя душа будетъ подобна »воздушной Эоловой арфѣ: чуждое, не»знакомое дыханіе вѣетъ въ ея струны, »и вѣтреные зефиры по волѣ играютъ ею.« Такъ изображено состояніе Музыканта, или, лучше сказать, всякаго Поэта — блаженное, безпечетное и неровное.

Что Вакенродеръ въ своихъ фантазіяхъ всего болѣе руководился голосомъ сердца, въ этомъ удостовѣряетъ та особенность слога, которая вмѣстѣ придаетъ неизъяснимую прелесть и неотъемлемое клеймо оригинальности каждой его мысли. Вездѣ сохраненъ характеръ отшельника, каковому онъ приписалъ свои фантазіи, начитанность въ лѣтописяхъ средняго вѣка и чувство не столько живое, сколь глубокое и благоговѣйное, съ которымъ говоритъ онъ объ Изящномъ и Божественномъ, такъ очаровываютъ читателя на Нѣмецкомъ, что иногда подумаешь, бу-

Digitized by Google

то-бы въ самомъ дѣлѣ читаешь древнюю легенду.

Докончивъ обзоръ переведенной нами книги, считаемъ за долгъ сказать еще опредѣленнѣе — что обратило на нее наше вниманіе. Она представляетъ Искусство съ благороднѣйшей, духовной стороны — заставляетъ болѣе любить его, притомъ-же отучаетъ отъ вредной привычки: судить о всѣхъ твореніяхъ Искусства по одному образцу ихъ, какъ на пр. по образцу Грековъ, ощутительно доказывая, что для совершеннаго понятія художника необходимо — переселиться въ его собственный міръ, его страну и время, и тогда уже спрашивать, исполнилъ-ли онъ общія условія Изящнаго; а какъ изъ сего слѣдуетъ, что для полнаго наслажденія твореніемъ Искусства должно вопервыхъ знать временныя и мѣстныя условія, при которыхъ оно возникло, вовторыхъ общія условія, при коихъ оно можетъ называться Изящнымъ — но для сего нужно — познаніе Исторіи Изящнаго и Философское познаніе законовъ, по какимъ стремленіе къ Изящному существуетъ въ ряду свойствъ нашего духа. Мы позволяемъ себѣ питать надежду, что нашъ трудъ, какъ Переводчиковъ, возбудитъ хотя въ немногихъ усилія къ пріобрѣтенію того и другаго познанія.

Digitized by Google

Примѣчательная музыкальная жизнь Художника Іосифа Берглингера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Часто, обративъ взоры на прошедшее, я съ наслажденіемъ собиралъ сокровища въ Исторіи Искуства минувшихъ столѣтій; теперь мой духъ влечетъ меня остановить взглядъ на временахъ настоящихъ и разсмотрѣть жизнь одного художника, знакомаго мнѣ отъ самой ранней его юности, моего искренняго друга. Ахъ, мой Іосифъ! Къ несчастію, ты скоро отлетѣлъ отъ земли: не легко мнѣ найти другаго тебѣ подобнаго. Но я ищу отрады въ воспоминаніи, пробѣгу въ мысляхъ съ самаго начала всю повѣсть души твоей, такъ какъ часто ты самъ въ веселые часы подробно мнѣ ее разсказывалъ, и съ тѣмъ-то чувствомъ, съ какимъ я понималъ тебя, перескажу ее тѣмъ, которымъ она принесетъ наслажденіе.

Іосифъ Берглингеръ родился въ маленькомъ городкѣ Южной Германіи. Мать Іосифа цѣною жизни выкупила его рожденіе; отецъ, уже близкій къ старости, былъ Докторомъ Медицины. Нужда стѣсняла жизнь его и счастіе обратилось къ нему спиною. Жаркаго пота стоило ему прокормить себя и шестерыхъ дѣтей (у Іосифа было пять сестеръ) и тѣмъ труднѣе,

Digitized by Google

что недоставало въ домѣ благоразумной хозяйки.

Отецъ Іосифа сначала имѣлъ мягкое и доброе сердце; помощь, совѣтъ и милостыня ближнему по силѣ и возможности составляли всю радость его жизни; послѣ добраго дѣла онъ отдыхалъ лучше обыкновеннаго; долго съ душевнымъ умиленіемъ благодаря Бога, могъ вкушать отъ благихъ плодовъ своего сердца и трогательныя чувствованія были любимою пищею души его. Не льзя безъ глубокаго благоговѣнія, безъ искренней любви взирать на завидную простоту сихъ душъ, которыя въ обыкновенныхъ сердечныхъ изліяніяхъ находятъ неистощимый источникъ радости, и это наслажденіе составляетъ ихъ рай земной: оно примиряетъ ихъ съ міромъ и вѣчно питаетъ въ груди внутреннее самодовольствіе. Съ такимъ-то чувствомъ Іосифъ смотрѣлъ на родителя; но Небо опредѣлило Іосифу стремиться къ чему-то высшему: онъ не доволенъ былъ однимъ здравіемъ души; трудъ и благодѣяніе — ея обыкновенныя земныя занятія — не удовлетворяли его порывамъ: Іосифъ хотѣлъ, чтобъ душа его ликовала въ восторгѣ обильномъ и съ торжествомъ парила къ отчизнѣ своей — къ небу.

Другія занятія имѣли вліяніе на душу отца его. Онъ былъ врачъ трудолюбивый, добросовѣстный, время жизни посвящалъ изслѣдованію внутреннихъ тайнъ тѣла

Digitized by Google

человѣческаго и съ удовольствіемъ предавался необъятной наукѣ всѣхъ скорбныхъ недостатковъ и болѣзней смертнаго. Эта ревностная забота, какъ часто случается, превратилась въ скрытый и мертвящій ядъ, который проникъ въ его внутренность и медленно снѣдалъ многія нѣжныя струны сердца человѣческаго. Къ тому-же присоединились несчастія бѣдности и дряхлыя лѣта. Все это мало помалу истребляло въ немъ первую кротость сердечную: такъ бываетъ съ душами слабыми; у нихъ движенія внутреннія сильно дѣйствуютъ на кровь, и измѣняютъ составъ тѣлесный такъ, что и сами они не примѣчаютъ того.

Дѣти стараго врача возрастали, какъ терніе въ саду одичаломъ. Сестры Іосифа, съ болѣзненнымъ тѣломъ и душою, вели жалкую, уединенную жизнь въ темномъ углу тѣснаго жилища.

Сколь мало такому семейству соотвѣтствовалъ Іосифъ, который жилъ всегда въ мірѣ прелестнаго воображенія и мечтаній небесныхъ. Душа его подобилась нѣжному деревцу, между грубыхъ камней дѣвственно возрастающему изъ сѣмени, которое случайно заронила птица въ темныя развалины. Всегда тихій, одинокій, Іосифъ любилъ погружаться во внутренніе помыслы духа, и потому отецъ думалъ, что онъ не въ полномъ умѣ Искренно любилъ Іосифъ родителя и сестеръ сво-

Digitized by Google

ихъ; но выше всего цѣнилъ сокровище внутреннее и отъ другихъ берегъ его втайнѣ. Такъ часто мы хранимъ завѣтную драгоцѣнность и ключа отъ нее никому не довѣряемъ.

Отъ самыхъ раннихъ лѣтъ Музыка составляла главное удовольствіе Іосифа. Онъ слыхалъ иногда игру на клавирѣ и самъ игралъ нѣсколько. Мало помалу, повторяя часто свое наслажденіе, онъ такъ образовалъ свои чувства, что всѣ они были проникнуты звуками Музыки, и духъ его, очарованный симъ искусствомъ, любилъ носиться по темнымъ лабиринтамъ вдохновенія пінтическаго.

Путешествіе въ тотъ городъ, гдѣ жилъ Епископъ, составляетъ главную эпоху въ жизни Іосифа. Одинъ богатый его родственникъ, житель того города, полюбилъ юношу и взялъ его на нѣсколько недѣль къ себѣ. Это рай былъ для Іосифа: разнообразными звуками очарованный духъ его парилъ по новому міру, какъ мотылекъ по свободнымъ полямъ воздуха.

Преимущественно посѣщалъ онъ церкви и подъ высокими сводами храмовъ внималъ духовнымъ ораторіямъ, пѣснямъ и хорамъ, при громкихъ звукахъ трубъ и литавръ, и часто, движимый благоговѣніемъ внутреннимъ, смиренно падалъ на колѣна. Прежде нежели раздавалась музыка, онъ среди неяснаго шопота и шума стѣсненной толпы народа смотрѣлъ на

Digitized by Google

обыкновенную жизнь людей, какъ на обширное торжище, оттолѣ слышно было жужжаніе голосовъ нестройныхъ и противорѣчныхъ; пустые, земные призраки туманили свѣтлыя его мысли. Съ душою, полной ожиданія, ловилъ онъ первое созвучіе — и лишь только оно изъ мертвой тишины, подобно дуновенію вѣтра, сильно и продолжительно раздавалось, какъ будто съ неба, и всю силу звуковъ послѣдующихъ собирало надъ главою Іосифа, тогда мнилось ему, что душа его воскриляется, что онъ восхищенъ изъ какой-то дикой пустыни, и темная облачная завѣса спадаетъ со взоровъ смертныхъ и что онъ возносится къ свѣтлому небу. Его тѣло было спокойно и неподвижно; глаза пригвождены къ землѣ. Исчезало передъ нимъ настоящее, и земные призраки, подобно праху, затмѣвающіе свѣтлость души, не омрачали ее болѣе; тихимъ трепетомъ наполняла музыка всѣ его чувства и съ каждымъ новымъ звукомъ являла передъ нимъ новый отличный отъ прежняго образъ. Такъ часто при многихъ торжественныхъ и высокихъ пѣснопѣніяхъ въ похвалу Всевышнему, онъ въ свѣтлой мечтѣ созерцалъ Царя Давида, съ вѣнцемъ на главѣ, въ длинной одеждѣ Царской *скачущаго* передъ ковчегомъ завѣта и поющаго во славу Божію; онъ видѣлъ и восторгъ Царя и всѣ его движенія, и сильно билось сердце

Digitized by Google

въ груди Іосифа. Тысячи дремавшихъ чувствованій пробуждались въ ней и всѣ двигались какимъ-то стройнымъ и чудеснымъ хоромъ. При многихъ звукахъ музыки таинственный лучь свѣта проникалъ въ душу Іосифа; ему казалось, что умъ его возвышался въ сію минуту, и онъ съ грустью высокой и спокойной смотрѣлъ на міръ, шумящій вокругъ него.

Насладившись музыкой и выходя изъ церкви, онъ чувствовалъ себя и невиннѣе и благороднѣе. Все существо его еще пламенѣло отъ того духовнаго нектара, которымъ онъ упился; другими глазами смотрѣлъ Іосифъ на мимоходящихъ. Случалось-ли ему видѣть, что два человѣка, вмѣстѣ расхаживая по гулянью, смѣялись или разсказывали другъ другу новости: это производило въ немъ противное душѣ впечатлѣніе. Внутренній голосъ говорилъ ему: ты долженъ на всю твою жизнь не выходить изъ прекраснаго очарованія Поэзіи и цѣлая жизнь твоя да будетъ гармоніей.

Когда-же онъ возвращался къ обѣду въ домъ своего родственника и принужденъ былъ дѣлить бесѣду съ обществомъ всегда веселымъ и шутливымъ, тогда могъ-ли быть доволенъ Іосифъ, снова низринутый въ среду жизни прозаической, когда очарованіе его исчезало передъ нимъ, подобно блестящему облаку?

Digitized by Google

Во всѣ дни Іосифа душа его терзалась симъ прискорбнымъ несогласіемъ между врожденнымъ ея небеснымъ вдохновеніемъ и земнымъ участіемъ въ жизни каждаго человѣка, которое ежедневно съ насиліемъ разрушаетъ наши мечтанія.

Посѣщая большіе концерты, Іосифъ всегда садился въ уголъ, не глядя на блестящее собраніе слушателей, и внималъ музыкѣ съ тѣмъ-же благоговѣніемъ, какъ и въ церкви, столь-же спокойно и неподвижно, съ тѣми-же взорами, устремленными въ землю. Отъ него не украдывался ни малѣйшій звукъ; подъ конецъ Іосифъ, утомленный сильнымъ вниманіемъ, сидѣлъ, какъ сонный. Душа, вѣчно движимая, похожа была на игру звуковъ; она, какъ будто отрѣшенная отъ тѣла, парила одна по волѣ, или какъ будто тѣло его сливалось съ душою: такъ легко и свободно становилось существо Іосифа, проникнутое звуками изящными, и всѣ легкіе изливы и переливы гармоніи отражались на нѣжной душѣ его. Когда онъ слушалъ свои любимыя, веселыя и полногласныя симфоніи, восхищающія душу, часто мечта рисовала передъ нимъ на свѣтломъ лугу рѣзвый хороводъ плящущихъ дѣвъ и юношей; онъ видѣлъ, какъ прыгали они взадъ и впередъ, какъ, выходя четами отдѣльными, очами и знаками говорили другъ другу и снова терялись въ толпѣ веселой. Многія созвучія своею ясностью и выраженіемъ

Digitized by Google

превращались для него въ слова; иногда дѣйствіе звуковъ производило въ сердцѣ его чудесное слiяніе грусти и радости: Іосифъ готовъ былъ и плакать и смѣяться. Какъ часто на жизненномъ пути встрѣчаемъ мы это ощущеніе! Ни одно искусство столь-же сильно, какъ Музыка, не въ силахъ его выразить. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ удивленіемъ внималъ Іосифъ творенію музыкальному, которое сначала, подобно ручью, звучитъ рѣзвой и веселой мелодіей, но мало помалу незамѣтно и чудно течетъ переливами болѣе и болѣе мрачными — и вдругъ изливается въ сильныхъ, громкихъ стенаніяхъ, подобно потоку, черезъ дикіе верхи скалъ бiющему съ устрашающимъ шумомъ. Всѣ сіи разнообразныя ощущенія раждали въ душѣ Іосифа согласные съ ними чувственные образы и новыя мысли: о чудесное достояніе Музыки! Сіе искусство тѣмъ сильнѣе на насъ дѣйствуетъ, тѣмъ скорѣе приводитъ во всеобщее волненіе всѣ силы нашего существа, чѣмъ языкъ его мрачнѣе и таинственнѣе.

Исчезли прекрасные дни для Іосифа — и онъ долженъ былъ возвратиться въ домъ отеческій. Какъ прискорбенъ былъ этотъ возвратъ! Сколь жалкимъ и униженнымъ казался онъ себѣ самому посреди семейства, вся жизнь коего заключалась въ одномъ грустномъ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей природы, подъ сѣнію

Digitized by Google

отца, столь мало согласнаго со внутренними его склонностями! Старый врачъ презиралъ и ненавидѣлъ всѣ искуства, находя въ нихъ одно лишь потворство страстямъ и желаніямъ, одно ласкательство знатному свѣту. Уже давно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ онъ на пристрастіе Іосифа къ Музыкѣ и думалъ, что занятія сими искуствомъ ничѣмъ не лучше праздности и могутъ удовлетворить одному наслажденію чувственному. Чѣмъ болѣе сія любовь возрастала въ юношѣ, тѣмъ болѣе съ постояннымъ и строгимъ усиліемъ старался отецъ истребить въ сынѣ пагубную охоту къ Музыкѣ, и обратить его къ Наукѣ врачебной, благодѣтельной и общеполезной для всего рода человѣческаго. Съ большими попеченіями онъ покушался самъ утвердить сына въ начальныхъ основаніяхъ и заставлялъ читать книги, для того нужныя.

Мучительно и жестоко было положеніе бѣднаго Іосифа. Онъ стѣснялъ въ груди своей тайный восторгъ сердца, чтобъ не огорчить престарѣлаго отца, и хотѣлъ, принуждая себя, изучить полезную Науку. Но вѣчная борьба души не прекращалась. Десять разъ перечитывалъ онъ въ учебныхъ книгахъ одну страницу, не понимая того, что читалъ: его душа не переставала говорить звуками, а отецъ слишкомъ заботился о сынѣ.

Digitized by Google

Его пламенная любовь къ Музыкѣ болѣе и болѣе въ тишинѣ укрѣплялась. Если въ нѣсколько недѣль ни одинъ звукъ не доходилъ до слуха, душа страдала тяжкою болѣзнію; Іосифъ ощущалъ разрывъ во всѣхъ своихъ чувствахъ, пустоту внутреннюю и страстное желаніе снова одушевить себя звуками. Тогда въ воскресный или церковный праздникъ самые обыкновенные музыканты игрою на духовыхъ инструментахъ могли внушить Іосифу такія чувствованія, о какихъ сами они не имѣли понятія. Если случалось въ какомъ нибудь изъ городовъ сосѣдственныхъ слышать большой музыкальный концертъ, то ни сильный снѣгъ, ни дождь, ни буря не могли удержать пламеннаго Іосифа.

Почти каждый день съ прискорбіемъ приводилъ онъ на память веселое время, проведенное имъ въ Резиденціи Епископа; снова раздавались въ душѣ безцѣнные звуки, тогда его поразившіе. Іосифъ любилъ часто повторять затверженныя имъ, простыя и трогательныя слова изъ первой духовной оратоpіи, какую онъ слышалъ и которая глубокое произвела въ немъ впечатлѣніе.

Stabat Mater dolorosa,
Juxta crucem lacrymosa,
Dum pendebat Filius:

Digitized by Google

Cujus animam gementem,
Contristantem et dolentem
Pertransivit gladius.

*

O quam tristis et afflicta
Fuit illa benedicta
Mater unigeniti:
Quae moerebat et dolebat
Pia Mater, cum videbat
Nati poenas inclyti.

*

Quis est homo, qui non fleret
Christi Matrem, si videret
In tanto supplicio?
Quis non potest contristari,
Piam Matrem contemplari
In planctu desidero?

*

Pro penatis suae gentis
Vidit Jesum in tormentis,
Et flagellis subditum.
Vidit suum dulcem natum,
Morientem, desolatum,
Dum emisit spiritum.

*

Eja Mater! fons amoris,
Me sentire vim doloris
Fac, ut tecum lugeam.
Fac, ut ardeat cor meum
In amando Christum Deum,
Ut sibi complaceam.

*

Digitized by Google

Sancta Mater istud agas,
Crucifixi fige plagas
Cordi meo valide:
Tui nati vulnerati,
Tam dignati, pro me pati,
Poenas mecum divide.

*

Fac me vere Tecum flere,
Crucifixo condolere,
Donec ego vixero;
Juxta crucem Tecum stare,
Me libenter sociare
In planctu desidero.

*

Virgo virginum praeclara,
Mihi jam non sis amara,
Fac me Tecum plangere,
Fac, ut portem Christi mortem
Passionis ejus sortem
Et plagas recolere.

*

Fac me plagis vulnerari,
Cruce hac inebriari,
Ob amorem filii,
Inflammatus et accensus,
Per te, Virgo, sim defensus
In die judicii.

*

Fac me cruce custodiri,
Morte Christi praemuniri,
Confoveri gratia.
Quando corpus morietur,
Fac, ut animae donetur
Paradisi gloria.

Digitized by Google

Мать у крестнаго распятья
Къ Сыну горькія объятья
Простирала — часъ настадъ!
Слезно родшая вопила:
Смерть Распятому вонзила
Свой карающій кинжалъ.

*

О, съ какимъ-же сокрушеньемъ,
Надъ возлюбленнымъ Рожденьемъ
Горько плакала Она!
Сынъ Ея за злобу нашу
Смерти горестную чашу
Испиваетъ всю до дна.

*

Кто-бъ изъ насъ, съ душою хладной,
Видя жертву скорби жадной,
Сердцемъ Ей не сострадалъ?
Кто-бы, зря Ее въ кручинѣ,
О возлюбленномъ, о Сынѣ
Вмѣстѣ съ Ней не зарыдалъ?

*

Онъ поруганъ, обезславленъ,
Всѣми въ горькій часъ оставленъ:
Смерти стонъ гремитъ Ей въ слухъ.
Видитъ Мать: Ея Рожденье
Сноситъ тяжкое презрѣнье,
Испускаетъ кроткій духъ.

*

Мать-любовь! о жизнь и радость!
Дай вкусить мнѣ скорби сладость
И позволь рыдать съ Тобой;

Digitized by Google

Возлюбить Того любовью;
Кто своей пролитой кровью
Даровалъ душѣ покой.

*

Мать надежды и терпѣнья!
Дай снести мнѣ тѣжь мученья,
Отгони души боязнь:
Да безъ трепета, безъ страха,
Презирая муки праха,
Раздѣлю Христову казнь.

*

О, позволь рыданьямъ грѣшнымъ
Съ гласомъ скорби безутѣшнымъ
Гласъ земнаго сердца слить,
Стать съ Тобою у распятья,
Возопить: враги мнѣ братья —
И враговъ благословить.

*

Дѣва-Мать! Твой образъ ясной
Ожививъ въ душѣ несчастной
Благодатную любовь;
Подкрѣпи въ благое время
Смѣло свергнуть жизни бремя
И пролить земную кровь!

*

Дай страданьемъ насладиться,
Смертью сладкою упиться
У подножія креста:
Будь защитницей мнѣ, Дѣва,
Отъ карающаго гнѣва
Въ день великаго суда!

*

Digitized by Google

Крестъ мнѣ будетъ щитъ желанный
И когда на пиръ воззванный
Въ упоеніи святомъ,
Узы плѣнія разрушу:
Обвѣнчай съ Распятымъ душу
Подъ страдальческимъ вѣнцомъ!

Но не горько-ли? Какъ часто прерывались сіи вдохновенные часы, въ которые Іосифъ жилъ въ мечтахъ небесныхъ и упивался внутреннимъ наслажденіемъ Музыки! То сестры заводили споръ о новомъ платьѣ, то старшая изъ нихъ жаловалась на отца, что мало даетъ денегъ на хозяйство, то старикъ разсказывалъ о какомъ нибудь страждущемъ больномъ, то стучалась въ дверь нищая, согбенная старушка въ рубищѣ и просила Христа ради пустить погрѣться отъ зимней стужи. О! Горькое, душу раздирающее чувство, которое терзало тогда Іосифа, ни съ какимъ въ мірѣ не можетъ сравнишься. Онъ думалъ: »Царь небесный! Уже-ли міръ въ самомъ дѣлѣ таковъ, какъ онъ кажется? Уже-ли это воля Твоя — и Тебѣ угодно, Господи! чтобъ и я мѣшался въ толпу народа и бралъ участіе во всеобщемъ страданіи? Да, мнѣ иногда такъ и думается; отецъ мой безпрестанно твердитъ о долгѣ и назначеніи человѣка — участвовать въ судьбѣ другихъ, подавать совѣтъ и милостыню, и цѣлить мучительныя раны и тяжкія болѣзни. По-

Digitized by Google

добныя мысли долго терзали душу Іосифа, и онъ не зналъ, гдѣ найти прибѣжище: прежде, нежели онъ находилъ его, ненавистные образы, насильно увлекшіе Іосифа во прахъ земнаго міра, исчезая, облегчали душу, и она, свобожденная, снова въ свой чистый эѳиръ возносилась.

Болѣе и болѣе Іосифъ внутренно убѣждался, что Богъ назначилъ ему сдѣлаться въ этомъ мірѣ великимъ музыкантомъ; даже иногда льстила ему надежда, что Небо для того мрачными тучами бѣдности затмило зарю, чтобы послѣ живѣйшимъ свѣтомъ озарить день его жизни. Пусть иные сочтутъ разсказъ мой за романическій и невозможный вымыселъ, но я разскажу сущую правду. Часто Іосифъ, раздумавшись въ своемъ уединеніи, по какому-то внутреннему движенію сердца, внезапно падалъ на колѣна и пылкимъ моленіемъ молилъ Бога, чтобъ Онъ былъ ему путеводителемъ и помогъ содѣлаться художникомъ, угоднымъ и землѣ и Небу. Въ это время, когда вся кровь его, зажженная одною мыслію, сильно кипѣла въ сердцѣ, онъ изливалъ свои чувства въ небольшихъ стихотвореніяхъ, выражавшихъ или состояніе души его, или похвалу Музыкѣ, и съ какою младенческою радостію, съ какимъ чувствомъ онъ полагалъ ихъ на музыку, еще не зная правилъ сочиненія. Слѣдующая Молитва представляетъ опытъ такой пѣсни. Здѣсь обращается

Digitized by Google

Іосифъ къ Св. Цециліи, которую почитаютъ покровительницей Музыки:

О Цециліи Святая!
Одинокій изнывая,
Плачу горькою слезой.
Зри — отъ міра удаленный
И колѣнопреклоненный,
Я молюся предъ тобой.

*

Звукъ отъ струнъ твоихъ чудесный
Окрилитъ въ міръ небесный,
Отрываетъ отъ земли:
Успокой смятенье крови,
Звукомъ пѣсенъ и любови
Жажду сердца утоли!

*

Силу дай рукѣ безсильной —
Смѣло вызвать звукъ обильной,
И восторгомъ оживи,
Чтобъ смягчали струнъ отзывы
Сердца гордые порывы
Сладкой грустію любви.

*

Окриленъ тобой, воспряну
И подъ сводомъ храма гряну,
Въ честь тебѣ, тобой избранъ,
Гимнъ, молитвой вдохновенный:
Да ликуетъ сонмъ смиренный
Умиленныхъ Христіанъ!

*

Съ оживленными струнами
Дай мнѣ силу надъ сердцами,
Съ щайны душъ покровъ сорви,

Digitized by Google

Чтобъ я могъ всевластнымъ духомъ
Цѣлый міръ наполнить звукомъ
Вдохновенья и любви!

Болѣе года терзался бѣдный Іосифъ въ своемъ уединеніи; долго мучительный замыселъ тревожилъ его душу. Неодолимая сила влекла духъ Іосифа въ тотъ великолѣпный городъ, гдѣ для него скрывался рай земной; часъ отъ часу сильнѣе возгаралось въ немъ желаніе — изучить свое Искуство. Обязанность сыновняя, какъ камень, давила сердце. Родитель замѣтилъ явное отклоненіе Іосифа отъ Науки наслѣдственной, почти оставилъ его на произволь, а суровость нрава въ старикѣ вмѣстѣ съ лѣтами увеличивалась. Время отъ времени онъ все менѣе занимался сыномъ. Однако въ Іосифѣ не погасло сыновнее чувство, а вмѣстѣ съ нимъ и вѣчная борьба со внутренней склонностью духа; но никогда недоставало у него силы высказать отцу сердечную тайну. Цѣлые дни онъ мучился, взвѣшивалъ выгоды и обязанности, но не могъ оставить мрачную бездну сомнѣній; не помогали и теплыя моленія души: почти замерло сердце Іосифа. Слѣдующія строки, найденныя мною въ бумагахъ его, изображаютъ то отчаянное, то мучительное состояніе, въ которомъ онъ иногда находился:

О, не знаю, что меня стѣсняетъ,
Что мой духъ и давитъ и терзаетъ,

Digitized by Google

Словно я отъ казни иль отъ грома
Рвусь, бѣгу изъ отческаго дома?
Чѣмъ виновенъ, чѣмъ предъ Богомъ грѣшенъ
И за что страдаю безутѣшенъ?

*

Божій Сынъ! Уже-ль Твоя отрада
Не смиришъ бунтующаго ада,
Не пошлетъ святаго откровенья
Разогнать души моей сомнѣнья,
Не внушишъ безумцу мысли здравой
И отнези мнѣ не укажешъ правой?

*

О, спаси меня, любовь и сила!
Иль вели землѣ, чтобъ поглотила,
А не то, — я жертва чуждой власти;
Увлекутъ меня слѣпыя страсти,
И Твоей лишенный благодати,
Убѣгу изъ отческихъ объятій!

Страхъ его увеличивался; желаніе бѣжать въ любезный городъ укрѣплялось. »Уже-ли,« думалъ онъ, »Небо мнѣ не поможетъ?« — Во время одной домашней размолвки, когда отецъ его обошелся съ нимъ суровѣе обыкновеннаго и съ тѣхъ поръ во всемъ ему противорѣчилъ, страсть Іосифа совершенно имъ овладѣла. Онъ рѣшился отвергнуть сомнѣнія и трудности; Іосифъ не хотѣлъ разсуждать болѣе. Приближалась Свѣтлая недѣля; онъ намѣревался отпраздновать ее дома, а потомъ — пуститься въ бѣлый свѣтъ.

Digitized by Google

Праздникъ миновался. Онъ выждалъ первое прекрасное утро, когда солнце очаровательнымъ сіяніемъ, казалось, привлекало его къ побѣгу; рано вышелъ изъ дома, какъ и всегда случалось, но на этотъ разъ не возвратился по прежнему. Съ восторгомъ, съ трепещущимъ сердцемъ спѣшилъ по тѣснымъ улицамъ роднаго городка; душа въ немъ такъ была ясна, что онъ словно хотѣлъ воспарить къ открытому небу мимо всего его окружавшаго. Одна старая родственница, встрѣтивъ его на улицѣ, спросила: »Куда такъ скоро? Не на рынокъ-ли за овощемъ?« — Да, да, вскричалъ разсѣянный Іосифъ и радостью билось его сердце, когда онъ вышелъ за заставу.

Прошедши нѣсколько саженъ, онъ оглянулся назадъ — и свѣтлыя слезы покатились изъ глазъ. »Не воротиться-ли мнѣ?« подумалъ онъ; но все удвоивалъ шаги — точно гнались за нимъ въ погоню; слезы не переставали литься, а онъ болѣе ускорялъ побѣгъ, словно хотѣлъ убѣжать отъ слезъ своихъ. Много незнакомыхъ селъ и лицъ мелькнуло передъ его взорами: взглядъ на чужую сторону придалъ ему новыя силы; онъ чувствовалъ себя и крѣпче и свободнѣе, ближе и ближе подходилъ къ цѣли и наконецъ — о Небо! какой восторгъ! наконецъ увидѣлъ передъ собою башни возлюбленнаго города.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Я возвращаюсь къ моему Іосифу. Съ тѣхъ поръ, какъ мы его оставили, онъ уже нѣсколько лѣтъ въ Резиденціи Епископа нашелъ мѣсто капельмейстера и живетъ въ кругу блестящемъ. Родственникъ Іосифа принялъ его благосклонно и былъ виновникомъ его счастія; далъ ему всѣ средства къ основательному изученію музыки и мало по малу успокоилъ отца на счетъ поступка сыновняго. Іосифъ достигъ своей цѣли неутомимымъ прилежаніемъ и наконецъ увидѣлъ себя на высокой вершинѣ неожиданнаго счастія.

Но время измѣняетъ всѣ вещи въ глазахъ нашихъ: то было и съ Іосифомъ. Однажды, послѣ того какъ онъ уже два года былъ капельмейстеромъ, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

»*Почтенный отецъ!*«

»Горькая жизнь досталась мнѣ на долю: чѣмъ болѣе ты хочешь меня ушѣшить, тѣмъ горше мнѣ становится.

»Когда приходятъ мнѣ на память мечты моей юности — о, какъ я счастливъ былъ сими мечтами! Я думалъ, я хотѣлъ создать себѣ міръ фантазіи и полное сердце свое излить въ гармоническихъ звукахъ; но какъ тяжки, какъ несносны были первые годы моего ученія! Какъ горько было, когда завѣса спала съ очей

Digitized by Google

и я увидѣлъ, что всѣ созвучія, даже тѣ, которыя производили во мнѣ чувствованія чудесныя и разнородныя, подчинялись одному строгому и точному закону; когда вмѣсто того, чтобы летать свободно, я принужденъ былъ учиться ходить на помочахъ музыкальной азбуки! Прежде нежели могъ я мои чувства изливать въ звукахъ, сколько мученій мнѣ стоило произвесть что нибудь согласное съ обыкновенными правилами моего искусства, — какъ несносенъ былъ этотъ механизмъ! Но такъ и быть; я имѣлъ довольно юношеской силы, надѣялся на радостное будущее, надѣялся — и чтожъ? Моя блистательная мечта осуществилась въ грустномъ настоящемъ.

»Какими райскими часами наслаждался я, еще бывши юношей, въ большой залѣ концерта! Когда тихо и незамѣтно сидѣлъ я въ углу, очарованный великолѣпіемъ и торжествомъ собранія, какъ пламенно желалось сердцу, чтобъ тѣ-же самые слушатели собрались нѣкогда внимать моимъ твореніямъ и мнѣ довѣрили свои чувства! — И нынѣ часто сижу я въ той-же залѣ и свои уже произведенія разыгрываю; но на сердцѣ у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, чтобъ это сборище, гордящееся своимъ золотомъ и богатствомъ одежды, съѣзжалось для того, чтобъ наслаждаться искусствомъ, воспламенять свое сердце и всѣми чувствами жертвовать ху-

Digitized by Google

должнику? — Если сіи-же самыя души подъ сводами величественнаго храма, на Святыхъ празднествахъ, въ то время, когда все великое и прекрасное въ Религіи и Искусствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуетъ, если и тогда онѣ холодны, какъ ледъ, то имѣ-ли воспламеняться въ залѣ концертной? — Нѣтъ, прошла пора Искусства и вкусъ къ Изящному вышелъ изъ моды; онъ не приличенъ обыкновеніямъ свѣтскимъ. Наслаждаться произведеніемъ художественнымъ было-бы также смѣшно и странно, какъ стихами говорить въ томъ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни достаточно одной разсчетливой и для всѣхъ понятной прозы. И симъ-то душамъ посвящаю я творенія духа? — Для нихъ воспламеняюсь восторгомъ, чтобъ заставить ихъ чувствовать? Вотъ высокое то назначеніе, для котораго я почиталъ себя рожденнымъ!

»Когда какой нибудь судія вкуса, знающій по наслышкѣ чувство Изящнаго, вздумаетъ хвалить меня, разбирать красоты моего Искусства и предлагать мнѣ вопросы критическіе, такъ и рвется у меня съ языка попросить его, чтобъ онъ не слишкомъ старался изъ книгъ научаться чувствовать. Богъ знаетъ, что со мной дѣлается; но когда Музыка или другое Искусство изящное меня восхитили, когда весь я полонъ наслажденіемъ, то какъ силь-

Digitized by Google

но хотѣлось-бы мнѣ одною чертою изобразить на холстѣ мое чувство, еслибъ краски могли его выразить. Искусствомъ словеснымъ я не могу похвалиться; я въ немъ невѣжда.

»Конечно утѣшаетъ меня одна свѣтлая мысль! Можетъ быть, долго, долго послѣ смерти моей, въ какой нибудь уголокъ Германіи судьба занесетъ одно изъ моихъ твореній и оно попадется въ руки человѣка, въ котораго Небо вложило сочувствіе къ душѣ моей, и онъ въ ясныхъ звукахъ узнаетъ мою душу, отгадаетъ то, что я чувствовалъ во время творенія, пойметъ мысль, которую хотѣлъ выразить звукомъ. — О прекрасная мечта! На нѣсколько времени она можетъ пріятно очаровать меня.

»Но всего несноснѣе и ужаснѣе тѣ отношенія, которыми скованъ художникъ. Эта колкая зависть, ядовитая насмѣшка, мѣлочные обычаи, противныя встрѣчи — да нѣтъ, горько говорить мнѣ объ этомъ; все это такъ недостойно, такъ унижаетъ душу человѣческую, что я, право, слова не могу о томъ вымолвить. Мое искусство еще гораздо несчастнѣе тѣмъ, что потребно множество рукъ исполнить какое нибудь твореніе. Я приготовляю, возвышаю духъ свой, чтобы произвесть высокое дѣйствіе, а сто безчувственныхъ пустыхъ головъ противорѣчитъ мнѣ въ желаніяхъ.

Digitized by Google

»Въ юности я думалъ избѣгнуть земной печали, и что-жь? Теперь пресмыкаюсь во прахѣ. И не прискорбно-ли человѣку? Какъ ни напрягаетъ онъ крылья души своей, все не опорваться ему отъ земли; она насильно влечетъ къ себѣ, и мы снова падаемъ въ среду обыкновенной черни.

»Жалкіе художники меня окружаютъ. Самые благородные изъ нихъ слишкомъ ничтожны; они не знаютъ, куда дѣваться съ своею гордостью, если публика согласно одобрила ихъ произведеніе. Небесный Боже! Да не одолжены-ли мы одной половиной заслугъ своихъ божественному началу искуства, вѣчной гармоніи Природы, а другою — Творцу благодѣтельному, даровавшему намъ способъ пользоваться ея сокровищемъ? А чудесное сліяніе сладости съ горестью, унылыя ощущенія, внушаемыя намъ непостижною силою Музыки, не есть-ли таинственное дѣйствіе непрестанныхъ измѣненій *дура и моля*? Наконецъ, не должны-ли мы пасть передъ Создателемъ? Не Онъ-ли далъ намъ въ удѣлъ сіи звуки, въ которыхъ отъ самаго начала скрыто сочувствіе съ душою человѣческой? Не Онъ-ли даровалъ и власть сочетавать ихъ такъ, чтобъ они трогали сердце? — Слава искуству, но не художнику: онъ есть одно слабое его орудіе.

Digitized by Google

»Ты видишь, что ревность и любовь моя къ Музыкѣ все тѣже; потому-то я такъ и несчастливъ . . . . Но нѣтъ, лучше замолчу, не буду огорчать тебя разсказомъ всѣхъ противорѣчій, которыя вокругъ себя вижу. Довольно; я живу въ самомъ нечистомъ воздухѣ. Когда въ юности еще необманутой, въ тихомъ уединеніи я только что наслаждался искусствомъ, о сколь возвышеннѣе тогда была жизнь моя, не смотря на то, что теперь я приношу жертвы Музыкѣ среди ослѣпительнаго, блестящаго свѣта, среди богатыхъ одеждъ, звѣздъ и крестовъ, въ кругу людей просвѣщенныхъ! Знаешь-ли, на что бы я рѣшился? Я-бъ сей часъ-же промѣнялъ этотъ образованный свѣтъ на хижину Альпійскую, убѣжалъ-бы къ простому пастуху Швейцаріи и вмѣстѣ съ нимъ радостно запѣлъ-бы горную пѣснь, наполняющую сердце сладкою тоской по отчизнѣ. . . .«

Изъ сего отрывочнаго письма можно отчасти видѣть то состояніе, въ которомъ находился Іосифъ. Среди шума нестройной, противорѣчной толпы онъ чувствовалъ свое одиночество: привыкши думать, что искусство для того создано, чтобы трогать сердце человѣческое, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ его униженіе, когда оно силою своею не производило ни въ комъ живаго впечатлѣнія. Часто въ минуты раздумья отчаяніе терзало его душу

Digitized by Google

и онъ думалъ: »Что за странность въ искусствѣ? Уже-ли я одинъ вижу въ немъ силу таинственную, а всѣ прочіе люди — одно наслажденіе чувственное и пріятное препровожденіе времени? Что же въ самомъ дѣлѣ есть искусство, если для всѣхъ людей оно ничтожно и для одного меня значитъ что нибудь? Ужь не обманулся-ли я несчастною мыслію, не напрасно-ли въ этомъ искусствѣ поставилъ главную цѣль и занятіе жизни? Не уже-ли вотще я ждалъ прекрасныхъ плодовъ отъ высокаго дѣйствія Музыки на сердца человѣческія, и напрасно пожертвовалъ жизнію тому искусству, которое въ обыкновенномъ земномъ мірѣ стоитъ на ряду съ карточной игрою и съ другими средствами убивать свое время?«

Когда приходили ему въ голову такія мысли, онъ считалъ себя великимъ мечтателемъ и удивлялся, какъ могъ повѣрить мечтѣ, что нѣкогда онъ будетъ славнымъ для міра художникомъ. А въ иныя минуты думалось Іосифу, что художникъ только себѣ и возвышенію своего духа долженъ посвящать восторги внутренніе и развѣ, развѣ одному или двумъ существамъ, его понимающимъ. По моему мнѣнію, эта мысль весьма похожа на истину.

Но слишкомъ горьки мнѣ воспоминанія объ моемъ Іосифѣ, и потому я вкратцѣ разскажу остальную жизнь его.

Digitized by Google

Такъ прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ должности капельмейстера. Все болѣе и болѣе увѣряло его, что онъ со всѣми глубокими чувствами, съ внутреннимъ пламенемъ къ искусству менѣе полезенъ для міра, чѣмъ простой ремесленникъ — и могло-ли не грустить сердце Іосифа! О съ какимъ прискорбіемъ онъ припоминалъ чистые, идеальные восторги своей юности, припоминалъ и родителя и тяжкія заботы его о томъ, чтобы врачебной наукой доставить сыну средства помогать въ скорбяхъ человѣчеству, исцѣлять недужныхъ и приносить пользу міру! Не уже-ли это лучше-бы было? нерѣдко думалъ про себя Іосифъ.

Между тѣмъ дряхлая старость сокрушала силы отца его. Іосифъ не переставалъ писать къ старшей сестрѣ своей и посылать ей деньги для вспоможенія отцу. Онъ никакъ не рѣшался самъ посѣтить его; не могъ скрѣпить сердца и побѣдить внутреннее препятствіе. Грусть снѣдала душу, а вмѣстѣ и жизнь Іосифа.

Однажды въ залѣ собранія онъ разыгралъ свое новое, прекрасное твореніе: въ первый разъ польстила ему дѣйствительность, что онъ тронулъ сердца слушателей. Всеобщее удивленіе, молчаливая похвала (гораздо болѣе громогласной льстящая художнику) порадовали его мыслію, что онъ на этотъ разъ принесъ искусству достойную жертву и въ мигъ оживился духъ

Digitized by Google

Іосифа. Въ восторгѣ идетъ онъ по улицѣ: вдругъ дѣвочка, бѣдно одѣтая, подбѣгаетъ къ нему и хочетъ говорить съ нимъ. Іосифъ остановился, не знаетъ, что сказать, смотритъ, восклицаетъ: Боже мой! И кого-же узнаетъ въ этомъ нищенскомъ рубищѣ? — Меньшую сестру свою. Она пѣшкомъ прибѣжала изъ дома съ печальнымъ извѣстіемъ, что отецъ Іосифа лежитъ боленъ при смерти и передъ концомъ въ послѣдній разъ хочетъ бесѣдовать съ сыномъ. Все согласіе звуковъ слова разрушилось въ груди его; какъ громомъ онъ былъ изумленъ этой вѣстію, изготовился къ отъѣзду и поспѣшно пріѣхалъ на родину.

Не хочу описывать тѣхъ явленій, которыя происходили у смертнаго одра родительскаго. Да не подумаютъ только, чтобъ взаимныя изъясненія отца съ сыномъ были слишкомъ пространны или слезливы; они, не теряя многихъ словъ, внутренно понимали другъ друга: въ такихъ случаяхъ властительная природа словно издѣвается надъ нами; въ сіи послѣднія рѣшительныя минуты люди въ первый разъ ясно понимаютъ взаимныя чувства. Но все окружавшее раздирало душу Іосифа. Сестры его находились въ самомъ жалкомъ положеніи; двѣ изъ нихъ, предавшись жизни постыдной, убѣжали; старшая, получая деньги отъ брата, расточала ихъ, а старикъ терпѣлъ нужду,

Digitized by Google

наконецъ въ глазахъ сына бѣдственно умиралъ родитель — ахъ! это было ужасно! Сколько ранъ, сколько смертныхъ ударовъ для бѣднаго сердца Іосифа! Какъ могъ, пособилъ онъ сестрамъ и возвратился въ свой городъ, куда призывали его занятія.

Приближалась Святая недѣля: Іосифу должно было написать новую музыку на страданія Христовы; соперники смотрѣли на это съ завистью Но лишь только хотѣлъ онъ приниматься за работу, слезы ручьями катились изъ очей; онъ не зналъ, что дѣлать съ растерзаннымъ сердцемъ: судьба его низвергла и приковала къ земному праху. Наконецъ, собравши силы, онъ разорвалъ свои цѣпи, вдохновенный желаніемъ пламеннымъ, воздѣлъ руки къ небу; высокая поэзія влетѣла въ его душу и наполнила ее громкой, торжественной пѣснью: обьятый дивнымъ восторгомъ, но въ сильныхъ порывахъ сердца, онъ выразилъ въ звучныхъ мелодіяхъ всѣ грусти страданія, онъ создалъ сію музыку, которая навѣки останется изящнѣйшимъ твореніемъ. Какъ недужный въ чудесномъ припадкѣ обнаруживаетъ большую силу, чѣмъ здравый: таковъ былъ духъ Іосифа въ это мгновеніе.

Когда-же на Свѣтломъ праздникѣ, въ сильномъ пламени и напряженіи духа, исполнилъ онъ въ храмѣ свою ораторію, усталость какъ будто его усыпила. Нервы ослабѣли, томительный недугъ, подоб-

Digitized by Google

но злой рокъ, палъ на все его тѣло: послѣ непродолжительной болѣзни, Іосифъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ.

Горькими слезами почтилъ я память усопшаго друга; странныя чувства волнуютъ мою душу, когда пробѣгаю жизнь Іосифа. Для чего угодно было Небу, чтобы непрестанное противорѣчіе между небеснымъ его восторгомъ и земными бѣдствіями на всѣ дни жизни низвергло его въ бездну несчастій, чтобы непримиримый разрывъ духа и тѣла вѣчно тревожилъ земное бытіе его?

Пути Провидѣнія неисповѣдимы; но не льзя не удивляться безконечному разнообразію духовъ возвышенныхъ, которыхъ Оно помазало въ жрецы искуству.

Невинный другъ природы, Рафаэль изобразилъ все небо въ геніяльныхъ твореніяхъ; Гвидо Рени, который велъ кочевую жизнь игрока, творилъ спокойныя и святыя изображенія; Альбрехтъ Дюреръ, простой мѣщанинъ Нюренбергскій, соединялъ душу съ совершенствомъ механизма, живописалъ въ томъ-же самомъ углу, гдѣ злая жена его ежедневно съ нимъ ссорилась; но отъ всѣхъ отличенъ былъ Іосифъ, въ гармоническихъ твореніяхъ котораго скрывалась таинственная красота!

Почему-же сила высокой фантазіи должна была его похитить у міра? Скажу-ли, что Іосифъ родился для того болѣе, чтобы наслаждаться искуствомъ, нежели

Digitized by Google

творить? Можетъ быть, счастливѣе тѣ художники, въ которыхъ искуство дѣйствуетъ тайно и незамѣтно, подобно сокровенному Генію, и ему не мѣшаютъ земныя занятія? Ужь не долженъ-ли вѣчно одушевленный восторгомъ смѣло осуществлять внутренніе помыслы и въ земной своей жизни, если желаетъ быть художникомъ истиннымъ? Сія непостижная творческая сила не есть-ли совсѣмъ иная, не выше-ли она, какъ мнѣ кажется, и чудеснѣе силы фантазіи?

Геній искуства, какъ и прежде, остается для человѣка вѣчною загадкою; умъ, желая проникнуть въ эту неисповѣдимую бездну, не сноситъ глубины ея, но сія всеобщая тайна навсегда будетъ предметомъ высочайшаго удивленія, какъ и все великое въ нашемъ мірѣ.

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

Парижскія моды.

La passe des chapeaux de sparterie est presque aussi grande que celle des chapeaux de paille d'Italie. On les garnit de pointes de sparterie, doublées en satin blanc, jaune-paille, ou bleu, et de rosettes de ruban. Jamais de plumes ni de fleurs sur ces chapeaux.

Beaucoup de chapeaux-capotes de gros de Naples blanc sont doublés de taffetas à grande carreaux : leur forme ou calote est ronde, et leur passe unie.

Au spectacle, les femmes qui se mettent bien portent des robes de gros de Naples jaune-oiseau-de-paradis, ou lilas très-clair, ou encore gris-lavande.

Les canezous de cette année sont très-élégans, surtout ceux qui ont des manches entières.

Quelques femmes élégantes portent des redingotes-habillées, de gros de Naples gris-lilas, garnies de ruches découpées, dont la couleur varie de dix en dix pouces. A dix pouces couleur lilas succèdent dix pouces couleur oiseau-de-paradis. On a garni l'année dernière des capotes de cette façon. Comme sur les capotes, deux ruches sont accolées, et dans toute la longueur de la double ruche on ne voit jamais, ni tout lilas ni tout jaune. Les modistes employent quelquefois, pour faire des capotes, un taffetas jaune-paradis, à grands carreaux bruns ; d'autres fois, c'est du gros de Naples ou du taffetas blanc à filets verts, qui marquent de grands carreaux. La passe de ces capotes est coupée à l'endroit des oreilles ; le reste est plissé à gros tuyaux.

Les fichus-mantelets à longues pointes arrondies, sont fort à la mode; on les fait en organdi: leurs pointes descendent jusqu'aux hanches. On passe toujours ces pointes sous la ceinture. Tout le fichu est dentelé, et un petit tulle borde les dents. A la promenade une élégante a une ceinture et un noeud de fichu du même ruban que la garniture de son chapeau,

Digitized by Google

c'est-à-dire, ou à gros grain, et à grands carreaux, ou en gaze avec un dessin damassé.

Ainsi que nous l'avions prédit dès le commencement du printems, les robes de promenade sont très-courtes; on les porte avec des guêtres, ou avec des brodequins lacés de côté, des demi-brodequins. Nous avons vu des guêtres en étoffe à carreaux.

Quelques chapeaux de paille d'Italie à très-grande passe, ont pour garniture, outre des rubans, une couronne *à la jardinière*. Cette couronne n'est posée ni près de la forme ni sur le bord de la passe, mais au milieu de la passe.

Sur d'autres chapeaux de paille d'Italie on voit deux paquets de tulipes en plumes. Cet paquets de fleurs sont posés bout à bout et agrafés par un noeud de ruban.

У дроковыхъ шляпокъ поля дѣлаются почти также велики, какъ у шляпокъ соломенныхъ. Ихъ убираютъ только вырѣзкой изъ дроковой плетенки, подбитой атласомъ бѣлымъ, желто-соломеннымъ или синимъ и розетками изъ ленть. Перьевъ и цвѣтовъ на сихъ шляпкахъ не бываетъ. — Много шляпокъ-капотовъ изъ бѣлаго гроденапля подбиваютъ шелковою матеріею съ большими квадратами. Тульи у сихъ шляпокъ круглыя, а поля сплошныя. — Въ театрѣ, дамы, которыя одѣваются хорошо, бываютъ въ гроденаплевыхъ платьяхъ, цвѣта желтаго-райской птички, или лиловаго, очень свѣтлаго, или еще сѣраго-лавандоваго (gris-lavande). — Каньзу, нынѣшній годъ весьма красивы, особливо съ цѣльными рукавами. Нѣкоторыя изъ дамъ носятъ парядные реденготы изъ сѣро-лиловаго гроденапля, убранные разрѣзными *рюшами* (ульями) разноцвѣтными, такъ, что

Digitized by Google

на десять вершковъ идутъ рюши лиловаго цвѣта, потомъ на десять вершковъ цвѣта райской птички, и такъ далѣе. Прошлый годъ такимъ образомъ убирали капоты, и какъ на капотахъ, рюши сіи были двойные и на реденготахъ идутъ попеременно одинъ цвѣтъ подлѣ другаго.

Модистки употребляютъ иногда для капотовъ шелковую матерію цвѣта желтаго-райской птички, съ большими темными квадратами; иногда гродетапль или бѣлую матерію съ зелеными сѣточками въ большихъ квадратахъ. Поля у сихъ шляпокъ срѣзаны по бокамъ, и сзади шляпки идутъ только большія складки. *Косынки-мантильи* (*), съ длинными округленными краями въ большой модѣ. Ихъ дѣлаютъ изъ органдина. Края у нихъ зубчатые и зубчики обшиты тюлемъ.

На прогулкѣ у щеголихи поясъ и завязки пелеринки должны быть такого-же цвѣта, какого уборка шляпки. Платья для прогулокъ, какъ полагали еще съ весны, дѣлаются очень коротки, и для того дамы носятъ штиблеты или сапожки и полусапожки, съ зашнуровкою по бокамъ. Замѣнили штиблеты изъ шелковой матеріи съ квадратами. Иногда соломенныя шляпки съ большими полями, кромѣ лентъ, убираются еще вѣнкомъ *садовницы*, который помѣщается не подлѣ тульи, и не на краяхъ полей, а на самой срединѣ оныхъ. На иныхъ такихъ-же шляпкахъ бываетъ два пучка тюль-

(*) Родъ пелеринокъ, у которыхъ спереди длинные до колѣнъ концы. Сіи мантильи, на шаліи, подвязываются поясомъ.

Digitized by Google

пановъ, концами вмѣстѣ, которые придерживаетъ бантъ изъ лентъ.

На приложенной картинкѣ:

Стружковая шляпка, убранная атласными лентами и цвѣтами. *Платье-реденготъ* изъ коттали, шитое шелкомъ и убранное золотыми пуговками, въ розеткахъ; это модное платье изобрѣтено модисткою Дюваль.

Digitized by Google

Въ Парижѣ 20 Маія, 1826 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Обозрѣніе Голландской Словесности.

Литература и, еще болѣе, Поэзія Голландская такъ мало извѣстны въ Европѣ, что многіе, даже Литераторы, какъ будто сомнѣваются въ существованіи оныхъ. Между тѣмъ, можетъ быть, во всей Европѣ нѣтъ народа столь богатаго поэтами какъ Голландцы. У нихъ — какъ-бы врожденный вкусъ къ Поэзіи. Ею занимались у нихъ съ незапамятныхъ временъ люди всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній, мущины и женщины. Не было ни одного города, ни одной деревни, которая-бы не гордилась по крайней мѣрѣ *одною* литературною бесѣдою. Члены собирались читать свои сочиненія, выслушивать критики, сочинять общими силами поэмы или театральныя пьесы, разыгрывать послѣднія, предлагать и раздавать награды. Сіи бесѣды, существованіе

Digitized by Google

которыхъ прекратилось уже болѣе ста лѣтъ, были замѣнены литтературными обществами. Славнѣйшее изъ сихъ послѣднихъ было: *Голландское Общество Искусствъ и Литтературы Изящной*, раздѣлявшееся на три отдѣла: Амстердамскій, Лейденскій и Роттердамскій. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія у Голландцовъ считалось триста поэтовъ — оставившихъ болѣе или менѣе уважаемыя сочиненія — кромѣ процвѣтавшихъ тогда поэтовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ большое достоинство. Въ 1727 году одинъ писатель утверждалъ, что въ Голландскомъ театрѣ насчитается тысяча двѣсти сорокъ шесть пьесъ театральныхъ — а съ того времени число сіе болѣе нежели удвоилось. Королевская Библіотека, благодаря попеченіямъ ученаго хранителя ея, Г. Ванъ-Предша, обладаетъ полнымъ и чрезвычайно любопытнымъ собраніемъ сихъ пьесъ.

Невѣдѣнію иностранцовъ о богатствахъ Голландской Литтературы много способствовала преувеличенная боязнь трудностей языка и ложное мнѣніе о тождествѣ его съ Нѣмецкимъ, котораго онъ есть испорченная отрасль, по общему мнѣнію. Дѣйствительно оба сіи языка имѣютъ одно начало, но они слѣдовали совершенно различными путями въ образованіи и усовершенствованіи и нынѣ разнятся

Digitized by Google

также, какъ Итальянскій, Испанскій и Португальскій.

Голландскій языкъ, хотя въ немъ болѣе гортанныхъ звуковъ нежели въ Нѣмецкомъ, гораздо нѣжнѣе сего послѣдняго. Это должно приписать обширнымъ долинамъ Голландіи, разнообразному климату ея, богатствамъ и усиленнымъ связямъ жителей со всѣми народами міра. Тѣ же причины дали языку ихъ болѣе опредѣленности и менѣе свободы, болѣе роскоши въ выраженіи и менѣе возвышенности въ оборотахъ, болѣе гибкости и менѣе гармоніи. Наконецъ, Голландскій языкъ, чрезвычайно образованный, менѣе жеманень и не такой деспотъ какъ Нѣмецкій. Равнымъ и низшимъ говорятъ на немъ *ты*; къ высшимъ себя обращаются въ третьемъ лицѣ единств. числа, съ титуломъ, какъ въ Италіянскомъ. Нѣмцы, относясь къ высшимъ, употребляютъ самые унизительные для себя обороты, а къ низшимъ говорятъ въ третьемъ лицѣ ед. ч., съ мѣстоименіемъ—оборотъ удивительно презрительный и надменный! Прибавимъ, что языкъ Голландскій образовался въ то время, когда Нѣмецкій былъ еще погруженъ въ варварство. Голландія гордилась уже Спигелемъ, Маріею Тессельшаде-Висшеръ, Гоофтомъ, Вонделемъ и другими — а Нѣмцы едва могли замѣнять шемнопы *Niebe-*

Digitized by Google

lungen lied болѣе понятными сочиненіями Опица (*).

Языкъ Фламандскій сходенъ съ Голландскимъ болѣе, но и между ними есть большая разница Близость южныхъ областей съ Франціею ввела въ ихъ нарѣчіе множество словъ Французскихъ, тогда какъ народъ Фламандскій, болѣе занимающійся земледѣліемъ и мануфактурами нежели торговлею, сохранилъ произношеніе грубое и протяжное, встрѣчающееся у всѣхъ народовъ, которыхъ можно назвать домовитыми сиднями, мало обращающимися съ другими. Съ тринадцатаго вѣка Поэтъ Мерланъ, уроженецъ Фландрскій, писалъ преимущественно на Голландскомъ языкѣ и извинялся передъ своими читателями въ употребленіи иностранныхъ словъ, проскользнувшихъ у него.

Надѣемся угодить нашимъ читателямъ, представляя здѣсь общее обозрѣніе Голландской Словесности и присовокупляя къ нему нѣкоторыя мысли о театрѣ въ особенности. Трудъ нашъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ достоинство новости.

Въ Голландіи, также какъ и во всей остальной Европѣ, до тринадцатаго вѣка родной языкъ предоставленъ былъ только для домашняго употребленія. Книги и

(*) Предувѣдомляемъ читателей, что это пишетъ Французъ. *Перев.*

Digitized by Google

даже публичные акты были писаны на Латинскомъ. Въ это время Іоаннъ Гелю, Мелисъ Стоке и особенно Іаковъ Мерланъ начали писать поэмы на языкѣ народномъ. Мерлана почитаютъ отцемъ Голландской Поэзіи. У всѣхъ сихъ поэтовъ, среди варварства и природныхъ недостатковъ вѣка, есть признаки силы и вымысловъ поэтическихъ. Какъ у всѣхъ полуобразованныхъ народовъ, у нихъ предметомъ стиховъ — Исторія. Они заковывали въ риѳмы всемірныя лѣтописи, особенно преданія своей страны.

Въ продолженіе четырнадцатаго столѣтія Голландская Поэзія не сдѣлала никакихъ успѣховъ: писатели тогдашніе только списывали Мерлана. Это должно приписать переходу правленія въ родъ Гено, смятеніямъ и гражданскимъ войнамъ, бывшимъ слѣдствіемъ сего, наконецъ примѣси словъ Французскихъ и Фламандскихъ, введенныхъ въ Голландскій языкъ чуждымъ господствомъ, для очищенія отъ которыхъ ему надобно было почти двѣсти лѣтъ.

Пятнадцатый вѣкъ замѣчателенъ покровительствомъ, которое оказывалъ Литературѣ Домъ Бургундскій, и водвореніемъ литературныхъ бесѣдъ — но это не пробудило Поэзіи Голландской: успѣхи ея были чрезвычайно медленны, если не вовсе ничтожны. Принужденные обороты, фразы часто непостижимыя и спи-

Digitized by Google

хи, обезображенные чужеземными словами, суть отличительные признаки сочиненій, написанныхъ въ сію эпоху.

Не таковъ былъ слѣдующій вѣкъ. Съ 1520 года мы видимъ процвѣтающую Анну Бинсъ, Антверпенскую монахиню. Вотъ отрывокъ ея сочиненія: онъ можетъ дать понятіе о мысляхъ и слогѣ сей писательницы:

»Видишь ли солнце и луну, блистающія живымъ свѣтомъ, и частыя звѣзды, »покрывающія небеса? Это лишь лучи »вѣчнаго свѣта! Возведи-же взоры ко Все»вышнему, восхвали Свѣтъ, отъ Котораго »свѣтила небесныя свѣтятся, Котораго »сила развивается въ лучахъ солнца, Ко»торый произращаетъ всѣ злаки земные »и покрываетъ цвѣтами горы и долины. »Краски этихъ цвѣтовъ столь роскошны и разнообразны, что никакой живо»писецъ не можетъ подражать имъ. Люди »разсуждающіе! склоните ухо къ рѣчамъ »моимъ! . . . Хотите-ли не заблуждаться? »Ищите умомъ своимъ Творца въ твореніяхъ. Да, тщетно дивитесь вы крас»камъ, являющимся вамъ на землѣ и въ во»дахъ: что онѣ предъ красою Создателя? »И такъ — скажите, или по крайней мѣрѣ »помыслите съ пламенемъ души вашей: »о какъ прекрасенъ долженъ быть Тотъ, »Кто сотворилъ все!«

Послѣ Анны Бинсъ мы не упомянемъ ни объ одномъ другомъ поэтѣ сей эпохи;

Digitized by Google

не скажемъ ничего даже и о Кастелейнѣ, хотя современники почтили его незаслуженнымъ именемъ *превосходнаго поэта новыхъ временъ* — мы спѣшимъ достигнуть той минуты, когда освобожденіе отъ Испанскаго ига дало новое стремленіе генію Голландцовъ. Ѳеодоръ Волкерцъ Коорнгертъ былъ отцемъ настоящей ихъ Поэзіи. Родившись въ 1522 году отъ хорошей фамиліи и будучи родственникомъ Бредеродовъ, онъ приобрѣлъ довѣренность Принца Оранскаго, который употреблялъ его въ самыхъ щекотливыхъ дѣлахъ. Коорнгертъ услаждалъ свое продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ, съ равнымъ успѣхомъ занимаясь гравированіемъ и Словесностью. Да позволятъ намъ здѣсь привести одно мѣсто изъ его Поэмы: *Польза и злоупотребленіе благъ временныхъ:*

»Умѣренное употребленіе всего приноситъ пользу и удовольствіе — злоупотребленіе, напротивъ, заставляетъ насъ »претерпѣвать потери и страданіе. Пьяница, въ живительномъ винѣ пьетъ болѣзнь: »тупое неблагоразуміе не позволяетъ ему »соразмѣрить своихъ силъ и сохранить »почной мѣры. Въ тоже время мудрый, »которому извѣстна природа вещей, умѣетъ »сдѣлать полезными даже смертоносные »яды. Здравая нога попираетъ терны пу»стыни; больная страдаетъ, покоясь и на »пуху. Безумецъ схватываетъ шпагу за »остріе и ранитъ самъ себя въ битвѣ;

Digitized by Google

»воинъ благоразумный ранитъ непріятеля, »держа свое оружіе за рукоять. Все полезно »мудрому — все вредно глупцу. Богатство »и бѣдность, сами по себѣ суть не »добро и не зло. Все противъ неразумнаго — все благопріятствуетъ намѣреніямъ »прозорливаго. Таковы важныя слѣдствія *»полезнаго и вреднаго* употребленія земныхъ благъ!«

Пусть въ этомъ отрывкѣ мысль нѣсколько растянута, но можно-ли не согласиться, что въ немъ есть Поэзія и вѣрные образы? Сверхъ того, Коорнгертъ не былъ одинъ уважаемый Поэтъ шестнадцатаго вѣка—прейдемъ молчаніемъ многихъ и наименуемъ Ремера Висшера, и особенно Генриха Лоренца Спигеля, людей столькоже соединенныхъ дружбою, какъ и талантомъ. Послѣдній былъ прозванъ Голландскимъ Эннiемъ. Слѣдующее описаніе, оканчивающееся нравственнымъ размышленіемъ, по нашему мнѣнію, не испортило-бы многихъ изъ новѣйшихъ Поэмъ:

»Печальная, хладная ночь, одѣтая туманомъ, удаляется со звѣздами передъ »розовымъ ликомъ утра. Желанный видъ »оживляющихъ лучей великаго свѣтила »небесъ, озарилъ шаръ нашъ. Сіе свѣтило оставило безплоднаго Овна, чтобы »войдши въ знакъ Тельца и снова украсить »зеленью листовъ сѣверную полосу. Сельскія Нимфы собираются — сладостный, »свѣжій Май опять зоветъ ихъ въ рощу.

Digitized by Google

»Онъ же ведетъ насъ вдоль рѣкъ Амстел-
»ланда, гдѣ услаждаемся, взирая на обнов-
»ленную одежду полей и деревъ. Нѣжно-
»зеленые листы вдругъ пробились сквозь
»изсохшую кору вѣшвей, обремененныхъ
»почками. Трава, съ самой осени скрывав-
»шаяся подъ ледянымъ покровомъ, начи-
»наетъ поднимать свои остроконечныя
»головки изъ воды. Лугъ, еще недавно
»уподоблявшійся озеру, выказываетъ свои
»берега, косматые травою, и принимаетъ
»настоящій свой цвѣтъ. Гдѣ играли рыбы,
»тамъ теперь пасутся богатыя стада:
»они наскучили сѣномъ, они спѣшатъ къ
»свѣжей травѣ. Она ихъ здоровая пища:
»она уплучнитъ ихъ.«

»Великая, чудная перемѣна! Какъ все
»живетъ и исчезаетъ одно другимъ. Земля
»производитъ, питаетъ и опять береть
»всѣ окружающіе насъ предметы. Не за-
»бывай, о смертный! слѣдующаго: ни что
»не происходитъ изъ ничего, и ни что не-
»обращается въ ничто.«

Должно замѣтить, что слогъ Спигеля
изъятъ отъ словъ иностранныхъ, что
число слоговъ и ихъ количество соблюде-
ны имъ чрезвычайно заботливо; наконецъ,
что рифмы мужескія и женскія помѣща-
ются въ его стихахъ правильно. Кажет-
ся, онъ предугадалъ дѣйствіе сего разно-
образія, которое незыблемо утверждено
въ Голландской Поэзіи Гоофтомъ.

Digitized by Google

И наконецъ мы достигли прекраснаго вѣка Голландской Поэзіи. Здѣсь первый представляется намъ Петръ Корнелій Гоофтъ. Сей Писатель заслуживаетъ болѣе подробное воспоминаніе.

Гоофтъ есть самый старинный изъ Голландскихъ Трагиковъ. Онъ родился въ Амстердамѣ, 17 Марта 1581 г., и съ раннихъ лѣтъ оказалъ необыкновенный талантъ въ сочиненіи стиховъ. До него, Голландская Поэзія отзывалась варварствомъ: онъ былъ то-же для своего отечества, что Малербъ для Франціи. Будучи современникомъ сего Писателя, онъ, можетъ быть, соперничалъ съ нимъ въ чистотѣ языка, но трагедіи свои писалъ прежде Корнеля Онъ нѣсколько подражалъ Испанцамъ и Шекспиру, иногда выводилъ на сцену духовъ, но вмѣстѣ съ этимъ хотѣлъ соединить единства — по крайней мѣрѣ предмета и времени.

Гоофтъ былъ сынъ Бургомистра Амстердамскаго. Отецъ послалъ Гоофта въ Лейденъ, гдѣ онъ учился очень прилежно по многимъ отраслямъ Наукъ — но всегдашнею страстію его была Поэзія. Не смотря на то, что Гоофтъ долженъ былъ бороться со всѣми трудностями языка необработаннаго, шестнадцати лѣтъ онъ былъ уже такъ славенъ своими сочиненіями, что его приняли въ Члены Амстердамскаго Литературнаго Общества. На восьмнадцатомъ году жизни Гоофтъ отп-

Digitized by Google

правился путешествовать: онъ былъ во Франціи и въ Италіи, подружился съ Малербомъ и со многими Италіянскими литераторами, познакомился ближе съ ихъ Литературою, и черезъ три года возвратившись черезъ Германію въ свое отечество — былъ уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Слогъ его улучшился чрезвычайно; умъ былъ исполненъ мыслей новыхъ, необыкновенныхъ; онъ увидѣлъ, что должно было сдѣлать для Голландской Литературы. Гоофтъ утвердилъ правила стихосложенія, и они остаются незыблемыми донынѣ. Онъ принялъ стихи Александрійскіе и занялъ у Французовъ правильное помѣщеніе риѳмъ мужескихъ и женскихъ, у Италіянцовъ кадансъ, прозодію и разнообразіе цезуры. Словомъ, онъ показалъ соотечественникамъ, до какой степени можетъ возвыситься сила и гармонія ихъ Поэзіи.

Вскорѣ послѣ заключенія перемирія съ Испаніею, Принцъ Морицъ наименовалъ Гоофта Губернаторомъ Мюидскимъ и Судьею Гоойландскимъ. Здѣсь-то, живя въ одной башнѣ Мюидскаго замка и наслаждаясь прелестнымъ видомъ Зюйдеръ-Зее, онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій. Первое было: *Жизнь Генриха Великаго, Короля Французскаго.* Онъ занимался ею восемь лѣтъ и издалъ въ 1626 г. — Лудовикъ XIII наградилъ его за сей трудъ дворянскимъ достоинствомъ Франціи, гербомъ и

Digitized by Google

орденомъ Св. Михаила. Черезъ два года, Гоофтъ началъ Исторію Белгіи и занимался ею до смерти своей, послѣдовавшей въ 1647 году Мая 21, когда ему было шестьдесятъ шесть лѣтъ отъ роду. Кромѣ сихъ сочиненій, Гоофтъ очень хорошо перевелъ Тацита, написалъ три трагедіи, одну комедію, много одъ, мелкихъ стихотвореній, и оставилъ письма, которыя изданы послѣ смерти его. Лучшею изъ трагедій Гоофта почитается: *Бато, или начало Голландіи.*

Упомянемъ и о другомъ Поэтѣ, котораго называютъ Виргиліемъ Голландіи: это Іосифъ Ванъ-Вондель. Онъ родился въ Кельнѣ, 17 Ноября 1587 или 1588 года. Отецъ его былъ Антверпенскій шляпочникъ. Страшась гоненія за приверженность къ сектѣ Анабаптистовъ, во время господства Испанцовъ, онъ удалился въ Германію, и потому-то, какъ мы упомянули, Кельнъ былъ мѣстомъ рожденія Вонделя. Послѣ родители его переселились въ тогдашніе Соединенные Штаты: сначала въ Утрехтъ и наконецъ въ Амстердамъ, гдѣ Вондель провелъ всю свою жизнь.

Не смотря на свое невысокое званіе, родители Вонделя воспитывали дѣтей своихъ превосходно — одинъ изъ нихъ былъ Докторомъ Правъ — Іосифа же судьба одарила необыкновеннымъ таланомъ къ Поэзіи, и пятнадцати лѣтъ уже былъ онъ въ числѣ хорошихъ Голландскихъ Поэтовъ.

Digitized by Google

Въ 1612 году онъ издалъ первую свою Трагедію: *Паша*. Въ юности, пренебрегая знаніемъ древнихъ языковъ, Вондель скоро почувствовалъ необходимость его въ ученыхъ занятіяхъ, и двадцати шести лѣтъ принявшись за изученіе, черезъ немного времени уже совершенно обладалъ Греческимъ и Латинскимъ языками. Виргилій сдѣлался любимымъ его Авторомъ: ему онъ любилъ подражать.

Въ 1617 году онъ издалъ Поэму: *Паркъ животныхъ*; въ 1620 другую Поэму, и Трагедію: *Разрушеніе Іерусалима*. Онъ также перевелъ съ Французскаго: *Великолѣпіе Соломона*, соч. *Борта*. Въ 1621 г. показалась его Трагедія *Гекуба*, гдѣ онъ подражалъ Троадѣ Сенекиной. Въ этомъ же году издалъ онъ своего *Палламеда*, Трагедію, относившуюся къ смутнымъ современнымъ обстоятельствамъ, гдѣ подъ видомъ Улисса, несправедливо обвиняющаго Палламеда въ измѣнѣ, онъ обрисовалъ Штатгалтера, бывшаго виною многихъ непріятностей для жителей Амстердама. Кромѣ того, въ Трагедіи своей Вондель коснулся вообще всего правленія, духовнаго и гражданскаго. Это произвело великое волненіе въ умахъ. Трагедія была осуждена Правительствомъ, самъ Вондель отданъ подъ судъ и послѣ многихъ безпокойствъ для Автора и споровъ между судьями — его осудили заплатить штрафа флориновъ. Между тѣмъ скоро

Digitized by Google

понадобилось второе изданіе сего сочиненія, потомъ третіе и далѣе, такъ, что, какъ увѣряютъ, въ нѣсколько лѣтъ было тридцать изданій сей Трагедіи. Впрочемъ, ее представили лѣтъ черезъ сорокъ послѣ перваго изданія и то съ большими перемѣнами.

Оскорбленный злобою людей за правду, Вондель невольно началъ писать сатиры. Въ 1622 году онъ путешествовалъ по Даніи и Швеціи, былъ принятъ при Дворѣ Густава Адольфа и въ честь сего Монарха сочинилъ Поэму. Почитаемъ излишнимъ упоминать о всѣхъ сочиненіяхъ Вонделя: онъ писалъ много. Нѣкоторыя сочиненія онъ бросилъ въ огонь, потому что или былъ ими недоволенъ, или не льзя было ихъ издать въ свѣтъ. Истинный талантъ его былъ въ Поэзіи Лирической. Оды Вонделя донынѣ уважаются соотечественниками. Впрочемъ — что уже видно изъ сказаннаго нами — онъ писалъ довольно и для Театра. *Гильбертъ*, Трагедія его, нравится и нынѣ. *Мессалина* была запрещена по странному случаю. На репетиціи, Вондель былъ недоволенъ игрою актрисы, и желая показать характеръ роли, назвалъ одну современную Принцессу, которую должно изобразить: за это всю пьесу почли сатирою и запретили. Трагедія: *Дѣвы*, явилась въ 1639 году: въ этой пьесѣ и вообще съ сихъ поръ Вондель началъ прославлять Като-

Digitized by Google

ическую религію. Поэма: *Таинства Алтаря*, превосходнѣйшее произведеніе Вонделя, есть также слѣдствіе сего обращенія.

Вондель былъ несчастливъ въ семействѣ своемъ. — Сынъ печалилъ его своимъ дурнымъ поведеніемъ и впослѣдствіи разорилъ отца совершенно, такъ что семидесятилѣтній Вондель принужденъ былъ вступить писцомъ и десять лѣтъ имѣлъ эту должность единственнымъ пособіемъ. Можно судить, каково было человѣку, съ необыкновеннымъ умомъ и чувствомъ, на старости лѣтъ доставать кусокъ хлѣба механическою работою! Увѣряютъ, что Вондель часто писалъ регистратуру въ стихахъ. Заслуживъ пенсіонъ, остатокъ дней своихъ провелъ онъ въ уединеніи и въ 1679 году 5 Февраля, будучи девяноста одного или двухъ годовъ, кончилъ жизнь.

Изъ Трагедій Вонделя лучшею по блестящимъ стихамъ признаютъ *Луцифера*; даже полагаютъ, что она была передъ глазами Мильтона при сочиненіи *Потеряннаго Рая*. Трагедія *Маріи Стуартъ* причинила тьму неудовольствій Автору, описавшему въ ней черными красками Королеву Елисавету. — Вондель перевелъ *Энеиду* въ прозѣ и послѣ переводъ свой переложилъ въ стихи. Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ Овидіевыхъ *Превраще-*

Digitized by Google

кій, изданный имъ восьмидесяти четырехъ лѣтъ.

Мы подробно описывали жизнь и творенія сихъ славнѣйшихъ Поэтовъ Голландскихъ. Не можемъ прейдти молчаніемъ и двухъ дочерей Ремера Висшера: *Анну* и *Марію*, бывшихъ друзьями Гоофта. Стихотворенія послѣдней особенно отличаются прелестью чувства и стиховъ.

Катсъ уважается Голландцами чрезвычайно, но его сочиненія не могутъ понравиться иностранцамъ. Не льзя отказать ему въ воображеніи, въ необыкновенной легкости, и чрезвычайно чистой нравственности; но его выраженія и обороты — несносны, странны, запѣйливы и слишкомъ простонародны.

Славнѣйшіе ученые семнадцатаго столѣтія занимались также Поэзіею: она была усладою ихъ досуговъ. Намъ осталисъ очень пріятныя стихотворенія послѣ Гейнзія, Ванъ-Баэрла, Гроція и другихъ. Петръ Гроотъ, сынъ Гроція, въ Поэзіи превзошелъ своего отца. Послѣ него еще осталась одна пьеса на Французскомъ языкѣ. — Элегіи Вестербаэна исполнены пріятности и меланхоліи, примѣчныхъ сему роду стихотвореній. — Гюйгенсъ отличился эпиграммами, очень острыми. Попытаемся хотя одну изъ нихъ передать въ стихахъ. Вотъ она:

Digitized by Google

Поэмы нашего Поэта
Достойны, милые друзья, достойны свѣта.
Какого, спрòсите? Скажу безъ дальнихъ словъ:
Свѣтъ разумѣю я отъ свѣчки или дровъ.

Въ 1684 году умеръ еще юный лѣтами Іоаннъ Антонидъ ванъ деръ-Гоэсъ. Онъ былъ одаренъ чрезвычайно сильнымъ воображеніемъ и почитается однимъ изъ лучшихъ Голландскихъ Поэтовъ. Въ его сочиненіяхъ картины полны жизнью, выраженіе необыкновенно блестяще и возвышенно — но послѣднее есть также и погрѣшность его. Возвышенность иногда переходитъ у него въ надутость; иногда онъ не умѣетъ обуздать своего воображенія въ надлежащихъ границахъ. Лучшее сочиненіе его называется *Рѣка И:* это описаніе Амстердама съ окрестностями. Онъ также написалъ одну Трагедію, но достоинство ея не соотвѣтствуетъ другимъ его произведеніямъ.

Окончимъ взглядъ нашъ на семнадцатый вѣкъ отданіемъ должной хвалы Катеринѣ Лескель, которая счастливо перевела нѣкоторыя Трагедіи Корнеля и Расина.

Театръ Голландскій началъ процвѣтать съ сего же вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, не льзя почитать чѣмъ-либо важнымъ грубыя театральныя пьесы прежнихъ вѣковъ. Правда, мы видимъ Корнелія Ванъ-Гистеля, жившаго около 1550: онъ перевелъ стихами Комедіи Теренція; но, кажется, переводы его совсѣмъ не были

Digitized by Google

играны и вообще не принадлежатъ къ Театру Голландскому.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ Королевскій Институтъ въ Амстердамѣ предложилъ на разрѣшеніе вопросъ: существуетъ-ли національный Голландскій Театръ и какіе его отличительные признаки? Увѣнчаннымъ отвѣтомъ рѣшена сія задача отрицательно: Авторъ утверждаетъ, что Голландскіе трагики и комики только слѣдовали установленной во Франціи Драматургіи. Мы думаемъ иначе.

Французы, новѣйшіе Италіянцы и Голландцы — слѣдовали Греческой школѣ; Англичане и Нѣмцы — приняли образцемъ школу Испанскую. Если должно согласиться, что у Римлянъ не было Театра — то вѣрно не потому что Плавтъ, Теренцій и Сенека подражали Грекамъ, но что ихъ пьесы были, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно Греческія. Даже не въ переводныхъ пьесахъ — мѣсто дѣйствія, имена лицъ, нравы, обычаи — у нихъ все Греческое: Рима не видно нигдѣ. Но не такъ у Голландцовъ. Первый трагикъ ихъ, Гоофтъ, предшествовалъ Корнелю. Онъ принялъ въ образецъ Древнихъ: Вондель слѣдовалъ его примѣру. Вскорѣ явились Корнель и Расинъ: Поэты Голландскіе пошли по ихъ слѣдамъ и Трагедія Голландская создалась по плану Французской — но поэты ихъ не ищутъ героевъ и нравовъ во Франціи. Древняя и новая Исторія, особенно Исто-

Digitized by Google

рія отечественная — вотъ источники ихъ вдохновенія. Они сочинили много Трагедій прекрасныхъ, оригинальныхъ, составляющихъ истинный Театръ Голландскій. Было бы очень жаль, если-бы народъ, чувствующій достоинство совершенства, осуждали произвольно отказаться отъ него для какой-то непостижимой народности. Сказанное нами о Трагедіи можетъ быть примѣнено и къ Комедіи еще съ большею истиною, потому что въ сочиненіяхъ Лангендейка, Стейля и другихъ находимъ единства Французскихъ комедій и совершенно мѣстные нравы. Особенно отличаются народностію Комедіи Бредеро, которыя почти не возможно переводить, потому что у этого Автора шутки непостижимы для иностранца: онъ нарочно посѣщалъ рынки Амстердамскіе, желая узнать народный языкъ и обычаи. Мы назовемъ два Фарса изъ его сочиненій: *Маленькій Негръ* и *Брабандецъ Испанскій*. Бредеро умеръ въ 1618 году, 33 лѣтъ. Онъ ввелъ метръ, употребляемый въ низкихъ комедіяхъ: это стихи, чрезвычайно длинные, неправильные, часто отъ 20 ти до 24 хъ слоговъ, оканчивающіеся риѳмою. Они почти проза, только съ риѳмами для поддержанія голоса и для запамятованія.

Въ 1617 году была открыта въ Амстердамѣ первая зала спектаклей, при заботливости и подъ управленіемъ Самуила

Digitized by Google

Костера. Онъ представлялъ Трагедіи Вонделя и свои собственныя. Его пьесы большею частію извлечены изъ Римской Исторіи. У него есть изобрѣтательность и мысли; но небрежность его, бывшая слѣдствіемъ скорости, съ какою онъ писалъ и которая не давала ему времени совершенствовать свои сочиненія, заслуживаетъ справедливое осужденіе.

Въ началѣ сего-же столѣтія у Голландцовъ былъ еще одинъ трагическій Поэтъ Іоаннъ Восъ; но его Трагедія: *Аранъ и Титъ*, исполнена изображеній натянутыхъ и непріятныхъ. Ансло сочинилъ изъ Вароломеевской ночи Трагедію, подъ названіемъ *Парижской свадьбы*.

Довольно, если мы только назовемъ Фоккенброха, котораго грубыя, не острыя и безпорядочныя комедіи забыты всѣ, кромѣ одной: *Амуръ въ домѣ сумасшедшихъ*. Въ Амстердамѣ ее играютъ еще и нынѣ, одинъ разъ въ годъ, не потому что бы она имѣла какое нибудь литературное достоинство, но что при представленіи ея можно вводить въ антръ-актахъ интермедіи. Содержаніе сихъ интермедій обыкновенно бываетъ сатирическое и всякій годъ перемѣняется: въ нихъ изображаютъ происшествія протекшаго года. — Лука Ронгансъ заслужилъ себѣ почетное имя сочиненіемъ многихъ уважаемыхъ Трагедій.

Digitized by Google

Обозрѣніе поэтовъ семнадцатаго столѣтія заключимъ общимъ замѣчаніемъ, что авторы, составляющіе славу сего вѣка Голландской Словесности, отличились изобрѣтательностью, смѣлымъ мужествомъ, блестящими изображеніями и великою силою выраженія; иногда, впрочемъ, замѣтна у нихъ жесткость и неправильность въ слогѣ. Сіи погрѣшности, можетъ быть, слишкомъ поразили авторовъ слѣдующаго вѣка, которые вообще впали совершенно въ противную погрѣшность. Ихъ упрекаютъ въ пюризмѣ, иногда совершенно несносномъ, и въ тщательности сдѣлать свои стихи гладкими и текущими до такой степени, что часто они жертвовали имъ вѣрностью выраженія. Особенно замѣчательно, что въ эту же эпоху до нелѣпости начали различать разные роды стихотвореній и большею частію такъ мечтательно, что было, на примѣръ, пять или шесть родовъ эклогъ, смотря по мѣсту дѣйствія. Это разумѣется болѣе о писателяхъ первой половины восьмнадцатаго вѣка; во второй были отличнѣйшіе писатели.

Бовгертъ писалъ Трагедіи прозою — но имѣлъ мало подражателей. Елисавета Гоофманъ удачно занималась Поэзіею съ шести лѣтъ и впослѣдствіи не измѣнила надеждамъ соотечественниковъ. Поотъ доказалъ, что былъ одаренъ талантомъ, но его сочиненія обезображены ужасными

Digitized by Google

неологизмами и словами, выкованными à la Ronsard. Таковы были писатели, открывавшіе вѣкъ.

Изъ всего сказаннаго нами можно видѣть, что Комедія Голландская далеко отстала отъ Трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, не льзя не согласиться, что духъ-ли языка или самихъ поэтовъ былъ причиною, но комическіе авторы были рѣдки въ Голландіи и во всѣхъ отношеніяхъ ниже трагическихъ. Лангендейкъ, процвѣтавшій около 1720 года, безспорно есть ихъ лучшій Авторъ комедій и между тѣмъ едва можно поставить его между Данкуромъ и Реньяромъ.

Гоогвліетъ заслужилъ имя поэмою: *Патріархъ Авраамъ.* Онъ точно стоитъ хвалы за это сочиненіе; но должно признаться, что планъ у него дуренъ: это жизнь Авраама, переложенная въ стихи съ такою мѣлочною вѣрностью, что Авторъ отказался отъ всѣхъ укращеній, какія могъ ему представить самый предметъ. Потому онъ принужденъ былъ обращиться къ описаніямъ, которыя у него многочисленны и богаты, но они-же дѣлаютъ утомительнымъ чтеніе его Поэмы.

Маврицій прудился для Театра съ посредственнымъ успѣхомъ, но де Марръ сочинилъ двѣ Трагедіи — *Маркъ-Курцій* и *Жакелина Баварская* — успѣхъ которыхъ оправданъ временемъ. — Фейтама, плодо-

Digitized by Google

вишый и уважаемый Авторъ, но который до невѣроятности довелъ современный обычай *переслащивать*. Онъ переложилъ въ стихи *Телемака и Генріаду*, издалъ ихъ множество разъ, всегда пересматривая и поправляя; но многіе согласно говорятъ, что первыя изданія суть лучшія.

Достоинство Вондекопера признано всѣми. Между прочимъ онъ написалъ Трагедію: *Ахиллесъ*. — *Цвеерентъ* сочинилъ Сципіона, Семирамиду, Меропу. Боде также писалъ Трагедіи; Гарпсинкъ Комедіи. Но мы не кончили-бы долго, если-бы стали исчислять всѣхъ авторовъ. Особенно уважаются Драматическіе Авторы сей эпохи: Онно Цвиръ Ванъ Гаренъ, Ванъ Винтеръ, дѣвица Ванъ Меркенъ, Баронесса Ланнои, Номзъ, Спейлъ.

Мы нѣсколько зашли впередъ по времени, желая послѣдовательно исчислить писателей, трудившихся для Театра. Теперь упомянемъ о Смитсѣ, Авторѣ Поэмы: *Белфегоръ или наказанная роскошь*, которую многіе предпочитаютъ *Аврааму* Гоогвлієта. Смитсъ писалъ также мѣлкія стихотворенія, отличительный характеръ которыхъ составляетъ чувствительность пріятная, истинная. Вильгельмъ Ванъ Гаренъ, братъ Трагика, о которомъ мы упомянули, сочинилъ прекрасныя оды, и мы, пользуясь симъ случаемъ, еще напомнимъ, какъ чудесно успѣли Голландцы

Digitized by Google

въ Лирической Поэзіи. Слава Ванъ Гарена не ограничивалась даже отечествомъ. Вольтеръ, въ прелестныхъ стихахъ своихъ къ сему Голландскому Поэту, называлъ его *Демосеномъ въ совѣтѣ, Пиндаромъ на Парнассѣ и Тиртеемъ среди ратныхъ братій.*

Заключимъ наше длинное исчисленіе поэтовъ именемъ Беллами, умершаго 28 лѣтъ, и безспорно одного изъ славнѣйшихъ писателей своего отечества. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, перевести начало его пьесы, называемой *Измѣнникъ*. »Ночь царствовала въ ту минуту, »когда мать произвела тебя на свѣтъ. . . . »Ночь мрачная и ужасная! . . . Полкъ адскихъ духовъ леталъ вокругъ ея ложа и »ночныя птицы прикрасы повторяли въ »лѣсу горестный откликъ. Разъяренное »море ударило въ берега съ ужаснымъ звукомъ, который достигъ до небесныхъ »селеній и ужасомъ исполнилъ грудь Ангеловъ. Мать взглянула на тебя . . .! и »жизнь улетѣла изъ ея сжатаго горестью »сердца. Твой устрашенный отецъ затрепеталъ и поникнулъ головою: скорбь побѣдила его. Внезапно, страшный голосъ раздался въ домѣ рожденія твоего . . . слышны были слова: удалитесь всѣ отъ сего »дитяти! Природа произвела чудовище!«

Съ девятнадцатымъ столѣтіемъ началось уже попомство для всѣхъ исчисленныхъ нами поэтовъ. О нашихъ совре-

Digitized by Google

менникахъ мы не можемъ ничего сказать потому, что большая часть изъ нихъ друзья Автору сей статьи. Можемъ-ли мы, объявивъ объ этомъ, воздать всѣмъ имъ должную хвалу? Не подумаютъ-ли, что дружба ослѣпляетъ насъ? О двоихъ только можемъ мы говорить безъ опасенія: это — Фридрихъ Гельмерсъ, отличный Лирическій Поэтъ, въ юныхъ лѣтахъ умершій (въ 1815 году), въ то самое время, когда онъ окончилъ свою прелестную Поэму: *Голландскій народъ*. Онъ не имѣлъ счастія насладиться успѣхомъ ея! Другой — Бильдердейкъ: превосходство его во всѣхъ родахъ признано общимъ мнѣніемъ, и онъ есть, можетъ быть, величайшій геній изъ всѣхъ Голландскихъ писателей. Упомянемъ еще, не позволяя себѣ означать ихъ сравнительнаго достоинства, о Гг. Лоотсѣ, Толленсѣ, Клейнѣ, Ванъ-Галлѣ, Кинкерѣ, Госпожѣ Бильдердейкъ, да-Костѣ, Ванъ Гальмелѣ, Ванъ-Вальрѣ, Визеліи и проч. Послѣдніе четверо трагики. Осмѣливаемся засвидѣтельствовать нашимъ читателямъ, что никогда Поэзія Голландская не была въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ въ наше время.

Здѣсь оканчиваемъ обозрѣніе. Надѣемся, что мы дали нашимъ читателямъ довольно справедливое понятіе о Литературѣ мало-извѣстной и потому уже любопытной. Впрочемъ, она достойна всего ихъ вниманія существеннымъ достоин-

Digitized by Google

ствомъ авторовъ своихъ. Почтемъ себя счастливыми, если нашъ трудъ внушитъ нѣкоторымъ литераторамъ желаніе посвятить нѣсколько времени изученію языка благороднаго, богатаго: ихъ занятія будутъ вознаграждены совершенно. —

(*Съ Французскаго.*)

II. КРИТИКА.

Ручная Математическая Энциклопедія. Книжка 1. Ариѳметика. М. 1826. in 16. X и 226 стр.

Къ числу немногихъ полезныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ, по части Чистой и Прикладной Математики, принадлежитъ *Ручная Математическая Энциклопедія*, составляемая Профессоромъ Дмитріемъ Матвѣевичемъ Перевощиковымъ и издаваемая А. С. Ширяевымъ. Она будетъ состоять изъ слѣдующихъ частей.

1. Ариѳметики, 2. Геометріи, 3. Алгебры, 4. Приложенія Алгебры къ Геометріи, 5. Теоріи Дифференціальнаго и Интегральнаго исчисленій, 6. Высшей или криволинейной Геометріи, 8. Статики, 9. Динамики, 10. Гидростатики и Гидродинамики, 11. Оптики, 12. Физики и 13. Астрономіи.

Трудъ великій и достойный. Имя почтеннѣйшаго Автора, извѣстнаго по своимъ Физико-Математическимъ знаніямъ, доказаннымъ и въ сочиненіяхъ и въ преподаваніи, ручается за успѣшное

Digitized by Google

совершеніе сего предпріятія. Честь и благодарность Ученымъ, разливающимъ свѣтъ наукъ между соотечественниками! Честь и благодарность Издателямъ полезныхъ книгъ, поддерживающимъ труды ученые! При благопріятныхъ обстоятельствахъ и благосклонномъ вниманіи читателей, всѣ упомянутыя части выйдутъ въ свѣтъ одна за другою непосредственно и въ непродолжительномъ времени. Каждая часть будетъ продаваться отдѣльно; всѣ вмѣстѣ составятъ Библіотеку Физико-Математическихъ наукъ въ ихъ нынѣшнемъ состояніи.

У всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ есть для всякой отрасли знаній по нѣсколько сочиненій или переводовъ отличныхъ писателей; мы еще нуждаемся въ учебныхъ пособіяхъ по всѣмъ частямъ. Дабы изучиться какой-либо наукѣ, принуждены бываемъ прежде выучиться двумъ или тремъ языкамъ, что соединено съ трудностями своего рода. При такомъ недостаткѣ полезныхъ, учебныхъ книгъ, драгоцѣнны труды Ученыхъ, представляющихъ науку въ современномъ состояніи и тѣмъ освобождающихъ насъ отъ тяжкой необходимости читать многое и безъ разбору. Издаваемая ручная Математическая Энциклопедія не есть краткое понятіе о наукахъ Физико-Математическихъ, но подробное и точное изложеніе всѣхъ предметовъ по части Чистой и Прикладной Математики; это не есть также и переводъ издаваемой Французской Ручной Энциклопедіи (Encyclopédie portative), но цѣлая, полная система, въ своемъ порядкѣ и по особому начертанію представленная. Теперь уже издана Ариѳметика, составляющая первую часть Ручной Математиче-

Digitized by Google

ской Энциклопедіи; на нее желаемъ обратить вниманіе просвѣщенной Публики.

Ариѳметика, написанная для Университетскаго Благороднаго Пансіона въ 1820 году тѣмъ-же Авторомъ, и о которой въ то-же время съ отличною похвалою говорено было въ Вѣстникѣ Европы, имѣла благодѣтельное вліяніе на преподавателей, а вмѣстѣ съ симъ на учащихся. Нынѣ начинаютъ убѣждаться въ той истинѣ, что Ариѳметика, какъ Логика и всѣ науки Философическія и Математическія, не можетъ выучиваться на память, а имѣетъ нужду въ системѣ и методѣ, что принадлежитъ разуму. Упомянутая Ариѳметика выдана именно для преподаванія въ школахъ, гдѣ непосредственно за нею слѣдуютъ другія части Математики: и въ семъ отношеніи она превосходная. Вновь изданная Ариѳметика, какъ часть Энциклопедіи Физико-Математической, имѣетъ свои достоинства въ другомъ отношеніи: она отлична отъ первой и по содержанію, и по формѣ Поелику ученіе сей наукѣ имѣетъ общую потребность для всякаго состоянія, наровнѣ съ Катихизисомъ и Азбукою, и большая часть учащихся грамотѣ ограничиваются Ариѳметикою: то и надлежало изложить ее съ возможною простотою относительно формы, и полнотою вразсужденіи содержанія.

Съ симъ намѣреніемъ Сочинитель представилъ Ариѳметику въ видѣ разговора; для прочихъ частей почитаетъ онъ эту форму неудобною и ненужною. Смѣемъ не согласиться съ почтеннѣйшимъ Авторомъ, полагая, что для Физики разговорное или Сократическое изложеніе былобы еще удобнѣе и нужнѣе, нежели для Ариѳ-

Digitized by Google

метики, прибавимъ — еще естественнѣе. Природа такъ богата и чудесна въ произведеніяхъ и явленіяхъ своихъ, что всякаго невольно заставляетъ спрашивать: »Что это? Отъ чего это? За чѣмъ это?« — Притомъ различныя теоріи объясненія однихъ и тѣхъ-же явленій единственно въ видѣ разговора изложены быть могутъ. Парротова Физика служитъ этому доказательствомъ. Вообще думаемъ, что сія форма прилична всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ: Платонъ подаетъ намъ въ этомъ прекраснѣйшій примѣръ. Что касается до разсматриваемой Ариѳметики, она, и за исключеніемъ вопросовъ, соотвѣтствуетъ своему назначенію: наука представлена со всею простотою, подробностью и ясностью, которая, замѣтимъ мимоходомъ, есть отличительное свойство всѣхъ сочиненій почтеннѣйшаго Профессора. Сія книга можетъ совершенно замѣнить учителя; а учителю послужитъ лучшимъ руководствомъ.

Полнота, тѣсная связь и послѣдовательность предметовъ, строгая точность въ выраженіяхъ, составляютъ достоинство сей книги со стороны содержанія: въ десяти урокахъ заключается вся теорія числительная; кто выразумѣетъ ихъ, тотъ будетъ знать Ариѳметику основательно. Въ 1мъ урокѣ изложены предварительныя понятія о *счисленіи*, очень ясно и просто выведено раздѣленіе чиселъ на *цѣлыя*, *дробныя* и *ирраціональныя*. Во 2мъ урокѣ объяснены четыре главныя дѣйствія Ариѳметическія: *сложеніе*, за нимъ *умноженіе*, какъ особенный случай сложенія, *вычитаніе* и *дѣленіе*. Урокъ 3й о *дѣлителяхъ* и 4й, заключающій нераздѣльно

Digitized by Google

полную теорію *дробей* простыхъ и *десятичныхъ*, представлены умно и искусно. Въ 5 мъ урокѣ показано *извлеченіе квадратныхъ корней*, въ 6 мъ извлеченіе корней *кубичныхъ*. Урокъ 7 й опредѣленъ *для вычисленій приближенныхъ* посредствомъ дробей непрерывныхъ, періодическихъ и назначенія предѣловъ. Въ 8 мъ урокѣ объяснено *Тройное* правило и правило *Товарищества*, безъ посредства Пропорцій, но прямо съ помощію четырехъ главныхъ дѣйствій Ариѳметики; ибо теорія количествъ пропорціональныхъ принадлежитъ собственно къ Геометріи. Сей урокъ любопытенъ и заслуживаетъ особенное вниманіе какъ по важности своей, такъ и по новости остроумнаго способа. Урокъ 9 й содержитъ *Прогрессіи* съ краткимъ указаніемъ на фигурныя числа и самонужнѣйшимъ приложеніемъ оныхъ къ употребленію. Урокъ 10 й заключаетъ *Логариѳмы*. Объ теоріи, т. е. Прогрессій и Логариѳмовъ, изложены столько, сколько способы Ариѳметическіе позволяютъ. Въ концѣ присоединена таблица, показывающая отношенія метрическихъ мѣръ къ Русскимъ. Примѣры, которыхъ число весьма достаточное, выбраны поучительнѣйшіе и къ разнымъ случаямъ примѣненные. Замѣтимъ только, что если сія книга должна имѣть всеобщее употребленіе и для иного составлять все ученіе Математики, то, по нашему мнѣнію, нужны-бы въ ней были правила, въ общежитіи чрезвычайно часто встрѣчающіяся, именно: правило *Смѣшенія*, служащее къ опредѣленію средней доброты нѣсколькихъ вещей одного рода, но различныхъ цѣнъ; правило *Учета*, по которому опредѣляется дѣйствительная цѣна векселя, когда уплата по немъ дѣлается до срока. Не худобъ

Digitized by Google

даже показать и правило *Фальшивое*, предполагая, что иной никогда не услышитъ ничего объ Алгебрѣ; касательно-же особаго способа Тройнаго правила, согласны мы, что оный точно возбуждаетъ мыслящую способность учащихся, но только взрослыхъ; не смотря на это, думаемъ, было-бы не лишнее показать разрѣшеніе тѣхъ-же самыхъ задачъ посредствомъ Пропорцій: сей способъ механическій, онъ легокъ и простъ для начинающихъ.

Для показанія искуснаго изложенія предметовъ въ разсматриваемой Ариѳметикѣ, выпишемъ хотя одну страницу (157-158):

»Положимъ, что требуется опредѣлить, во сколько дней 18 человѣкъ окончатъ извѣстную работу, которую 15 чел. оканчиваютъ въ 8 дней. Чтобъ числа сего вопроса были *передъ глазами*, расположимъ ихъ въ такомъ порядкѣ:

15 чел. ——— 8 д.
18 чел. ——— x д.

Подъ x разумѣемъ искомое число дней. Потомъ разсуждаемъ: поелику работа одна и таже, прилежаніе и искусство работающихъ предполагаются также одинаковыми; слѣд. для окончанія сей работы въ одинъ день потребно одно и тоже число людей: но ежели по первому условію 15 человѣкъ производятъ ее въ 8 дней, а по второму 18 чел. въ x дн.; то явно, что для одного дня должно употребить или 15. 8 или 18. x человѣкъ. Посему $15.8 = 18x$; изъ сего же равенства или *уравненія* видимъ, что по двумъ числамъ 15. 8 и 18 надобно найти такое

Digitized by Google

третіе x, которое, будучи помножено на 18, дало бы 15. 8: слѣд. вопросъ превращается въ дѣленіе, въ которомъ 15. 8 будетъ дѣлимое, 18 дѣлитель и x частное; такъ что

$$x = \frac{15.8}{18} = \frac{3.5.4.2}{2.3.3} = \frac{20}{3},$$

т. е. искомое число дней будетъ $6\frac{2}{3}$.

Въ заключеніе желаемъ почтеннѣйшему Сочинителю успѣшнаго окончанія столь полезнаго предпріятія своего и обращаемъ на сію книгу вниманіе всѣхъ любителей отечественнаго просвѣщенія. Изданная Ариѳметика, какъ въ домашнемъ ученіи, такъ и въ публичномъ преподаваніи для обоего пола, можетъ служить надежнѣйшею и лучшею учебною книгою.

8. 4.

Опытъ Науки Изящнаго, А. Галича — *Амалтея*, Н. Кронеберга — *Разсужденіе о духѣ, характерѣ и силѣ Древнихъ Стихотворцовъ, Ораторовъ и Историковъ*, К. А. Мещерскаго. — *De natura ac indole litterarum, Graecarum et Romanarum*, М. Розберга.

(Окончаніе.)

Все предшествовавшее должно было довесть Г. Галича до слѣдующаго положенія: *Теорія явленій Изящнаго есть Теорія Изящныхъ Искусствъ*, и сія мысль, которою кончилъ онъ 1ю часть своей книги совершенно справедлива. II ю часть, Г. Галичъ называетъ: *Часть прикладная или особен-*

Digitized by Google

мая, содержащая въ себѣ Теорію Изящныхъ Искусствъ. Послѣ весьма краткаго вступленія излагаетъ онъ сію Теорію, въ двухъ отдѣленіяхъ, подъ названіями: I е, *Изящныя Искуства внѣшнихъ чувствъ или художества;* II е, *Изящное Искуство, принадлежащее чувству внутреннему или Поэзія.* Правильно-ли сіе раздѣленіе или нѣтъ? Удовлетворительно-ли оно? Всю-ли область Изящнаго объемлетъ?

Мы осмѣливаемся думать, что какъ первая часть *Опыта* не вводитъ читателя въ полное познаніе *Теорію Изящнаго вообще*, потому что не становитъ читателя на такую высокую точку зрѣнія, съ которой онъ самъ могъ-бы назначить мѣсто и границы Изящнаго, такъ и вторая часть не даетъ читателю полнаго и *круглаго*, такъ сказать, познанія о *практикѣ Изящнаго* или *объ Изящномъ въ явленіи.* Г. Галичъ при самомъ началѣ не помѣщаетъ возможно полнаго обзора всѣхъ явленій Изящнаго вкупѣ, не дѣлаетъ разложенія по родамъ его и видамъ изъ сей совокупности; далѣе, не раскрываетъ въ ровной постепенности частей одна другой соотвѣтствующихъ, Словомъ: Авторъ долженъ былъ поставить центральную точку, около нее обвесть кругъ и дѣлить сей кругъ; напротивъ такой системы не находимъ въ его *Теоріи Изящныхъ Искуствъ*, и онъ выбралъ совершенно противный образъ изложенія предмета, раздѣливъ сперва Изящныя Искуства на Художества и Поэзію, а потомъ представляя ихъ въ видѣ какой-то лѣстницы, въ которой первую ступень занимаютъ у него Искуства, обрабатывающія массу (въ пространствѣ) — *образовательныя;* вторую, со-

Digitized by Google

трясающій сію массу (во времени) — *тоническія*; третью, оживляющія массу — *сценическія или мимическія*. »Но поелику идея Изящнаго,« говоритъ онъ, »также неистощима, какъ и самая идея »жизни, то . . . она тамъ, гдѣ, по видимому, *за»мыкаетъ рядъ внѣшнихъ проявленій*, начинаетъ »рядъ явленій внутреннихъ« И въ слѣдствіе сего Г. Галичъ заключаетъ лѣстницу Изящныхъ Искуствъ — Поэзіею, »искуствомъ свободной фан»тазіи — *творить идеалы помощію* образованна»го *языка* (?), какъ вчѣшняго органа (стр. 154).«

Вспомнимъ, что здѣсь рѣчь идетъ уже о *явленіи Изящнаго въ вещественности*, слѣдственно: не можетъ быть здѣсь отдѣльной чисто-идеальной стороны, но должны вещественность и идеальность являться соединенными, дѣлая только въ явленіи семъ преимущественность духа или матеріи въ частяхъ явленія. И потому, Поэзія, *какъ искуство*, является здѣсь въ вещественности, подобно другимъ искуствамъ, и потому не можетъ она не стать въ ряду съ другими искуствами и не составить одной изъ частей, на которыя дѣлится Изящное, уже овеществленное. Такимъ образомъ расположеніе Из. Искуствъ, сдѣланное Г. Галичемъ, разрушается само собою Впрочемъ онъ слѣдовалъ въ семъ распредѣленіи Асту. Послѣ строгаго соображенія, мы думаемъ, что кромѣ Гёрреса (*), никто изъ новѣйшихъ Эстетиковъ не расположилъ вполнѣ и удовлетворительно *міръ явленій Изящнаго*. Слѣдуя системѣ сего Философа-Поэта, мы предложимъ

(*) См. его сочиненіе: Aphorismen über die Kunst. Кобленцъ. 1804 г.

Digitized by Google

краткій обзоръ Из. Искуствъ, который, по мнѣнію нашему, болѣе нежели система принятая Астомъ и Г-мъ Галичемъ, или лучше сказать, совершенно удовлетворяетъ требованіямъ ума. Прежде этого замѣтимъ еще:

Г. Галичъ (§ 76) раздѣливъ Из. Искуства, *на Искуства чувствъ внѣшнихъ*, относитъ сіи *къ пространству*, и *на Искуства чувствъ внутреннихъ*, относитъ сіи *къ времени*. Онъ называетъ первыя *Художествами*, а вторыя *Поэзіею*. Но мы не видимъ причины, по которой *Музыка* стала въ рядъ *Художествъ* и при томъ *къ пространству* относящихся. Если Поэзія есть искуство, *относящееся ко времени*, слѣдственно оно принадлежитъ уже *и духу и вещественности*, есть уже *идеальное-овеществленное* (§ 76). Почему-жъ далѣе Авторъ допускаетъ въ ней идеальность только (§ 159), хотя еще далѣе (§ 165 и слѣд.) онъ говоритъ объ элементахъ вещественности, въ коихъ Поэзія проявляется? Да и Музыка въ послѣдствіи относится у него *къ времени* (§ 79) вопреки § 76; а Мимика и Сценика (§ 81) и къ времени и къ пространству. Это противорѣчитъ одно другому и доказываетъ, что необходимо должно обозрѣть Теорію Изящныхъ Искуствъ въ исправнѣйшей системѣ, гдѣ-бы сихъ противорѣчій намъ не встрѣчалось.

Мы видѣли, какимъ образомъ человѣкъ, какъ малый міръ, довершаетъ собою здѣшній міръ, соединяя вещественность съ духомъ, и какъ духъ человѣка, проявляясь въ пространствѣ и времени, созидаетъ *міръ Изящнаго*, т. е. область наслажденія совершеннаго и *міръ блага*, т. е. область счастія совершеннаго; какъ онъ, въ первомъ, являетъ идеи

Digitized by Google

альное въ вещественномъ, созерцая въ природѣ идеалъ лѣпоты, во второмъ вещественное возноситъ къ идеальному, созерцая идеалъ блага, и посредствомъ сего противоборства восходитъ, руководимый умомъ, къ идеалу истины, гдѣ воля человѣка уничтожается предъ закономъ необходимости, т. е. высочайшей свободы Создателя въ безконечномъ. Въ тѣхъ двухъ низшихъ мірахъ, составляющихъ внутреннюю и внѣшнюю сторону ума человѣческаго въ конечномъ, свобода человѣка дѣйствуетъ самостоятельно, стремясь достигнуть недостижимый идеалъ и означаясь въ Изящномъ — идеею лѣпоты, въ Добромъ — идеею блага. Если мы будемъ искать: которыя изъ нашихъ зданій составляютъ для насъ представителей сихъ міровъ, то найдемъ, что наука истины и ума есть высшая Философія, въ области доброты, являющаяся наукою нравственныхъ идеаловъ, Практическою Философіею; въ области Изящнаго, наукою изящныхъ идеаловъ, которую можно назвать *Поэзіею*, если слово: *поэзія*, принять здѣсь въ обширнѣйшемъ значеніи, какъ происходящее отъ Греческаго *ποιέω* и понимать, не какъ *Изящное Искуство овеществленное*, но какъ *творца идеаловъ Изящнаго и безконечный источникъ наслажденій человѣческихъ*.

Но сія высшая Поэзія не живетъ въ образахъ и выраженіяхъ. Она, какъ чистая свѣтосущность, еще не коснулась вещественности и не превратилась въ свѣтъ и многообразныя цвѣта. Она есть безразличіе Изящнаго, та высшая наука творящаго и творимаго въ Изящномъ, которая подчиняетъ вещественность законамъ ума и умъ подчиняетъ условіямъ

Digitized by Google

вещественности, есть источникъ *слѣдствій* изъ сего происходящихъ, т. е. *Изящныхъ Искусствъ*, а не самыя сіи слѣдствія. Это, безразличное еще, состояніе Изящнаго волнуетъ душу художника образами высокими и безконечными и показываетъ ему путь къ творчеству. Но оно оживляетъ и Поэта, и Ваятеля, и Живописца и Музыканта неопредѣленно. Сію науку конечно можно назвать *Наукою относящеюся къ внутреннимъ чувствамъ* или Наукою законовъ Изящнаго въ явленіи.

Изъ сей высшей области безразличія нисходитъ Идеалъ Изящнаго въ явленіе. Но здѣсь Наука разливается въ многоразличіе, ибо явленіе можетъ совершиться не иначе какъ въ вещественности, а вещественность есть многоразличіе. Идеальность сливается съ вещественностью. Источникъ идеаловъ Изящнаго есть умъ человѣка въ области свободной фантазіи. Проявленіе его въ вещественности не можетъ быть иначе какъ чрезъ чувства. Три чувства (вкусъ, обоняніе, осязаніе) суть средства физическаго существованія. Два только чувства, изъ коихъ однимъ постигаемъ мы жизнь нашей планеты, другимъ отношеніе солнца къ планетѣ могутъ быть орудіями для проявленія Изящнаго въ вещественности. И въ самомъ дѣлѣ: Изящное отвлекается отъ грубой чувственности, не находя въ ней удовлетворенія: осязаніе, обоняніе и вкусъ дѣлаются причастны Изящному только непосредственно, а настоящую область ея составляютъ два чувства — *зрѣніе* и *слухъ*. Вспомнимъ, что зрѣніе есть чувство относящееся къ безконечному, слухъ чувство относящееся къ конечному, и потому по чудной связи духа съ веществомъ, духъ человѣка проявляетъ

Digitized by Google

Изящное въ сихъ чувствахъ обратно (въ безконечномъ — конечно, въ конечномъ — безконечно), ибо безъ сего не было-бы борьбы духа съ вещественностью и слѣдственно, не было-бы жизни. Чувство безконечнаго человѣкъ ограничилъ вещественностью; въ чувство конечнаго, онъ влилъ безконечность духа, и такимъ образомъ наслажденіе зрѣнія образовалось у него *въ пространствѣ*, наслажденіе слуха *во времени*.

Поэзія въ высшемъ смыслѣ взятая, какъ область безконечной, свободной фантазіи Изящнаго, раскрываетъ такимъ образомъ изъ себя весь міръ Изящнаго: *внѣшній*, многоразличный, находящійся въ природѣ и совокупляемый въ единство духомъ и *внутренній*, соединенный, сокрытый въ человѣкѣ и разливаемый изъ духа многоразлично въ вещественность, оба заключенные въ мірѣ идеаловъ, и одинъ безъ другаго, раздѣльно несуществующіе. Математическіе законы вещественной гармоніи или согласія, составляютъ при раскрытіи законы конечной необходимости; порывъ духа проявляться безконечно и совершенно составляетъ волю. Вещественность представляется намъ въ двухъ раздѣленіяхъ: *подверженная дѣйствію*, природа — человѣкъ обнимаетъ природу и какъ Пигмаліонъ оживляетъ красоты ея жизнію духа; *дѣйствующая*, человѣкъ — онъ похищая идеалы свои въ царствѣ безконечной фантазіи, какъ Прометей, сноситъ въ вещественность и облекаетъ ихъ внѣшними формами.

Въ семъ-то соединеніи вещественности природы и человѣка составляется объединенное *явленіе лѣпоты*, гдѣ природа и человѣкъ соединены неразлучно, взаимно дѣйствуютъ другъ на друга,

Digitized by Google

уравниваются; гармонируютъ и такимъ образомъ производятъ частныя явленія Изящнаго. Мы уже видѣли, что всякое многоразличіе дѣлится на двѣ главныя стороны: внѣшнюю и внутреннюю (духъ и вещество). Въ явленіи лѣпоты тоже дѣленіе. И какъ вещественное въ лѣпотѣ составляетъ *преимущественно природа*, а духовное составляетъ *преимущественно человѣкъ*, то хотя они въ лѣпотѣ собственно и недѣлимы, но гдѣ въ Изящномъ вещественное содѣлывается духовнымъ, тамъ преимуществуетъ человѣкъ, а гдѣ духовное содѣлывается вещественнымъ, тамъ преимуществуетъ природа. На семъ, какъ мы сказали выше, основано проявленіе Изящнаго въ пространствѣ и времени.

Теперь разсмотримъ условія, коимъ подвержена вещественность.

Природа въ пространствѣ является массою, въ которой видимъ формы и очертанія. Электрическое дѣйствіе свѣта на землю производитъ *цвѣта*, магнетическое сопротивленіе земли производитъ *звуки*.

Человѣкъ, какъ вещественность, подвергается симъ условіямъ находясь въ формахъ, очертаніяхъ, цвѣтахъ и звукахъ природы Какъ отдѣльно организованное тѣло, онъ способенъ къ представленію цвѣтовъ и къ произведенію отъ себя звуковъ. Но его возвышаетъ надъ всею природою умъ. Первое его стараніе — умъ свой проявить въ чемъ-то понятномъ. Первое проявленіе его оказывается въ употребленіи дарованной ему Создателемъ способности производить звуки, которая дѣлается уже способностью говорить и первымъ средствомъ — проявить свой умъ.

Digitized by Google

Если вообразимъ вещественность природы и человѣка въ соединеніи, то легко поймемъ, какъ человѣкъ побуждается духомъ творить въ окружающей его природѣ, во времени и пространствѣ.

Дабы понять, какимъ образомъ человѣкъ творитъ въ вещественности, возьмемъ *слово* и *письмо*. Въ природѣ органической и неорганической звукъ не выражаетъ чистой мысли, но только гармоническимъ согласіемъ проявляетъ неопредѣленное понятіе свойства или чувства. Человѣкъ симъ не доволенъ. Онъ хочетъ выразить мысль, изобрѣтаетъ для нее символъ въ звукахъ, образуетъ *слово* и произноситъ его — *явленіе во времени;* онъ изобрѣтаетъ символъ для мысли своей, въ формѣ, придаетъ ему условное значеніе, творитъ его — *явленіе въ пространствѣ*. Такимъ образомъ видимъ, что мысль человѣка — чисто-духовное произведеніе ума — въ словѣ и письмѣ является въ видимой вещественности, подъ условіями времени и пространства.

Что можетъ проявить человѣкъ? — Символы предметовъ изъ окружающей его природы, образованные по законамъ ума; символы самого себя, облеченные въ условія вещественности и символы соединенія того и другаго.

Какъ онъ можетъ проявить ихъ? — Въ пространствѣ или времени, и въ совокупности того и другаго.

Чѣмъ онъ можетъ проявить? — Умомъ въ вещественности или вещественностью въ умѣ, или соединяя то и другое.

Digitized by Google

Что представляетъ ему вещественность?

Въ пространствѣ — *формы.*
Во времени ——— *звуки.*

Явленія формъ — *образъ очертанія.* } *Цвѣтъ*, какъ независимое дѣйствіе *солнца.*

Явленія звуковъ — *токъ выраженія.* } *Слово*, какъ независимое дѣйствіе *ума.*

Слѣдственно вся область творчества данная человѣку, состоитъ въ формахъ и звукахъ. Вотъ два естественныя и необходимыя раздѣленія *Изящныхъ Искуствъ* на Пластическія и Тоническія!

Теперь легко понять, что представленіе Изящныхъ Искуствъ въ видѣ лѣстницы, какъ у Г. Галича, или четырехъ-угольника, какъ у Аста, несправедливо. Поэзія, принимая въ семъ словѣ *Науку о законахъ Изящнаго вообще*, составляетъ міръ Изящнаго, въ которомъ Изящныя Искуства не различествуютъ еще, и изъ котораго происходятъ явленія, слѣдственно: она есть безразличное сліяніе звуковъ и формъ въ идеальномъ, а не другая сторона въ вещественности имъ противоположная. Изъ сего міра происходитъ явленіе въ пространствѣ — формами, во времени — звуками. Вспомнимъ, что здѣсь принимается проявленіе *Изящнаго* какъ объединеннаго объекта, съ предположеніемъ природы и человѣка, какъ недѣлимыхъ (индивидуальныхъ). Формы составляютъ здѣсь *вещественность*, а звуки *духъ*, потому что человѣкъ въ звукахъ свободно проявилъ мысль, чего въ недвижимой массѣ пространства онъ сдѣлать не могъ, проявляя въ ней только пластическій образъ свой. Раздѣлите сіи двѣ стороны на человѣка и природу и вы найдете совер-

Digitized by Google

шенно-полное, и по необходимымъ законамъ ума составленное раздѣленіе Изящныхъ Искуствъ или *явленій Изящнаго.*

Вся система явленій составишъ слѣдующіе роды и виды:

1. Человѣка собственно
   a. въ пространствѣ,
   b. во времени.
2. Природы собственно
   c. въ пространствѣ,
   d. во времени.
3. Природы и человѣка
   e. въ пространствѣ,
   f. во времени,
4. Человѣка и природы
   g. въ пространствѣ,
   h. во времени.

Слѣдовательно проявляются

1. Въ пространствѣ
   a. человѣкъ,
   b. природа.
2. Во времени
   c. человѣкъ,
   d. природа.

Вещественность проявленія составляютъ

1. Формы и цвѣта:
2. Звуки и выраженіе.

Изъ сего естественно являются четыре частныя раздѣленія всей области явленій Изящнаго, и слѣдственно — четыре рода Изящныхъ Искуствъ: *Пластика, Живопись, Музыка, Поэзія.*

Каждый человѣкъ постигающій идеалъ Изящнаго есть Поэтъ, въ высшемъ смыслѣ. Мысль его готова къ явленію. Но свойство явленія зависитъ

Digitized by Google

ощъ условій его природы. Онъ, смотря по направленію условій своего Я, являетъ поэтическую мысль, или во времени — гармоническими звуками, извлекаемыми изъ природы, или гармоническими выраженіями словъ — *Музыка* и *Поэзія*; или въ пространствѣ — гармоническими формами массы, или гармоническими сліяніями цвѣтовъ — *Пластика* и *Живопись*.

Когда человѣкъ выражаетъ себя — выраженіе его ближе къ полнотѣ духа, и дробленіе чувства внутренняго опредѣленнѣе выражается. Въ Пластикѣ сіе выраженіе есть *Ваяніе*; въ Живописи *изображеніе человѣка*; въ Музыкѣ *пѣніе*; въ Поэзіи *Эпопея вообще*.

Когда человѣкъ выражаетъ природу, приведенную въ единство Изящнаго умомъ — выраженіе его болѣе неполно, чувство выражаемое непонятнѣе и выражается неопредѣленнѣе. Въ Пластикѣ это *Архитектура*; Въ Живописи *изображеніе природы*; въ Музыкѣ *звуки инструментовъ*; въ Поэзіи *Лирика*.

Все дѣлится на безконечное многоразличіе, такъ какъ обратно сіе дѣленіе сливается въ безразличное единство. Но дѣленіе всегда производится на двѣ стороны: духовную и вещественную. Духъ видимъ въ самой вещественной Пластикѣ; вещественность въ самомъ высшемъ стремленіи духа. Архитектура, созидая гармоническое зданіе, являетъ мысль человѣка стремящагося осуществить идеалъ пластической лѣпоты; Поэзія, изображая величіе Бога, въ самомъ высокомъ восторгѣ, показываетъ мысль въ вещественныхъ образахъ.

Digitized by Google

Сіи двѣ стороны преимущественно относятся одна къ единству (человѣку), другая къ Многоразличію (природѣ). Онѣ необходимо сливаются и составляютъ частно особые цѣлые (природа и человѣкъ вмѣстѣ).

Весь міръ явленій Изящнаго въ вещественныхъ условіяхъ сливается также: 1-е, соединеніемъ формъ и очершаній; 2-е соединеніемъ звуковъ и словъ; 3-е, соединеніемъ сихъ двухъ явленій, гдѣ является *вся область Изящнаго вдругъ*.

Но сіе всеобщее соединеніе Изящ. Искусствъ хотя и есть самое торжественное и величественное, но въ немъ Я частное каждаго искусства исчезаетъ. Величіе сего соединенія составляютъ: обширность, объемлемость, жизнь, которыми одушевляется цѣлое всѣхъ искусствъ.

Торжество-же частное, или высочайшее проявленіе каждаго, составляетъ соединенное явленіе многоразличія и единства одного котораго нибудь искусства, такъ, что даже вещественность одного искусства не можетъ быть передана другому, безъ нарушенія гармоніи изящества. Да и сіе соединенное явленіе тогда только бываетъ въ изящнѣйшемъ явленіи, когда частности его уничтожаются, ибо торжество искусства есть — *единство гармоніи*.

Мы должны прибавить, что говоря о формахъ и цвѣтахъ, звукахъ и словахъ, мы разумѣемъ въ формѣ только форму, въ цвѣтахъ только цвѣтъ, въ звукѣ только звукъ, въ словѣ только слово — *гармонически являемыя*, а не смотримъ на физическіе матеріалы, изъ коихъ они составлены. Посему въ Живописи, мы говоримъ о гармоническихъ явленіяхъ цвѣтовъ и формъ,

Digitized by Google

разумѣя подъ симъ и *шитье цвѣтными нитями*, и *мозаическую наборку камешковъ*, и *свѣтотѣнь составляемую въ садахъ деревами и растеніями*. Такъ и въ *явленіи Изящнаго въ словахъ*, мы разумѣемъ только поэтическо-гармоническое явленіе, не смотря на то, будутъ-ли тутъ слова пѣты, читаны или писаны, будетъ-ли сіе явленіе въ прозѣ или стихахъ, ибо для Поэзіи это все равно. Романъ В. Скотта есть истинно поэтическое явленіе, не смотря что онъ писанъ прозою, а Делилевы Сады — явленіе непоэтическое, хотя писаны гладкими стихами.

Всѣ сіи замѣчанія весьма важны, необходимы и къ сожалѣнію, они почти всегда упускаются изъ вида, когда намъ предлагаютъ практику Изящнаго.

Соображая все замѣченное нами, разсмотримъ Изящныя Искуства и совершенство ихъ полноту.

Наука Изящнаго или Поэзіи, какъ Наука высокихъ идеаловъ и сущностей явленія ихъ, раздѣляется въ вещественномъ явленіи на двѣ стороны:

I. Находящуюся подъ преимуществомъ вещественности или внѣшнюю сторону Изящнаго — *Пластику* (формы, очертанія и цвѣта).

II. Находящуюся подъ преимуществомъ духа или внутреннюю сторону Изящнаго — *Тонику* (звуки, выраженія, слова).

Пластика дѣлится на двѣ стороны: явленіе формъ — *собственно Пластику* и явленіе очертаній — *Живопись*.

Тоника дѣлится на двѣ стороны: явленіе звуковъ — *Музыку*; явленіе выраженій — собственно *Поэзію*.

Digitized by Google

I. ПЛАСТИКА.

1. *Собственно - Пластика.*

А. Явленіе природы въ единствѣ Изящнаго — *Архитектура.* Эдукшивная сторона Пластики.

Въ Архитектурѣ, единство — отдѣльное изображеніе линіи, трехъугольника, квадрата, круга, куба и сферы; *многоразличіе* — соединеніе оныхъ, *строеніе* изящно расположенное; *соединеніе того и другаго* — *перспективно - изящное зданіе.*

Б. Явленіе человѣка въ единствѣ Изящнаго — *Ваяніе.* Продукшивная сторона Пластики.

Въ Ваяніи, *единство* — отдѣльная статуя; *многоразличіе* — барельефъ и горельефъ; *соединеніе* того и другаго — *группа.*

Ваяніе можетъ изображать природу (статуи животныхъ, рѣзныя и лѣпныя украшенія); Архитектура принимаетъ изображеніе человѣка (каріатиды, термы и проч.). Но онѣ дѣйствуютъ въ семъ случаѣ отрицательно: Ваяніе унижаетъ свое достоинство, а Архитектура отвлекаетъ предметы отъ чисто - поэтическаго изображенія, дѣлая принужденныя положенія. Ваяніе соединяетъ съ собою Архитектуру, оставаясь преимущественнымъ, на примѣръ, въ какой - нибудь ротондѣ, гдѣ все окружающее находится въ отрицательной лѣпотѣ къ статуѣ посрединѣ поставленной; Архитектура соединяетъ также съ собою Ваяніе, украшая зданіе статуями, отрицательно къ Ваянію, для возвышенія собственнаго достоинства.

Полное явленіе *собственно - Пластики*, гдѣ соединяется Ваяніе и Зодчество, гармонически, въ зданіи изящно - построенномъ и украшенномъ про-

Digitized by Google

изведеніями Ваянія, какъ-то: храмъ, театръ съ колоннадою и статуями, гдѣ Ваяніе и Архитектура дѣйствуютъ совокупно.

2. *Живопись.*

C. Явленіе природы въ единствѣ Изящнаго — *Ландшафтная Живопись.* Эдуктивная сторона Живописи.

Здѣсь, *единство* — отдѣльное изображеніе предметовъ природы — животныя, цвѣты, цвѣтники; *многоразличіе* — соединеніе предметовъ въ отдѣлы; *соединеніе* того и другаго — свѣтопѣнь въ саду, виды природы, дѣйствія животныхъ, и проч.

D. Явленіе человѣка въ единствѣ Изящнаго — *Историческая Живопись.* Продуктивная сторона Живописи.

Здѣсь, *единство* — портретъ, отдѣльное изображеніе человѣка и его отношеній; *многоразличіе* — изображеніе многихъ вдругъ, батальная живопись и проч. — *Соединеніе* того и другаго — изображеніе предметовъ, изъ которыхъ каждое служитъ дополненіемъ и украшеніемъ другому и всѣ вмѣстѣ.

Ландшафтная Живопись принимаетъ къ себѣ Историческую, на примѣръ: въ Вернетовыхъ картинахъ, гдѣ есть человѣкъ, но въ нихъ главное — природа въ ея явленіяхъ: буря, захожденіе солнца и проч. Историческая Живопись принимаетъ ландшафтную, на прим. въ Пуссеневой Аркадіи, но тамъ главное — люди окружающіе ландшафтъ.

Полное явленіе Живописи, гдѣ совершенная гармонія природы и человѣка, оживленная идеаломъ. Таково Преображеніе и Мадонна Рафаэля, Ночь Корреджіо: чудное сліяніе свѣта и тѣни и идеальное изображеніе людей.

Digitized by Google

II. ТОНИКА.

1. *Музыка.*

E. Явленіе природы въ единствѣ — Изящнаго *звуки извлекаемые изъ природы.* Эдуктивная сторона Тоники.

Здѣсь, *единство* — духовые инструменты; *многоразличіе* - инструменты струнные; *соединеніе того и другаго* является въ *концертѣ*, т. е. въ собраніи тѣхъ и другихъ инструментовъ, гдѣ струнные инструменты облекаютъ, такъ сказать, во внѣшнія формы звуки внутренніе или духовыхъ инструментовъ.

F. Явленіе человѣка въ единствѣ Изящнаго — *звуки человѣческаго голоса.* Продуктивная сторона Тоники.

Здѣсь, *единство* — мелодическіе тоны одного голоса; *многоразличіе* — общность голосовъ въ хорѣ; *соединеніе того и другаго* — гармоническое сліяніе соло и хора.

Инструментальная музыка принимаетъ къ себѣ вокальную или голосную, и обратно, голосная принимаетъ инструментальную (аккомпаньеманъ); но полное явленіе ихъ въ обширномъ музыкальномъ произведеніи, гдѣ соло и хоръ духовая и инструментальная музыка дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ-то; въ Ораторіяхъ Гайдена и проч.

2. *Поэзія.*

G. Явленіе собственно природы въ человѣкѣ — *Лирика.*

Здѣсь чувство общее увлекаетъ человѣка. Духъ стремится проявить чувство неопредѣленное, въ общихъ выраженіяхъ радости или печали. Здѣсь

Digitized by Google

единство — Элегія отвлеченіе, уединеніе человѣка; *многоразличіе* — Ода сближеніе, общность; *соединеніе того и другаго* видимъ въ древнемъ диѳирамбѣ, новѣйшей застольной пѣснѣ и смѣшанной Одѣ.

II. Явленіе человѣка собственно, въ природѣ — *Эпика.*

Здѣсь человѣкъ стремится осуществить самого себя: или въ единствѣ, *Драмѣ*, гдѣ самъ себя, свои страсти и чувства изображаетъ, или въ многоразличіи, *Эпопеѣ*, гдѣ вся природа (въ древней Эпопеѣ боги, какъ символы природы; въ романтической, бури, нравственныя потрясенія и привидѣнія) дѣйствуетъ для него; *соединеніе того и другаго* является въ Романѣ или Поэтической повѣсти, гдѣ Драма и Эпопея соединяются вмѣстѣ для произведенія необыкновеннаго дѣйствія.

Лирика принимаетъ къ себѣ Эпику, вводя иногда нѣсколько пѣвцовъ и хоры въ лирическую пѣснь и Элегію; Эпика принимаетъ Лирику, заимствуя хоры и пѣсни въ свои произведенія. Высочайшее-же торжество, гдѣ гармонируетъ Лирика и Эпика, есть соединеніе того и другаго въ древней Трагедіи и особенно въ новѣйшей Драмѣ Шекспира, Лопеца де Вега и Гёте. Фаустъ сего послѣдняго есть *явленіе* превосходнѣйшее и великое.

Мы сказали, что вся Пластика соединяется вмѣстѣ, и это видимъ тамъ, гдѣ Архитектура, Ваяніе и Живопись эдукшивная и продукшивная сливаются во едино. Вообразите огромнѣйшее зданіе, въ которомъ перспектива формъ представляетъ вамъ слѣпніе *Архитектуры* (колонны отдѣльно показываютъ единство; своды, ступени, врата, переходы, многоразличіе). Вообразите его украшенное

Digitized by Google

Ваяніемъ, въ изящныхъ статуяхъ, какъ единствѣ, въ рельэфахъ какъ многоразличіи въ группахъ какъ соединеніи Ваянія. Прибавьте картины, изображающія единство въ отдѣльныхъ изображеніяхъ великихъ людей, страстей, идеаловъ; многоразличіе и соединеніе того и другаго въ картинахъ историческихъ и другихъ. Представьте, что сквозь просѣки видѣнъ прелестный садъ, гдѣ вода блещетъ радугами, цвѣты рисуются въ безчисленныхъ переливахъ зелени и разноцвѣтныя стекла отбрасываютъ краски. Вглядывайтесь въ каждое произведеніе сего чуднаго зданія отдѣльно, вы найдете въ немъ высочайшее торжество каждаго изъ пластическихъ Искуствъ. Хотите-ли обозрѣть соединеніе частностей? Отвлекитесь отъ частей, изберите такую точку зрѣнія, съ которой взоръ вашъ видѣлъ-бы въ перспективѣ внѣшнюю и внутреннюю стороны зданія, и это общее соединеніе формъ очертаній и цвѣтовъ представитъ вамъ торжество Пластики!

Такую-же общность явитъ намъ и Тоника. Вообразите огромнѣйшее собраніе инструментовъ и и голосовъ. Вы слышите произведеніе великаго Гайдена! Душа восхищена звуками. Пусть послѣ этого гармонія стиховъ докончитъ очарованіе, перенесетъ въ лирическомъ восторгѣ въ небо, или смѣшаетъ радость съ грустью въ элегическомъ выраженіи, — вотъ очарованія Музыки и Поэзіи отдѣльно! Но есть зрѣлища, гдѣ Музыка и Поэзія дѣйствуютъ вдругъ — это *Опера!*

Здѣсь частное Поэзіи и Музыки исчезаетъ. Кажется, что Опера еще не доведена у насъ до совершенства. Древніе не знали ее, а новѣйшія

Digitized by Google

произведенія Моцарта, Вебера и Россини начинаютъ доказывать, до какой высокой степени въ Музыкѣ можно довесть ее.

Наконецъ, мы приступаемъ къ тому высокому проявленію Изящнаго, гдѣ вся Пластика и вся Тоника соединяются. Оно можетъ быть подъ преимуществомъ Пластики, или Тоники. Вообразите, что въ томъ великолѣпномъ зданіи, гдѣ формы, очертанія и цвѣта очаровали васъ, среди глубокой тишины раздается невидимый хоръ, чувства ваши упояются чудными звуками и вдругъ раскрывается живая картина, изображающая величественное зрѣлище собранія людей, оживленнаго чувствомъ сильнымъ и высокимъ. Подъ преимуществомъ Тоники можетъ явиться Пластика, если на великолѣпной сценѣ, живыя пластическія существа, съ присовокупленіемъ очарованія Живописи, представятъ зрѣлище страстей, борьбу духа съ вещественностію и Музыка облечетъ слова ихъ въ гармоническіе аккорды. Здѣсь явится и *Мимика*, или переходъ Пластики къ жизни: она изображается или мимою и пантомимою — *единствомъ*, или хороводами и плясками — *многоразличіемъ*, или *соединеніемъ того и другаго* — балетомъ.

Будетъ время, когда въ нынѣшнюю Оперу, вмѣсто уродливыхъ Итальянскихъ твореній, введутъ очарованіе истинной Поэзіи, когда Пластика въ ней усовершенствуется, и тогда всѣ повѣрятъ восторгу, какимъ проницаетъ поэтическую душу высшее наслажденіе Изящнымъ.

Если вообразимъ, что вмѣсто холстинныхъ декорацій, Пластика, въ изящнѣйшемъ зданіи Зодчества, окружила насъ своими произведеніями, Поэзія

Digitized by Google

слила съ Музыкою высокую Драму, и ввела изящныя мимы на сцену, можемъ представить себѣ и въ Оперѣ полное очарованіе соединенныхъ Изящныхъ Искуствъ.

Намъ остаешся сказать еще о двухъ измѣненіяхъ, которымъ подвергаютъ Изящныя Искуства.

1-е. Хотя Живопись и Пластика сливаются только общностями, но можно и прямо переносить одну къ другой. Статуи можно раскрашивать, одѣвать въ платья; красками можно изображать предметы Пластики, въ естественномъ ихъ видѣ, на прим. на стѣнахъ зданій малевать лѣсъ, статуи, колонны, но это уже не Изящныя Искуства: это грубое изуродованіе идеала, и оно производитъ чувство непріятное. Потому мы презираемъ восковыя раскрашенныя статуи и на стѣнахъ написаннымъ изображеніямъ придаемъ рамы, чтобы сдѣлать отличіе живописнаго отъ изваяннаго. Поэзія и Музыка могутъ также переноситься прямо одна къ другой. Поэзія самыми звуками словъ можетъ подражать природѣ, производить звукоподражательность, эхо и проч. Музыка можетъ также подражать природѣ звуками похожими на шумъ дождя, на трескъ грома, вой бури; но это все равно, что раскрашенныя статуи — уродство идеаловъ!

2-е. Изящныя Искуства, какъ увѣряютъ насъ, можно употреблять средствомъ для какой нибудь отдѣльной цѣли. И такъ, какъ звуки употребляются въ барабанномъ боѣ для размѣра маршированья, звукъ охотничьяго рога служитъ сигналомъ сбора, и Поэзія въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ является не сама для себя, но для какой нибудь особенной цѣли, на примѣръ: въ *Дидактическихъ*

Digitized by Google

Поэмахъ. Но это не есть уже Поэзія. Странный родъ сихъ стихотворныхъ произведеній для существованія своего беретъ краски Эпопеи, или сбивается въ прозу риѳмованную, чѣмъ единственно держатся такъ называемыс Философическія Рѣчи въ стихахъ. Мы предполагаемъ поговорить о семъ отдѣльно, подробнѣе; теперь же скажемъ только, что Дидактика совершенно не принадлежитъ къ Поэзіи.

. . . . .

Нимало не умеиьшится достоинство Дидактики, если мы исключимъ ее совершенно изъ круга Изящныхъ Искуствъ. Она относится къ области разума, а не фантазіи. Какъ нелѣпо, писать на прим. Гражданское Право въ стихахъ, такъ равно Поэму о коровьей оспѣ, о землепашествѣ, о Географіи, о садахъ, и комедію, въ которой пятью актами Поэтъ постепенно доказывалъ-бы намъ, положимъ, хотя слѣдующій силлогизмъ: *Обманщику не вѣрятъ. Аристъ обманулъ Доримона; Доримонъ не будетъ вѣрить Аристу: слѣдственно, чтобы намъ вѣрили, не должно обманывать.* Что долженъ дѣлать здѣсь Поэтъ? Представить намъ Ариста и Доримона въ дѣйствіи, не рѣшать ничего отъ себя и удалиться даже отъ всѣхъ сентенцій. Полнотою характера обманщика и полнотою дѣйствія указываетъ онъ на нравственную цѣль, но его дѣло: комическое изображеніе дѣйствія у Ариста съ Доримономъ, а не дидактическое доказательство истины. Такъ и въ Апологѣ: нравоученіе подразумѣвается; главное-же — проявленіе предмета, и потому-то голословное нравоученіе въ концѣ Апологовъ большею частію скучно, и гораздо изящнѣе, когда за-

Digitized by Google

ключается оно въ намекѣ, еще лучше, если Апологъ даже и безъ этого самъ за себя выражается. Словомъ: Изящ Искуства проявляютъ намъ только Изящное въ природѣ и человѣкѣ; всякая другая цѣль будетъ въ нихъ уклоненіе отъ цѣли Мы требуемъ, чтобы нравственность не оскорблялась грубою чувственностію, ибо Изящное не терпитъ грубой чувственности; вспомнимъ и то, что чѣмъ болѣе соединяется въ Изящномъ лѣпота, благо и истина, тѣмъ оно выше, но притомъ требуется, чтобы все это гармоническою общностію только возвышало насъ дѣйствовало на наши чувства, ибо *сочувствіе гармоніи есть уже сочувствіе блага и истины*; довести же до *познанія* истины не дѣло Изящныхъ Искуствъ. Скажутъ, что Ораторъ дѣйствуетъ изящнымъ словомъ на слушателей. Но мы съ этимъ совершенно не согласны. Ораторъ располагаетъ рѣчь свою логически, а не поэтически; украшенія Поэзіи только обременятъ его рѣчь. а не убѣдятъ слушателей, ибо украшенія поэтическія безъ духа Поэзіи — пустыя гремушки.

Въ слѣдствіе сего, Краснорѣчіе, Наука весьма важная, заключающая въ себѣ искуство Историка, Дидактика и Оратора, должна быть отдѣльна отъ Изящныхъ Искуствъ. Всѣ Науки связаны между собою; но есть между ними границы, и преступающій сіи границы не достигаетъ цѣли. Философія въ формахъ Поэзіи будетъ не философія и Поэзія заключенная въ силлогизмы Философіи будетъ не-Поэзія: обѣ измѣнятъ своему назначенію. Первую можно тогда сравнить съ раскрашенною статуею, вторую съ кандиперскими сюрпризами, въ которыхъ видимъ чрезвычайное, обманывающее

Digitized by Google

насъ сходство съ произведеніями природы, но ни мало не изящное. Повторимъ: міръ Поэзіи, какъ міръ вещественной природы, самъ себѣ цѣль.

Не распространяемся о подраздѣленіяхъ Изящныхъ Искуствъ, на примѣръ, что Драма подраздѣляется на Комедію и Трагедію, ибо мы говорили уже о *теоріи явленій Изящнаго*, разсматривая III отдѣленіе 1 й книги *Опыта*, Г. Галича; также не будемъ говорить здѣсь о различіи характера сихъ явленій, смотря по условіямъ жизни человѣка и природы, или какъ говоритъ Г. Галичъ — *о разности прекраснаго, происходящей отъ духа народнаго образованія и областей имъ населяемыхъ* (Тел. Ч. VIII, стр 323-330. Во II й части *Опыта*, читатели найдутъ обо всемъ этомъ много справедливаго и хорошо-сказаннаго.

Мы изложили Теорію Изящныхъ Искуствъ. Сравненіе оной съ теоріею Г. Галича во всѣхъ подробностяхъ, завлекло-бы насъ весьма далеко. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ мы не можемъ согласиться съ положеніями почтеннаго Автора. Предоставляемъ читателямъ рѣшить: кто правѣе въ оныхъ, ибо изъ всего нами сказаннаго можно легко узнать, въ чемъ мы противорѣчимъ Г. Галичу Вотъ главное:

1-е Распредѣленіе системы Из. Искуствъ кажется намъ несправедливо. Это мы старались доказать.

2-е. Дидактическая Поэзія не есть Поэзія, а относится къ Практической Философіи. Г. Галичъ никакъ не могъ ввести ее въ систему и потому произвольно распредѣлилъ систему Поэзіи на двѣ части: *формы самостоятельныя — формы относительныя*. Соединеніемъ того и другаго, онъ назы-

Digitized by Google

вѣтъ *Романъ*. Это совершенно несправедливо и не имѣетъ никакой точности и основательности. Романъ, какъ мы видѣли, есть соединеніе Поэмы и Драмы. *Относительными* формами Поэзіи называетъ Г. Галичъ — Дидактическія Поэмы, Идиллію и Сатиры. Видимъ, что его принудила къ этому Дидактическая Поэзія, ибо устранивъ ее легко было понять, что Идиллія принадлежитъ къ Драмѣ, а Сатира, смотря по формѣ, къ Драмѣ и къ Лирикѣ.

Заключимъ. Книга Г. Галича достойна вниманія и *какъ первый опытъ*, есть превосходное изложеніе истинной теоріи и практики Изящнаго. Замѣченные нами недостатки и неисправности не уменьшаютъ ея внутренняго достоинства, ибо читатели могутъ видѣть, что *начала*, на которыхъ основывается Г. Галичъ, совершенно справедливы, а это главное. Въ подробностяхъ, въ развитіи началъ можемъ ошибаться, но непреложность основанія доказывается несомнѣнно. Благодаря Нѣмецкихъ мыслителей за глубокомысленныя открытія ими сдѣланныя, должно признаться, что и у нихъ развитіе началъ еще дѣло не конченное. Для этого потребно усиліе ума не однихъ Нѣмцовъ, но и другихъ народовъ, потребно созерцаніе со всѣхъ сторонъ свѣта. Одинъ народъ, не только что одинъ человѣкъ, не можетъ этого сдѣлать. Основная идея истинной Философіи была знаема Греками: объ ней говорили, можетъ быть, еще до Платона; но вѣка протекли, пока великій Кантъ въ наше время началъ обрабатывать ее надлежащимъ образомъ. . . . . .

Изложеніе въ книгѣ Г. Галича всего болѣе можетъ быть подвержено Критикѣ. Онъ весьма не точно выражается и часто одно и то же понятіе

Digitized by Google

получаетъ у него по три, по четыре произвольныя слова. Впрочемъ и это простительно, ибо языкъ философическій для Рускихъ новый языкъ; и въ самой Германіи большая часть новѣйшихъ Философовъ выражаются хотя и опредѣленно, за то весьма темно, думая только объ ясности идей, а не выраженій. Но умъ свѣтитъ сквозь мракъ словъ и свѣтъ его понятенъ всякому мыслящему человѣку.

Слѣдовало-бы разсмотрѣть теперь сочиненія Кн Мещерскаго, Г. Розберга и Г. Кронеберга, но мы увлечены были книгою Г. Галича за предѣлы журнальной статьи. А какъ между тѣмъ вышла и 2-я часть *Амалтеи*, Г. Кронеберга, и поелику всѣ сіи сочиненія имѣютъ въ основаніи одинъ предметъ: разсмотрѣніе духа древней Классической Словесности и Изящныхъ Искусствъ у Грековъ и Римлянъ, то мы и рѣшаемся посвятить симъ весьма любопытнымъ и замѣчательнымъ книгамъ отдѣльный разборъ. Понятія о Теоріи Изящнаго и, проявленіи онаго у древнихъ и новыхъ народовъ, раскрытыя въ разсмотрѣніи книги Г. Галича, могутъ насъ руководствовать и довесть до истины.

Н. П.

Digitized by Google

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1825.

150. *Государственная внѣшняя торговля 1824 года въ разныхъ ея видахъ.* Спб. in 4. 74 стр.

Сію книгу, изданную отъ Департамента внѣшней торговли, должно причислить къ важнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ матеріаламъ Статистики Россійскаго Государства. Въ наше время, когда во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ, Правительства не скрываютъ, но обнародываютъ вполнѣ свѣдѣнія о состояніи всѣхъ отраслей Государственнаго хозяйства, доставляя тѣмъ новыя драгоцѣнные факты для Политической Экономіи и Науки Государственнаго Хозяйства, и Россійская Статистика пріобрѣтаетъ каждогодно новыя, Правительствомъ обнародуемыя свѣдѣнія. Въ изданной нынѣ книгѣ о торговлѣ 1824 г. находятся слѣд. статьи: I. *Генеральный балансъ Россійской внѣшней торговли* — II. *Балансъ торговли, съ показаніемъ, по какимъ таможнямъ и заставамъ и на какую цѣну отпущено и привезено товаровъ* — III. *Общій видъ отвозной торговли* — IV. *Общій видъ привозной торговли* — V. *Обозрѣніе главнѣйшихъ Россійскихъ товаровъ, съ показаніемъ, чрезъ какія таможни оные отпущены были* — VI. *Обозрѣніе главнѣйшихъ иностранныхъ товаровъ, съ показаніемъ чрезъ какія таможни оные привезены были* — VII. *Вѣдомость о привозѣ и вывозѣ золота и серебра въ иностранной монетѣ и слиткахъ* — VIII. *Вѣдомость о конфискованныхъ товарахъ и монетѣ* — IX. *Видъ транзитной торговли* — X. *Видъ торгов-*

Digitized by Google

ли съ царствомъ Польскимъ — XI. *Видъ торговли съ Финляндіею* — XII. *Видъ торговаго мореходства* — XIII. *Таблица о сложныхъ цѣнахъ товарамъ* — XIV. *Таблица о состояніи денежнаго и вексельнаго курса* — XV. *Реэстръ о именахъ торгующихъ купцовъ.*

Торговый балансъ въ 1824 г. состоялъ въ слѣдующемъ: отпускъ товаровъ и денегъ 206,353,808 рублей; привозъ товаровъ и денегъ 181 035,504 рубли. Слѣдовательно, по балансу сему перевѣсъ въ пользу Россіи простирался за 25 милліоновъ. Кораблей во всѣ порты въ приходѣ было 3,484, вышло изъ всѣхъ портовъ 3,545

»Съ сего года наши купеческіе корабли получили въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ Сѣверной Америкѣ, преимущество платить въ тамошнихъ гаваняхъ такія-же *точно* подати, какія платятъ собственные ихъ шкипера. Товары, привезенные изъ Лондона на построенномъ въ Архангельскѣ кораблѣ Фаворитѣ, принадлежащемъ купцу Бранту, были тамъ застрахованы по одному проценту, наровнѣ съ лучшими Англинскими дубовыми кораблями. Сіе показываетъ, какимъ нынѣ довѣріемъ и выгодами наши купеческіе корабли въ иноетранныхъ земляхъ пользуются.

»Въ семъ-же году купечество наше начало производить прямую торговлю съ Египтомъ, и участвующіе въ оной Россійскіе купцы получаютъ значительную уступку пошлинъ.«

Въ числѣ отпущенныхъ изъ Россіи товаровъ было: хлѣба болѣе 800 тысячъ четвертей; хлѣбнаго вина 382 948 ведръ; льна 1,863.029 пудъ, пеньки 2,789,485 пудъ, сала 2,472,776 четв., желѣза

Digitized by Google

разнаго 1,205,458 п. — Въ числѣ привозныхъ товаровъ было: винъ виноградныхъ 38,579 оксофт., вина Шампанскаго 374,678 бут., табаку на 2,101,691 рубл., бумажныхъ издѣлій на 10,408,299 руб. — Въ приложеніомъ на концѣ реэстрѣ означены имена купцовъ, производившихъ портовую торговлю, съ показаніемъ, гдѣ именно каждый изъ нихъ производилъ торговлю и на какую сумму простирался у каждаго торговый оборотъ, вразсужденіи привоза и отвоза отъ него товаровъ. Важнѣйшій по суммѣ капитала въ оборотѣ торговли былъ торговый домъ Гг. Клеменца и Берга, получившій товаровъ на 16,681,075 руб. и отпустившій на 269,910 руб. Оборотъ торговаго дома Белли Э. К. простирался до 7 милліоновъ; Брюкснера и Эрнста болѣе 6, Вильсона Д. до 12½, Гарри, Куртисъ, Гай и Комп. болѣе 6, Гиля Г. и Вишау Б. до 6, Келли Джона до 11, Ливіо до 7, Луиса Д. до 12, Митчеля и Комп. до 10, Моргана до 8½, Рималивера до 10, Стиглица до 13. Изъ Русскихъ купцовъ ни одинъ не имѣлъ такихъ обширныхъ торговыхъ оборотовъ.

151. *Catalogus praelectionum, in Universitate Litterarum Caesarea Mosquensi* a die Augusti XVII anni MDCCCXXV usque ad diem Junii XXVIII anni MDCCCXXVI habendarum, promulgatus Auctoritate Senatus Academici. *Объявленіе о публичныхъ ученіяхъ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ*, съ 17 дня Августа 1825 по 28-й Іюня 1826 года, по назначенію Совѣта. М. 1825. in 4. 32 стр. и при нихъ на большомъ листѣ росписаніе Университетскихъ лекцій въ видѣ таблицы.

Изъ сего объявленія видимъ, что въ Московскомъ Университетѣ, раздѣляясь на 4 отдѣленія,

Digitized by Google

въ теченіе прошедшаго года, находились по *Нравственно-Политическому* отдѣленію *семь* каѳедръ; по *Физико-Математическому* отдѣленію *одиннадцать*; по *Врачебному* отдѣленію, *тринадцать*, по *Словесному* отдѣленію *тринадцать*, всего 44 каѳедры, кромѣ отдѣльныхъ лекцій *Рисованья, Музыки* и *Танцованья*. Вразсужденіи Авторовъ, по руководству коихъ преподаваемы были Науки, кромѣ собственныхъ сочиненій Гг. Профессоровъ Московскаго Университета, назначены для преподаванія: Пѣшики и Археологіи, соч. *Эшенбурга*, Теоріи и Исторіи Изящныхъ Искуствъ, соч. *Сульцера*; Римскихъ Древностей, соч. *Адама*; Исторіи, соч. *Шрекка* и *Пелица*; Статистики, соч. *Гейма*; Римскаго Права, соч. *Вильдека*; Права Политическаго, соч. *Ахенвалля*, и проч.

152. *Lectiones publicae in Caesarea Litterarum Universitate Petropolitana* per proximum cursum anni MDCCCXXV habendae indicuntur a Prorectore et Senatu Academico. Insunt *Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam et Rossorum lingua et usibus illustrata, auctore Friderico Graefio*. Particula I. *Объявленіе публичнаго преподаванія наукъ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Санктпетербургскомъ Университетѣ* на сей 1825 годъ, отъ исправляющаго должность Ректора Университета и Университетскаго Совѣта. *Съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Греческой и Римской Древности, объясненныхъ языкомъ и обычаями Русскихъ*. Соч. Ординарнаго Профессора *Ф. Грефе*. Статья I. Спб. 1825. in 4.

О приложенномъ къ Росписанію лекцій сочиненіи извѣстнаго Филолога Г. Грефе находится извѣстіе въ *Библіографическихъ Листахъ*, Г-на

Digitized by Google

Кеппена (No 22 , стр. 308). Оно оправдываетъ справедливую славу почтеннаго Профессора и заслуживаетъ полное вниманіе всякаго ученаго изслѣдователя языковъ, по своимъ остроумнымъ догадкамъ, утверждаемымъ Аналогіею словъ и обычаевъ Русскихъ и Греческихъ.

153. *Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo Litterarum Demidoviano Iaroslaviensi*, a die XVII Augusti an. MDCCCXXV ad diem XXX Iunii an. MDCCCXXVI habendarum. *Расположеніе лекцій и предметовъ ученія, кои въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ Наукъ Училищѣ имѣютъ преподаваться* съ 17-го Августа 1825 по 30-е Іюня 1826 года. М. 1825. in 4. 20 стр.

Въ теченіе сего года въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ Наукъ Училищѣ преподавались: Исторія Всеобщая, по соч. *Шрекка* и *Кайданова*; Географія и Статистика, по соч. Гейма; Исторія Россійская, по соч *Константинова*, Логика и Философія, по соч. *Баумейстера*, и по книгѣ: *Опытъ руководства къ Исторіи Философіи, изд въ М.* 1820 *г.*; Риторика, *по Эшенбургу*; Поэзія, *по Блеру и Баттё*; Изящныя Искусства. *по Эшенбургу и Сульцеру*; Политическая Экономія, *по сог. Шторха и Шлецера* и проч. Въ окончаніи приложено объявленіе о лекціяхъ въ Благородномъ Пансіонѣ, при Демидовскомъ Училищѣ находящемся.

154. *Начальныя основанія Красильнаго Искусства*, служащія руководствомъ къ крашенію шерсти, шелка, льна конопели и хлопчатой бумаги, и о искуствѣ набиванія ситцовъ. Сочиненіе И. Б. Виталиса. Переведено съ Французскаго. Спб.

Digitized by Google

1824 и 1825 гг. 2 Части. in 8. IV, 255 и VII, 367 стр.

Сія книга печатана *по приказанію С. Петербургской Академіи Наукъ*. »Твореніе Г. Виталиса можно назвать классическимъ.« сказано въ предисловіи, и потому можно надѣяться, что книга получившая такое засвидѣтельствованіе отъ ученаго Общества, конечно принесетъ Русскимъ фабрикантамъ, вообще нуждающимся въ наставленіяхъ, великую пользу. Послѣ краткаго понятія о химическихъ актахъ вообще, исчисляются подробно разные способы крашенія. Тутъ-же особый Словарь всѣмъ принадлежностямъ и матеріаламъ красильнаго искуства.

155. *Руководство для удѣльныхъ Стряпчихъ и прочихъ чиновниковъ Удѣльныхъ Конторъ*, объясняющее вообще права ихъ и обязанности, сообразно изданнымъ на сей предметъ узаконеніямъ. Сочиненіе П. Иванова. Съ эпиграфомъ: »*Къ управленію государства ничто такъ не нужно, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ.* ПЕТРЪ I. Въ трехъ частяхъ М. 1825 in 8. XIII и 96 стр.

Можно причислить сіе небольшое сочиненіе къ лучшимъ руководствамъ изданнымъ въ послѣднее время по разнымъ отдѣленіямъ отечественнаго законовѣдѣнія. Г. Ивановъ, въ I й части, собралъ весьма любопытныя *историческія свѣдѣнія о дворцовыхъ или удѣльныхъ имѣніяхъ*, гдѣ начавъ съ самыхъ древнихъ временъ описываетъ онъ положеніе удѣльныхъ имѣній и Правительства, какія для управленія оныхъ были учреждаемы. На стр 43 находимъ статистическую роспись, изъ коей видно, что въ 1820 г. было удѣльныхъ крестьянъ 562,833 души мужескаго пола и 616,528 женскаго, кото-

Digitized by Google

рые удѣльнаго дохода приносили 4,246,820 рублей. Часть вторая, заключаетъ изложеніе *о правахъ и обязанностяхъ главнаго Удѣльнаго Стряпчаго и помощника его, Московской Удѣльной Конторы;* третья изложеніе *о правахъ и обязанностяхъ Удѣльнаго Стряпчаго и прочихъ чиновниковъ Удѣльной Конторы.* Въ Вѣстникѣ Европы 1825 г. была напечатана критика на книгу Г. Иванова. Весьма сожалѣемъ, что мы не могли напечатать присланнаго къ намъ отвѣта на сію критику, вообще несправедливую и привязчивую.

156. *Теорія Межевыхъ законовъ.* Отдѣленіе третіе. О порядкѣ производства дѣлъ въ Межевыхъ Канцеляріяхъ и Конторахъ, и о законахъ, существующихъ на разрѣшеніе происшедшихъ, при генеральномъ межеваніи земель, споровъ и другихъ случаевъ. М. 1825. in 12. 452 и X стр.

Это дополненіе къ книгѣ, изданной въ 1824 г. для преподаванія въ учрежденномъ при Межевомъ Корпусѣ Константиновскомъ Училищѣ, учителемъ Г-мъ Алѣевымъ, въ которой изложены были вообще правила и постановленія для Межеванія земель въ Россіи.

157. *Указатель Россійскихъ Законовъ* или Краткій Словарь главнымъ матеріямъ, содержащимся въ узаконеніяхъ съ 1801 по 1825 годъ. М. 1825. in 4. 240 стр.

Подъ названіемъ: *Указатель Россійскихъ Законовъ*, Г. Спаскій издалъ два тома, въ которыхъ хронологическимъ порядкомъ *означены* были всѣ законы, изданные съ 1801 по 1823 г. Это не что иное какъ самый краткій реэстръ, въ которомъ сущность законовъ необъяснялась, а только указыва-

Digitized by Google

лось, гдѣ, въ какой книгѣ другихъ сочинителей, на прим. Г-на Хавскаго, Хапылева, Правикова и проч., *должно искать указъ*, о которомъ идетъ рѣчь. Книга Г. Спаскаго конечно можетъ быть полезна тому, кто не хочетъ знать законовъ систематически и *будетъ имѣть всѣ книги и собранія законовъ, на которыя Г. Спаскій ссылается.* Во вновь вышедшей книгѣ его помѣщенъ алфавитный реэстръ матеріямъ первыхъ духъ томовъ, гдѣ находимъ наименованія разныхъ предметовъ и при нихъ указаніе годовъ указамъ, уже совершенно безъ всякихъ объясненій. (На прим. *Губернаторы.* 1801 Марта 14, Августа 1, Октября 11; 1802, Марта 11, и такъ далѣе). Намъ кажется, что вообще по Указателю Россійскихъ законовъ не легко выучиться законовѣденію, не смотря на то, что Указатель продается весьма дорогою цѣною, именно — 40 *рублей ассиг. безъ пересылки.* Замѣтимъ, что онъ изданъ весьма некрасиво.

158* *Основанія Геометріи*, составленныя по системѣ ИМПЕРАТОРСКОЙ С. Петербургской Академіи Наукъ Академика С. Е. Гурьева. Спб. 1825 in 8. X. 259 стр., съ семью таблицами.

159* *Начальныя Основанія Статики*, сочиненіе Гаспара Монжа. Переводъ Инженеръ-Подпоручика Бѣляева, изданный при Главномъ Инженерномъ училищѣ. Спб. 1825. in 8. 208 стр., съ 5 чертежами.

160* *Разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы, когда ихъ употребить хотимъ въ выкладки, требующія большой точности, надлежитъ поправлять еще по времени прихожденія отъ нихъ*

Digitized by Google

къ намъ свѣта; съ присовокупленіемъ объясненія нѣкоторыхъ оптическихъ явленій, бывающихъ при закрытіи одного небеснаго тѣла другимъ. Сочиненіе заслуженнаго профессора Тимоѳея Осиповскаго. М. 1825. in 8. 16 стр.

Мы надѣемся помѣстить въ Телеграфѣ удовлетворительное извѣстіе о сихъ замѣчательныхъ математическихъ книгахъ.

161. *Памятникъ Вѣры*, представляющій благочестивому взору христіанина празднества православною церковію установленныя святымъ Угодникамъ Божіимъ, съ краткимъ оныхъ жизнеописаніемъ, съ присовокупленіемъ избранныхъ на каждый день текстовъ Священнаго Писанія, благочестивыхъ размышленій и духовныхъ стихотвореній, руководствующихъ къ непрестанному упражненію въ богомысліи; съ приложеніемъ къ каждому мѣсяцу гравированныхъ картинъ и листковъ для ежедневнаго записыванія на нихъ своихъ мыслей, чувствованій и поступковъ. М. 1825. in 8. 508 стр.

Для чего не сказать въ заглавіи, что это *старинный мѣсяцословъ, съ старинными, вновь немного-поправленными картинками*? Для чего, печатая вновь *старую* книгу, придавать ей *новое и громкое* названіе: *Памятникъ Вѣры* и проч.? Выписываемъ нѣсколько стиховъ, которыхъ помѣщено тутъ при каждомъ днѣ и мѣсяцѣ десятка по два.

Коль хочешь истинно людей ты различать,
Учись за ихъ душой и сердцемъ примѣчать.

Digitized by Google

Но ты ужь прочь бѣжишь, о время золотое!
Остановись хотя на часъ, мое драгое!
Дай наглядѣться мнѣ на прелести твои!
Бѣжишь — не трогаютъ его мольбы мои.

162. *О достопамятныхъ открытіяхъ* и полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ наукахъ, художествахъ, искусствахъ и другихъ достойныхъ вниманія предметахъ, расположенныхъ по алфавиту. М. 1825. in 8. 51 стр.

По азбучному порядку означено нѣсколько наукъ и разныхъ предметовъ, съ изъясненіями довольно невѣрными и ошибочными. Между *открытіями* и *изобрѣтеніями* находимъ слѣдующія: *докторъ*, *комета*, *картофель*, *путешествіе*, и проч.; въ объясненіяхъ читаемъ, что Аристотель *почитается первымъ основателемъ Грамматики*, и т. п.— Книжка эта продается съ мѣсяцословомъ вышеозначеннымъ въ одномъ переплетѣ.

163 *Русская Исторія*, сочиненная Сергѣемъ Глинкою. Часть четырнадцатая. Изданіе третіе и вновь дополненное. М. 1825. in 8. XVIII и 103 стр.

Мы уже сказали мнѣніе наше о сей книгѣ (смотр. Телегр. 1825. Ч I, стр. 79).

164. *Всеобщая Исторія древнихъ просвѣщенныхъ* (?) *народовъ отъ основанія царствъ* (?) *до лѣтосчисленія христіанскаго.* Соч. И. Ершова. Часть третія. Спб. 1825 in 8. V. и 373 стр.

(См. Телеграфъ, 1825 г. Ч. I, стр. 80.)

165* *Избранныя Слова знаменитаго проповѣдника Бурдалу.* Переводъ съ Французскаго Я. Ушкина. Часть IV. Спб. 1825. in 8. 266 стр.

Digitized by Google

166* *Бесѣды Массильйона, Епископа Клермонскаго*, славнаго Французскаго проповѣдника. Часть V и Часть VI. Спб. 1825 г. in 8. VI и 504, VI и 555 стр.

(См. Телегр. 1825 г. Ч. VI, стр. 396.)

167. *Записки о происшествіяхъ, случившихся въ Тамплѣ*, съ 13 Августа, 1792, по день кончины Дофина (?) Людовика XVII. Переводъ съ Французскаго. Спб. 1825. in 12. XII и 85 стр.

Въ 1823 г. въ Парижѣ изданы были сіи любопытныя Записки, веденныя Герцогинею Ангулемскою, во время бѣдственнаго заключенія въ Тамплѣ Короля Лудовика XVI и его семейства. Простота описаній и горестное положеніе Августѣйшихъ страдальцовъ возбуждаютъ негодованіе на извергов и участіе къ жертвамъ ихъ свирѣпости. Мы не сличали Русскаго перевода съ подлинникомъ, но по выписанному нами титулу книги можно видѣть, что переводъ очень нехорошъ, и это подтверждается на каждой страницѣ всякаго рода ошибками.

168. *Похвальное Слово Лафонтену*. Сочиненіе Шамфора, удостоенное награды Марсельскою Академіею 25 Авг. 1774 г. Перевелъ съ Франц. А. Рихтеръ. Спб. 1825. in 8. 82 стр.

169. *Второе путешествіе Вальяна во внутренность Африки, чрезъ мысъ Доброй Надежды*. Переводъ съ Французскаго языка. 3 Тома. Спб. 1824 и 1825 гг. in 8. XVII 246, 296 и 306 стр., съ картою южной части Африки.

Вотъ книги, которыя опоздали въ Русской Литературѣ! Явись лѣтъ за сорокъ переводъ Шамфорова слова Лафонтену, его прочитали-бы съ любопытствомъ, оно могло-бы имѣть какое нибудь

Digitized by Google

дѣйствіе на читателей; но теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ его явленія во Франціи, когда мы знаемъ цѣну Французской Философіи, когда Шамфору самыми соотечественниками его опредѣлено мѣсто между второклассными Французскими писателями XVIII вѣка. кто будетъ имѣть терпѣніе прочитать Русскій переводъ Шамфорова сочиненія, въ которомъ безъ всякихъ основаній и доказательствъ, онъ хвалитъ и критикуетъ Лафонтена, перемѣшивая это съ неправильными мнѣніями и положеніями?

Еще страннѣе читать переводъ Вальянова путешествія, который также опоздалъ десятка три лѣтъ. Вальянъ возвратился въ Парижъ, въ Январѣ 1785 года. Черезъ *сорокъ лѣтъ*, въ теченіе коихъ совершено въ южную Африку множество путешествій, и Географія и Этнографія Африки представлены въ совершенно-новомъ и достовѣрнѣйшемъ видѣ, путешествіе Вальяна имѣетъ право на переводъ, развѣ въ какомъ нибудь *полномъ собраніи путешествій въ южную Африку*. Если непремѣнно хотѣлось переводчику подарить Русскую публику путешествіемъ въ Африку, не уже-ли онъ не нашелъ ничего новѣе и важнѣе Вальянова путешествія, совершеннаго за 40 лѣтъ, довольно недостовѣрнаго въ подробностяхъ и довольно неважнаго въ ученомъ отношеніи? О времени путешествія надобно-бы, по крайней мѣрѣ, сказать въ титулѣ книги, ибо молчаніе можетъ вводить въ ошибку. Рецензентъ самъ видѣлъ, какъ пришелъ въ книжную лавку охотникъ до путешествій и спрашивалъ *новенькаго*. Ему подали путешествіе Коцебу; но охотникъ, видя что оно совершено въ 1818 году, назвалъ его старинною. »Нѣтъ! вотъ недавно издано *новенькое*:

Digitized by Google

»путешествіе Вальяна въ Африку — дайте-ка его. »Старъ долженъ быть этотъ Вальянъ,« прибавилъ охотникъ, »я помню что читалъ переводъ его перваго путешествія въ 1792 году — развѣ не другой-ли это Вальянъ?« Вотъ поблагодаритъ за новость, черезъ полвѣка почти до него дошедшую!..

1826.

53. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I, на всерадостнѣйшій день ЕГО коронованія. Отставнаго Генералъ-Маіора и Кавалера Кашкина всеподданнѣйшее приношеніе. М. 1826. in 4. 6 стр.

54. *Стихи* ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ, по случаю благосклоннаго ЕЯ вниманія къ трудамъ моимъ. М. 1826. in 8. 6 стр. Имя Сочинителя, С. Н. Глинки, означено въ концѣ стиховъ.

55. *Ручная Математическая Энциклопедія.* Книжка I. *Ариѳметика.* М. 1826. in 16. X и 226 стр.

Разборъ сей превосходной учебной книжки помѣщенъ выше сего, въ отдѣленіи *Критики.*

56 *Словарь родовыхъ именъ растеній*, съ переводомъ на Россійскій языкъ, означеніемъ ихъ происхожденія, класса, къ коему каждый родъ принадлежитъ, и числа извѣстныхъ породъ каждаго растѣнія, по показаніямъ Персона и Штейделя, составленный Иваномъ Мартыновымъ. Спб. 1826. in 8. стр. XVI — 362.

Digitized by Google

Почтенный Авторъ, приносящій пруды свои и знаніе Греческаго языка въ пользу соотечественниковъ, обогащаетъ Литтературу нашу изданіями не только по части собственно Словесной переводомъ древнихъ Классиковъ, но и по части Литтературы ботанической — изданіемъ Словарей: Первый — *Техно-ботанической Словарь* (изданный въ 1820 г.) существенно полезенъ для уразумѣнія ботаническихъ книгъ, содержа въ себѣ объясненіе и переводъ терминовъ, введенныхъ Ботаниками, къ сожалѣнію слишкомъ и безъ нужды размноженныхъ: эта страсть какъ у Французскихъ, такъ и у Нѣмецкихъ Ботаниковъ всё, кажется, возрастаетъ: каждый по своему выдѣлываетъ особенныя названія, которыя могли-бы еще быть сносны въ морфономіи или анатоміи растеній; но въ описательной Ботаникѣ они только затрудняютъ и затемняютъ дѣло и безъ нихъ совершенно обойтиться можно. Отъ сей одной причины многія изъ новѣйшихъ сочиненій не понятны: ссылаюсь для примѣра на превосходное и любопытное по содержанію изданіе Бразильскихъ пальмъ Марціуса. Весьма полезно-бы издать дополненіе къ Словарю, которое содержало-бы термины, въ новѣйшихъ лучшихъ сочиненіяхъ введенные. Другой Словарь относится къ наименованіямъ самыхъ растеній. *Майеръ*, потомъ *Амбодикъ*, первые у насъ начали писать словари сего рода, но въ нихъ родовыя и видовыя названія были смѣшаны; послѣ нихъ заслуживаютъ вниманіе по сей части сочиненія Г-дъ *Севергина* и *Соболевскаго*. Г-нъ *Двигубскій* въ своей Ботаникѣ первый издалъ Словарь многихъ родовыхъ именъ, въ которомъ онъ принималъ либо природныя Русскія, либо составлялъ самъ, заимствуя ихъ наиболѣе отъ

Digitized by Google

свойствъ растеній. Этотъ способъ есть настоящій, по которому, сообразуясь съ духомъ языка и благозвучіемъ, можно достигнуть цѣли. Потомъ Г. Мартыновъ въ книгѣ *Три Ботаника*, помѣстилъ переводъ Линнеевскихъ родовъ, и наконецъ, въ нынѣшнемъ году, издалъ отдѣльный *Словарь родовыхъ именъ растеній*. Предметъ сей весьма труденъ и для учености важенъ, притомъ-же у насъ не обработанъ, и потому Г. Мартынову предстояли большія затрудненія и препятствія, изъ которыхъ онъ многія преодолѣлъ съ надлежащимъ успѣхомъ. Мы здѣсь изложимъ свое мнѣніе о достоинствахъ Словаря и осмѣлимся замѣтить недостатки онаго, для будущаго времени.

Главная польза, какую можно извлекать изъ сей книги, состоитъ въ томъ, что изъ нее можно узнавать происхожденіе и значеніе именъ растеній, классъ, къ которому они принадлежатъ по системѣ Линнея, передѣланной Персономъ, и наконецъ число видовъ каждаго рода, сколько по крайней мѣрѣ показано оныхъ у Персона и Штейделя.

Къ каждому роду приложено Русское названіе. Если даемъ мы предмету какому-либо особое названіе, то чрезъ сіе дѣлаемъ его особымъ, отличаемъ отъ другихъ; посему названіе родовое должны имѣть только опредѣленные роды. Но въ семъ отношеніи кому не извѣстно, какой существуетъ хаосъ и какое несогласіе между Ботаниками? И кто возмется примирить и согласить мнѣнія, столько разнообразныя, многихъ ученыхъ головъ? Для сего потребно особенное занятіе Ботаникою и ограниченіе себя необходимостію. Г. Мартыновъ не имѣлъ цѣлію установлять роды растеній: онъ переводилъ назва-

Digitized by Google

нія, помѣщенныя въ *Синопсисѣ Персона*, имъ изданномъ при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, слѣдовательно и его Словарь относится собственно болѣе къ оному Синопсису; но какъ въ послѣдующія времени многіе виды растеній, по надлежащемъ ихъ разсмотрѣніи, перемѣщены въ другіе роды и многіе роды установлены новые, дѣйствительно отличные, то и Словарь родовыхъ именъ, который бы относился вообще къ Ботаникѣ въ нынѣшнемъ ея усовершенствованіи, требуетъ многихъ отмѣнъ.

Въ Русскихъ названіяхъ приняты многія природныя, нѣкоторыя изъ искуственныхъ прежде составленныхъ Г-дами Амбодикомъ, Севергинымъ и Двигубскимъ, весьма же многія принадлежатъ самому Г-ну Маршынову; онъ по большой части переводилъ ихъ съ Греческаго, либо Латинскаго языковъ, и многія весьма удачно; но многія не удовлетворяютъ нѣмъ условіямъ, безъ которыхъ слова вновь составляемыя не могутъ получить права гражданства въ нашемъ языкѣ. Сихъ условій, по нашему мнѣнію, главныхъ два, какъ замѣчено уже: 1) искуственное слово должно выражать отличительный характеръ предмета; 2) должно быть сколько можно благозвучнѣе и свойственно нашему языку; — къ сему прибавимъ также и то, что должно быть принято единство и постоянство въ правилахъ при составленіи оныхъ.

1) Нѣкоторыя имена переведены съ Греческаго и Латинскаго слово въ слово, несвойственно нашему языку, тѣмъ болѣе что и въ подлинникѣ многія изъ нихъ не выражаютъ отличительныхъ качествъ растеній на пр. Galeobdolon (происходящее отъ словъ *Хорёкъ* и *тяжелый запахъ*) переведе-

Digitized by Google

но *Хорьковонька*, хотя и не имѣетъ сего качества, Callitiche — *Красовлясь* — за что? . . Elegia — *Плаксиха*, Eucrydia (отъ словъ: *хорошо* и *закрываю*) — *Доброскрыта*, Aquilegia — *Водосборъ*, carphulea (сухой) — *Сухана*, Polemonium — *Брань*, Hydrogethon — *Водорадъ*, Hydrastis — *Водожила*, Tropaeolum (Капуцинъ или Красоля, отъ словъ *перемѣняю* и *все*) *Повертень*; такимъ-же образомъ составлены: *Клепстка*, *Кичлива*, *Безпечникъ*, *Безпокой* (Cactus), *Благородникъ*, *Вкусноплодка*, *Гипсолюба*, *Двоеслужка*, *Двоспушка*, *Доброхлебка*, *Желѣзокопыльникъ*, *Желѣзкотычникъ*, *Змѣиногуба*, *Зубарь*, *Инобородникъ*, *Камфоровонникъ*, *Карманчикъ*, *Колкостручникъ*, *Красотка*, *Кривоножка*, ——— *Кучеплевникъ*, *Лобушка* (Prosopi — лицо), *Миловонка*, *Милоушка*, *Милушка*, *Млечноструйка*, *Многосердка*, *Мочиха*, *Непогибъ*, *Ословонникъ* (Onosma), *Ослокормъ*, *Пирожникъ* (Placus), *Пригожанка*, *Пріята*, *Свѣтлоголубка*, *Скрытнотычка*, *Сокрушиха*, *Страшнокожка*, *Стрижка*, *Ткачиха*, *Чепчикъ* (Mitella), и симъ подобныя, которыя едвали могутъ быть введены въ употребленіе.

2) При нѣкоторыхъ родахъ хотя показано значеніе Греческаго названія, но Русское имя поставлено другое безъ видимой причины, на пр. Erythrina (происходитъ отъ *красный*) переведена *Слизникъ*, и проч.

3) При нѣкоторыхъ родахъ удержаны коренныя Русскія названія, нѣкоторыя-же имѣютъ искуственное переводное, напрасное по тому, что есть природное Русское или по крайней мѣрѣ въ нашемъ

Digitized by Google

языкѣ уже освоившееся. На пр. Erithraea названо *Эриѳрея*, а это всѣмъ извѣстный Золототысячникъ, Oxycoccos — Клюква — наз. *Кислозеркъ*, Polygala — Истодъ. — *Многомлечникъ*, Sempervivum — Молодило — *Всегдаживъ*, Matricaria — Ромашка — *Маточница* и проч.

4) Имена, данныя растеніямъ въ честь Ботаниковъ не всегда удержаны, на пр. Thalia — въ честь Ботаника Талія, названа *Стрѣлокъ*, Riccia — Рѣшетница . . .

5) Иныя переведены напрасно вдвойнѣ, на пр. Stoebe назв. *Девясильникомъ*, а Seriphium — *Кривнемъ*, между тѣмъ какъ Stoebe и Seriphum означаютъ одинъ и тотъ-же родъ.

При семъ кстати почитаемъ сказать, что для усовершенствованія ботаническаго языка необходимо должно собрать названія растеній, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ, и пользоваться болѣе коренными какъ Русскаго, такъ и другихъ Славянскихъ нарѣчій; для сего могутъ послужить провинціяльныя Русскія, также Малороссійскія, Польскія; чрезъ сіе ботаническому языку мы дадимъ Русскій характеръ и перенесемъ въ Словесность письменную то, что разсѣяно въ изустной.

Вотъ то, что казалось намъ потребнымъ замѣтить для составленія Словаря. — Будемъ благодарны почтенному Автору: онъ положилъ основаніе; пользу и важность его труда въ надлежащей мѣрѣ поймемъ и оцѣнимъ только тотъ, кто самъ займется подобнымъ дѣломъ. W. W.

Digitized by Google

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

О проэктѣ Мардохея Ноя основать Жидовское Царство. Мы писали объ этомъ странномъ проэктѣ Мардохея Эммануила Ноя, Жида Караитской секты, живущаго въ Сѣверной Америкѣ. Онъ, воззваніями въ Европейскихъ газетахъ, призывалъ всѣхъ Жидовъ ѣхать къ нему въ селеніе, заведенное имъ на островѣ Грандъ-Исландѣ. Теперь въ Датскихъ журналахъ: Skilderie и Westseeländische-Zeitung помѣщены слѣдующія любопытныя извѣстія. Грандъ-Исландъ (большой островъ) въ Нью-Іоркской области (на рѣкѣ Ніагарѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ озеръ Эріо и Онтаріо), величиною около $3\frac{1}{2}$ Географическихъ квадратныхъ миль, есть гористая, заростшая лѣсомъ земля. Берега его состоятъ изъ крутыхъ утесовъ, однако же есть на немъ и безопасныя бухты для кораблей. Здѣсь истокъ озера Онтаріо. Если сообразить, что весь островъ величиною только въ $3\frac{1}{2}$ квад. мили, и что при возможно-большемъ народонаселеніи, на каждой квадратной милѣ можетъ поселиться отъ 4 до 5000 человѣкъ, то и при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ не льзя предполагать, чтобы все народонаселеніе сего острова простиралось когда-либо выше 20,000 человѣкъ. Но поелику М. Ной назначаетъ Грандъ-Эйландъ только сборнымъ мѣстомъ для приглашенныхъ колонистовъ, то главная цѣль его состоитъ, можетъ быть, въ томъ, чтобы предполагаемое стеченіе Жидовъ разселить вообще во владѣніяхъ Нью-Іорка. Не взирая на то, что планъ М. Ноя отзывается фанатизмомъ (ибо, для чего-бы именно

Digitized by Google

приглашать своихъ собратовъ, Жидовъ?), Нью-Іоркъ конечно можетъ нѣкогда сдѣлаться очень важнымъ; ибо ни одинъ городъ изъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ столь значительныхъ водъ, представляющихъ большіе виды къ распространенію торговли, какъ Нью-Іоркъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ жителяхъ его недостаетъ только дѣятельнаго торговаго духа, дабы возвесть свою область на степень первой торговой земли въ Америкѣ. Область Нью-Іоркская во владѣніи своемъ имѣетъ около 2470 кв. Геогр. миль, или почти столько какъ Нижне-Саксонскій и Вестфальскій округъ, вмѣстѣ взятые. Отъ Востока къ Западу простирается онъ на 74 мили, а отъ Юга къ Сѣверу на 68 кв. Геогр. миль, изобилуетъ минералами, лѣсомъ, растеніями, садовыми прозябаемыми и почитается хлѣбнымъ магазиномъ Америки. Видно что прекраснѣйшія земли Америки ожидаютъ только дѣлателей, между тѣмъ какъ въ Европѣ спорятъ за пядень земли, что важнѣйшіе дары природы разсыпаны вездѣ подъ благодатнымъ небомъ Америки, и только нѣтъ людей, которые-бы захотѣли наслаждаться ими, между тѣмъ какъ въ Европѣ жители смотрятъ съ завистію на каждый кусокъ, который хотятъ положить въ ротъ (*). То весьма вѣроятно, что Америка, скорѣе нежели думаютъ, привлечетъ къ себѣ жителей и силы Европы, т. е. ея благосостояніе, ея богатства и ея умы, и кто знаетъ, что Европа не будетъ нѣкогда тѣмъ, что теперь Римъ — тѣнью прежней силы своей, остовомъ преждебывшаго исполина, каррикату-

(*) Авторъ говоритъ конечно о Данiи. *Изд.*

Digitized by Google

рою прежняго своего величія (*). Подобна выгорѣвшему волкану будетъ тогда сія прекрасная часть свѣта, разрушенная собственными своими силами, и изъ Америки будутъ отранствовать въ Европу, такъ какъ теперь изъ Европы путешествуютъ въ Грецію дабы видѣть Аѳины въ развалинахъ и отечество Сократовъ и Ксенофонтовъ во власти варваровъ.

Іудеевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ свѣта, не составляющихъ нигдѣ самостоятельнаго народа, видимъ мы (выключая Россію и нѣкоторыя Аравійскія области) вездѣ какъ отдѣльныхъ жителей какого-либо мѣста, хотя въ Австріи, Россіи, Польшѣ и Леваншѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ составляютъ они главную часть народонаселенія. Число ихъ, въ теченіе 28 вѣковъ, протекшихъ съ того времени когда ихъ государство было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи при Давидѣ и Соломонѣ, мало измѣнилось. Тогда считалось ихъ 4 милліона, а теперь полагаютъ до 3,200 000 человѣкъ. Большая часть Іудеевъ живетъ въ Европѣ; за тѣмъ слѣдуетъ отечество сего народа Востокъ или Азія, потомъ Африка, за нею Америка, а наконецъ и Австралія, куда они также проложили себѣ путь.

I. *Въ Европѣ* число ихъ полагается слѣдующимъ образомъ: т. е. Въ *Россіи* и Польшѣ считаютъ *ихъ* 658,908 человѣкъ; изъ сего числа въ

(*) Мечты! Но мы передаемъ ихъ по причинѣ оригинальности. *Изд.*

Digitized by Google

С. Петербургѣ 850 (*), въ Подольской губерніи 136,630, въ Кіевской губерніи 32,000, въ губерніяхъ Виленской и Гродненской 71,000, въ губерніи Волынской 66,530 человѣкъ. 2 е. Въ *Австрійскихъ владѣніяхъ* 453,545 человѣкъ, изъ коихъ большая часть въ Галиціи и Венгріи. 3 е. *Въ Европейской Турціи* 321,000 человѣкъ 4 е. *Въ Нѣмецкихъ союзныхъ Государствахъ* 183,000 чел. (изъ сего числа въ Баваріи 53,400, въ Баденѣ 16,930 въ Гамбургѣ 5000). 5 е Въ *Пруссіи* 134,980 человѣкъ; большая часть находится въ герцогствѣ Познанскомъ, гдѣ число ихъ простирается до 52,668. 6 е. Въ *Королевствѣ Нидерландскомъ* 80,000 человѣкъ, изъ коихъ 20,000 живутъ въ Амстердамѣ. 7 е. Во *Франціи* 60,000 человѣкъ. 8 е. Въ *Италіи* 36,900 человѣкъ, изъ коихъ 15,000 живутъ въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, и 15,000 въ Римѣ и Анконѣ. 9 е. Въ *Великобританіи*, именно въ Лондонѣ, Дублинѣ и другихъ большихъ городахъ, только 12,000 человѣкъ. 10 е. Въ *Краковѣ* (равно какъ и во всей Польшѣ) Жиды имѣютъ нѣкоторымъ образомъ отечество: здѣсь живутъ 7,300 человѣкъ. 11 е. На *Іонійскихъ островахъ* 7000 человѣкъ. 12 е. Въ *Швейцаріи* только три прихода Іудейскихъ: именно 2 въ Аарау и одинъ въ Женевѣ, всего 1970 человѣкъ. 13 е. *Въ Швеціи*, только въ большихъ городахъ, живутъ отдѣльно 450 человѣкъ. Изъ Норвегіи они совсѣмъ изгнаны кореннымъ закономъ. 14 е. *Въ Даніи* 6000 чел. Всего въ Европѣ 1,918,053 человѣка.

(*) Ошкуда взялъ Датскій Журналистъ свои исчисленія? Въ Спбургѣ нѣтъ ни одного Жида, постояннаго жителя, исключая Евреевъ принявшихъ Христіанскую вѣру. *Изд.*

Digitized by Google

II. *Въ Азіи* все число ихъ простирается до 738,000 человѣкъ; изъ сего числа большая часть (до 300,000 чел.) живутъ въ Азіятской Турціи, въ Іерусалимѣ 20,000, въ Аравіи 200,000, въ Индостанѣ 100,000, въ Китаѣ 60,000, въ Туркестанѣ 40,000, въ Персіи 35,000, въ Азіятской Россіи 3000.

III. *Въ Африкѣ* число ихъ простирается почти до 504,000 человѣкъ, въ томъ числѣ въ Фецѣ и Марокко живутъ 300,000, въ Тунисѣ 130,000, въ Алжирѣ 30,000, въ Абиссиніи 20,000, въ Триполѣ 12,000 и въ Египтѣ 12,000.

IV. *Въ Америкѣ* 5,700 человѣкъ.

V. *Въ Австраліи* 50 человѣкъ.

Всѣ сіе вмѣстѣ составитъ 3,165,803 человѣка; къ тому должно прибавить 15,000 Самаритянъ и 500 Измаилитовъ. Общій итогъ будетъ 3,181,303 человѣка.

Между всѣми народами земли нѣтъ ни одного удивительнѣе Іудейскаго. Его древность, его раннее образованіе, памятники древности имъ сохраненные, возвышенныя понятія его о вѣрѣ, его великія дѣянія, его несчастіе, его странная судьба жить разсѣянно, смѣшавшись со всѣми народами и ни съ однимъ не соединяться — все сіе должно произвести въ насъ удивленіе, возбудить наше вниманіе и состраданіе. Если народъ сей имѣетъ свойственныя ему слабости, то съ другой стороны онъ имѣетъ также и свойственныя ему добродѣтели и таланты, которыя всякій безпристрастный человѣкъ не долженъ оставлять безъ замѣчанія.

Народъ сей происходитъ отъ святаго родоначальника (Авраама). Семейство его распространяется, но не сохраняетъ его добродѣтелей.

Digitized by Google

Преступленіе и случай приводятъ сіе семейство въ достойный удивленія Египетъ. Тамъ дѣлается оно многочисленнымъ народомъ, непорый въ послѣдствіи времени дѣлается подозрительнымъ и преслѣдуется; но человѣкъ одаренный чрезвычайнымъ геніемъ возстаетъ для спасенія его. Онъ является по гласу Бога для возвращенія Іудейскаго народа въ ту землю, изъ которой сей народъ вышелъ, и умираетъ, прежде нежели успѣлъ окончить свой подвигъ. Наученные имъ мужи исполняютъ оный и безъ него. Народъ приучается къ войнѣ и выраждается въ суровые воинственные вѣка (во время Судей); но высокія религіозныя понятія и общественныя учрежденія поддерживаютъ Государство. — Монархическій образъ правленія соединяется съ теократическимъ; два великіе мужа (Давидъ и Соломонъ) восходятъ на престолъ одинъ послѣ другаго, и тогда Іудейскій народъ достигаетъ до блестящаго періода образованія и силы. Воспоминаніе о семъ времени носится передъ духомъ его и въ позднѣйшія времена, а самое позднѣйшее потомство съ удивленіемъ взираетъ на блескъ сей. Но искра величія исчезаетъ скоро и навсегда. Политическое несчастіе (раздѣленіе Царствъ Іудина и Израилева) повергаетъ народъ въ состояніе слабости безпомощной. Возрастающая сила и гибельное суевѣріе сосѣдственныхъ народовъ непреоборимо влекутъ его къ политическому упадшенію; но остатки духа Моисеева и его государственныхъ постановленій, еще поддерживаются. Безпрестанно возстаютъ мужи съ возвышенными силами, совѣтующіе не увлекаться общею порчею времени, и внушающіе новую бодрость, обѣщая

Digitized by Google

счастливѣйшую будущность, подобную прошедшему времени, когда народъ былъ славенъ и счастливъ. Государство завоевано и уничтожено; великій Монархъ (Киръ) оказываетъ народу милость и позволяетъ возвратиться въ свое отечество. Онъ возвратился, возобновилъ прежнія свои государственныя постановленія и никогда уже не могъ достигнуть прежняго своего величія. Александръ Великій завоевалъ Іудейскую землю; но съ народомъ обходился милостиво. При наслѣдникѣ его народъ сей угнѣтается, но дѣлаетъ храброе сопротивленіе и семейство Маккавеевъ распространяетъ новый геройскій блескъ. Наконецъ подвергается онъ власти всепобѣждающей Римской Республики, и между тѣмъ какъ сія послѣдняя дѣлается Имперіею, въ Іудеѣ совершается таинственный обѣтъ Провидѣнія и свѣтъ истинной, благодѣтельной Вѣры разливается по землѣ. Но часть народа, не принявшая сей Вѣры, тѣмъ съ большимъ фанатизмомъ предается надеждѣ, что долженъ родиться еще Спаситель, который возвратитъ ему прежнее земное его величіе. Всеобщее возмущеніе возгарается противъ могущественнаго Рима и 70 лѣтъ спустя послѣ Р. Х. Іудейское Государство совершенно уничтожается: столица его и храмъ — послѣ упорнѣйшихъ сраженій — разрушаются.

Съ того времени удивительный народъ сей живетъ разсѣянно между всѣми народами земли, часто утѣсняемый, и всегда презираемый и преслѣдуемый. Не взирая на то, онъ умѣлъ сохранить свое существованіе и пріобрѣсть себѣ терпимость между различными партіями вѣроисповѣданій, и отдѣльные члены онаго во всякія времена имѣли

Digitized by Google

счастіе пріобрѣтать себѣ великія состоянія и чрезъ то уваженіе. Первоначальная организація его и мнѣнія препятствуетъ ему соединяться съ другими народами. Одушевляющая фантазія подкрѣпляетъ его бодрость и поддерживаетъ весь народъ, какъ одно, нерасторгаемое общество. Никакой народъ въ мірѣ не имѣлъ участи подобной народу Іудейскому, и можетъ быть и никакой не заслуживаетъ въ такой степени вниманія мыслителей. Результатомъ наблюденій о его образѣ понятій и состояніи на землѣ почитаютъ то, что сей народъ не долженъ быть болѣе разсѣянъ, но на какомъ нибудь мѣстѣ земнаго шара будетъ жить самостоятельнымъ народомъ (*), но до сего времени это можно было ему сдѣлать въ нѣкоторыхъ Арабскихъ деревняхъ, обитаемыхъ только одними Іудеями. Изъ воззванія М. Ноя видно, что онъ принадлежитъ къ наименѣе строгой Іудейской сектѣ, близкой къ чистому Деизму (къ Караитамъ) и по сему-то планъ его не нашелъ въ Европѣ желаемаго вспоможенія отъ современниковъ; впрочемъ, кажется, что М. Ной привязанъ къ странному предразсудку, будто Американцы произошли отъ десяти колѣнъ, отведенныхъ въ древности въ Ассирію. Планъ сдѣланъ былъ имъ еще прежде 1820 года и долго занималъ онъ обширными приготовленіями, но исполненіе его по слѣдствіямъ оказывается весьма сомнительно, ибо Жиды робки, не привыкли къ обрабатыванію земли, и не рѣшатся пуститься на такое невѣрное предпріятіе. Развѣ богатые Іудеи составятъ компанію для поселенія бѣдныхъ своихъ единовѣрцовъ и успѣ-

(*) Можно-ли смертнымъ проникнуть судьбы Провидѣнія? *Изд.*

Digitized by Google

ютъ преодолѣть убѣжденіями мѣлкіе разсчеты корыстолюбія, привязывающіе каждаго изъ нихъ къ той землѣ, гдѣ онъ живетъ.

НЕКРОЛОГІЯ. Живописецъ Давидъ—Баронъ Денонъ.

Французская революція, на время ниспровергнувшая весь общественный порядокъ, всѣ науки, искусства и художества во Франціи, истребила и вкусъ въ Живописи. Возстановителемъ сего благороднаго искусства былъ Давидъ, родившійся въ 1748 году. Онъ въ малолѣтствѣ лишился родителя. Мать назначала его въ архитекторы, но, по счастію, страсть къ Живописи, съ первыхъ лѣтъ оказавшаяся въ Давидѣ, побѣдила обстоятельства. Другой счастливый случай избавилъ его отъ руководства живописца Буше, который передалъ Давида живописцу Вьену, гораздо превосходившему Буше. Здѣсь изучался Давидъ. Въ 1772 году онъ выставилъ свою первую картину — *Битва Минервы съ Марсомъ, вспомоществуемымъ Венерою* — и получилъ первый призъ, не смотря на состязательство многихъ отличныхъ соперниковъ. Въ 1775 году отправившись съ Вьеномъ въ Римъ, Давидъ жадно изучалъ тамъ знаменитыя произведенія Рафаэля и Микель-Анжа. Цѣлые дни занимался онъ въ Ватиканѣ рисованіемъ эскизовъ, а вечеромъ дома приводилъ ихъ въ порядокъ. Это составило у него пять огромныхъ томовъ *Изученій* (des études). Во всю жизнь свою онъ справлялся съ этимъ драгоцѣннымъ собраніемъ образцовъ. — Черезъ пять лѣтъ возвратившись въ отечество, Давидъ былъ принятъ въ члены Королевской Академіи — и вскорѣ опять отправился въ Римъ. Тамъ онъ вы-

Digitized by Google

написалъ свою знаменитую картину: *Клятва Горациевъ*. Общій восторгъ, возбужденный сею картиною, былъ удивителенъ. Единогласно признали Давида первымъ современнымъ Французскимъ живописцемъ; поэты воспѣвали таланты Давида, юноши усыпали цвѣтами окружность его жилища, самъ начальникъ Академіи, Бапони, сказалъ ему: »Останьтесь здѣсь и будьте наслѣдникомъ моимъ въ Академіи.« Счастливый Давидъ благодарилъ всѣхъ и возвратился во Францію.

Въ это время грянула революція — и Давидъ увлеченъ былъ обстоятельствами. Онъ имѣлъ сильное вліяніе въ тогдашнемъ правительствѣ и писалъ образцы республиканскихъ одѣяній.

Въ 1795 году Давидъ удалился съ политическаго поприща и опять принялся за кисть свою. Нѣсколько времени занимался онъ списываніемъ портретовъ частныхъ людей и вскорѣ не могъ управляться работою. Въ это-же время по усильнымъ просьбамъ Князя Н. Б. Юсупова, Давидъ написалъ для него: *Фаона и Сафо*. Эта картина и нынѣ находится у Князя.

Давидъ былъ гордъ, какъ благородный живописецъ. Извѣстная красавица Рекамье заказала ему портретъ свой. У Давида, занятаго множествомъ другихъ работъ, портретъ ея подвигался къ окончанію медленно. Рекамье просила одного изъ лучшихъ учениковъ Давида заняться списываніемъ съ нее другаго портрета: съ позволенія учителя тотъ исполнилъ ея желаніе. Спустя не много времени Г-жа Рекамье просила Давида окончить портретъ ея. »Милостивая Государыня!« сказалъ Давидъ: »У насъ есть свои причуды — у насъ, художниковъ,

Digitized by Google

свои. Въ этотъ разъ позвольте мнѣ поступить по своему: вашъ портретъ вѣчно останется такъ, какъ онъ есть!« И ничто не могло убѣдить его окончить портретъ Г-жи Рекамье.

Давидъ наслаждался полною славою. Онъ былъ членомъ множества Академій. Наполеонъ любилъ его и предлагалъ ему занять мѣсто — Давидъ отказался. »Моя мастерская есть настоящее мое мѣсто!« сказалъ онъ. Канова пріѣзжалъ въ Парижъ для одного Давида. Камучини восхищался имъ и любилъ смотрѣть на работающаго Давида.

Давидъ умеръ въ Брюсселѣ, 29 Декабря прошедшаго года. Въ 1816 году онъ принужденъ былъ, по политическимъ отношеніямъ, оставить свое отечество — и Король Прусскій предлагалъ ему убѣжищемъ Берлинъ — должностью искуства своего Государства — но Давидъ отказался. Онъ жилъ безвыѣздно въ Брюсселѣ, наслаждаясь своимъ искусствомъ, любовью нѣсколькихъ друзей и театромъ. Будучи дряхлъ, Давидъ встрѣчался иногда съ Королемъ Вильгельмомъ, но случалось что не вдругъ замѣчалъ его и Король (слава такому Государю!) первый привѣтствовалъ знаменитаго художника.

— *Баронъ Денонъ* замѣчателенъ по многимъ отношеніямъ. Онъ родился въ 1747 году, отъ благородныхъ родителей, и въ молодости пріѣхавши въ Парижъ смѣло пустился въ шумъ большаго свѣта. Чрезвычайная пріятность въ обращеніи и ловкость отличали его. Въ это бурное время юности своей онъ написалъ комедію: *Добрый отецъ*. Странный случай сдѣлалъ его извѣстнымъ. Королю Людвигу XV. Денонъ, часто бывающій въ Фонтенебло, былъ наконецъ замѣченъ Королемъ, и Король спросилъ

Digitized by Google

Денона: чего онъ хочетъ? — Видѣть васъ, Государь! отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Какъ? только? И болѣе ничего тебѣ не нужно отъ меня? — Ничего, Ваше Величество — только я желалъ-бы не встрѣчать препятствій видѣть своего Государя, а эти препятствія — штыки вашей гвардіи, Государь! — Остроумные отвѣты Денона понравились Королю: онъ приказалъ впускать молодаго человѣка во дворецъ и въ сады безпрепятственно. Однажды Король спросилъ у Денона, чѣмъ онъ занимается? — Изящныя искусства моя страсть, и занятіе — отвѣчалъ Денонъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ занимался ими прилежно. Король собиралъ тогда для Г-жи Помпадуръ древніе рѣзные камни и сдѣлалъ Денона хранителемъ коллекціи оныхъ.

Вскорѣ Денонъ перешелъ на дипломатическое поприще. Онъ былъ дворяниномъ Французскаго посольства въ С. Петербургѣ. — Оставивъ Россію, Денонъ умѣлъ понравиться Вержену, который былъ тогда въ силѣ и отправилъ Денона посланникомъ къ Гельветическому Союзу. За остроумную шутку онъ принятъ былъ въ общество Вольтера и списалъ съ него портретъ. Вольтеръ жаловался, что Денонъ изобразилъ его старѣе нежели онъ былъ въ натурѣ: изъ этого вышла у нихъ переписка, блестящая умомъ и остротою. Отсюда Денонъ поѣхалъ въ Неаполь; былъ тамъ при посольствѣ семь лѣтъ — и послѣ Клермонъ-д' Амбуаза исправлялъ *должность посланника*. Здѣсь-же Денонъ совершенно посвятилъ себя Изящнымъ искусствамъ. Болѣе всего занимался онъ гравированіемъ — то есть такимъ родомъ искусства, въ которомъ успѣхи бываютъ рѣдки и

Digitized by Google

трудны. Для Аббата Сень-Нона, Денонъ занимался описаніемъ *живописнаго путешествія по Неаполю и Сициліи* — изъ чего послѣ вышла у нихъ ссора. Сень-Нонъ неблагодарно воспользовался трудами Денона, который послѣ издалъ остальныя записки свои въ I томѣ (въ 1788 году). По смерти Вержена, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, представилъ гравированный имъ эстампъ съ картины Луки Жіордано и былъ принятъ въ Академію. Тутъ онъ опять возвратился въ Италію и прожилъ пять лѣтъ въ Венеціи. Во время революціи онъ переѣхалъ въ Швейцарію и конечно былъ-бы помѣщенъ въ списокъ эмигрантовъ и лишенъ всего имѣнія, если-бы живописецъ Давидъ не избавилъ его и не принялъ къ себѣ, *гравировать рисунки республиканскихъ одѣяній*. — Денонъ былъ съ Наполеономъ въ Египтѣ и много участвовалъ въ художественной части сей экспедиціи. По возвращеніи во Францію, онъ *первый* издалъ виды Египта, и черезъ два года сдѣланъ былъ Директоромъ Музеевъ. Здѣсь, въ блестящее царствованіе Наполеона, ему представилось обширное поприще дѣйствій: не было человѣка обязательнѣе и доброжелательнѣе Денона, не смотря на нѣкоторыя особенности его въ мнѣніяхъ. Въ 1815 году, сдѣлавшись частнымъ человѣкомъ, Денонъ былъ истиннымъ другомъ Изящныхъ искусствъ, руководителемъ иностранцовъ, путешественниковъ и сверхъ того любезнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ. Онъ умеръ 27 Апрѣля, 1825 года, оставивъ послѣ себя память любезнаго, добраго, просвѣщеннаго человѣка.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Поэзія.

Когда пѣвецъ, могучею рукой,
Касается струнъ арфы золотой —
Небесный огнь въ душѣ его пылаетъ,
И разогнавъ туманъ временъ густой,
Безсмертья свѣтъ въ потомство пролетаетъ! . . .

*

Но кто, носясь надъ гордою главой,
Сей чудный огнь, въ груди его младой,
Незримая — мгновенно возжигаетъ? . . .
Онъ чувствуетъ мигъ радости святой —
И пѣснь его пространство разсѣкаетъ! . . .

*

И тамъ она съ гармоніей громовъ
Сливаяся — гремитъ, не умолкая . . . .
И радугой небесною играя,
Ея лучи горятъ сквозь тму вѣковъ!

Ротчевъ.

Digitized by Google

Отрывки изъ Повѣсти: Свѣтлана.

(Любовь Свѣтланы.)

. . . Но пламень гибельный закрался
И въ грудь красавицы моей:
Ей образъ Олега являлся
И днемъ и въ сумракѣ ночей.
И вотъ задумываться стала
Моя невинная Княжна;
Но, простодушная! она
Сама себя не понимала. . . .
И опостылѣло ей всё:
Ужь въ свѣтломъ теремѣ её
Не собиралися подруги!
Бывало быстро ихъ досуги
Летѣли въ пѣсняхъ и въ игрѣ:
То собираясь на дворѣ,
Въ часы вечернія прохлады,
Какъ птички вольныя весной —
Онѣ рѣзвились межь собой,
И прославляли имя Лады —
Ей въ честь плели вѣнки изъ розъ;
Когда-же вьюга и морозъ
Пушистымъ снѣгомъ засыпали
Траву широкаго двора,
Тогда, въ большіе вечера,
Вкругъ огонька онѣ играли.
То забавляли дѣвъ младыхъ
Разсказы старыхъ мамокъ ихъ:
Внимая имъ, онѣ летѣли
Душой къ протекшимъ временамъ
И, удивляясь чудесамъ,

Digitized by Google

Дыханье притаивъ, сидѣли;
То передъ зеркаломъ, порой,
Онѣ гадали съ дѣтскимъ смѣхомъ —
И симъ младенческимъ ушѣхамъ
Княжна всегда была душой.
Но тутъ онѣ ей скучны стали:
Подругъ оставила, одна
И въ тайной думѣ и въ печали,
Она сидѣла у окна
И тихо слезы проливала,
Стараясь горе скрыть своё. . . .
Но мама старая ее
Загадку скоро разгадала.

(Свиданія Свѣтланы съ Олегомъ.)

. . . . И молчалива и грустна
Бесѣда тайная бывала.
Надѣвъ большое покрывало,
Съ старушкой робкая Княжна
Къ свиданью радостно спѣшила;
Но тамъ — съ потупленнымъ челомъ,
Съ унылымъ, пасмурнымъ лицомъ
Всегда Олега находила.
Онъ скорбь свою хотѣлъ скрывать;
Онъ на мгновенье забывался,
Но вздохъ невольный вырывался
И измѣналъ ему опять;
И снова съ горестною думой
На дѣву юноша смотрѣлъ
И, молчаливый и угрюмой,
Онъ о любви твердить не смѣлъ,
И часто слезы скрыть старался
И взоръ отъ милой отвращалъ. . . .

Digitized by Google

Печаленъ онъ ее встрѣчалъ,
Печаленъ съ нею разставался. —

Такъ шли бесѣды ихъ всегда.
Однажды, въ полночь ужь, когда
Природа въ тишинѣ дремала,
Луна исчезла въ облакахъ
И на землѣ и небесахъ
Завѣса мрачная лежала,
И не шептали съ вѣтеркомъ,
Уснувъ, листы деревъ высокихъ,
И перекатывался громъ
Въ раскатахъ тихихъ и далёкихъ —
Они сидѣли приунывъ,
Душа-земное забывала,
И — къ витязю лицо склонивъ,
Свѣтлана наконецъ сказала:

»Олегъ, Олегъ! Какой тоской
Ты такъ томимъ, ты такъ встревоженъ?
Скажи, мой другъ! зачѣмъ со мной
Всегда унылъ и остороженъ?
Или притворство скрывъ одно,
Меня ты погубить желаешь;
Или, погибшую давно,
Другую дѣву вспоминаешь? . . .
Нѣтъ, ты не можешь быть злодѣй!
Такъ, я увѣрена, я знаю;
Прости же робости моей;
Откройся мнѣ, я умоляю!
За чѣмъ у моего отца
Меня не просишь ты въ супруги?
Что медлишь, предъ лицемъ Творца

Digitized by Google

Дать клятву вѣчную подругѣ?
Ты слышишь неба тихій гласъ;
Онъ пролилъ въ душу упованье —
Пусть въ этотъ таинственный часъ
Услышу я твое признанье! . . .«

Она умолкла. Нѣжный взоръ,
Сквозь мракъ густой стремился къ другу,
Онъ обнялъ милую подругу
И робко началъ разговоръ. . . .

П. Сумароковъ.

Унынie.

(Изъ Ламартина.)

Туда влеки меня, послушная волна,
Съ безоблачныхъ небесъ гдѣ свѣтлая луна,
И съ мшистыхъ береговъ Неаполь горделивый
Рисуется въ волнѣ угрюмой и лѣнивой,
Влеки! я отдохну близъ шумныхъ береговъ,
Везувій гдѣ встаетъ средь сѣдыхъ валовъ;
Хочу зари восходъ узрѣть съ его вершины,
Хочу еще взглянуть на мирныя равнины.
Влеки по синевѣ меня спокойныхъ водъ,
Къ знакомой пристани, гдѣ насъ свобода ждетъ;
Гдѣ Цинтіи въ садахъ, Виргилія гробница,
И гдѣ лежитъ его забытая цѣвница.
Туда, подъ сѣнь оливъ и виноградныхъ лозъ,
Гдѣ дружно миртъ цвѣтетъ съ кустами свѣжихъ

розъ

Digitized by Google

И надъ главой моей сплелись роскошно своды,
При сладкомъ шумѣ водъ и торжествѣ природы;
Прохладой оживясь раскинутыхъ древесъ,
Мы пробудимъ придемъ безмолвіе небесъ.

Но гаснетъ дней моихъ печальное свѣтило —
Ихъ бѣдствіе рукой холодной осѣнило.
Мелькаетъ изрѣдка мнѣ жизни новый свѣтъ,
Когда съ мечтой моей блеснетъ любви привѣтъ.
Не знаю, суждено-ль правдивыми богами
Мнѣ вѣкъ окончить здѣсь, съ цвѣтущими лѣтами.
Тускнѣетъ небосклонъ — и взоръ унылый мой
Не смѣетъ и летѣть за ласковой мечтой;
Но если суждено мнѣ на зарѣ склониться,
Но если счастіе въ глазахъ моихъ зажмится,
И чашу юности, и розовый вѣнокъ
На камень гробовой положитъ смертный рокъ —
Я объ одномъ молю Боговъ въ часы кончины,
Да пренесутъ меня подъ небеса чужбины!
Я поклонюсь тебѣ, знакомая страна,
Гдѣ прошекла моя счастливая весна!

Степановъ.

Ода Гаафица.

Зефиръ пріятенъ легкокрылой —
Пріятна кроткая весна. . . .
Но если нѣтъ для сердца милой —
То ихъ потеряна цѣна.

*

Digitized by Google

Лѣсокъ пріятенъ въ вечеръ ясной,
Когда надъ нимъ взойдетъ луна. . . .
Но если нѣтъ подруги страстной —
Его потеряна цѣна.

*

Мила улыбка устъ прекрасныхъ —
Въ сердца намъ радость льетъ она;
Но безъ лобзаній сладострастныхъ —
Вся ихъ потеряна цѣна (*).

*

Шумитъ пріятно лѣсъ красивый,
Какъ сладко льетъ о брегъ волна. . . .
Но смолкъ весны пѣвецъ счастливый —
Вся ихъ потеряна цѣна.

*

Пріятны намъ густыя сѣни,
И шумъ кипящаго вина. . . .
Но безъ душевныхъ наслажденій —
Вся ихъ потеряна цѣна.

*

Жизнь наша, о Гафизъ, монета (**) —
Она для траты намъ дана:
Коль не истратимъ наши лѣта —
То ихъ потеряна цѣна.

Ю. Познанскій.

Кіевъ,
1825, Октяб. 2 д.

(*) Таковы понятія восточныхъ жителей! *Изд.*

(**) Въ подобныхъ сочиненіяхъ, обыкновенно въ послѣдней строфѣ, Персидскій Поэтъ обращается къ самому себѣ. *Пер.*

Digitized by Google

Къ Ал. . . . — нѣ — ой.

Я знаю, милый другъ, Алина,
Что ты не разъ стихи мои прочтешь,
Сей слабый отблескъ Ламартина. . . .
И не о будущемъ — о прошломъ ты вздохнешь.

Наединѣ съ тобой разсѣлнъ я бываю!
Моя рука сплелась съ твоей рукой,
Безмолвствуя, съ твоей бесѣдую душой,
Часы летятъ — я ихъ не замѣчаю. . . .
Когда съ тобой сижу подъ тѣнію деревъ,
Твой каждый слышу вздохъ и каждое дыханье —
Я вновь тебѣ вверженъ вчерашнее признанье,
Любовью вѣчною тебѣ клянуся вновь. . . .
Или, блаженный часъ! главою утомленной,
Когда покоишся ты на плечѣ моемъ,
Когда мой томный взоръ, недвижный и смущенный,
Пьетъ радость чистую въ твоемъ,
Ахъ! и тогда грущу я — сердцу больно. . .
Блѣднѣю — весь дрожу. . . тоска въ душѣ моей —
Я на верху блаженства, — но невольно
Слеза катится изъ очей!
И ты смущенная, дрожащими руками,
Ты крѣпко жмешь меня въ объятіяхъ своихъ —
И вопрошая со слезами,
Ты хочешь знать причину слезъ моихъ:
»Скажи мнѣ, милый другъ! какою грустью тайной
»Въ моихъ объятіяхъ томимъ?
»Я раздѣлю тоску души твоей печальной,
»Я облегчу ее участіемъ нѣмымъ!«
Не спрашивай меня, о другъ мой, другъ безцѣнный!

Digitized by Google

Когда ты шепчешь мнѣ: *люблю, люблю тебя*,
Я забываю міръ и самого себя!
Когда на грудь твою склоняюсь утомленный,
Когда мой томный взоръ пьетъ жизнь въ твоихъ очахъ;
Меня счастливѣе никто здѣсь быть не можетъ,
Но въ этотъ самый мигъ невольно тайный страхъ
Покой души моей тревожитъ —
Меня преслѣдуетъ, мнѣ шепчетъ, говоритъ,
Что счастіе мое мгновенно пролетитъ —
Минутно страсти упоенье!
Познай, о вѣрный другъ, души моей мученье:
Невольно будущимъ мой грустный духъ смущенъ —
И мнѣ твердитъ: блаженство сонъ,
Когда такъ близко пробужденье. . .

Ю. Познанскій.

Москва.
3 Іюня.

Луна и кенкеты.

Горѣли газомъ два кенкета,
А третья на небѣ луна,
Сквозь стекла свѣтлыя окна,
Въ покой, на ясный лакъ паркета,
Глядѣла къ намъ, межь двухъ огней. . . .
Рѣшите, добрая Лилета!
Сказалъ я дѣвицѣ моей:
Для васъ которое милѣя
Изъ трехъ услужливыхъ свѣтилъ?
»Кенкеты ближе — такъ свѣтлѣя;

Digitized by Google

Но ликъ луны мнѣ больше милъ!«
Такъ знай! . . . я, съ чувствомъ подхватилъ —
— — — — — — — — (*)
Что отъ тебя я, какъ луна,
Судьбой поставленный далеко,
Къ тебѣ все съ дружбой какъ она,
Стремлюсь изъ кельи одинокой.
Пройдетъ людьми зажженный свѣтъ,
Погаснетъ радужный кенкетъ,
Вечерній залы освѣтитель. . . .
Но не угаснетъ неба житель! . . .

Ѳ. Глинка.

Мысли Бейрона о самомъ себѣ (**).

Недавно я размышлялъ о тѣхъ разнородныхъ уподобленіяхъ, которыми угощали меня въ Англинскихъ и другихъ журналахъ Вспоминаю объ этомъ потому, что случай заставилъ меня на дняхъ прочитать въ одномъ иностранномъ листкѣ еще новое уподобленіе (*я не ищу извѣстій о себѣ, хотя всегда читаю встрѣчающіяся ихъ*).

Начать съ того, что въ послѣднія девять лѣтъ, на Англинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ и Португальскомъ языкахъ меня уподобляли

(*) Тире поставлены Сочинителемъ. *Изд.*

(**) Изъ Gazette de France.

Digitized by Google

Жанъ-Жаку Руссо, Гёте, Юнгу, Аретину, Тимону Аѳинскому, алебастровой вазѣ, освѣщенной внутри; Сатанѣ, Шекспиру, Наполеону, Тиверію, Эсхилу, Софоклу, Эврипиду, арлекину, пьерроту, Спѣрнольду (*), Гопкинсу (**), фантасмагоріи, Генриху VIII, Шенье, Мирабо, молодому Далласу (который еще въ школѣ), Микель-Анжело, Рафаэлю, пентиметру, Діогену, Чилдъ-Гарольду, Ларѣ, Графу въ Поэмѣ Беппо, Мильтону, Попу, Драйдену, Бурнсу, Саважу, Шаттиттану, Поэту Чурчиллю, Акперу Кину, Альфіери и проч. и проч. Сходство съ Альфіери очень важно доказывалъ мнѣ одинъ Итальянецъ, не бывшій еще моимъ другомъ и знавшій Альфіери въ юности.

Человѣкъ, давшій поводъ къ столькимъ противорѣчащимъ сравненіямъ, въ самомъ дѣлѣ долженъ походить на что нибудь. Моя мать, когда еще мнѣ не было двадцати лѣтъ, непремѣнно хотѣла чтобы я походилъ на Руссо — и тоже сравненіе дѣлала Госпожа Сталь въ 1813 году. Въ *Эдимбурскомъ Обозрѣніи* говорили что-то похожее критикуя четвертую пѣснь Чильдъ-Гарольда. Но я думаю, что между нами нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Руссо писалъ прозою — я стихами; по

(*) Англинскій Поэтъ шестнадцатаго вѣка, переложившій въ стихи Псалмы.

(**) Другой перелагатель Псалмовъ.

Digitized by Google

рожденію онъ принадлежалъ къ народу — я къ аристократіи; онъ былъ философъ — я совсѣмъ не философъ. Онъ выдалъ первое свое сочиненіе будучи сорока лѣтъ — я восьмнадцати лѣтъ пустился на литературное поприще; его первый опытъ былъ принятъ со всеобщими похвалами — мой совсѣмъ напротивъ. Онъ женился на своей экономкѣ — я не могъ ужиться съ моею женою Онъ думалъ, что весь свѣтъ противъ него въ заговорѣ — мой маленькій міръ, кажется, вѣритъ, что я всегда льстивую противъ его спокойствія: по крайней мѣрѣ выходитъ такъ, если судить по тому, что говорится и печатается на мой счетъ. Онъ любилъ Ботанику — я люблю цвѣты и растенія, но не имѣю понятія о родахъ, семействахъ растеній и проч. и проч. Онъ писалъ о Музыкѣ; я ограничиваю мои знанія въ этомъ искуствѣ тѣмъ, что понимаетъ мое ухо. Никогда, ничего не хотѣлъ я изучивать по правиламъ, даже ни одного языка. Я учился привычкою, слухомъ, на память. Поэтъ Голгсонъ говоритъ что у меня очень хорошая память, а у него самого превосходная.

Руссо писалъ не смѣло и съ трудомъ; я пишу быстро и вообще безъ труда. Онъ никогда не хотѣлъ ѣздить верхомъ, не умѣлъ плавать и ничего не зналъ въ фехтованьи; я напротивъ, хорошо плаваю, и хотя не очень смѣлъ на лошади (потому что на скачкѣ, 18ти лѣтъ, раз-

Digitized by Google

билъ себѣ бокъ), однакожъ довольно хорошій наѣздникъ и, наконецъ, порядочно умѣю драться, особливо эспадономъ, если только могу сохранить умѣренность, что для меня очень трудно; но я стараюсь всегда быть хладнокровнымъ съ тѣхъ поръ какъ, въ 1806 году, боровшись съ Пюрлингомъ, я уронилъ его и разбилъ ему кость. Сверхъ того, я мастеръ играть въ крикетъ и былъ въ числѣ одиннадцати, которые, въ 1805 году, выдерживали бой съ студентами Этонскаго училища. Кромѣ всего этого, Руссо и по отечеству, и по роду жизни, и по привычкамъ, и по характеру, такъ мало напоминаетъ обо мнѣ, что я не понимаю, откуда взялось это сравненіе, повтореное однакожъ три раза и всегда замѣчательнымъ образомъ.

Я забылъ сказать, что онъ былъ близорукъ — я совершенно напротивъ. У меня такъ хорошо зрѣніе, что, бывши какъ-то въ большомъ Болонскомъ театрѣ и находясь въ одной изъ самыхъ дальнихъ ложъ, я могъ читать надписи бывшія подлѣ самой сцены, тогда какъ особы, сидѣшія со мною, молодыя и съ прекраснымъ зрѣніемъ, не могли разобрать ни одной буквы и думали что я шутилъ надъ ними.

Сообразивъ все это, надѣюсь сказать основательно, что сравненіе меня съ Руссо — совершенно несправедливо. Да не подумаютъ, что я оскорбляюсь имъ: нѣтъ! Руссо былъ человѣкъ великій, и если-бы

Digitized by Google

меня сравнивали съ нимъ справедливо — я могъ-бы гордиться этимъ. Не люблю ушѣшать себя ложными мыслями.

Къ симъ строкамъ осмѣливаемся прибавить нѣсколько словъ отъ себя:

Мысли Бейрона о самомъ себѣ въ сравненіи съ Руссо кажутся намъ болѣе остроумными, нежели основательными. Онѣ должны быть не апокрифъ, потому что здѣсь видимъ Бейрона въ каждой строчкѣ. Его привычка обращать въ смѣхъ самыя высокія мысли, играть сравненіями, удивлять читателя неожиданностью оборотовъ — словомъ: Бейронъ, въ противорѣчіи съ собою и съ цѣлымъ міромъ видѣнъ въ семъ отрывкѣ также ясно, какъ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

Часто повторяли мысль, что поэтъ не можетъ судить о самомъ себѣ: какъ вдохновенный, онъ въ минуты восторга высказываетъ тайны нравственной природы, недоступныя намъ — но этотъ восторгъ походитъ на ясновидѣніе: поэтъ - ясновидящій, пробуждаясь отъ своего восторженнаго забвенія, такъ сказать, забываетъ своего духа. Всего болѣе доказываютъ намъ это прозаическія сужденія Бейрона. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ нихъ въ этомъ отрывкѣ.

Digitized by Google

Онъ не замѣтилъ писавши, что говоритъ объ отношеніяхъ своихъ и Руссо къ наружности, а не объ идеальной сторонѣ человѣка. На что твердитъ онъ намъ о прозѣ и стихахъ, о числѣ годовъ, о похвалахъ и неудачахъ? Къ чему это? На что намъ знать что Руссо былъ плебей. а Бейронъ принадлежалъ къ аристократіи? Въ мирной республикѣ Литтературы нѣтъ ни плебеевъ, ни аристократовъ: тамъ только *должностные* (писатели) и *народъ* (читатели); должностные составляютъ также часть народа и каждый человѣкъ тотчасъ можетъ занять важнѣйшее мѣсто, только будь у него таланты Не уже-ли эта простая мысль не была извѣстна Бейрону? Онъ называетъ Руссо Философомъ — да, Руссо рѣшилъ на самомъ дѣлѣ многія важныя истины Философіи Нравственной — и Бейронъ въ свою очередь не менѣе. Но въ числѣ *философовъ-законодателей* они оба не были и не будутъ. Руссо былъ столько-же поэтъ, сколько Бейронъ Философъ. Бейронъ говоритъ что Руссо женился на экономкѣ въ примѣръ его уживчивости — какъ несправедливо! Развѣ Руссо не бѣгалъ своего отечества точно также какъ Бейронъ? Отъ чего это? Отъ того, что люди были очень хороши и для того и для другаго. Намъ кажется, что Руссо однакожъ находилъ болѣе друзей, или болѣе предавался дружеству, нежели Бейронъ. Вспомнимъ

Digitized by Google

о Дидеротѣ, Райналѣ, Гриммѣ, Г-жѣ Ламберъ, Гудето и проч. Впрочемъ и Руссо и Бейронъ оба знали цѣну людямъ, только одинъ бѣгалъ отъ нихъ, другой презиралъ ихъ.

Замѣчанія Бейрона о любви къ Ботаникѣ, къ плаванью, къ верховой ѣздѣ и проч. не менѣе односторонни. Но — важное обстоятельство — Руссо любилъ Музыку и былъ въ ней законодателемъ, даже остается имъ и донынѣ — Бейронъ напротивъ ничего не зналъ въ этомъ искуствѣ. Согласны; но здѣсь причиной еще важнѣйшее обстоятельство, что *Бейронъ ничему не учился постоянно;* отъ чего это? Что *здѣсь* причиною? По нашему мнѣнію, во первыхъ модное воспитаніе гдѣ думаютъ только *прикрасить*, а *не украсить* человѣка знаніями; потомъ самый характеръ Бейрона, пылкій и непостоянный; наконецъ стремленіе духа явить себя не въ Музыкѣ, а въ Поэзіи, собственно такъ называемой. Руссо любилъ и изучилъ Музыку, тогда какъ еще не думалъ быть писателемъ — сдѣлавшись постояннымъ литераторомъ, онъ уже только переписывалъ ноты.

Теперь взглянемъ на духъ Бейрона и Руссо, и сходство ихъ поразитъ насъ.

Пусть прочтутъ всѣ сочиненія Руссо и Бейрона, составятъ себѣ одно понятіе о всѣхъ ихъ сочиненіяхъ и сравненіе

Digitized by Google

покажемъ что оба, и Руссо и Бейронъ, выражали одну идею въ безконечно разнообразныхъ видахъ. Спросятъ *имя этой идеи*? Но мы не скажемъ — предоставляя каждому удовольствіе открыть эту идею и назвать по имени.

Вотъ что навело одинакій характеръ на сочиненія Руссо и Бейрона. Не предметы, которые относились къ нимъ были одинаковы, а сами они относились одинаково ко всѣмъ предметамъ. Нѣкоторыя наружныя несходства самаго характера ихъ и поступковъ зависѣли отъ обстоятельствъ, потому что физическая природа человѣка слабѣе нравственной.

Въ заключеніе Бейронъ говоритъ, что онъ гордился-бы сходствомъ съ Руссо — и справедливо. Скажемъ болѣе: онъ былъ увѣренъ въ этомъ сходствѣ, потому что опровергалъ его: онъ не сталъ опровергать сравненія себя съ сатаною и съ вазою освѣщенною внутри.

К.

Digitized by Google

Кураме (*).

Не почитайте меня противникомъ Европейскаго просвѣщенія, если я скажу, что дикіе сильнѣе насъ чувствуютъ впечатлѣнія, которыми окружаетъ человѣка природа, лучше насъ понимаютъ языкъ, которымъ говоритъ она съ человѣкомъ. Нѣтъ! никогда не понять намъ восторга, съ какимъ смотрятъ они на величественное зрѣлище родныхъ лѣсовъ своихъ — и пусть мы умѣемъ сказать *отъ чего мы любимъ свое отечество;* но мы не умѣемъ, не можемъ такъ *любить его*, какъ любятъ свою родину дикіе обитатели Америки. Одно спокоитъ другаго, и мнѣ кажется иногда что мы выигрываемъ въ умѣ, теряя въ сердцѣ. Я не зналъ, что сказать одному дикарю, когда онъ говорилъ мнѣ: »Видно тебѣ худо было дома, что ты пришелъ къ намъ?« Добродушный человѣкъ! Если бы ты зналъ сколько мы споримъ о томъ что такое худо, что такое хорошо, въ то время, какъ сердце живое говоритъ тебѣ: »*Это хорошо! Дѣлай это!*« Ты слушаешся своего сердца и счастливъ, пока мы еще думаемъ о томъ: что такое быть счастливымъ?

(*) Истинное происшествіе. Его разсказалъ докторъ Валайе, въ одномъ обществѣ, гдѣ говорили объ извѣстномъ сочиненіи герцогини Дюра; *Урика.*

Digitized by Google

Но мы заговорили о любви къ родинѣ и я обѣщалъ вамъ разсказать исторію Кураме. Она не выдумка. Я зналъ эту милую дикарку и разскажу вамъ просто что мнѣ сказывали о ней, что я самъ видѣлъ. Оставляю вамъ судить Кураме и выводить изъ ея поступковъ слѣдствія, какъ угодно.

Американка, дитя, изъ поколѣнія Нораговъ, потерялa дорогу въ лѣсу, окружающемъ наши селенія въ Гвіанѣ. Тамъ нашли ее наши охотники и привели въ Каэнну. Бѣдной дѣвочкѣ было тогда лѣтъ девять; ее звали Кураме. Это имя на языкѣ Нораговъ значитъ: *прекрасная*. Вы знаете, что дикіе обыкновенно даютъ имена по какому нибудь наружному отличію, и въ самомъ дѣлѣ Кураме была прелестное дитя. Госпожа Сенъ-Круа, вдова богатаго колониста, взяла ее къ себѣ, полюбила и рѣшилась воспитать, какъ родную дочь.

Взятая въ домъ Г-жи Сенъ-Круа, Кураме названа была *Димитріею*. Ее крестили, и воспитательница ея была крестною матерью. Она рѣшилась воспитать Кураме блестящею Европейскою дѣвушкою. Кураме ласкали нѣжили и ничто не было упущено, чтобы воспитаніе ея было самое блестящее. По мѣрѣ того, какъ развертывались ея способности, старались возвышать ихъ всѣми выдумками просвѣщенія и роскоши. Кураме была все-

Digitized by Google

гда прекрасно одѣта, съ особеннымъ стараніемъ училась Музыкѣ и особенно танцованью. Мы сдѣлали искуство весьма трудное изъ тѣхъ гармоническихъ движеній, которыми природа учитъ насъ изъявлять чувство удовольствія и радости. Кураме во всемъ успѣла. Ничего ей не недоставало; но по ошибкѣ непростительной, безпрестанно говорили при ней о пустыняхъ и лѣсахъ, въ которыхъ она родилась, о бѣдной жизни дикихъ, о счастливой участи, какая ожидаетъ ее въ свѣтѣ и которою одолжена будетъ Кураме благодѣяніямъ своей воспитательницы, о благодарности къ ней и проч. Чрезъ это хотѣли увеличить въ глазахъ Кураме цѣну удобствъ новой ея жизни. Послѣдствія доказали, что этотъ образъ убѣжденія выбранъ былъ весьма неблагоразумно и произвелъ совсѣмъ противное дѣйствіе ожиданному. Есть въ человѣкѣ какое-то чувство собственнаго достоинства (эгоизмъ, если хотите), которое заставляетъ его дорожить тѣмъ что онъ самъ для себя сдѣлалъ и оскорбляетъ его гордость всѣмъ что онъ получилъ отъ другихъ, когда это даютъ ему чувствовать. Въ дикомъ человѣкѣ такое чувство сильно и непреоборимо Благодѣтельствуйте ему какъ другъ. но не оскорбляйте его напоминаніемъ, что онъ вами одолженъ: благодѣяніе ваше будетъ для него мадоважно и оскорбитъ его. Это надобно-бы помнить

Digitized by Google

и нашимъ Европейскимъ философамъ и учителямъ, помнить, что человѣкъ не стыдится благодѣяній, только отца и матери. Природа врѣзываетъ въ сердце наше дѣтскую любовь, которая все побѣдить можетъ. Но Г-жа Сенъ-Круа не была матерью Кураме.

Не смотря на забавы, на роскошь какою окружали Кураме, она всегда бывала задумчива и разсѣянна. Въ ней всегда замѣчали грусть, уныніе. Она подобна была деревцу, которое вянетъ и сохнетъ, пересаженное изъ родной почвы въ землю чуждую и несвойственную. Природныя наклонности прошивились привычкамъ и вкусу, какой хотѣли внушить ей. Кураме больна была любовью по родинѣ. Тайный голосъ говорилъ ей, что другая, совсѣмъ другая жизнь назначена была ей природою и какая-то *дикость* видна была при всемъ пріятномъ обращеніи, при всей ловкости, какую получила она отъ превосходнаго воспитанія своего; въ глазахъ ея замѣчали что-то неопредѣленное, что-то мрачное, уединявшее Кураме отъ всего что ее окружало. Всегда съ жаднымъ любопытствомъ распрашивала она людей бывавшихъ на берегахъ рѣки Аппруагъ. Ей сказали, что она родилась на востокъ отъ Каэнны, близъ этой рѣки, и взоры ея всегда были обращены на востокъ, къ берегамъ Аппруага. Въ прогулкахъ, глядя на море, напомина-

Digitized by Google

вшее ей безпредѣльность лѣсовъ Норагскихъ, она чувствовала тоску и грусть неопредолимыя.

Кураме играла иногда съ дѣтьми своего возраста, но игры не забавляли ее. Дѣти игравшіе съ нею были ей чужія. Она помнила веселыя игры первыхъ лѣтъ своихъ, передъ глазами матери и родныхъ: мать ея была далеко, и что сдѣлалось съ ея бѣдною матерью? Девяти лѣтъ найдена была Кураме, а въ это время уже не забываютъ первыхъ сильныхъ чувствъ своихъ. Тревожныя думы и ночью не оставляли ее. Часто не спала она и плакала, когда никто не могъ замѣтить слезъ; иногда засыпала и пробуждалась: ей казалось, что мать кличетъ ее, называетъ прежнимъ именемъ. Впрочемъ не смотря на грусть, Кураме была прекрасна. Въ ней замѣтно было вообще прогатительное уныніе, а это, какъ говорятъ, *радость печали*, и милое лицо дѣлаетъ еще милѣе!

Прибавлю, что въ домѣ Г-жи Сенъ-Круа, Кураме была предметомъ всеобщаго вниманія. Всякій хотѣлъ, казалось, утѣшить ее въ разлукѣ съ родиною. — Я сказалъ уже, что для воспитанія ея ничего не жалѣли. Она училась превосходно: учители говорили о ней, какъ о чудѣ. Французскому языку старались научить ея сколько можно лучше; но для Кураме одинъ только языкъ былъ драго-

Digitized by Google

цѣненъ, языкъ родины — бѣдный для изъясненія тонкихъ свѣтскихъ приличій, но богатый на выраженія любви и дружбы. Кураме не забывала этого дикаго языка, на которомъ никогда можетъ быть не было сказано неправды, и которому учила ее мать.

Замѣчательно, что самое воспитаніе Кураме не только не погашало въ сердцѣ ея любви къ родинѣ, напротивъ укрѣпляло голосъ природы, раскрывая всю силу пламенной души ея. Въ это время думали въ Каэннѣ о просвѣщеніи и образованіи Гвіанскихъ дикарей, сочиняли проэкты и много писали о дикихъ, желая доставить правительству Франціи подробныя и основательныя свѣдѣнія. Кураме безпрестанно читала все что ни писали о кочевыхъ дикаряхъ Галибскихъ, о промышленности Нораговъ, объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, играхъ. Словомъ: пылкое воображеніе Кураме безпрестанно занято было одною мыслію, переносило ее на родину и каждый новый разсказъ о дикихъ отчуждалъ ее отъ Европейцовъ и возбуждалъ мысль о возвращеніи въ родные лѣса. Она желала-бы хоть умереть тамъ, гдѣ родилась (*)! Земля милая, земля родимая!

(*) Трогательное описаніе состоянія и чувствъ Кураме напомнило мнѣ анекдотъ, можетъ быть не всѣмъ извѣстный. Въ царствованіе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ, особенно любившей вокальную Му-

Digitized by Google

говорила она со слезами, гдѣ найду радость и счастіе, какими я наслаждалась, когда была тамъ! Могу ли думать о тебѣ и не грустить, не желать еще разъ тебя видѣть!«

Между тѣмъ Г-жа Сенъ-Круа замѣтила что Кураме несчастлива. Безпрестанно видѣла она ее убѣгавшую отъ общества, въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ дома. Среди всѣхъ людей, любившихъ ее, казалась она существомъ чуждаго рода. Не знали: чему приписать задумчивость Кураме? Съ своей стороны, Кураме не смѣла сказать причины грусти. Она боялась, что ее почтутъ неблагодарною, боялась огор-

---

зыку, вывезено было нарочно въ Петербургъ нѣсколько Камчадальскихъ дѣвушекъ, ИМПЕРАТРИЦѢ сказали, что у молодыхъ Камчадалокъ удивительно пріятные голоса. Отъ непривычки къ климату и отъ перемѣны образа жизни, Камчадалки не долго жили. Двѣ только осталось изъ нихъ, которыя и выданы были потомъ замужъ, съ богатымъ приданымъ. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ извѣстный нашъ мореплаватель Г. И. Шелиховъ, одна изъ нихъ хотѣла непремѣнно видѣть человѣка бывшаго на ея родинѣ, долго разговаривала съ нимъ, распрашивала его, задумалась и со слезами сказала ему наконецъ: „Мнѣ здѣсь очень хорошо, но и тамъ было хорошо: „*здѣсь-бы я умерла, тамъ-бы встала!*“ — Гдѣ это *тамъ*? Въ Камчаткѣ! — Слова женщины, которая среди всѣхъ удовольствій столицы хотѣла-бы ожить въ отдаленной, бѣдной родинѣ своей, всего лучше изображаютъ намъ непреодолимую въ добромъ, неиспорченномъ сердцѣ, любовь къ отечеству. *Пер.*

Digitized by Google

чить, опечалить свою благодѣтельницу. Однажды Г-жа Сенъ Круа подумала было, что Кураме влюблена въ кого нибудь безъ надежды: ей было тогда пятнадцать лѣтъ. Но Кураме не знала любви. Душа ея была полна однимъ чувствомъ; для другихъ не было въ ней мѣста. Впрочемъ, Г-жа Сенъ-Круа вскорѣ разувѣрилась, видя что Кураме равнодушно слушаетъ всѣ учтивости и привѣтствія молодыхъ людей. Что оставалось дѣлать Г-жѣ Сенъ-Круа? Она хотѣла утѣшить Кураме, обнимала ее съ нѣжностію: все напрасно! Что намъ въ ласкахъ названной матери, когда мы хотимъ обнять родную, ту которая носила насъ подъ сердцемъ и съ молокомъ своимъ вливала намъ жизнь!

Одно развлеченіе Кураме было чтеніе. Оно утишало снѣдавшую ея грусть. Книги истинные друзья наши и Кураме приобрѣтала при томъ различныя новыя свѣдѣнія, занимавшія умъ ея. Въ это время я узналъ ее. Вы вспомните, что сорокъ лѣтъ прожилъ я въ Гвіанѣ. И теперь еще живо помню я это необыкновенное, прелестное и дикое лицо, съ выраженіемъ грусти сердечной, тяжелой! Со мною совѣтовались о здоровьѣ Кураме. Зная что кромѣ болѣзней тѣла есть болѣзни души и примѣнившись къ характеру дикихъ, я проникъ тайну Кураме, не сказалъ объ этомъ ни ей, ни кому другому, полагая возможнымъ, можетъ быть и вылечить ее. Я

Digitized by Google

началъ тѣмъ, что старался приобрѣсть ея дружбу, говорилъ съ нею о дикихъ, о нравахъ, обычаяхъ ихъ: хвалилъ — Кураме веселѣла и разговаривала со мною; начиналъ находить недостатки — Кураме молчала и задумывалась.

Въ это время Кураме вдругъ совершенно перемѣнилась. Въ Каэнну прибылъ новый губернаторъ, баронъ Беснеръ. Я долженъ сказать вамъ, что это былъ добродѣтельный, умный человѣкъ, просвѣщенный другъ человѣчества, съ здоровымъ умомъ и слабымъ тѣломъ, съ Нѣмецкимъ именемъ и съ Французскимъ сердцемъ. Однажды спросили у него въ Парижѣ, какъ рѣшается онъ при слабомъ здоровьѣ своемъ ѣхать въ нездоровый климатъ Каэнскій, и неужели не боится пожертвовать жизнію, умереть тамъ? *Хочу и не умру* — отвѣчалъ баронъ. Привожу вамъ этотъ отвѣтъ только для доказательства его характера, предпріимчиваго и пылкаго. Баронъ одушевлялся живымъ желаніемъ споспѣшествовать благу человѣчества и былъ неутомимъ на проэкты. Особенно любилъ онъ дикихъ Американцовъ и желалъ улучшить жребій ихъ Европейскимъ образованіемъ. Онъ предавался всей мечтательности добраго человѣка, когда говорилъ о счастіи дикарей.

Желая успѣть въ своихъ предпріятіяхъ, баронъ старался привлекать въ Каэнну, подъ всякими предлогами, началь-

Digitized by Google

никовъ дикарей Американскихъ. Онъ хотѣлъ показать имъ здѣсь различныя выгоды просвѣщенія. Для этого надобно было, чтобы они посѣщали городъ. Цѣль губернатора была: сблизить съ нами храбрыхъ Американцовъ, сдѣлать ихъ нашими друзьями и постепенно приучить къ понятіямъ, которыя могли-бы показать имъ высшее назначеніе человѣка и благо образованныхъ человѣческихъ обществъ. Преимущественно льстился онъ сильно дѣйствовать на Нораговъ, которые изъ всѣхъ другихъ народовъ болѣе нравственны, уважаютъ связь родства, знаютъ правду и добродѣтель. Сдѣлавъ поѣздку въ область Аппруагскую, баронъ ознакомился съ Норагами, былъ у нихъ и думалъ, что на этотъ замѣчательный народъ можно скорѣе всего дѣйствовать и многаго можно отъ него надѣяться. Онъ полагалъ возможнымъ приучить Нораговъ къ земледѣлію, и подъ трудолюбивыми руками ихъ оплодотворить тучныя поля ими обитаемыя. Тѣмъ легче казалось имѣть сношенія съ ними, что многіе Нораги были крещены и знали уже нѣкоторыя удобства просвѣщенія.

Въ слѣдствіе сихъ соображеній, баронъ сообщилъ Альмики, начальнику Нораговъ, свое мнѣніе, что весьма полезно было-бы ему съ нѣсколькими соотечественниками побывать въ Каэннѣ для разсужденія о разныхъ дѣлахъ, касательно благосо-

Digitized by Google

стоянія ихъ народа. Слова барона весьма искусно передалъ одинъ миссіонеръ, котораго Нораги уважали. Вы можетъ быть знаете, съ какимъ затрудненіемъ и съ какого неохотою дикіе приступаютъ къ заключенію ближайшаго союза съ Европейцами, если къ тому не принудятъ ихъ силою или не заставитъ необходимость.

Съ нѣкотораго времени Нораги чувствовали недостатокъ въ разныхъ потребностяхъ. Имъ надобны были топоры, сабли, ружья и проч, что въ быту ихъ весьма важно. Они справедливо разсуждали, что для добычи сихъ предметовъ путешествіе въ городъ будетъ имъ весьма полезно. Предложеніе губернатора безпрекословно принято. Самъ Альмики за старостію лѣтъ не могъ ѣхать и согласился на отправленіе молодаго сына своего, которому рѣшились сопутствовать нѣсколько мущинъ и женщинъ изъ ихъ народа.

Вскорѣ всѣ заговорили въ Каэннѣ, что Нораги согласились посѣтить городъ. Тогда-то нравъ Кураме, какъ я сказалъ, вдругъ измѣнился. Она сдѣлалась весела и не могла скрывать своей веселости. Ея соотечественники будутъ въ городѣ! Можетъ быть, мать ея придетъ съ ними! И тоска по родинѣ возобновилась у нее съ большею силою: въ нетерпѣніи считала она дни и часы. Настоящее всегда тяжело для

Digitized by Google

души дѣятельной: она живетъ въ будущемъ!

Кураме припоминала всѣ слова роднаго языка, припоминала черты всѣхъ родныхъ, людей, которыхъ еще не забыла и думала, что узнаетъ ихъ, думала, что и они ее узнаютъ. Впрочемъ въ ея нарядѣ всегда можно было замѣтить что то не-Европейское. Она заплетала волосы, какъ дикая Американка и не смотря на то, что жила въ богатомъ домѣ, что нарядъ ея всегда былъ отличенъ вкусомъ, въ него вмѣшивалось однакожъ что нибудь изъ наряда дикихъ. Серьги ея были коралловыя, на шеѣ нитка гранатовъ, браслеты изъ маленькихъ морскихъ раковинъ Г жа Сенъ-Круа гордилась красотою Кураме и дозволяла ей измѣненія въ обыкновенномъ нарядѣ, показывавшія происхожденіе ея воспитанницы. Они были ей чрезвычайно къ лицу.

Во всемъ городѣ радовались прибытію Американцовъ. Всѣ жители сбѣжались смотрѣть ихъ торжественное шествіе. Дикіе шли тихо, одинъ за другимъ, какъ ходятъ они въ лѣсахъ своихъ, гдѣ двоимъ рядомъ идти тѣсно. Кураме не помнила себя отъ радости, видя людей своего народа. Она изумила ихъ начавъ разговоръ на природномъ ихъ языкѣ, спрашивала объ отцѣ своемъ, матери, боялась, что ее не понимаютъ и дополнила знаками и движеніями слова свои.

Digitized by Google

Между Американцами прибывшими въ Каэнну, мы видѣли многихъ высокаго роста и благороднаго вида. Но изъ всѣхъ замѣтенъ былъ юный Альмики, одѣтый лучше и щеголеватѣе другихъ. Онъ былъ въ полной военной одеждѣ. Взоръ его блисталъ благородною гордостью, хотя вообще онъ казался задумчивъ и печаленъ. Но его лицо сдѣлалось не столь мрачно, когда онъ увидѣлъ Кураме. Что до нее, она съ особливымъ вниманіемъ обращалась къ женщинамъ Норагскимъ. которыя шли за мущинами и несли разные напитки и маніоковую муку для приготовленія кушаньевъ мужьямъ своимъ и ихъ товарищамъ. Кураме не замѣтила чувства произведеннаго ею въ сердцѣ Альмики.

Всѣ женщины Норагскія были одѣты очень скромно и опрятно. Многія украшены были птичьими перьями и почти у всѣхъ, красивыя юбки сдѣланы были изъ *зинта*, или ткани, окрашенной въ синій, любимый цвѣтъ Нораговъ. Остальная часть тѣла была у нихъ открыта и у нѣкоторыхъ выкрашена разными красками. На ногахъ надѣта была обувь, родъ бродекиновъ, искусно сдѣланныхъ изъ хлопчатой бумаги и тростника. Не смотря на странность этого наряда, Кураме восхищалась имъ и находила, что одежда Нораговъ гораздо лучше обременительнаго Европейскаго наряда. Она и въ этомъ завидовала своимъ соотечественницамъ.

Digitized by Google

Соотечественницы Кураме казались въ восторгѣ отъ красоты ея и наконецъ вспомнили всѣ обстоятельства, узнали ее. Любопытно было видѣть дикихъ Нораговъ въ толпѣ Европейцовъ. Ихъ привели въ домъ губернатора и они тотчасъ предложили свои требованія, просили топоровъ, ружей и другихъ вещей, въ которыхъ имѣли надобность. Между тѣмъ начались дружескіе подарки съ обѣихъ сторонъ. Американки дарили нашихъ дамъ разными бездѣлками, корзинами, глиняными чашками и получали въ обмѣнъ ожерелья, браслеты и другія вещи. Кураме нетерпѣливо разсматривала всѣхъ Норагскихъ женщинъ: она все искала между ними матери! Наконецъ сказали ей, что мать ея еще жива, но не думала найти здѣсь дочь свою и потому осталась дома.

Губернаторъ принялъ гостей съ величайшимъ дружествомъ. Онъ хотѣлъ удержать ихъ на нѣкоторое время, желая между тѣмъ выполнить главное свое намѣреніе — показать дикимъ преимущества Европейской образованности. Но едва пришли Американцы, какъ и начали уже говорить о своемъ возвращеніи. Желая остановить ихъ, старались показать имъ разные любопытные предметы, но ничто не привлекло вниманія Нораговъ. Удивленіе дикихъ бываетъ мгновенно: все занимаетъ ихъ на минуту и все тотчасъ наскучитъ имъ. Только внушенія природы непреоборимы

въ сердцахъ ихъ и только сильныя, рѣшительныя страсти ихъ продолжительны. Многому они не удивлялись потому что многаго не понимали или что предметы казались имъ слишкомъ обыкновенными. Смотря на картины, Нораги говорили что лѣса въ природѣ лучше, вода свѣтлѣе, нежели на картинахъ. Вообще все то казалось имъ незанимательнымъ, въ чемъ они не чувствовали надобности. Зеркала въ залѣ Губернатора ни сколько не удивили дикихъ: они увѣряли что въ рѣкѣ лучше можно видѣть себя. Дикіе весьма остроумно изъяснили себѣ изображенія, вспомнивъ, что предметы отражаются въ водѣ.

Хотѣли вполнѣ угостить Нораговъ и нарочно приготовили для нихъ небольшой праздникъ. Они изумились видя множество и разнообразіе духовыхъ инструментовъ, изъ которыхъ составлена была музыка бывшаго въ Каэннѣ гарнизона. Всѣ музыкальные инструменты у дикихъ состоятъ изъ нѣсколькихъ дудочекъ, которыми производятъ они однообразные звуки. Шумъ и громъ инструментовъ, ничего особеннаго не выражавшій, имъ чрезвычайно нравился. Обѣдъ у Губернатора былъ довольно великолѣпный. Всего болѣе удивило Нораговъ множество блюдъ, безпрестанно вновь подаваемыхъ. Впрочемъ, они никакъ не могли понять на что въ богатыхъ хижинахъ Европейцовъ введено столько лишняго и ненужнаго.

Digitized by Google

После обѣда начались разныя увеселенія и пляски Баронъ Бесперь хотѣлъ чтобы Кураме явилась передъ соотечественниками во всемъ блескѣ. Она въ самомъ дѣлѣ была прелестна и мила въ Нораѓской народной плескѣ, которой умѣла придать изящество Европейскихъ танцовъ. Американцы окружили ее, слѣдовали за каждымъ ея взоромъ, движеніемъ, били тактъ — и совершенно восхитились ея красотою! Пляска дикихъ всегда происходитъ отъ необходимости выразить движеніями чувства сердца; Кураме украсила эту пляску прелестью изящныхъ движеній, которыя выдумали Европейцы. Послѣ начали плясать сами дикіе. Наконецъ представили они нѣсколько пантомимъ: этотъ родъ балета въ большомъ употребленіи у всѣхъ Американцовъ.

Праздникъ былъ-бы неполный, если бы дикихъ не попросили что нибудь пропѣть. Пѣнія ихъ хотѣлось слышать всѣмъ колонистамъ. Оно очень уныло и однообразно, но чрезвычайно трогательно, если изображаетъ грусть разлуки и печаль. Всѣ пѣсни Нораговъ, или выражаютъ страданіе, или возбуждаютъ мужество. Одинъ изъ дикихъ пѣлъ трогательную пѣсню, сочиненную на разбитіе Рукуйенновъ Ойампсами; но всего болѣе привлекла вниманіе унылая пѣсня молодой Американки: жалобными, новыми для Европейца звуками выражала она горесть маше-

Digitized by Google

ри потерявшей дочь свою во время прилива и тумана на берегахъ Аппруага: несчастіе, не рѣдко бывающее съ дѣтьми дикихъ. Но Кураме не могла слышать этой пѣсни безъ горькихъ слезъ. Она вообразила, что такъ плакала ея мать, и эта мысль отравила для нее все веселье; она опять сдѣлалась печальна и задумчива.

Я сказалъ уже вамъ, что Кураме произвела сильное впечатлѣніе на своихъ земляковъ: она очаровала ихъ прелестями и талантами. И кто бы не плѣнился ею? Она была прекрасна и удивляла особенно соединеніемъ дикости Американки съ образованіемъ Француженки: и дикій и просвѣщенный человѣкъ могли полюбить ее! Невозможно описать радости дикихъ, когда они нахдятъ нечаянно кого нибудь изъ своихъ, похищеннаго Европейскимъ обществомъ и котораго могутъ они обратно взять къ себѣ. Они уговаривали Кураме идти съ ними, безпрестанно говорили съ нею на своемъ языкѣ, пріятномъ и убѣждающемъ, когда говоритъ имъ сердце, и способномъ выразить чувства любви и дружбы. И Кураме отвѣчала имъ, что готова возвратиться къ матери, видѣть вновь незабвенную свою родину.

Дикіе неукротимы въ страстяхъ и желаніяхъ. Они столже пламенны въ любви, какъ непримиримы въ ненависти. Съ самаго начала всѣ они полюбили Кураме. Сказавъ, что готова возвратиться на

Digitized by Google

родину, Кураме привела ихъ въ совершенный восторгъ. Уговариваясь о побѣгѣ, Кураме вмѣшалась въ толпу Норагскихъ женщинъ. Онѣ окружали ее и казалось, боялись упустить. Такъ дикіе звѣри стараются домашнихъ согласить бѣжать съ ними. Узнавъ взаимное общее желаніе, Кураме и дикія женщины Норагскія сдѣлались друзьями Знаки, взгляды, все говорило между ними. Еще колебалась нѣсколько Кураме; снова распрашивала о своей матери о родныхъ, и разсказы дикихъ утверждали ее въ намѣреніи оставить Европейцовъ и бѣжать къ доброй матери своей, которая, какъ всѣ увѣряли, еще ее не забыла.

Приближалась ночь. Баронъ Беснеръ приготовилъ ночлегъ для гостей своихъ въ большомъ старинномъ домѣ Іезуитовъ, отдѣльно отъ всѣхъ, чтобы доставить имъ болѣе спокойствія. Кураме не спала и готовилась къ отъѣзду. Одна горестная мысль раздирала ея сердце, мысль что побѣгъ этотъ опечалитъ Г-жу Сенъ-Круа и заставитъ ее почесть Кураме неблагодарною. Бѣдная дѣвушка долго думала, горевала, и еще не знала на что рѣшиться. Здѣсь въ мірѣ радость не бываетъ безъ горести. Для души пылкой и чувствительной нѣтъ ничего тяжелѣе противоборства чувствъ, сильнаго влеченія къ двумъ различнымъ предметамъ, равно драгоцѣннымъ. Кураме бѣжала къ матери,

Digitized by Google

къ друзьямъ, на родину — и оставляла мать и людей искренно ее любивш ихъ.

Луна свѣтила ярко. Кураме смотрѣла въ окно на лазурную поверхность моря, мечтала, что скоро на спокойныхъ волнахъ ее полетятъ Американскіе *пироги* (*), которые навсегда увлекутъ ее туда, куда давно летѣла душа ея. Мысль о счастіи въ объятіяхъ матери, о простой независимой жизни Нораговъ оживилась въ душѣ Кураме. Канна недалеко отъ береговъ Аппруага, и между тѣмъ ей казалось, что надобно пролетѣть обширныя пространства, пока достигнетъ она до родины. Для нетерпѣнія нашего не пространство, но желаніе составляетъ мѣру разстоянія.

Наконецъ спало свѣтать, и Кураме собравъ всю твердость души рѣшилась оставить домъ незабвенной своей благодѣтельницы. Но горесть ея была велика. И какое-же чувствительное созданіе, спѣша съ восторгомъ въ родимую землю, не почтитъ слезою скорби гостепріимную землю, гдѣ окружали его дружба и любовь? Кураме рыдала оставляя домъ, гдѣ была такъ любима, такъ хорошо принята. Она написала къ названной своей матери письмо, гдѣ видна была ея чистая, пламенная душа, письмо исполненное живыхъ выраженій нѣжности и благодарно-

(*) Лодки.

Digitized by Google

сти. Кураме не взяла съ собою ни одного изъ множества подарковъ Г-жи Сенъ-Круа: всѣ свои украшенія, вещи, платья — все оставила она въ своей комнатѣ. . . .

Въ простой одеждѣ Американки, распустивъ по плечамъ заплетенные волосы, она вышла тихонько изъ дома Г-жи Сенъ-Круа, гдѣ всѣ еще спали — и поспѣшно прибѣжала на берегъ, гдѣ въ условленномъ мѣстѣ собрались уже всѣ земляки и землячки и ждали ее. Не многіе изъ колонистовъ въ такое раннее время встрѣтились ей, и тѣ почли ее за Норагскую женщину. Съ трепещущимъ сердцемъ, Кураме вскочила въ лодку; дикіе запѣли прощальную пѣсню, разомъ начали работать веслами — и пирóги полетѣли къ берегамъ Аппруага.

Никто не зналъ что сдѣлалось съ Кураме. Сношенія съ Норагами въ это время прекратились. Губернаторъ увидѣлъ, что вдругъ не льзя было просвѣтить, такъ сказать, *заставить просвѣтиться* народъ и потому предоставилъ это времени. Притомъ-же Нораги удалились отъ жилищъ Французскихъ, ибо во время посѣщенія Каэнны они запаслись всѣмъ что имъ было надобно и можетъ быть боялись при томъ, что Кураме потребуютъ отъ нихъ обратно. Но этого не могло случиться. Всѣхъ болѣе тронута была побѣгомъ ея Г-жа Сенъ-Круа. Она сначала вѣрить не хотѣла, когда ей объ этомъ

Digitized by Google

сказали; но поспѣшивъ въ комнату и увидя письмо, которымъ бѣдная дѣвушка такъ трогательно прощалась съ нею, она повѣрила. Долго Г-жа Сенъ-Круа была неутѣшна; но разсудивъ, что Кураме воспользовалась правомъ человѣка свободнаго, по волѣ своей перемѣняющаго жилище, Г-жа С. Круа не хотѣла требовать Кураме отъ ея соотечественниковъ и отъ матери. Сначала говорили о Кураме очень много; потомъ стали забывать объ ней. Прошло пять лѣтъ — и Кураме была почти забыта. . . .

Въ это время, я купилъ себѣ небольшое заведеніе на берегахъ Аппруага и рѣшился его осмотрѣть. Прекрасное мѣстоположеніе мнѣ чрезвычайно какъ понравилось. Я оставилъ Каэнну и жилъ въ своемъ имѣніи. Вскорѣ объѣхалъ я окрестности. Тогда возобновлялись сношенія съ Норагами. Они опять приближились къ намъ. Вы знаете мою страсть къ Ботаникѣ. Жюсье хвалилъ меня какъ отличнаго своего ученика и могъ-ли я не ботанизировать на берегахъ Аппруага, гдѣ богатство царства растеній невольно изумляетъ ботаника? Однажды, во время моихъ ботаническихъ прогулокъ, я рѣшился посѣтить добрыхъ Норагов и вообразите мое изумленіе — первый кто мнѣ встрѣтился, была — Кураме! Я тотчасъ узналъ ее, не смотря на дикій нарядъ, столь отличный отъ

Digitized by Google

прежняго. Признаюсь, что эта встрѣча меня обрадовала. Кураме ласково пригласила меня въ свой *карбетъ*, гдѣ я нашелъ многочисленное семейство. Кураме была уже супруга и мать. Вы догадываетесь кому отдала она руку и сердце? Альмики, молодому начальнику депутаціи дикихъ, бывшей въ Каэннѣ, который и прежде привлекъ вниманіе всѣхъ своимъ прекраснымъ, благороднымъ видомъ. Надобно было согласиться видя ихъ, что мужественнѣйшій Норагъ соединенъ былъ съ первою красавицею своего народа. Мать Кураме была еще жива и добрая дочь имѣла счастіе покоить, радовать послѣдніе дни старушки, которая не могла наглядѣться на дочь свою. Опрятность въ карбетѣ Альмики удивляла меня. Какъ все у нихъ было чисто, хорошо и красиво! Рукодѣлья Кураме, военные снаряды и рыболовные снаряды Альмики украшали ихъ карбетъ.

Я остался на нѣкоторое время въ гостяхъ у добрыхъ хозяевъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Кураме. Это не была уже, какъ прежде, молодая дѣвушка всегда печальная и задумчивая. Я видѣлъ женщину озабоченную хозяйствомъ, веселую и счастливую. Она была прекрасна по прежнему и одѣта съ большимъ вкусомъ. Ожерелье изъ тигровыхъ зубовъ, цѣпочка на головѣ изъ блестящихъ камешковъ, браслеты изъ *руабово*, зерень дикаго рас-

Digitized by Google

тенія, похожихъ на гагатъ, украшали Кураме.

Нѣтъ, друзья мои! въ Европѣ мы незнаемъ счастія простой семейной жизни! Въ хижинѣ дикаго Норага я узналъ прелесть патріархальной жизни и никогда уже не видалъ и послѣ, такихъ трогательныхъ картинъ семейственнаго счастія. Я благословилъ тотъ день, въ который рѣшился посѣтить жилища Нораговъ.

Я спрашивалъ Кураме и увѣрился изъ всѣхъ отвѣтовъ и описанія жизни ея, что она никогда не раскается о возвращеніи своемъ въ первобытную жизнь, какую опредѣляла ей сама природа. Мнѣ хотѣлось знать, что сдѣлала она со всѣми пріятными талантами, которые старялись раскрыть воспитаніемъ ея, хотѣлось знать особенно, какъ можетъ обойтись она безъ книгъ, которыя такъ любила читать прежде. Кураме улыбнулась и указала на дѣтей своихъ: »Вотъ мои книги! Я люблю мужа и дѣтей: весь умъ перешелъ у меня въ сердце. Въ удовольствіе имъ я иногда пою — но право забыла все что съ такимъ трудомъ выучила. Изъ всего, что я узнала у васъ въ городѣ, осталась только вѣра въ истиннаго Бога, которому одолжена я счастіемъ моимъ, моего семейства и надеждою на будущую жизнь, которой достойны добрые мои земляки.«

Digitized by Google

Тутъ начался у насъ разговоръ о преимуществахъ и выгодахъ жизни людей просвѣщенныхъ и людей дикихъ. Кураме защищала себя умно и прелестно. »Не говорите мнѣ о вашихъ знаніяхъ: что скажете вы мнѣ рѣшительнаго, опредѣленнаго? Науки учатъ васъ только сомнѣваться — и это сомнѣніе вы почитаете знаніемъ! Счастливы ли Европейцы съ своими удобствами жизни? Не думаю, чтобы мы дикіе, были несчастливѣе васъ. Все зависитъ отъ мнѣнія. У васъ много лишняго въ жизни, у насъ есть все необходимое. Мы добрѣе васъ, если и согласиться что вы насъ просвѣщеннѣе. Мои дѣти знаютъ и любятъ Бога; но умъ ихъ будетъ спокоенъ: они знаютъ Божественное Провидѣніе сердцемъ, а не умомъ. Они наслаждаются счастіемъ, не думая о счастіи. . . . Такъ говорила мнѣ Кураме.

Между тѣмъ Альмики съ восторгомъ смотрѣлъ на свою подругу и удивлялся ея красотѣ и уму. Я слушалъ, и также удивлялся противоположности разговоровъ Кураме съ ея дикимъ состояніемъ — и признаться-ли вамъ? . . . Кураме говорила такъ хорошо, была такъ мила, что я согласился съ нею! Разсказъ объ ея непреодолимой любви къ родинѣ сдѣлалъ такое сильное на меня впечатлѣніе, что возвратясь домой, я почувствовалъ въ душѣ моей тоску и грусть! И мнѣ хотѣлось видѣть мою родину, хотѣлось умереть не

Digitized by Google

на чужбинѣ. Вскорѣ продалъ я свое имѣніе и на первомъ кораблѣ отправился во Францію.

Парижскія моды (*).

En demi-toilette, quelques merveilleuses portent des canezous de tulle uni, ou brodé, par dessus des robes de barèges, d'organdi, ou de cot-pali Ces canezous sont à manches longues. Pour le bal, il y a des guirlandes à mettre dans les cheveux, composées de beaucoup de feuillage vert et de très-peu de fleurs bleues. Les pointes de dentelle noire, de tulle noir, de blonde noire se portent avec des robes blanches. Ces mêmes pointes en blanc, sont plus habillées. Pour sortir le matin, il semble qu'une merveilleus ne puisse porter une autre coeffure qu'une capote. Quelques capotes ont le dessus de la forme coupé de biais, c'est-à dire, beaucoup plus bas d'un côté que de l'autre, ou plus bas du devant que du derrière, du derrière que du devant. On commence à mettre des fleurs sur les capotes de gros de Naples et sur celles de taffetas, soit blanc, soit jaune-oiseau-de-paradis, soit à carreaux. Les petits bonnets parés, à fond ouvert, ont, comme les chapeaux, des brides flottantes, ou plutôt un ruban destiné à faire des brides, flottant et non coupé. Au spectacle et en soirée, on voit des bérets de crêpe crêpé bleu, jaune oiseau-de paradis, ou blanc, dont le dessus est à jour et rempli par un grillage de rubans de deux couleurs. Au spectacle, quelques dames ont une toque basque du même taffetas écossais que leur robe. Ce taffetas est à grands carreaux. Nous avons parlé de chapeaux de crêpe blanc garnis de tresses de paille; on adapte aussi cet ornement à des chapeaux de gros de Naples blanc. La passe de plusieurs chapeaux de paille d'Italie, de paille de riz, de crêpe crêpé, est bordée d'une blonde blanche, haute de quatre à cinq pouces, et à peine froncée. Le

(*) До 15 Іюня, 1826 г.

Digitized by Google

dessus est orné de pavots doubles, verts et rouges, en panaché. La fleur de tulipier est souvent employée à l'ornement des chapeaux de tissu de coton, de paille de riz, de gros de Naples blanc, moiré ou uni on la pose en branche. Les pois de senteur, les coquelicots et les roses sont des fleurs également à la mode. — Tous les nouveaux tissus pour pantalons, soit en poil de chèvre, soit en fil, ou en soie et coton, fil et coton, sont à raies plus ou moins larges, et de couleurs douces: vert d'eau, fleur de pêcher, jaune écru, gris de lin. Quelques merveilleux ont fait faire des vestes de chasse qu'ils portent à la ville: elles sont en drap vert, à basques arrondies, très-larges et très-courtes. Ces vestes n'ont qu'un rang de boutons.

Въ полу-нарядѣ, нѣкоторыя изъ дамъ носятъ канзу изъ вышитаго и простаго тюля, сверхъ платьевъ барежевыхъ, органдиновыхъ и изъ поплина. Такія канзу дѣлаются съ длинными рукавами — Бальныя головныя гирлянды бываютъ особенныя, состоящія изъ множества зеленыхъ листьевъ, между которыми не много синихъ цвѣтовъ. — Черныя кружевныя, тюлевыя и блондовыя косынки носятъ съ бѣлыми платьями. Такія-же косынки бѣлыя почитаются болѣе нарядными.

Кажется что на утреннихъ прогулкахъ нынѣ щеголиха не можетъ надѣть другаго головнаго убора, кромѣ капота. У многихъ капотовъ верхъ тульи дѣлаютъ косякомъ, то есть, ниже съ одной стороны, нежели съ другой, или ниже спереди, нежели сзади и на оборотъ. Капоты гроденаплевые и изъ шелковой матеріи (цвѣта бѣлаго, желтаго райской птички и съ квадратами) начинаютъ убирать цвѣтами. — У маленькихъ чепчиковъ безъ верха, также какъ у шляпокъ, бываютъ длинныя завязки или лучше сказать длинная висячая лента, не разрѣзанная, которую никогда не завязываютъ. — Въ спектакляхъ и на вечерахъ замѣтны береты изъ

Digitized by Google

крепъ-крепе синяго, желтаго-райской пшички и бѣлаго цвѣтовъ, у которыхъ верхъ дѣлается *ажуръ*, съ сѣточкою изъ ленты двухъ цвѣтовъ. — Въ спектакли нѣкоторыя изъ дамъ надѣваютъ Баскскіе токи, изъ шотландской шелковой матеріи, одинаковаго цвѣта съ платьемъ. Квадраты на нихъ большіе. — Мы упоминали уже о шляпкахъ изъ бѣлаго крепа, убранныхъ плетушками изъ соломы. Этотъ уборъ бываетъ нынѣ и на гроденаплевыхъ бѣлыхъ шляпкахъ. Поля соломенныхъ, бѣлыхъ и Итальянскихъ, и изъ крепъ-крепе шляпокъ убираютъ широкими, едва сложенными блондами. Верхъ такихъ шляпокъ бываетъ убранъ макомъ зеленымъ или краснымъ. — Тюльпаны часто употребляются на уборку шляпокъ изъ бумажной матеріи, бѣлыхъ соломенныхъ, бѣлыхъ (простыхъ и морелевыхъ) гроденаплевыхъ. Ихъ всегда дѣлаютъ съ стебелькомъ.— Пахучій горошекъ, красный макъ и розы — нынѣ модные цвѣты.

Всѣ матеріи для мужскихъ панталоновъ (шерстяныя, бумажныя и проч.) бываютъ съ полосками, болѣе или менѣе широкими и цвѣтовъ нѣжныхъ: свѣтлозеленаго, желтоватаго и проч. — Нѣкоторые щеголи носятъ и въ городѣ охотническіе камзолы, изъ зеленаго сукна, широкіе и коротнкіе, съ круглыми полами и съ однимъ рядомъ пуговицъ.

На приложенной картинкѣ:

Бѣлая соломенная шляпка съ газовыми лентами, атласомъ и тюльпанами. Кисейное платье съ шитьемъ и воланами. Шпиблеты темные, застегнутые снаружи. На лѣвой рукѣ дамы бѣлка на цѣпочкѣ: нынѣ это модная принадлежность Парижской дамы на прогулкахъ.

Другая картинка, которую слѣдовало приложить при семъ No, будетъ приложена къ слѣдующей книжкѣ.

Digitized by Google

Въ Парижѣ 5 Іюня, 1826 г.

Digitized by Google

MOSKOVSKIÍ TELEGRAF

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1826. № 11. Іюнь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1/4 bd
1826:11-12
AP50
M644

Отдѣленіе первое.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА. Стр.

Путешествія.
Описаніе новѣйшаго путешествія на вершину Монблана. - - - - 177

II. КРИТИКА.

Разборъ книги:
Птицы и Цвѣты, нравственныя Аллегоріи Аццъ-Эддина-Эльмокаддесси, изд. въ Арабскомъ подлинникѣ, съ Французск. перевод. и примѣч. Гарсенемъ-де-Тасси. Парижъ. in 8. 380 стр. - - - 204

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1825 и 1826 годовъ. 220

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Объ улучшеніи Англинскихъ уголовныхъ законовъ. - - - - - 238
Некрологія: *Баронъ К. М. Веберъ.* - 244

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA

AP50
M644
1826:11-12

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Описаніе новѣйшаго путешествія на вершину Монблана.

Монбланъ, по точнымъ изслѣдованіямъ, признанъ высочайшею горою Европы и, въ цѣломъ свѣтѣ только Шимборасо и Гиммалаія превосходятъ высотою сего ужаснаго исполина земли (*). Но и на Мон-

(*) Монбланъ по барометрич. измѣренію возвышается отъ поверхности моря на 14,676 футовъ Парижскихъ (по геометрическому измѣренію на 14,670 Пар. фут.). Высота Шимборасо 19,302 П. ф., а Гиммалаіи болѣе 24,000 П. ф. (25,749 Англинск. ф. Извѣстно, что Англинскій футъ $\frac{1}{16}$ менѣе Парижскаго.) Вотъ другія знатнѣйшія высоты (Парижскими футами): Везувій 1677, Брокенъ 3276, Столовая гора на мысѣ Доброй Надежды 4182, Снѣговая голова, въ Исполинскихъ горахъ, 4887, Монастырь Св. Бернарда (самое высочайшее обитаемое мѣсто въ Старомъ Свѣтѣ) 7731, Сенъ-Готардъ 8587, городъ Квито въ Перу 8796, Монпердю, въ Пиренеяхъ 10,578, Этна 10,630, Пикъ на Тенериффѣ, 11,424, вершина Корассона, одной изъ горъ Кордиль-

бланъ достигъ отважный смертный! Нынѣ совершилось *ровно сорокъ лѣтъ*, какъ докторъ Паккаръ, *первый* взошелъ на вершину Монблана. Съ того времени, только *восемь* разъ стопа дерзкаго человѣка касалась вершины Монблана (*) и множество людей осмѣливавшихся на сей трудный и опасный подвигъ заплатили жизнію за свою дерзость или непреоборимыми трудностями принуждены были возвратиться безъ успѣха. Въ 1820 г. ужаснымъ образомъ погибло нѣсколько человѣкъ на Монбланѣ. Съ того времени начинали думать, что восхожденіе на Монбланъ дѣлается

ерскихъ въ Южной Америкѣ, высочайшая точка на землѣ, до которой достигалъ человѣкъ — 14,856. — Гe Люссакъ на аэростатѣ возвысился до 23,040 Англ. футовъ. Высота восхожденія на Гималаію недостовѣрно извѣстна. Увѣряютъ что нашъ Эльбрусъ *выше* Монблана. Г-нъ Броневскій говоритъ что нѣкто полковникъ Буцковскій полагаетъ его *по измѣренію* въ 16,700 П. ф., но это недостовѣрно. И не странно-ли, что донынѣ мы не измѣряли еще основательно Кавказа! *Изд. Тел.*

(*) Донынѣ всходили на вершину Монблана: докторъ Паккаръ (и І. Бальма, его проводникъ), Августа 8, 1786; Г. Соссюръ, Августа 3, 1787; полковникъ Бофуа, Августа 9, т. г. — Г. Вудлей, Августа 5, 1788; баронъ Дуртгезенъ и Г. Форнере, Августа 10, 1802; Г. Роде, Сентября 10, 1812; графъ Малезескій, Августа 4, 1818; докторъ Ренселеръ и Г. Говардъ, Іюля 13, 1819; капитанъ Ундрелль, Августа 13, 1819 г. и наконецъ — Г. Клиссольдъ, Августа 19, 1822 г.

невозможнымъ. Но сыскался человѣкъ, который рѣшился пожертвовать собою, только-бы сказать: »*Я былъ на высочайшей точкѣ Европы!*« И онъ исполнилъ свое предпріятіе. Это было въ 1822 г. Человѣкъ совершившій сіе новѣйшее и послѣднее донынѣ восхожденіе на Монбланъ есть Г Клиссольдъ, молодой Англичанинъ. Онъ издалъ описаніе своего путешествія, которое такъ любопытно, что мы рѣшаемся сообщить главныя обстоятельства путешествія Г. Клиссольда нашимъ читателямъ.

Что могло побудить его на такое отважное предпріятіе? Ничто! Слава пріобрѣсть названіе смѣлаго, безспрашнаго человѣка.

»Я не приготовлялся къ моему предпріятію,« говоритъ онъ — »вздумалъ и исполнилъ. У меня былъ небольшой литографическій рисунокъ Монблана на моемъ каминѣ. Воображеніе мое часто возвышалось къ вершинѣ Монблана. Я всегда дорого цѣнилъ взглядъ съ высокихъ горъ на землю и наблюденіе способностей души, когда она возбуждена симъ взглядомъ къ развитію новыхъ и высокихъ чувствъ и мыслей. Каковъ долженъ быть взглядъ съ Монблана? думалъ я. Испытаю! И я немедленно рѣшился предпринять восхожденіе на Монбланъ, составляющее предметъ сего сочиненія.«

И такъ, главною побудительною причиною предпріятія путешественника, кажется, былъ психологическій опытъ надъ самимъ-собою. Онъ былъ удаченъ; слѣдствіе его принесло много чести и сильной душѣ, которую хотѣли подвергнуть испытанію, и сердцу, бравшему также въ немъ участіе, хотя Г. Клиссольдъ и не говоритъ объ этомъ. Всю прибыль отъ продажи своего сочиненія отдалъ онъ семействамъ трехъ несчастныхъ проводниковъ, погребенныхъ навсегда подъ льдами ужасной горы. Г. Клиссольдъ рѣшился сначала испытать себя, взлѣзая нѣсколько разъ, всегда безъ проводника и одинъ разъ разрывая снѣгъ, на Сноудонъ, высочайшую гору въ области Валлійской и во всей Англіи. Увѣрившись, что можетъ перенесть столь трудный подвигъ, онъ выѣхалъ изъ Лондона 18 Іюля, 1822 г., и такъ спѣшилъ, что 27 ч. пріѣхалъ въ мѣстечко Море, лежащее при подошвѣ горы Юры, еще скрывающей Альпы. Нетерпѣніе видѣть ихъ заставило его на разсвѣтѣ идти пѣшкомъ, съ однимъ проводникомъ, въ деревню св. Сергія, гдѣ Альпы уже видны. Достигнувъ до средины пути, увидѣлъ онъ, въ промежуткѣ между черныхъ сосенъ, одну изъ острыхъ вершинъ большой Альпійской цѣпи; черезъ нѣсколько минутъ потомъ представился ему весь безмѣрный рядъ ледниковъ на пространіи пятидесяти миль, имѣющій

ря подошвѣ своей голубыя воды Женевскаго озера, а на вершинѣ необозримый Монблань — Альпійскаго Царя, увѣнчаннаго снѣгами и сидящаго подъ облачнымъ балдахиномъ, озлащаемымъ лучами солнца!»

На другой день прибылъ путешественникъ въ Женеву и тотчасъ сталъ разспрашивать о подробностяхъ. Онъ узналъ отъ Профессоровъ Пиктета и Соссюра, что состояніе Монблана нынѣшній годъ очень благопріятно для его предпріятія. Сіи почтенные люди, для уменьшенія опасностей, совѣтовали ему слѣдовать въ точности указанію опытныхъ проводниковъ, которыхъ они ему порекомендуютъ, именно: І. М. Куте и Матвѣя Бальма, уцѣлѣвшихъ во время гибели своихъ товарищей, въ 1820 г. Особенно совѣтовали они Г. Клиссольду избѣгать перехожденія крутыхъ покатостей, покрытыхъ свѣжимъ снѣгомъ — обстоятельство, причинившее однажды несчастіе въ путешествіи на вершину Монблана и которое знаютъ опытные проводники. Путешественникъ досталъ себѣ въ Женевѣ пару башмаковъ, такихъ-же какіе были у Соссюра, подбитыхъ стальными закаленными шипами, задніе кончики коихъ ввинчиваются въ подошву башмака. Г. Клиссольдъ осматривалъ прекрасную модель Альпійскихъ горъ (въ 24 фута длиною и 19 шириною) въ Пакьи, близъ Женевы, у мастера, сдѣлавшаго сію мо-

день (*); потомъ отправился онъ въ Шамуни. Входя въ долину онъ былъ застигнутъ бурею, не дошедши еще до гостинницы *союза*, въ которой весьма удобно, и можетъ быть лучше нежели дома, могъ отдохнуть. Августа 2 го прибылъ онъ въ эту гостинницу.

На другой день, рано поутру, Г. Клиссольдъ освѣдомился о Куте и Маттвѣ Бальма; сей послѣдній былъ въ отсутствіи. Г. Клиссольдъ поручилъ Куте выбрать еще пять надежныхъ проводниковъ. Время было неблагопріятно: его употребилъ онъ на путешествія, какъ-бы приготовительныя, для испытанія силъ. Въ первомъ путешествіи онъ доходилъ до Сада, въ концѣ Лѣснаго ледника, и прошелъ нѣсколько миль по льду безъ палки, ни разу не оступившись; во второмъ, въ два часа съ половиною взошелъ на вершину Бревана, возвышающагося на пять тысячъ футовъ надъ долиною. Сіи опыты очень были счастливы и служили хорошимъ предзнаменованіемъ, только одно важное обстоятельство останавливало Г.

(*) Г-на Годена. Сія модель, представляющая большую часть Швейцаріи, сдѣлана очень хорошо и весьма любопытна, какъ для путешественниковъ, которые желая обозрѣть сію страну могутъ по модели расположить планъ своего путешествія, такъ равно и для возвращающихся, которые при видѣ сей модели получаютъ вѣрное и полное понятіе о топографіи осмотрѣнной ими страны.

Клиссольда. При сложеніи крѣпкомъ и сильномъ, грудь его всегда была слаба и нѣжна. На это должно было обратить особенное вниманіе; для сохраненія себя онъ положилъ на грудь и между плечъ Бургонской смолы и получилъ желаемый успѣхъ. Скоро увидимъ, что дѣйствительность сего топическаго средства подвержена была сильному опыту. Дальнѣйшія приготовленія его ограничились соломенною шляпою съ широкими полями и двумя газовыми покрывалами. Изъ инструментовъ взялъ онъ только термометръ, ибо »не хотѣлъ обременять своихъ проводниковъ ничѣмъ могущимъ затруднить путешествіе.«

По двухъ-недѣльномъ ожиданіи хорошей погоды, 16-го Августа, небо прояснилось и можно было видѣть, что снѣгъ не идетъ болѣе на высокихъ вершинахъ. Тогда, Г. Клиссольдъ предложилъ проводникамъ своимъ смѣлый и совершенно новый планъ: отправиться въ путь ночью 18 числа, если время будетъ хорошо, взойдти однимъ походомъ, хотя не безъ роздыха, на самую вершину Монблана — и *тамъ ночевать!* Это одобрено общимъ совѣтомъ всѣхъ старыхъ проводниковъ и самимъ докторомъ Паккаромъ, патріархомъ путешественниковъ на Монбланъ.

Тогда царствовалъ какой-то общій духъ отваги въ долинѣ Шамунской. Предпріятіе Г. Клиссольда, казалось, одушевило

всѣхъ. Проводники не отрекались отъ его отважнаго плана. Двѣ Англинскія дамы (мать съ дочерью), Г-жи Кампбелль, отправились въ тотъ-же день, въ полдни, съ восьмью проводниками, рѣшась перейдти черезъ *шею Великана* (2000 футовъ, за границами вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ должно провесть, по крайней мѣрѣ, одну ночь во льдахъ) и сойдти въ Кормайёръ, въ долинѣ Аостской. Онѣ совершили это предпріятіе благополучно.

Матвѣй Бальма, братъ одного изъ трехъ проводниковъ бывшихъ жертвою несчастнаго предпріятія 1820 года, выбранъ въ товарищи Іосифа Куте; но старикъ отецъ, бывшій съ Соссюромъ на Монбланѣ, просилъ его не пускаться въ сію опасность и на старости лѣтъ не оставить его въ бездѣтномъ сиротствѣ. Отважный М. Бальма уступилъ желанію отца, хотя съ большимъ огорченіемъ видѣлъ, что товарищи его отправились въ *славный путь* безъ него. Съѣстными припасами запаслись на три дни; взяли веревокъ, чтобы связываться по двое въ трудныхъ переходахъ и окованныя желѣзомъ палки, орудіе весьма полезное въ ледникахъ.

18 Августа, 1822 г., въ половинѣ 11 го часа вечера, Г. Клиссольдъ отправился въ путь съ шестью своими проводниками, изъ коихъ Іосифъ Марія Куте (староста другихъ) всходилъ пять разъ на вершину

Монблана; Давидъ, братъ его, четыре раза; Петръ-Марія Фавре, два раза; остальные трое: Яковъ Куте (третій братъ), І. Б. Симонъ и Матвѣй Боссонетъ всходили еще въ первый разъ. Ночь была хотя и прекрасная, но такъ темна, что принуждены были взять фонарь. Къ горѣ приступили съ восточной стороны Боссонскаго рудника. Около полуночи достигли до хижины стараго Фавре, одного изъ проводниковъ Соссюра и отца того, который участвовалъ въ нынѣшнемъ предпріятіи. Старикъ встрѣтилъ путешественниковъ со смѣхомъ, видя странный и неупотребительный въ сей странѣ образъ путешествія съ фонаремъ. Здѣсь запаслись нѣсколькими полѣнами дровъ, которыя должны были служить матрасами для проведенія будущей ночи на льду. Чтобы Фавре, несшій фонарь, могъ свободно заняться сею должностію и для того чтобы заслужить хорошее мнѣніе своихъ проводниковъ опытомъ силы и доказательствомъ доброй воли, Г. Клиссольдъ самъ взялъ мѣшокъ Фавре и шелъ въ ряду съ проводниками.

»Мы пришли,« говоритъ онъ, »къ самой крутой сторонѣ Боковой горы и пустились узкою тропинкою, усѣянною катящимися камнями, по краю гладкаго утеса или лучше сказать, пропасти въ 1000 или 1500 футовъ глубины. Въ половинѣ четвертаго часа утра, мы находи-

лись уже въ довольно близкомъ разстояніи отъ основанія южнаго шпица и столь близко отъ Боссонскаго ледника, сколько позволяла почва земли. Тамъ отдалъ я Фавре его ношу и мы сѣли подъ большимъ утесомъ, который простираясь отвѣсно надъ нашими головами, защищалъ насъ отъ снѣжныхъ и ледяныхъ лавинъ и катящихся камней, дѣйствію которыхъ подвергало насъ мѣстоположеніе. Проводники мои скоро заснули; я съ любопытствомъ разсматривалъ увеличивающееся дѣйствіе разсвѣта, открывавшее постепенно передо мною удивительное зрѣлище. Издали, въ долинахъ можно было различать ледники по ихъ слабому серебристому свѣту; мѣстами видны были воды Арвы, какъ бѣлѣющіяся полосы сквозь сумракъ; на небѣ не было ни одного облака. Позади насъ грозныя вершины и шпицы начинали отцвѣчиваться, какъ будто улыбаясь при появленіи первыхъ лучей утренней зари.

»Въ четыре часа мы вспали и отправились. Передъ входомъ въ ледяной поясъ, проводники надѣли на ноги желѣзные крючья, а я свои башмаки съ острыми гвоздями. Сначала мы шли около подошвы шпица, не опасаясь лавинъ, которыя не падаютъ по упрамъ. Мы достигли длинной ледяной равнины, пересѣкаемой трещинами, параллельными между собою и перпендикулярными къ нашей дорогѣ;

немногія изъ нихъ шире десяти футовъ, но глубина ихъ очень различна: нѣкоторыя въ нѣсколько сотъ футовъ; стѣны ихъ отражали голубой цвѣтъ неба. Отъ сихъ ледниковъ, которые мы прошли, простираются ледники Боссонскіе и Таконезскіе, сходящіе параллельными уступами, и растаявающіе въ долинѣ. Ледяное поле здѣсь въ ширину около полу-мили, а въ длину около двухъ миль. Взойдя на оное, достигли мы границы вѣчныхъ снѣговъ и того мѣста, гдѣ двѣ большія отрасли, сходящія въ долину, раздѣляются. Здѣсь массы льдовъ представляютъ самыя странныя и неправильныя формы.

»Прямо передъ нами возвышалась вершина Монблана, болѣе нежели на 7000 футовъ, которые намъ оставалось перейдти; на лѣвой сторонѣ отъ насъ; на возвышеніи болѣе 4000 футовъ простиралась цѣпь шпицовъ, коихъ вершины представляли разнообразнѣйшее зрѣлище: остроконечные утесы казались огромными башнями или колокольнями, позлащаемыми первыми лучами солнца, надъ крутыми скатами блестящаго снѣга. На правой сторонѣ, почти въ равномъ возвышеніи со шпицами, величественно возвышалась вершина Гупе, соединяющаяся съ западнымъ плечомъ Монблана, восходя узкимъ краемъ. Среди ледяной и снѣжной долинъ, лежащихъ между вершиною и шпицами, выходитъ линія или

рядъ уступовъ, называемыхъ *Большіе лошаки*, изъ коихъ ближайшій къ намъ былъ около 300 футовъ вышины. Долина, которою мы шли, возвышалась въ наклоненіи почти 30 градусовъ и пересѣкалась тремя площадками, составлявшими какъ-бы ступени исполинской лѣстницы, подъ прямыми углами къ нашему направленію. Самая вышняя изъ сихъ ступеней называется *Большою площадью* и служитъ основаніемъ послѣдней верхушки Монблана, возвышающейся надъ нею еще около 3000 футовъ: издали она кажется неприступною.«

Здѣсь Г. Клиссольдъ, воспламененный всѣмъ видимымъ, идя съ большою удобностію въ спокойныхъ башмакахъ своихъ опередилъ своихъ проводниковъ и пошелъ одинъ. Но удивляясь чуднымъ изображеніямъ, представляемымъ ледяными шпицами, которыми былъ окруженъ, упалъ онъ, потерялъ свою палку и раскаялся, что разлучился съ проводниками. Одинъ изъ нихъ настигъ его и отыскалъ палку. »Я разсказываю,« говоритъ онъ, »это небольшое приключеніе для того, чтобы доказать путешественникамъ, что они никогда не должны оставлять своихъ проводниковъ, но вѣрно слѣдовать за ихъ стопами и по ихъ направленію.«

»Между тѣмъ шествіе наше замедляемо было множествомъ трещинъ, которыя должно было или обходить или пере-

прыгивать въ мѣстахъ нешироких. Иногда, чтобы перейдти трещину, должно было спускаться въ самую внутренность на нѣсколько футовъ, по узкому висячему ледяному возвышенію, откуда должно было всходить на другую сторону. Каждый взбирался какъ могъ, безъ веревокъ и безъ помощи. Рѣдко можно было видѣть впередъ далѣе нѣсколькихъ футовъ и часто мы были останавливаемы и какъ-бы заперты въ снѣжной и ледяной комнатѣ. Тогда одинъ или два проводника взбирались на ближнее возвышеніе, чтобы означить дорогу и всѣ слѣдовали ихъ показанію. Эта должность проводниковъ опаснѣе всѣхъ другихъ и требуетъ столькоже ловкости, сколько и неустрашимости. Іосифъ Марія Куте въ семъ отношеніи, равно какъ и во всѣхъ другихъ, имѣлъ передъ всѣми особенное преимущество.

Достигнувъ Большихъ лошаковъ, должно было карабкаться почти до вершины сихъ утесовъ, ибо неправильныя массы снѣгу и льду, находившіяся при ихъ основаніи, были непроходимы. Они очень круты и поверхность ихъ отламывалась подъ ногами. Близъ вершины должно было прорубить горизонтальную тропинку шаговъ на тридцать, въ гладкомъ ледяномъ скатѣ, имѣющемъ 45 градусовъ наклоненія и оканчивающемся пропастью, на днѣ которой видны кучи льду въ страшныхъ и грозныхъ формахъ.

Въ половинѣ восьмаго часа утра до
стигли мы, не употребляя ни веревокъ
ни лѣстницъ, до того мѣста, гдѣ вс
наши предшественники проводили первую
ночь. Такой успѣхъ внушилъ намъ бод
рость. Мы остановились и завтракал
съ большимъ аппетитомъ, при шумѣ отп
паденія лавинъ, изъ коихъ *нѣкоторыя*
прокатились довольно близко отъ насъ
Термометръ на солнцѣ показывалъ 70 град
по Фаренг. ($16\frac{8}{9}$ по Реом.), а ясное небо
было хорошимъ предзнаменованіемъ. Въ
девять часовъ приготовились мы снова къ
пути; привязали наши покрывала, чтобы
предохранить себя отъ дѣйствія солнеч-
ныхъ лучей, отражаемыхъ отъ льдовъ, и
наполнили водою, текущею изъ утесовъ,
опорожненныя наши бутылки. Вступая
въ ту полосу, гдѣ вѣчные снѣга закрыва-
ютъ трещины гораздо опаснѣйшія, не
жели тѣ, которыя можно видѣть, мы
для предосторожности связались верев-
ками по двое на разстояніи восьми или
девяти футовъ одинъ отъ другаго. Я
избралъ себѣ въ товарищи того изъ
проводниковъ, который казался мнѣ силь-
нѣе другихъ, и мы слѣдовали шагъ за шагъ
по стопамъ начальника, который держал-
ся возможно-прямаго направленія: оно
заводило насъ часто на громады снѣгу, въ
наклонности 50 градусовъ. Видимыя нами
трещины часто были шире нежели
трещины ледниковъ; нѣкоторыя были

даже до двадцати футовъ, но рѣдкія изъ нихъ глубоки. Иногда находили мы края ихъ обставленные ледяными столбами, производящими сильный отблескъ отъ солнца.

»Между тѣмъ, по мѣрѣ какъ солнце поднималось выше, паденіе лавинъ умножалось вокругъ насъ; жаръ становился удушливъ, жажда томительна, запасъ воды истощился. Воду замѣняли мы растапливая снѣгъ въ бутылкахъ. Иные изъ насъ мѣшали вино или уксусъ со снѣгомъ, другіе клали въ ротъ сахаръ; я довольствовался лимонами и изюмомъ, чего у меня былъ достаточный запасъ, и наконецъ глоталъ снѣгъ, безъ всякаго неудобства. Покрывала наши едва могли защищать насъ отъ прямыхъ и отражающихся лучей солнечныхъ; но я намазалъ лице свое холодными сливками и почувствовалъ облегченіе. Проводники сдѣлали тоже съ равнымъ успѣхомъ.

»Мы не далеко отошли отъ Большихъ лошаковъ, когда товарищъ моей веревки, самъ отвязался, изнемогши отъ усталости. Я велѣлъ привязать себя между двумя другими проводниками. Вскорѣ отсталъ еще проводникъ, а наконецъ всѣ, кромѣ Фавре и меня, изнемогли и принуждены были остановиться и немного отдохнуть. Дышать было весьма трудно, что приписывали мы рѣдкому воздуху. Небольшой отдыхъ возвратилъ намъ силы.

Въ два часа мы достигли до Большой площади. Марія Куте, съ трудомъ переводившій дыханіе, удивлялся моему здоровому состоянію и тому что не замѣчалъ во мнѣ никакихъ признаковъ усталости.«

Здѣсь оставался самый опасный переходъ; на которомъ путешественники безпрестанно были подвержены гибели по причинѣ безпрестаннаго паденія лавинъ, отъ чего никакая предосторожность не можетъ защитить. Здѣсь-то, въ одной изъ трещинъ, лежатъ трое несчастныхъ, снесенные и засыпанные, въ 1820 году, на семъ возвышеніи лавиною. Наши путешественники прошли здѣсь благополучно, безъ всякаго приключенія и послѣ сего отвязали веревки, потому что уже нѣчего было болѣе опасаться. Рѣшились немного отдохнуть передъ послѣднимъ походомъ. Термометръ на солнцѣ стоялъ на 70 гр. по Фаренг.

Путешественники взошли потомъ кривизнами на пологость *Проклятой горы* (правое плечо Монблана). Снѣгъ здѣсь столь твердъ, что должно было вырубать топоромъ нѣсколько сотъ ступеней — работа трудная, для которой проводники смѣнялись каждые десять минутъ! Осторожность и вниманіе требовались здѣсь въ высочайшей степени: одинъ неосторожный шагъ на сей крутой плоскости — неизбѣжная смерть! »Сонъ преодолѣвалъ меня,« говоритъ Г. Клис-

сольдъ — »и едва уступалъ мысли объ опасности нашего положенія; но я счастливо превозмогъ его. »Наконецъ достигли до *Краснаго утеса*, послѣдней каменистой выпуклости, видимой изъ Шамуни. Отсюда еще 800 футовъ до вершины Монблана.«

Много потеряно времени въ ожиданіи отставшихъ. Уже было шесть часовъ съ половиною и слишкомъ поздно идти на вершину, куда не надѣялись достичь до наступленія ночи; солнце склонялось къ горизонту, а мѣсячнаго сіянія не возможно было надѣяться. Сдѣлали еще нѣсколько сотъ шаговъ для достиженія площадки, видимой изъ Шамуни. Тамъ платокъ привязанный къ палкѣ, воткнутой въ снѣгъ, извѣстилъ любопытныхъ зрителей въ долинѣ, которые внимательно смотрѣли на Монбланъ, о взятіи послѣдняго укрѣпленія, защищающаго вершину и о достовѣрномъ успѣхѣ завтрашняго дня.

Путешественники возвратились къ Красному утесу, гдѣ должно было приготовиться провесть ночь, не по выбору, но по необходимости. Съ восточной стороны сего утеса — пропасть, коей глубину не возможно измѣрить взоромъ; съ запада трещина; между сею трещиною и утесомъ остается небольшое полукруглое углубленіе. Здѣсь, въ этомъ углубленіи, на высотѣ почти 14 тысячъ футовъ, должно было расположиться. Со стороны

трещины составили загородку изъ палокъ, воткнутыхъ въ снѣгъ; на снѣгу расклали сосновыя поленья, взятыя у Фавре; на нихъ разостлали тонкое покрывало и всѣ семеро путешественниковъ легли спать. Проводники немного ужинали, а Г. Клиссольдъ не ѣлъ ничего. »Мнѣ не хотѣлось ѣсть,« говоритъ онъ »у меня болѣли ротъ и горло отъ дѣйствія снѣга и лимоновъ, проглоченныхъ мною въ теченіе дня. Вино было слишкомъ крѣпко для меня; воды мы не имѣли, ибо не могли уже растаивать снѣга со времени перехода нашего черезъ большую площадку.

»Я надѣлъ фуфайку, которою обязанъ былъ благосклонному вниманію Г. Шарле, содержателя гостинницы *союза*. При отправленіи хотѣли взять угольевъ, но забыли (*). Проводники вмѣсто подушекъ употребили пустые мѣшки бывшіе съ запасами и мнѣ предлагали ихъ, но я отказался: это было-бы несправедливо, потому что я имѣлъ лишнее платье, башмаки для перемѣны и не хотѣлъ избѣгать ни отъ какой трудности ими переносимой. Я положилъ подъ голову дорожную шапку свою и началъ разсматривать небо. Было восемь часовъ вечера, когда мы совсѣмъ улеглись.

(*) Угольа не принесли-бы большой пользы: Де-Люкъ и Соссюръ испытали, что они на большихъ высотахъ трудно загараются и слабо держатъ жаръ; къ тому-же, на какомъ-бы очагѣ зажечь ихъ?

»Термометръ показывалъ 26° по Фаренг. ($2\frac{2}{3}$ град. подъ нулемъ по Реом), а у насъ, для защиты отъ холода, была только тонкая холстина Въ ночи я чувствовалъ нѣсколько слабыхъ порывовъ вѣтра, наносившихъ снѣгъ на наши лица, и какъ вѣтеръ обыкновенно предшествуетъ лавинамъ, то — признаюсь — я не могъ удалить отъ себя мысли, что каждое мгновеніе снѣгъ, можетъ быть, снесетъ насъ въ пропасть на 2000 футовъ глубины. Мнѣ было холодно, ибо я покрытъ былъ только до половины Спалъ я очень мало и съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта. Наконецъ стало свѣтать: и когда вершина Монблана, отражая свѣтъ зари, приняла серебристый цвѣтъ, я разбудилъ моихъ проводниковъ. Какъ ни бѣденъ и какъ ни опасенъ былъ нашъ ночлегъ, но я съ трудомъ поднялъ ихъ. Впрочемъ здѣсь я могъ-бы и безъ нихъ обойтись, ибо опасности кончились. Ночь была столь холодна, что наши лимоны и бутылка лучшаго Эрмитажнаго вина замерзли.

»По мѣрѣ, какъ мы приближались къ вершинѣ, лучи восходящаго солнца давали ей видъ огромной, золотой, блестящей лампы, почти на черномъ сводѣ неба. Только Фавре и я шли свободно, особливо въ отношеніи къ дыханію; что касается до другихъ, то иные ложились ницъ на снѣгъ, другіе стоя, наклоняли голову впередъ, находя болѣе удобности дышать

въ такомъ положеніи. Въ другихъ путешествіяхъ и при восхожденіи на горы гораздо низшія я испытывалъ гораздо болѣе усталости, нежели приближаясь къ вершинѣ Монблана; правда, что ходилъ тогда скорѣе. Пульсъ мой возвысился здѣсь и билъ отъ ста, до ста пятидесяти разъ въ минуту, но кровообращеніе мое усиливается всегда до такой степени, когда я всхожу на какую нибудь крутизну. И такъ, если взять все вмѣстѣ, я не чувствовалъ ничего особеннаго или новаго приближаясь къ вершинѣ Монблана.

»Въ половинѣ шестаго часа утра пришли на вершину: цѣль трудовъ была достигнута; но холодъ, усталость, двѣ ночи сряду проведенныя почти безъ сна, безпрерывныя предосторожности при каждомъ шагѣ въ теченіе дня, часто возобновляемая мысль объ опасности для избѣжанія отъ оной и для сохраненія хладнокровія — всѣ сіи потрясенія и перемѣны сдѣлали насъ неспособными вполнѣ наслаждаться величественнымъ зрѣлищемъ, раскрывшимся окрестъ насъ въ безмѣрномъ горизонтѣ.

»Я поставилъ наше маленькое знамя, которое очень хорошо было видимо изъ долины въ хорошую зрительную трубку. Жажда мучила меня смертельная; вино наше было мерзлое и я принужденъ былъ ѣсть ледъ. Температура воздуха быстро возвысилась; мы легли на снѣгъ, гдѣ сонъ

въ минуту овладѣлъ нами и подкрѣпилъ насъ. При нашемъ пробужденіи на термометрѣ было уже 70° по Ф.

»Куте, всходившій въ шестой разъ на Монбланъ, нашелъ, что поверхность вершины была теперь гораздо обширнѣе, нежели при прежнихъ восхожденіяхъ. Плоскость представляла почти равносторонній трехъ-угольникъ, коего сѣверная сторона, почти горизонтальная, обращена къ долинѣ Шамуни; перпендикулярная линія, протянутая на сію сторону отъ противоположнаго или южнаго угла, имѣла не менѣе шести сотъ футовъ, а наклоненіе плоскости къ горизонту было около двухъ сотъ. На сей плоскости была трещина, параллельная къ сторонѣ, обращенной къ Шамуни. Сбѣжавши почти до конца сей наклоненной плоскости безъ всякаго неудобства, я убѣдился, что моя способность дыханія не была ни мало разстроена рѣдкимъ воздухомъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ проводниковъ, который только шелъ, принужденъ былъ остановиться и лечь на снѣгъ, дабы отдохнуть. Соссюръ пишетъ, что одинъ изъ его проводниковъ (Бальма, прозванный Монбланъ), отойдя отъ него на небольшое разстояніе для собиранія обломковъ утеса, также принужденъ былъ остановиться и лечь на снѣгъ, чтобы подышать свободнѣе.

»Я сѣлъ на вершинѣ утеса, возвышающагося къ углу со стороны Кормайера,

разсматривая отвѣсную сторону горы съ юга, и съ помощію проводниковъ набралъ отломковъ сего самаго утеса (*)«

Г. Клиссольдъ яркими черпами описываетъ зрѣлище, которое, въ безмѣрномъ обзорѣ, простиралось отъ Альповъ Дофине до отдаленнѣйшихъ Бернскаго Кантона. Выписываемъ только послѣднее его размышленіе: »Я сожалѣлъ,« говоритъ онъ — »что былъ не одинъ при этомъ созерцаніи, которое совершенно меня поглощало. Такія зрѣлища быстро пролетаютъ и не оставляютъ продолжительнаго дѣйствія, если отдѣлить его отъ производимыхъ въ душѣ глубокихъ впечатлѣній.

(*) Профессоръ Пиктѐтъ полагалъ, что утесъ, отъ котораго я взялъ обломки, тотъ-же самый, отъ котораго набралъ ихъ Соссюръ. Утесъ сей принадлежитъ къ тѣмъ образованіямъ, которыя Брошанъ почитаетъ происшедшими гораздо послѣ гранита, и состоитъ изъ фельдшпата горнбленда, хлорита, талька и весьма малой части кварца. На поверхности видны многіе отломки стекловидныхъ пузырьковъ, измѣняющихся цвѣтомъ, переходящимъ изъ свѣтло-зеленаго въ самый темно-зеленый; чѣмъ болѣе пузырекъ, тѣмъ темнѣе цвѣтъ. Одинъ изъ сихъ отломковъ, на которомъ множество пузырьковъ, почти весь состоитъ изъ хлорита и талька; пузырьки его гораздо болѣе нежели на другихъ и одинъ изъ нихъ имѣетъ $\frac{1}{8}$ дюйма въ поперечникѣ. На другомъ отломкѣ видна длинная стекловидная полоска безъ пузырьковъ. Сіи признаки заставляютъ думать, что остеклотвореніе сихъ утесовъ должно приписать дѣйствію молніи. *Прим. Г. Клиссол.*

Дѣйствіе, произведенное на душу мою безмѣрностію и *странностію* зрѣлища, привлекало все мое вниманіе. Въ семъ безмолвномъ уединеніи, вознесенная такъ далеко надъ нашими обыкновенными жилищами и мѣлочными разсчетами, душа, такъ сказать, *расширяется:* чувство ея существованія развертывается и увеличивается до границъ, соединяющихъ время съ вѣчностію. Здѣсь оцѣняешь существованіе въ настоящую его цѣну. Весь родъ человѣческій видишь какъ будто входящій въ отношенія съ будущею жизнію, подъ мѣриломъ совершеннаго равенства; здѣсь испытываешь чистыя пламенныя ощущенія покорности, добра, всеобщей благости; здѣсь чувствуешь себя какъ будто объятымъ безконечностью Творца Непостижимаго, Котораго все создалъ и все одушевляетъ!«

По трехъ-часовомъ пребываніи на вершинѣ, въ половинѣ девятаго часа начали сходить по той-же дорогѣ, по которой взошли, ибо по обстоятельномъ разсмотрѣніи, никакое другое направленіе не казалось столь удобнымъ. Но на сихъ крутыхъ покатостяхъ сходить всегда труднѣе, нежели всходить, и должно было пройдти много опасныхъ мѣстъ отъ Краснаго ущеса, гдѣ прежде отдыхали, до большой площадки.

»Куше привязалъ меня веревкою, а самъ держалъ другой конецъ ея — и очень

кстати, ибо сходя по валу сверзшагося снѣга, гдѣ мы взбирались поутру, желѣзный конецъ моей палки согнулся у меня подъ ногами, я упалъ: Куте удержалъ меня и я всталъ, воткнувъ палку въ ледъ. Въ сію минуту веревка вырвалась изъ рукъ моего проводника и жизнь моя сохранилась только на воткнутой въ ледъ палкѣ, ибо немного ниже меня была ужасная трещина. Опасаясь стараній Куте схватить веревку, я успѣлъ кое-какъ конецъ оной добросить до него; но въ ту минуту, какъ я достигъ до твердаго снѣга, проводникъ мой упалъ и увлекъ меня съ собою; палка моя, воткнутая въ ледъ, удержала насъ обоихъ — третій проводникъ подоспѣлъ къ намъ на помощь и мы были спасены. Недалеко оттуда нашли мы на снѣгу пчелу: одинъ изъ проводниковъ отогрѣлъ ее въ рукахъ своихъ и она полетѣла.

»На большой площадкѣ возобновили мы предосторожность связываться по двое и сходили по отлогостямъ снѣга отъ 300 до 500 футовъ длиною, катясь, опершись на палку, наклоненную назадъ; проводники всегда такъ поступаютъ. Мы переходили иногда не подозрѣвая, а иногда и видя трещины (всегда поперечныя на отлогостяхъ), закрытыя снѣжными мостами. Въ половинѣ втораго часу мы немного пообѣдали близъ Большихъ лошаковъ. Между тѣмъ какъ мы смѣялись надъ опасностями коихъ избѣжать успѣли —

вдругъ послышался намъ ужасный трескъ, похожій на безпрерывные раскаты грома. . . . Онѣмѣвъ отъ изумленія, обращаемъ взоры къ вершинѣ и видимъ, что она закрыта густымъ облакомъ. Послѣ мы узнали отъ зрителей, изъ долины смотрѣвшихъ, что происходило за нами Шумъ произошелъ отъ ужасной ледяной лавины, упавшей на большую площадку: брызги ея засыпали часть пологости, по которой мы прошли. Начни мы обратный путь часомъ позднѣе — ни одинъ изъ насъ не остался-бы въ живыхъ.«

Другія опасности ожидали путешественниковъ на пути между Большихъ лошаковъ, отъ которыхъ они пошли въ три часа и границею льдовъ, до которой они достигли только въ половинѣ шестаго часа. Отъ дневнаго жара не льзя было узнавать дороги. Старикъ Фавре угощалъ ихъ въ жилищѣ своемъ чернымъ хлѣбомъ и сливками, предложенными отъ добраго сердца и принятыми съ благодарностію. Наконецъ весело окончили путешественники сходъ съ горы до Шамуни, куда прибыли въ половинѣ восьмаго часа, встрѣченные поздравленіями многочисленныхъ зрителей, бывшихъ въ безпокойномъ ожиданіи счастливаго окончанія одного изъ отважнѣйшихъ предпріятій.

»Я всталъ на другой день въ пять часовъ,« говоритъ Г. Клиссольдъ», — съ лихорадкою и съ лицомъ, покрытымъ волдырями

ми, отъ того что мало употреблялъ покрывало. Черезъ нѣсколько дней сошла верхняя кожица съ рукъ и ногъ моихъ; у Давида Куте правая нога была отморожена, а другой проводникъ, у котораго глаза были весьма слабы, совершенно лишился зрѣнія на нѣсколько дней, но послѣ выздоровѣлъ. И такъ — опасенія, бывшія слѣдствіемъ несчастнаго покушенія 1820 года, разсѣяны нашимъ успѣхомъ. Затрудненія и ужасы сего предпріятія были, можетъ быть, увеличены и не представляли истиннаго понятія о сопряженныхъ съ нимъ опасностяхъ; почему подробности, въ которыя я вошелъ, имѣютъ цѣлію утвердить мѣру того и другаго. Намѣреніе провесть ночь на вершинѣ или въ окрестностяхъ ея кажется мнѣ самому нѣсколько отважнымъ, хотя впрочемъ нѣтъ опасности, если время благопріятно. Но должно-ли отваживать жизнь свою, основываясь на метеорологическихъ признакахъ и замѣчаніяхъ о состояніи вершины?« Такъ говоритъ Авторъ.

Представимъ болѣе обстоятельности въ семъ вопросѣ, говоритъ Французскій переводчикъ его. »Должно-ли подвергать жизнь свою опасности для того, чтобы взойдти на вершину Монблана?« — Едва-ли! Одно только восхожденіе Соссюра имѣло основательныя причины; но то, что осталось послѣ него для Физики, не соразмѣрно съ неизбѣжными опасностями, по собственному признанію отважнаго путешествен-

ника. Извиняемъ дерзкій подвигъ его въ надеждѣ, что откровенность Г. Клиссольда къ описаніи всѣхъ подробностей отнимет желаніе всходить на Монбланъ у всякаго любопытнаго, ученаго и неученаго, и даже у тѣхъ, которые всходятъ для того только, чтобы сказать, что и они были на Монбланѣ. Если предпріятіе Г. Клиссольда возбудитъ недовѣріе къ восхожденіямъ, тогда оно будетъ полезнѣе, по мнѣнію моему, для человѣчества; въ противномъ случаѣ мы должны сожалѣть, а не радоваться объ его успѣхѣ.

Но оставляя пользу для Наукъ Физическихъ и опасеніе Французскаго переводчика, что путешествіе Г Клиссольда можетъ ободрить другихъ взойдти на Монбланъ, откажемъ ли мужественному Англичанину въ удивленіи, какое возбуждаетъ его дерзкая и счастливая рѣшительность? Путешествіе его не принесло пользы Физикѣ, но раскрываетъ намъ нѣкоторыя стороны духа человѣческаго, заставляетъ размышлять о стремленіи его къ безконечному — и мысли Г. Клиссольда есть истинное вдохновеніе ума, познающаго силу и достоинство свое, при видѣ безмѣрности и безконечности, его окружающей! Мысли вдохновенныя взглядомъ съ вершины Монблана есть драгоцѣнный фактъ для Философа.

Въ заключеніе своего описанія, Г. Клиссольдъ собралъ множество свѣдѣній изъ

разныхъ путешествій о чувственныхъ ощущеніяхъ человѣка на великихъ высотахъ. Здѣсь находимъ множество любопытныхъ и новыхъ наблюденій надъ физическимъ состояніемъ человѣка.

II. КРИТИКА.

Птицы и Цвѣты, нравственныя аллегоріи Аццъ-Эддина Эльмокаддесси, изданныя въ Арабскомъ подлинникѣ съ Французскимъ переводомъ и примѣчаніями Гарсенемъ де Тасси. Парижъ. I т. in 8. около 380 стр.

Начало Арабскаго языка теряется во тмѣ вѣковъ. Одни почитаютъ его родоначальникомъ языка Еврейскаго, другіе, и съ большею основательностію, думаютъ что онъ произошелъ отъ сего послѣдняго. Но это самое сомнѣніе уже доказываетъ его древность, ибо Еврейскій языкъ восходитъ до начала человѣческаго рода. Какъ-бы то ни было, Арабскій языкъ есть древнѣйшій и лучше сохранившійся изъ живыхъ языковъ, потому что имъ говорятъ еще и нынѣ въ степяхъ Арабскихъ, такъ же какъ говорили за 5000 лѣтъ. Онъ въ то же время есть употребительнѣйшій и болѣе распространившійся. Это природный языкъ народовъ, обитающихъ въ трехъ Аравіяхъ, въ Сиріи, Месопотаміи, древней Халдеѣ, въ Египтѣ, Нубіи, въ Сагарѣ, Биледульгеридѣ, Королевствахъ: Фецѣ, Тунисѣ,

Марокке, Триполе и Баркѣ (*). Съ симъ языкомъ можно путешествовать по Турціи, Анатоліи, Арменіи, Персіи, Индіи, Ташаріи, Абиссиніи, Эѳіопіи, по берегамъ Зангвебара и Сенегала. Вездѣ, куда только проникъ Магометизмъ, Арабскимъ языкомъ говорятъ или понимаютъ его, потому что Алкорану учатъ дѣтей въ Арабскомъ текстѣ и каждую недѣлю читаютъ его въ мечетяхъ. Вотъ какая безмѣрная выгода путешественнику, ищущему на Востокѣ ученія, удовольствія или богатства! Никогда языки Турецкій и Персидскій не покажутся ему столь полезными и даже столь пріятными. Языкъ Арабскій есть самый богатый изъ восточныхъ, и богатство его столь велико, что въ немъ бываетъ до тысячи синонимовъ на одно слово (**). Этотъ языкъ не менѣе замѣчателенъ своею гармоніею, опредѣленностью, силою и возвышенностью (***). Но возвы-

(*) Въ самой Испаніи, говоритъ Брервудъ, между крутыми Гренадскими горами, называемыми Alpuxarras, потомки Мавровъ удерживаютъ еще языкъ *Арабическій* (Испанцы называютъ его *Aravigo*). Recherches sur la diversité des langues etc. стр. 90. Французс- перевода.

(**) Если вѣрить Фируцабади, лексикографу Арабскому, то для выраженія *хижины* и *льва* есть до 1000 словъ; для *сабли* 500 словъ и проч. Это изобиліе синонимовъ (происходящее отъ множества независимыхъ колѣнъ, изъ коихъ составленъ народъ Арабскій) не совсѣмъ непостижимо. У Лапландцовъ, на примѣръ, есть 30 словъ для означенія *лани*; у Французовъ болѣе 50 для означенія *корабля* (navire), смотря по величинѣ его, устройству и употребленію. У нихъ-же есть 30, а у Нѣмцовъ 100 словъ для означенія *лошади*.

(***) Грамматика Арабская проста и не затруднительна. Глаголы Арабскіе въ народномъ языкѣ, подобно Еврейскимъ глаголамъ, имѣютъ только четыре *наклоненія: изъявительное, повелительное, неопредѣленное* и *причастіе*. Въ изъявительномъ только два времени: *прошедшее совершенное*

симся до разсмотрѣній болѣе важныхъ и общеполезныхъ. Покажемъ, что сей языкъ, хорошо изученный, даетъ намъ средства лучше узнать исторію, нравы и религію Арабовъ; что онъ служитъ большою помощью для теологовъ, занимающихся Эксегетикою и духовною Критикою, и что особенно онъ драгоцѣненъ своими литературными сокровищами.

§ 1. Если занимающійся изученіемъ *Исторіи* Римлянъ или Грековъ, по нуждѣ можетъ обойтиться, не зная языковъ сихъ народовъ, пользуясь вѣрными и многочисленными переводами, то это не возможно тому, кто занимается ученымъ образомъ исторіею Арабовъ: ибо изъ тысячи историческихъ сочиненій, сохранившихся рукописями въ Европейскихъ библіотекахъ, едва-ли

и будущее; въ повелительномъ *одно*, въ неопредѣленномъ *одно*, въ причастіи *одно*. Странное дѣло — языкъ, въ которомъ нѣтъ ни *настоящаго*, ни *прошедшаго - несовершеннаго*, ни *давно-прошедшаго*, ни *сослагательнаго*, ни *условнаго*, ни *желательнаго* (optatif). Но эта бѣдность кажущаяся, а не существенная, замѣняется рѣшительнымъ богатствомъ, ибо въ каждомъ глаголѣ у Арабовъ есть 13 *спряженій* для дѣйствительнаго и почти столько же для страдательнаго, такъ что гдѣ другіе языки принуждаютъ выражаться перифразами, на Арабскомъ все это замѣняетъ одно слово. На примѣръ глаголъ *катаба*, въ первомъ спряженіи значитъ *писать*; во второмъ *заставить писать*; въ шестомъ *переписываться*, *быть въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ*; въ десятомъ *хотѣть писать* и проч. Это свойство глаголовъ Арабскихъ придаетъ разговору удивительную опредѣленность. Арабскій языкъ имѣетъ преимущество передъ Еврейскимъ въ *гласныхъ*: въ Еврейскомъ ихъ четырнадцать — одне *долгія*, другія *краткія*, третьи *самыя краткія* — въ Арабскомъ всѣхъ гласныхъ только *три*.

есть тридцать напечатанныхъ (*). Какъ-же возможно, не черпая изъ сихъ обильныхъ источниковъ, получить полное понятіе о лѣтописяхъ Аравійскаго народа? Между тѣмъ сіи лѣтописи очень достойны неповерхностнаго изученія. Онѣ также занимательны какъ лѣтописи Грековъ и Римлянъ; онѣ открываютъ передъ глазами нашими столь-же достопамятныя происшествія, столь же прекрасныя добродѣтели и столь-же великія преступленія.

На исходѣ шестаго вѣка родился въ одномъ изъ Арабскихъ поколѣній человѣкъ, геній и честолюбіе котораго были равны между собою. Магометъ рѣшился взойдти на высшую степень величія. Среди народа, въ своей семьѣ и въ обыкновенныхъ разговорахъ — онъ могущественно опровергаетъ почитаніе ложныхъ боговъ. Ему угрожаютъ, препятствуютъ, преслѣдуютъ его — предпріятіе его могло погибнуть — и тогда только, противъ воли, перемѣняетъ онъ свою систему: даетъ кинжалъ своимъ *прозелитамъ* и оканчиваетъ насиліемъ дѣло, начатое убѣжденіемъ. Мгновенно во всей Аравіи идолы низвергнуты и водворено почитаніе единаго Бога.

Неустрашимые начальники, образовавшіеся подъ его руководствомъ, продолжали исполнять начер-

(*) Книгъ, напечатанныхъ на Арабскомъ языкѣ или о языкѣ Арабскомъ и Литтературѣ было, лѣтъ за тринадцать назадъ, около 440. Изъ нихъ 130 относились къ *Ветхому* и *Новому Завѣту*, 160 къ *Грамматикѣ*, 40 къ *Исторіи* и *Географіи*, 40 къ *Поэзіи*, 25 къ *Алкорану и Магометанской вѣрѣ*, 40 къ *Медицинѣ*, *Математикѣ*, *Астрономіи* и проч. См. Шнуррера Bibliotheca Arabica и Прибавленія къ сему сочиненію, помѣщенныя Сильвестромъ де Саси въ Magasin encyclopédique, année 1814, Janvier, page 183 — 211.

манный имъ планъ. Съ непостижимою быстротою, менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ, Дамаскъ, Іерусалимъ, вся Сирія, Египетъ, Персія, покоренныя и трепещущія, смирились предъ Алкораномъ и признали законъ побѣдителя. Едва прошло восемьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Магомета, и уже послѣдователи его, властители всего сѣвера Африки и всей Испаніи — переходятъ за Пиренеи, устремляются въ сердце Франціи и разсѣявшись по долинамъ Бургони и Пуату, нѣсколько времени заставляютъ опасаться, чтобы знамя ложнаго Пророка не смѣнило Креста Истиннаго Спасителя міра. Но роскошь и нѣга, чада изобилія, скоро нашли себѣ путь ко Двору Багдадскому. Калифы, прежде столь страшные и въ битвахъ не щадившіе собственной крови — уже царствовали только посредствомъ своихъ Визирей. Призвавъ для защиты своего трона чуждыхъ воиновъ, Татаръ, столь знаменитыхъ въ послѣдствіи — они сами подкопали такимъ образомъ основаніе своей Монархіи: послѣдній Калифъ Алмостассемъ, новый Сарданапалъ, былъ зарѣзанъ безчеловѣчно. — Мы видимъ, что все, примѣчательное въ исторіи другихъ народовъ — найдется и въ исторіи Арабовъ. Кто изъ древнихъ военачальниковъ превзошелъ храбростью и великодушіемъ великаго Саладина? А царствованіе Аль-Мамуна развѣ менѣе блистательно для Литтературы, нежели царствованіе Августа или Леона X?

Нравы Арабовъ любопытны не менѣе ихъ исторіи. Нравы и привычки народа отражаются въ языкѣ его, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ. Арабы пажны, подобно языку которымъ говорятъ. Въ продолженіе пятидесяти вѣковъ они сохранили безъ измѣненія свои обычаи, нравы, одежду и во все теченіе сего

длиннаго періода времени — языкъ ихъ остался неизмѣненъ. Бедуинъ видѣлъ, какъ подобно шѣнямъ исчезали Монархіи Египта, Сиріи, Халдеи. Страшные завоеватели гремѣли на своихъ побѣдныхъ колесницахъ подлѣ его степей и едва имя ихъ дошло до него; едва слышалъ онъ волненіе походовъ Александра и сокрушеніе трона Персидскаго (*). Позднѣе, когда блистательныя завоеванія соотечественниковъ, казалось, вызывали Бедуина оставить палящіе пески его и изсохшіе кладязи — онъ всегда оставался благоразуменъ и твердъ, предпочитая всему свою бѣдность среди привольныхъ полей (**). Въ наше время, когда знаменитая экспедиція привела Французовъ на границы Аравіи, наблюдатель могъ видѣть жителя сей страны такимъ-же, какъ описываютъ его намъ древніе авторы: возмущаемый духомъ грабежа, мстительный, жестокій — и въ тоже время гостепріимный, великодушный, трезвый, привычный къ лишеніямъ всякаго рода, никог-

(*) Арабы выдержали нападенія Сезостриса, Камбиза, Антигона, Траяна и Севера — одного за другимъ — и не были покорены. См. Діод. Сиц. I, 29, 52, XIX, 731, 732; Иродота, III, 7, 88 (Фр. пер.); Ксифилина, въ жизни Траяна, и Всеобщую Исторію, перев. съ Англинскаго, томъ XIII. Не говоримъ чтобы они не испытывали пораженій: ихъ побѣждали Помпей, Діоклитіанъ и другіе полководцы Римскіе.

(**) Арабъ любитъ однѣ пустыни. „Много разъ видалъ „что если дѣла призывали Арабовъ въ городъ, они отказы„вались отъ предлагаемыхъ имъ комнатъ и оставались на „ночь среди дворовъ или садовъ. Этому причиной было со„всѣмъ не безпокойство и не недовѣрчивость. . . Они испы„тывали одно отвращеніе отъ чѣтырехъ-стѣннаго заклю„ченія и потому не хотѣли оставаться тамъ.“ Reynier, Economie publique et rurale des Arabes et des Juifs, page 24.

да неизмѣняющій довѣренности, братски-согласный со всѣми членами своего поколѣнія. И нынѣ, какъ во время Авраама, каждый отецъ семейства у нихъ судитъ своихъ домочадцовъ; сѣдые волосы въ почтеніи — старцы всегда бываютъ рѣшителями дѣлъ — такъ что слово *Шеикъ* означаетъ въ одно время, на Арабскомъ языкѣ, и *старца* и *господина*. Характеристическая черта пустынныхъ Арабовъ — находящаяся и въ языкѣ ихъ — есть страсть къ коню. У нихъ найдется тысяча различныхъ словъ для названія сего животнаго, смотря по его возрасту, цвѣту, виду, породѣ; имя коня, безпрестанно и на языкѣ ихъ и въ стихахъ. Конь — неразлучный товарищъ ихъ и другъ, единственное ихъ сокровище. Онъ раздѣляетъ съ ними воинскіе подвиги: неукротимый — стремитъ ихъ къ побѣдѣ; быстротою подобный вѣтру — избавляетъ отъ опасности въ случаѣ несчастной битвы (*).

Такъ изученіе Арабскаго языка даетъ намъ средства лучше узнать нравы народа, который

(*) Кони Арабскіе хорошей породы, называемой *Ацилъ*, удивительно вѣрны и понятливы: они слѣдуютъ за своимъ хозяиномъ какъ вѣрная собака. Если хозяинъ входитъ въ какой нибудь домъ, конь останавливается у порога и безъ привязи за уздечку простаиваетъ цѣлую ночь, ожидая своего господина. Скажу болѣе: у сихъ лошадей, какъ у собакъ, превосходное чувство обоняніе. Они чувствуютъ за нѣсколько миль слѣдъ своего хозяина. Не рѣдко случается, что если хозяинъ умеръ, конь ложится на его могилу и умираетъ съ голода, не оставляя сего мѣста. Потому-то сіи кони даже на Востокѣ стоятъ очень дорого: часто до 3000 Турецкихъ піастровъ. Это примѣчаніе взято изъ моей Anthologie arabe, page 134. Для большихъ подробностей см. Mines de l'Orient, T. III, p. 65 и слѣдующ.; Bibliotheque universelle de Genève, année 1819. Fevrier., и Майо, Les Bédouins, T. III, p. 77—84.

говоритъ симъ языкомъ. Оно также доставляетъ намъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о родѣ и духѣ Магометанской *вѣры*, предметѣ столь же любопытномъ, какъ и мало *извѣстномъ*. Не льзя повѣрить, сколько есть уклоненій, въ которыя пустились Арабы вразсужденіи вѣры. Многочисленныя секты, разногласія всякаго рода, ожесточеніе въ спорахъ, нелѣпыя вѣрованія, дѣтское суевѣріе, вѣра волшебникамъ и колдунамъ — все это находится у послѣдователей Магомета. На Востокѣ *были*, также какъ и на Западѣ, свои кіетисты, методисты, сепаратисты, свои нищіе монахи и проч. (*). Кто изъ моихъ читателей не слыхивалъ о Вехабитахъ или Вагабисахъ, сектѣ могущественной, родившейся въ Счастливой Аравіи за сорокъ съ небольшимъ лѣтъ и угрожающей нынѣ поглотить Персію и Турцію? Основатель сей секты, наслѣдникъ генія и имени Магометова, явился для возстановленія Исламизма въ его первобытной чистотѣ. Онъ не повѣрилъ чтобы Магометъ былъ вдохновенный пророкъ, отбросилъ музульманскія преданія, изгналъ украшенія изъ храмовъ. Двѣсти тысячь воиновъ подкрѣпляютъ мечемъ вѣрованіе сего преобразователя. Аравія измѣнила свой видъ. Пилигримство Каабы, суевѣрно и безпрепятственно наблюдавшееся около двухъ тысячь лѣтъ — прекратилось. Мекка и Медина, сіи священные города, были принуждены признать новую вѣру и проклинать лже-пророка, родившагося и умершаго между ними. Если Эллины, если потом-

(*) Reiske, Oratio studium arab. ling. commendans dicta anno 1748.

ки Леонида съ такою силою противустоятъ нынѣ своимъ притѣснителямъ — частію своихъ успѣховъ они одолжены ужасу, внушаемому сими послѣдователями секты, и тому противоборству, которое Порта принуждена выставлять опустошительному ихъ потоку (*).

Изучая вѣру, Исторію и нравы Арабовъ, мало помалу оставляемъ также и предразсудки, заимствованные изъ разговоровъ и даже изъ книгъ. Намъ часто говорятъ о свирѣпомъ *Омарѣ*, объ этомъ ужасномъ Калифѣ, который повелѣлъ истребить огнемъ Александрійскую Библіотеку. . . . И

(*) Для истребленія сихъ сектъ между музульманами и для обращенія сыновъ Магомета къ ученію Святаго Евангелія, въ наше время безпрестанно посылаются на Востокъ ревностные миссіонеры, исполненные смѣлости и самоотверженности. Впрочемъ ихъ усилія рѣдко увѣнчаваются прочнымъ успѣхомъ, потому большею частію, что посылаемые худо знаютъ языкъ тѣхъ народовъ, которымъ проповѣдуютъ, и не могутъ читать Алкорана въ подлинникѣ, почему и нападаютъ часто на ученія небывалыя и на вѣрованія, которыхъ и магометане не принимаютъ. Соглашаемся, что въ Алкоранѣ заключаются законы нелѣпые, дѣтскіе, безнравственные; но ученые Востока умѣли въ своихъ толкованіяхъ и изъясненіяхъ искусно прикрыть сіи смѣшныя мѣста и дать имъ нѣкоторую тѣнь вѣроятности. Сіи-то изъясненія должно-бъ было миссіонерамъ изучать тщательно, чтобы съ нихъ начинать свои опроверженія. Все это требуетъ глубокаго знанія языка Арабскаго — но большая часть благочестивыхъ путешественниковъ презираютъ его. Довольствуясь большимъ распространеніемъ книгъ Священнаго Писанія, они не заботятся о главномъ дѣйствователѣ и первомъ условіи: языкѣ. Не въ силахъ будучи разсуждать съ учеными людьми о самыхъ основаніяхъ, они не могутъ произвести важнаго дѣйствія. Ихъ проповѣдываніе или лучше сказать самое ихъ путешествіе, также бѣглы какъ сонъ. См. Фиметти Trattato della lingua Ebraica e sue affini, p. 167 и 168; Пэртиера, Observations sur les Turcs, chap. IV, p. 66 и 67.

между тѣмъ Омаръ былъ государь кроткій, умѣренный, благодѣтельный, простой въ нравахъ, любимый всѣми, кто къ нему приближался. Если дѣйствіе, за которое укоряютъ его, истинно — оно показываетъ только невѣжество и фанатизмъ вѣка (*). О Магометѣ говорятъ какъ о *невѣждѣ*, который не умѣлъ ни читать, ни писать. . . . Но, *извѣстно*, что онъ принадлежалъ къ просвѣщеннѣйшему, знаменитѣйшему изъ поколѣній Арабскихъ. Онъ долго путешествовалъ по сосѣдственнымъ землямъ, торговалъ съ образованными народами Сиріи, спрашивалъ священниковъ и ученыхъ, и былъ ученъ, сколько можно было въ его время научиться (**). Говорятъ о знаменитой гробницѣ Магомета въ Меккѣ — а лже-пророкъ былъ похороненъ въ Мединѣ, тамъ-же, гдѣ онъ и умеръ. Говорятъ о *восточномъ* деспотизмѣ, какъ необузданномъ и безграничномъ, то есть такомъ деспотизмѣ, который не полагаетъ никакихъ законовъ уголовныхъ

(*) Не смотря на уважаемые авторитеты, и особенно Ренодо, Гиббона, Виллуазона, Сентъ-Круа, Гейне, К. Рейнарда и Сисмонди, кажется, достовѣрно для тѣхъ, кто учился Исторіи Арабской въ самыхъ ея источникахъ, что Библіотека Александрійская дѣйствительно была предана пламени; но и то достовѣрно съ другой стороны, что во время сего пожара Библіотека была уже въ большомъ упадкѣ прошивъ прежняго своего блестящаго состоянія, и что подробности, сообщаемыя Арабскими историками о *безчисленномъ* множествѣ книгъ, тогда истребленныхъ — суть восточное увеличеніе.

(**) Искуство *писать* было уже извѣстно въ это время у Арабовъ, хотя вообще оно еще мало тогда распространилось. См, *Покока*, Carmen Tograï, предисловія стр. 9.— Сильвестръ де Саси думаетъ, что Магометъ научился читать уже не въ молодыхъ лѣтахъ. Biographie universelle, статья *Магометъ*, стр. 2.

и гражданскихъ, въ которомъ всѣ рѣшенія предоставлены прихотямъ судей и Султана . . . Пусть прочитаютъ въ Алкоранѣ главу: *Женщины* — и увидятъ, съ какою опредѣленностью законодатель назначилъ порядокъ послѣдованія въ семействахъ и обезпечилъ достояніе частныхъ людей противъ покушеній властителя (*). Но возможно-ли исчислить всѣ подобныя предубѣжденія (**)?

§ II. Если изученіе Арабскаго языка полезно ученымъ — оно совершенно необходимо теологамъ, занимающимся Эксегетикою и разсмотрѣніемъ священныхъ книгъ. Въ Еврейскомъ и Арабскомъ языкахъ — такъ сказать, дѣтяхъ одного семейства — слова часто изъясняются взаимнымъ сличеніемъ. Ветхій Завѣтъ, не сохранившійся, какъ извѣстно, на Еврейскомъ языкѣ, представляетъ множество выраженій *ἅπαξ λεγόμενα*, то есть такихъ, которыя встрѣчаются одинъ разъ во всемъ Священномъ Писаніи. Сіи выраженія не всегда могутъ быть изъяснены общностію фразы и потому здѣсь необходимо должно прибѣгать къ пособію языка

(*) Порперъ, Observations sur les Turcs, chap. V.

(**) О многоженствѣ говорятъ какъ о всеобщемъ обычаѣ на Востокѣ, какъ о правѣ, которымъ всякій пользуется безъ ограниченія. Но многоженство ясно запрещено бѣднымъ людямъ, и богатый можетъ имѣть неболѣе четырехъ женъ. — Говорятъ объ Аравійскомъ *золотѣ* — а нынѣ его вовсе нѣтъ въ сей странѣ. — Говорятъ о Моккскомъ кофе и вообще думаютъ, что кофе собираютъ на землѣ, принадлежащей городу Моккѣ. Это заблужденіе. Мокка — портъ при Чермномъ морѣ, гдѣ грузятъ кофе, получаемый изъ Бенишъ-ель-Факиха, города, отстоящаго на 35 миль отъ Мокки. Земля вокругъ Мокки не только неспособна производить кофе, но, можетъ быть, есть самая сухая и безплодная страна изъ всего Іемена.

Арабскаго, въ которомъ содержатся почти всѣ корни Еврейскаго, и разсматривать, соглашается-ли извѣстный смыслъ Арабскаго слова съ неизвѣстнымъ словомъ Ветхаго Завѣта?

Но не только въ семъ случаѣ Арабскій языкъ можетъ явить услуги свои теологу. Халдейское преложеніе Ветхаго Завѣта, называемое *Таргумъ*, преложеніе древнее и достойное вниманія, исполнено Арабизмами, Арабскими оборотами, Арабскими словами. Въ Комментаріяхъ Раввиновъ заключаются, на каждой страницѣ, объясненія, взятыя изъ Арабскаго языка. Наконецъ Арабскіе переводы Ветхаго Завѣта совершенно потеряны для того, кто не читаетъ ихъ въ оригиналѣ.

Сіи разсужденія были столь уважены двумя знаменитыми гебраистами шестнадцатаго вѣка, *Тремелліемъ* и Юніемъ, что будучи готовы переводить Ветхій Завѣтъ, они рѣшились выучиться по-Арабски — такъ были они убѣждены, что безъ сего предварительнаго знанія они будутъ останавливаться на *каждой* фразѣ въ своемъ трудѣ. — Ученый оріенталистъ *Рейске* также увѣряетъ, что въ библейской Эксегетикѣ хорошій Арабскій словарь поможетъ гораздо болѣе, нежели всѣ возможные комментаріи.

Знаніе Арабскаго языка, объясняя слова и текстъ Ветхаго Завѣта бросаетъ также яркій свѣтъ на самыя дѣйствія и подробности, содержащіяся въ сихъ книгахъ, потому что нравы Арабовъ близки къ нравамъ древнихъ Евреевъ. На примѣръ, не будутъ удивляться, видя Самсона на великомъ празднествѣ предлагающаго *загадку* (Судей XIV, 12), когда узнаютъ, что тотъ-же обычай существуетъ

на Востокѣ и нынѣ, и что того не почтутъ тамъ отлично умнымъ человѣкомъ, кто не умѣетъ ловко и остроумно разрѣшать загадокъ.

Такихъ примѣровъ я могъ-бы привести множество. Я могъ-бы также, для большаго убѣжденія въ важности Арабскаго языка, упомянуть, сколько терминовъ и словъ въ нынѣшнихъ языкахъ заимствовано изъ него; я могъ-бы доказать, что въ Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ половина словъ чисто Арабскія; что Испанскій, Италіянскій, Ново-Греческій и самый Французскій языкъ, содержатъ въ себѣ множество словъ Арабскихъ — но болѣе важныя отношенія привлекаютъ вниманіе читателя (*).

§ III. Литература Арабская заключаетъ въ себѣ сокровища, изъ коихъ большая часть, зарытая между манускриптами библіотекъ, остается неизвѣстною и безплодною. Всего болѣе Арабы занимались *Поэзіею*, *Исторіею* и *Романами*.

Вкусъ къ Поэзіи у нихъ врожденный: разительные слѣды его находимъ въ самой глубокой древности. За много вѣковъ до Магомета, въ каждомъ спѣшномъ поколѣніи Арабовъ были свои поэты, состязавшіеся за пальму первенства въ Поэзіи. Всякій годъ бывало торжественное собраніе для слушанія состязавшихся и рѣшенія побѣды между ними. Послѣ сего поэму побѣдившаго вѣшали въ храмѣ Каабскомъ и авторъ ея получалъ великолѣпныя почести. Его поколѣніе, гордое симъ тріумфомъ,

(*) Изъ Французскаго языка можно привести слѣдующія слова, происходящія отъ Арабскаго: algèbre, almanach, truchement, aiezan, talisman, alcade, alguazil, amiral, amulette, chiffre, divan, gazelle, matelas, mesquin, minaret, musc, mosquée, tarif, cid, ramadan и проч. и проч. и проч.

праздновало, какъ древле въ Греціи, день торжества и радости; передъ нимъ шли съ свирѣлями и барабанами, украшали его жилище самыми пышными убранствами и благословляли его, какъ человѣка, который владѣетъ языкомъ во всей чистотѣ, который неприкосновенно сохранилъ поколѣнія предковъ своихъ и предалъ безсмертію подвиги своихъ соотечественниковъ (*). Съ помощію такихъ-то ободреній у Арабовъ во всѣ времена являлись отличные поэты. Впрочемъ они не упражнялись, подобно Грекамъ и Римлянамъ, во всѣхъ родахъ Поэзіи. Предавшись единственно роду Лирическому, Сатирическому и Элегическому, они никогда не занимались Трагедіею, Комедіею и Эпопеею. Возвышенные въ своихъ воинственныхъ гимнахъ, томительные въ пѣсняхъ любви, они также совершенны и въ сатирѣ. Ихъ эпиграммы есть бичъ раздирающій: это пламенное, язвительное перо Буало или Ж. Батиста Руссо (**).

(*) Арабы были скупы на подобныя изъявленія радости. Историкъ Желалъ-Эддинъ говоритъ, что сіи празднества бывали только въ трехъ торжественныхъ случаяхъ: 1-е, при рожденіи дитяти мужескаго пола, 2-е когда поэтъ отличался въ своемъ поколѣніи и 3-е, когда кобылица приносила жеребенка хорошей породы. — Пококъ, Carmen Tograi, предисловія стр. 15.

(**) Въ Арабской Поэзіи были свои измѣненія, свои эпохи величія и упадка. Золотой вѣкъ продолжался отъ древнѣйшихъ временъ до Магомета. Поэтическій вѣнокъ сего вѣка составляютъ: Гамаза, семь Моаллакашъ и самый Алкоранъ, писанный прозою съ риѳмами и на Востокѣ почитаемый образцомъ краснорѣчія и поэзіи. Серебряный вѣкъ начинается во время Калифовъ Абассидовъ, около 750 года христіянскаго лѣтосчисленія, и оканчивается въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Желѣзный вѣкъ продолжается отъ сей эпохи до нашихъ дней. Michaelis, Arabische Grammatik, предисловіе, пп.

Предоставить сравненіе Поэзіи Арабской и Греческой чрезвычайно трудно и преимущество всегда останется на сторонѣ послѣдней. Поэты Арабскіе слишкомъ часто лишены простоты, естественности и непринужденности; напротивъ, сими качествами Греки блистаютъ въ высочайшей степени. Арабы обременяютъ свои произведенія фигурами, сравненіями, метафорами, любятъ остроумничать, гоняются за эффектомъ, хотятъ насильно поражать неожиданными чертами; — и ничего этого нѣтъ у Грековъ. У нихъ все сближается къ изящной природѣ (?), все у нихъ *добродушное выраженіе* чувствъ, и если они употребляютъ также образы, то единственно для большаго развитія своей мысли. Арабы изобилуютъ гиперболами, изыскиваютъ выраженія самыя малоизвѣстныя, любятъ обороты самые затруднительные и загадочные, какъ-бы стараясь привести въ недоумѣніе умъ читателя; Греки,

---

изд. стр. 34-51. Но хотя нынѣшніе Арабы не одарены талантами и воображеніемъ своихъ предковъ, однакожь они сохранили непобѣдимую любовь къ Поэзіи. Послѣ коней своихъ, Бедуины любятъ болѣе всего на свѣтѣ стихи. Никто изъ нихъ не умѣетъ писать, и всѣ умѣютъ сочинять стихи. Молодыя дѣвушки, мальчики, даже дѣти импровизируютъ стихи, какъ скоро старики покажутъ имъ правила размѣра и риѳмъ. Ихъ разговоры, ихъ самыя простыя сочиненія, всегда перемѣшаны со стихами. Майо, Les Bédouins ou Arabes du désert, t. III. p. 190-194. Въ Арабскомъ текстѣ, *Тысяча и одна ночь* украшена удивительнымъ множествомъ стиховъ, которые Галланъ полѣнился перевести и тѣмъ отнялъ у своего труда много красы и оригинальности. Авторъ сего отрывка собралъ многія изъ сихъ неизвѣстныхъ стихотвореній въ своей *Арабской Антологіи*, изданной имъ въ 1819 году.

напротивъ, изгоняютъ надутость, увеличеніе и тщательно избѣгаютъ неясностей (*).

Въ слѣдующемъ отдѣленіи нашего разбора мы представимъ подробное извѣстіе о трудѣ Г. Гарсеня де Тасси и въ немногихъ словахъ окончимъ бѣглый обзоръ литтературныхъ богатствъ, которыми обладаютъ Арабы.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

(*) Неясность въ Арабской Поэзіи, вѣроятно, заимствуетъ отъ самой природы ея версификаціи. Вотъ почему: у нихъ есть *риема*, но она не измѣняется при каждомъ второмъ стихѣ, какъ у насъ (Французовъ), а остается одна и таже во всей Поэмѣ, такъ, что случается видѣть отрывки во 100 или въ 200 стиховъ — на одну риему. Такимъ образомъ поэтъ, принужденъ, для приисканія риемъ, ломать голову, мучить разсудокъ свой и ставить въ концѣ стиховъ слова самыя странныя, выраженія самыя отвлеченныя и неожиданныя. При такой системѣ версификаціи Арабская Поэзія необходимо должна быть темнѣе и труднѣе всякой другой. Турки и Персіяне приняли сложеніе Арабскаго метра, но въ продолжительныхъ Поэмахъ они ввели разнообразіе риемъ и слѣдовательно сбросили иго неудобное и нелѣпое. Вотъ отъ чего у Персіянъ есть много Поэмъ Эпическихъ и Героическихъ, заслуживающихъ особенное вниманіе — и напротивъ, у Арабовъ, какъ уже сказано выше — совсѣмъ ихъ нѣтъ. У нихъ существуютъ только Поэмы Дидактическія, очень холодныя и скучныя, въ которыхъ толкуется о *Риторикѣ*, о *Метрахъ*, о *Грамматикѣ*, *Ариѳметикѣ*, *Юриспруденціи* и проч. и которыя, будучи съ начала до конца унизаны техническими терминами, очень походятъ на тѣ *книги* въ родѣ *Поэмъ объ Исторіи и Географіи*, которымъ въ иныхъ школахъ учатъ воспитанниковъ.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1825.

170. *Полное Историческое, Медико-Топографическое, Физико-Химическое и Врачебное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ*, сочиненное Александромъ Нелюбинымъ, Докторомъ Медицины, Ординарнымъ Профессоромъ при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи, Членомъ Медицинскаго Совѣта, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ. Спб. 1825. in 8. въ 2 частяхъ, XVI, 671 и VIII стр. съ рисунками и таблицами.

Сія книга, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи, въ 1825 году. Кавказскія цѣлебныя воды обратили нынѣ всеобщее вниманіе. Число посѣтителей сихъ водъ каждогодно умножается. Несомнительная польза для здоровья, удобство для отправленія на оныя и живописныя, чудныя красоты природы Кавказской привлекаютъ людей всякаго званія. Богатство благодѣяній природы умножается тамъ безпрерывно или новыми открытіями въ свойствахъ водъ или открытіемъ новыхъ источниковъ. Но то неоспоримо, что при свойственномъ всякому человѣку желаніи здоровья, надобно благоразумное руководство Медицины, которое показывало-бы путь для достиженія къ цѣли этого желанія. Не говоримъ о людяхъ, готовыхъ лечиться, хотьбы залечиться. *Мнимый-больной*, Мольера, не выдумка и всякій изъ насъ вѣроятно встрѣчалъ людей, которые готовы пить всѣ въ свѣтѣ микстуры, глотать какія угодно пилюли и ѣздить на всѣ въ

свѣтѣ воды, для того только чтобы имѣть наслажденіе лечиться. Такимъ людямъ нужды мало знать о существѣ лекарства: было-бы лекарство — и они довольны! Не говоримъ и о тѣхъ, которые на воды ѣздятъ какъ за городъ, погулять, повеселиться. Но обращаясь къ людямъ, которые точно страдаютъ и хотѣли-бы исцѣлиться отъ дѣйствительной болѣзни, мы повторяемъ, что они не должны почитать никакихъ цѣлительныхъ водъ *все исцѣляющими* и знать напередъ: свойственно-ли ихъ болѣзни употребленіе тѣхъ или другихъ водъ? Кромѣ того, должно имъ принимать разныя предосторожности, какъ въ приготовленіяхъ къ дорогѣ, такъ въ самой дорогѣ. Неосторожность или незнаніе могутъ не только разрушить все благодѣтельное дѣйствіе леченія водами, но даже имѣть вредныя слѣдствія. До сихъ поръ не имѣли мы полнаго и подробнаго описанія Кавказскихъ водъ и описанія всѣхъ подробностей, къ онымъ относящихся. Книги, изданныя ГГ-ми Гасомъ Цеэ, Конради, были далеко *неудовлетворительны*. Г Нелюбинъ, отправленный отъ Медицинскаго Совѣта въ 1823 г. для подробнаго обозрѣнія Кавказскихъ цѣлебныхъ водъ, кажется, удовлетворилъ всякаго читателя. Онъ прожилъ на Кавказѣ цѣлое лѣто, входилъ въ Медицинскія, Топографическія, Физическія и Химическія подробности и потомъ издалъ описаніе водъ, къ чему присовокупилъ множество любопытныхъ наблюденій.

Книга Г. Нелюбина неокончена. Онъ обѣщаетъ издать еще три части. Въ изданной первой, огромной части, раздѣленной на двѣ книги, находится все главное и необходимо нужное. Далѣе помѣстится, кажется, обозрѣніе болѣзней, начатое во 2-й

книгѣ, гдѣ съ 347 по 602 стр. описаны болѣзни, лечимыя сѣрными Кавказскими водами.

Не можемъ судить о книгѣ Г. Нелюбина касательно исправности его описаній: это должно повѣрить на мѣстѣ. Излагать содержаніе книги почитаемъ излишнимъ, ибо сочиненіе Г. Нелюбина не принадлежитъ къ тѣмъ книгамъ, о которыхъ можно судить по извлеченію: она сначала до конца состоитъ изъ отдѣльныхъ и многосложныхъ статей, которыя вмѣстѣ составляютъ общее, раздѣляясь на *Исторію Кавказскихъ водъ, геогностическо-топографическое описаніе онымъ, химическое разложеніе, сравненіе съ извѣстными въ Европѣ водами, описаніе способовъ леченія, описаніе 91 болѣзни, лечимыхъ сѣрными водами, наконецъ діэтетику, какую наблюдать должны больные.* Къ тому приложены по мѣстамъ необходимыя свѣдѣнія, какъ-то: о пути, объ удобствахъ на мѣстѣ и проч. Въ подробностяхъ нѣтъ недостатка и вообще Г. Нелюбина скорѣе можно упрекнуть въ излишествѣ подробностей, нежели въ недостаткѣ. Такъ на примѣръ: исторія и простая топографія водъ занимаютъ у него 91 стран.; къ сему же отнесть можно стр. на 30, описаніе объ употребленіи бань древними народами и т. п. — Желательно, чтобы искусный и трудолюбивый врачъ взялъ на себя трудъ повѣрить все что касается до Медицины или Паѳологіи въ книгѣ Г. Нелюбина, чтобы и мѣстности имъ означаемыя были также повѣрены и чтобы онѣ времени до времени издаваемы были отдѣльными книжками или посредствомъ журналовъ *Лѣтописи Кавказскихъ водъ*, гдѣ были-бы помѣщаемы новыя тамошнія от-

крытія вообще, практическія наблюденія надъ больными и проч. Мы сами имѣли случай удостовѣриться въ необходимости частаго возобновленія извѣстій о разныхъ учрежденіяхъ, повѣряя на мѣстѣ описанія Липецкихъ водъ.

Замѣтимъ, касательно описанія объ употребленіи купаньевъ и бань, помѣщеннаго въ началѣ 2 й книги, что бани Грековъ и Римлянъ описаны Г-мъ Нелюбинымъ невѣрно и неточно: надобно было или не писать ничего или справиться въ хорошихъ Антикварскихъ сочиненіяхъ. Онъ говоритъ на примѣръ, что Thermae, Латинское названіе бань, произошло отъ города Терма, а напротивъ извѣстно, что оно происходитъ отъ Греческаго *θερμός* (горячій, теплый). На стр. 223 читаемъ, что у Римлянъ не только до республики, но и во время республики не было публичныхъ бань, а на стр. 224, что Тарквиній Прискъ учредилъ первыя публичныя бани. Чему-же вѣрить? Гдѣ нашелъ также Сочинитель извѣстіе, что воины Олега и Игоря купались въ Черномъ морѣ? Можетъ быть они и купались, но въ лѣтописяхъ это не записано, а если пошло на предположенія, то еще до Чернаго моря они могли купаться въ Балтійскомъ морѣ.

171. *Искуство жить*, издаваемое В. Филимоновымъ. Спб. 1825. in 16. 20 и 70 стр.

Въ названіи книги сдѣлана ошибка, которая съ четвертой строки заставила Г-на Ф. противорѣчить самому себѣ. Не льзя понять: какъ могъ Г-нъ Ф. написать *Искуство жить*, ибо жизнь не-есть произведеніе человѣка, и какъ могъ онъ притомъ *издать Искуство*? Въ четвертой строкѣ, Иску-

ство Г-на Ф. превращается въ *Науку* (*). Оставляемъ ошибку Автора и разсматриваемъ самый предметъ.

Можетъ-ли быть отдѣльная отъ другихъ *Наука* жить? Если есть *предметъ*, можетъ быть и *Наука* его. Человѣкъ есть, Человѣкъ живетъ, слѣдственно, можетъ быть и Наука жизни его. Идея кажется столь проста и столь удобоприводима въ систему! Но идеи самыя простыя суть идеи самыя сложныя и сколь понятны онѣ кажутся намъ по *простому понятію*, столь-же трудны бываютъ онѣ, если мы хотимъ подвергнуть ихъ *отвлеченному созерцанію*. *Почему* дважды два точно четыре, столь-же нелегко вывесть изъ умозрѣнія, сколь легко *понять*, что дважды два составляютъ четыре. Такъ и *жизнь человѣческая*, предметъ самый всеобщій, самый простой, есть предметъ самый величайшій и отвлеченный. Понимаемъ, что онъ можетъ составлять Науку; но разсмотрѣвъ, видимъ что сія Наука обниметъ весь міръ знаній нашихъ. Съ этимъ согласится и не-Философъ, если разсудитъ, что Наука требуетъ полнаго обзора предмета ея, постиженія его сущности, познанія его исторіи и изъ всего этого слѣдующихъ выводовъ, которые вполнѣ удовлетворили-бы всѣ посылки возникающія изъ созерцанія предмета; изъ законовъ отъ человѣка независимыхъ образовали-бы зависимыя отъ человѣка правила, которыя должны *составить Науку*. Послѣ сего ясно, что для *Науки жить*, потребно прежде всего опредѣленіе слова: *жизнь*. Оно ведетъ къ *познанію человѣка*. Но не

(*) „Какую *Науку* предпочтительно уважалъ Сократъ? Ту, которая *научаетъ* жить.“ Эпиграфъ *Искусства* жить.

льзя познать его, не разсмотрѣвъ во всѣхъ отношеніяхъ? — Человѣкъ со стороны внѣшней; Человѣкъ со стороны внутренней. Для сего потребно познаніе Природы — и такимъ образомъ весь міръ знаній человѣческихъ входитъ въ то великое знаніе, которое достойно и справедливо могло-бы несть названіе *Науки жизни.*

Но, возразятъ намъ, знаніе жить должно быть необходимо простое, ибо оно обще для всѣхъ. Согласны; мы уже сказали, что самые простые результаты есть слѣдствіе многотруднѣйшихъ изслѣдованій. Мы говоримъ о Наукѣ жить. Спрашивается: о какой жизни говорятъ намъ? Посмотрите на многоразличіе, на безчисленное множество отношеній человѣка; противорѣчій въ понятіяхъ, въ мнѣніяхъ и поступкахъ; на заблужденія ума, воли и чувствъ его; преступленія отъ сего проистекающія. Можете-ли составить какія нибудь правила изъ сего безчисленнаго противорѣчія и смѣшенія, пока не будетъ объемъ вашего мысленія всеобъемлющъ, умозрѣнія ваши доведены до высочайшей степени отвлеченія, познанія коснутся полноты разнообразія и сведутъ его въ единство? Безъ этого вы никогда не рѣшите загадки счастія человѣческаго, не составите *Науки* жить — и вотъ почему можетъ быть, донынѣ ни одинъ Философъ не осмѣлился еще на изложеніе сей Науки въ полномъ ея развитіи и приложеніяхъ, ибо для сего потребно полное развитіе всѣхъ знаній, а оно еще не совершено.

Но какъ умъ человѣческій, стремясь къ общему объему и являясь въ нѣкоторыхъ Философахъ въ высокомъ единствѣ самопознанія всеобщаго, въ то

же время является въ безконечномъ разнообразіи или частностяхъ, то во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были Философы, занимавшіеся отдѣльными частями Науки жить, если мы примемъ за части собственно сей Науки, политическія знанія и практическую Философію, какъ Науки, показывающія законы жизни цѣлыхъ народовъ и законы жизни каждаго человѣка.

Не разсматривая многочисленныхъ твореній по симъ Наукамъ, можемъ сказать положительно, что въ нихъ не найдемъ мы полнаго и совершеннаго рѣшенія нашимъ требованіямъ. Это предположеніе подтверждается опытомъ. Разсмотрите все что писано донынѣ касательно нравственнаго и политическаго быта человѣка — сколько противорѣчій (не говоримъ уже, сколько нелѣпостей)! Между тѣмъ, безпристрастнымъ разсмотрѣніемъ убѣждаемся, что умъ человѣческій идетъ впередъ; что каждый вѣкъ приноситъ новыя свѣдѣнія, новыя открытія для усовершенствованія человѣка и отъ древнѣйшихъ временъ до нашего вѣка можемъ видѣть и означить постепенность возвышенія ума. Разумѣется, что постепенности сей должно искать въ твореніяхъ великихъ людей, занимавшихся самою высокою степенью Философіи — отвлеченнымъ созерцаніемъ природы и человѣка. Между тѣмъ люди, отдѣльно посвящавшіе себя частнымъ изслѣдованіямъ природы и человѣка, заслуживаютъ нашу благодарность, если они не думали строить системъ для цѣлаго на частностяхъ. Гершель, открывшій нѣчто въ неизмѣримости вселенной; Циммерманъ, старавшійся объяснить прелесть уединенія; Адамъ Смитъ, понявшій основанія матеріальнаго богатства

народовъ; Франклинъ, собственнымъ примѣромъ показавшій обязанности человѣка и гражданина, и учившій людей беречь время, достойны признательнаго воспоминанія. Всѣ они были споспѣшествователями въ частностяхъ Науки жить.

Но всегда являлись люди, или съ добрымъ намѣреніемъ, или съ умысломъ не-совсѣмъ чистымъ, хотѣвшіе показать людямъ Науку жизни вполнѣ. Ни одинъ изъ сихъ мнимыхъ и истинныхъ Философовъ не могъ достичь своей цѣли, ибо каждый изъ нихъ основывалъ предположенія свои на частностяхъ, которыя въ примѣненіи къ общему не могли удерживаться ни въ практикѣ, ни въ теоріи и должны были разсыпаться какъ зданія, на пескѣ основанныя. Въ младенчествѣ ума человѣческаго былъ мудрецъ великій, хотѣвшій ограничить умъ и волю человѣка нѣсколькими нравственными правилами. Мы говоримъ о Сократѣ. Его ученіе, хотя возвышенное и чистое, не могло удержаться и удовлетворить человѣка; но неудачный опытъ сего великаго человѣка не остановилъ другихъ, подобно Сократу сооружать зданіе цѣлаго на частномъ.

Недостаточность Сократовой Философіи доказываютъ заблужденія, въ какія вдались ученики его, не хотѣвшіе удалиться отъ ограниченнаго круга, въ который заключилъ Философію Сократъ и желавшіе притомъ, вполнѣ удовлетворить всѣ вопросы о жизни и счастіи человѣка. Кромѣ Платона, вознесшаго Философію къ высокимъ умозрѣніямъ, всѣ ученики Сократа оставили намъ память неудачныхъ, самовольныхъ систематиковъ, не болѣе.

Однакожь, если когда нибудь можно было думать о составленіи Науки жить, то конечно

въ наше время, когда мы такъ живо чувствуемъ всю необходимость сей Науки и когда умъ человѣческій прошелъ столь долговременную школу опытовъ, искусился въ разысканіяхъ достойныхъ его величія; когда гордая воля человѣка покоряется Божественной Вѣрѣ откровенной Создателемъ вселенной; когда горестные опыты показали намъ бѣдственныя послѣдствія Философіи, основанной на сбивчивыхъ понятіяхъ частнаго. Не хотѣлъ-ли Г-нъ Ф. принять на себя исполненіе великаго труда, огромностію своею устрашавшаго всѣхъ донынѣ бывшихъ мыслителей?

Г-нъ Ф. сказалъ въ объявленіи, которое напечатано было въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, что книга его есть *нѣсколько-лѣтній* (?) его трудъ. »Пора,« прибавилъ онъ, »пора предлагать Русскимъ читателямъ такія на Русскомъ языкѣ книги, которыя точно питали-бы душу, пробуждали въ ней высокія понятія о главныхъ предметахъ жизни, мирили ее съ неотразимыми ударами *рока* (?) и напоминали Божественное ея предназначеніе.«

Послѣ сего столь громкаго объявленія, изъ котораго иному покажется, что Г. Ф. *первый* вздумалъ предлагать соотечественникамъ своимъ книги *питающія душу* и проч. и проч., съ какими лестными надеждами взяли мы *Искусство жить* — »небольшое« — какъ сказано было въ вышеупомянутомъ газетномъ объявленіи, »но избранное на Русскомъ языкѣ *книгохранилище* (?) для людей всякаго званія.« Мы вообразили, что Г. Ф. представитъ намъ рѣшеніе великихъ вопросовъ о существѣ человѣка, изъяснитъ изъ того понятіе о счастіи *здѣшняго*

міра, покажетъ цѣль нашего бытія и представитъ правила или законы, которымъ слѣдуя, мы согласимъ всѣ противорѣчія наши, достигнемъ благополучія, счастія — этого существа, которое многіе очень спокойно называютъ мечтою; словомъ: что мы изъ книги Г. Ф. — *научимся жить* — важное, великое дѣло, которое могло-бы поставить имя Г. Ф. между именами величайшихъ древнихъ и новыхъ Философовъ!

Первый взглядъ на книгу уже уменьшилъ наши надежды. Маленькая брошурка, въ шестнадцатую долю листа, въ которой всего 45 листочковъ, изъ которыхъ *двенадцать* заняшо названіями, оглавленіями, газетнымъ объявленіемъ (*), которое, Богъ знаетъ для чего, Г. Ф. помѣстилъ въ началѣ *книги*: остается 33 листочка на изложеніе *перваго отдѣленія* Искуства жить, перваго, слѣдственно, важнѣйшаго. Это что-то похоже краткостію своею на библіотеку Царя Индійскаго, которую возили на нѣсколькихъ верблюдахъ, а умный Визирь помѣстилъ на одномъ листочкѣ (**)! Во

(*) Стр. 1-я, названіе: *Искуство жить*, *изд. В. Ф.*; 2 я опять названіе: *Искуство жить*; 3 я посвященіе; 4 я, 5 я, 6я газетное объявленіе о книгѣ; 7 я еще названіе: *Искуство жить*. 1. *Счастіе*; стр. 8-я еще названіе: *Счастіе*, и проч. Къ чему это? Журналисты справедливо замѣтили нѣкогда Г-ну Ф., что въ Сочиненіяхъ его, изданныхъ въ 1822 г., въ Москвѣ, слишкомъ много названій, заглавій, оглавленій и примѣчаній, ибо они составляли ни болѣе, ни менѣе, какъ *четвертую долю* книги!!

(**) Г-нъ Ф., какъ мы видѣли, и называетъ свою книгу *книгохранилищемъ*. Вотъ его собственныя слова: „Искуство жить *заключается* (развѣ: *будетъ состоять* или *будетъ заключаться*) въ восьми книжкахъ: онѣ составятъ *для людей всякаго званія не большое, но избранное на Рус-*

Франціи выходятъ безпрестанно красивые, маленькіе курсы, въ которыхъ играя, шутя учатъ всему, отъ Философіи и Политической Экономіи до Поваренаго искуства. Не уже-ли и Г. Ф. рѣшился подарить насъ подобнымъ курсомъ Искуства жить? Но его слова, его мысли о наставшей порѣ для изданія книгъ питающихъ душу! . . .

Прочитавъ предисловіе книги, мы увидѣли, какъ сильно ошиблись въ своихъ надеждахъ. Г. Ф. вопервыхъ извѣщаетъ насъ, что *въ Россіи есть люди читающіе по-Русски* — Новость! Пошомъ объявляетъ, что всѣ *великіе писатели, просвѣтители міра* раздѣляются на два разряда, изъ которыхъ одинъ разрядъ по ближайшему спасительному вліянію на жизнь человѣческую, можетъ назваться разрядомъ *друзей человѣчества*. Сюда причисляетъ Г. Ф. *Дроза, Циммермана, Шаррона, Франклина и подобныхъ имъ*. Вслѣдъ за симъ объявляется, что Г. Ф. издаетъ извлеченіе изъ сочиненій сихъ писателей; это извлеченіе называетъ онъ *Искуствомъ жить* и въ первой книжкѣ предлагаетъ извлеченіе изъ книги Дроза: Essai sur l'art d'être heureux.

Какъ! При нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія Г. Ф. говоритъ это не шутя? Послѣ того, что самъ Г. Ф. сказалъ о порѣ для изданія книгъ, открывающихъ человѣку великія истины; послѣ его упоминанія о великихъ писателяхъ, просвѣщителяхъ

сколь языкъ книгохранилище." — Мы называемъ книгохранилищемъ комнату, нѣсколько комнатъ, или зданіе, гдѣ хранятся книги и не понимаемъ, какимъ образомъ восемь книжекъ Искуства жить составятъ — *Книгохранилище!!*

міра; послѣ того какъ мы ждемъ, что его Искуство жизнь представитъ намъ высокія понятія о главныхъ предметахъ жизни, напомнитъ душѣ человѣка Божественное ея назначеніе, онь выставляетъ намъ за великихъ писателей, просвѣтителей міра, болѣе всѣхъ дѣйствовавшихъ на жизнь человѣческую — Франклина, написавшаго нѣсколько маленькихъ пьесъ о разныхъ подробностяхъ въ частной жизни, скептика Шаррона, Циммермана, написавшаго довольно скучную въ подробностяхъ, но по цѣли весьма полезную книгу? И на ряду съ сими, хотя невеликими мыслителями и невеликими просвѣтителями міра, но полезными писателями, Г. Ф. ставитъ Дроза, изъ розовой Философіи котораго дѣлаетъ вышяжку для первой книжки своей, не надѣясь, чтобы другой великій писатель, изъ всѣхъ донынѣ существовавшихъ въ мірѣ, могъ представить что нибудь превосходнѣе? О! это *шутка!*

Но для чего однакожь Г. Ф. ввелъ насъ въ заблужденіе замысловатымъ названіемъ книги? Если-жь онъ въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ, какъ говоритъ въ предисловіи, то мы не понимаемъ....

Излишне было бы излагать сущность вообще Французской Философіи. Французы не знали и донынѣ не знаютъ истинной Философіи. Замѣнивъ нѣкогда нелѣпую Схоластику Скептицизмомъ, который впалъ въ грубый матеріализмъ, они увидѣли наконецъ нелѣпость матеріализма и нынѣ начинаютъ только понемногу достигать истины. Но мыслить необходимо человѣку. Послѣ Французской революціи, когда матеріализмъ ужаснулъ всѣхъ, по-

явилось во Франціи множество небольшихъ неутральныхъ и всякихъ системъ Философскихъ, если подобныя системы заслуживаютъ имя Философскихъ. Въ числѣ ихъ явилась и Дрозова система. Но Дрозъ никогда не думалъ попасть въ число *великихъ писателей, просвѣтителей міра.* Его книга, какъ Циммерманова, заключаетъ частную сторону человѣческой общественной жизни. Дрозъ взялъ предметомъ себѣ счастіе, такъ называемаго, средняго класса людей. Онъ совѣтуетъ имъ отказаться отъ обольщенія славы, отъ всѣхъ сильныхъ страстей, жениться пораньше, жить мирно, не желать многаго, довольствоваться малымъ, не вмѣшиваться ни во что, подъ часъ размачивать горе виномъ, заниматься Науками, воспитаніемъ дѣтей, несчастія переносить терпѣливо и — умереть съ надеждою, что за гробомъ будетъ хорошо.

Дрозъ, какъ замѣтно, добрый и почтенный человѣкъ, не замѣтилъ, что его Философія не имѣетъ никакого основанія, не замѣтилъ и опасныхъ слѣдствій, какія могла и можетъ произвесть его система (*). Сами Французы видѣли бѣдность Фило-

(*) Они очень понятны, если разсмотримъ, что Дрозъ не разсматриваетъ существа и назначенія человѣка въ здѣшнемъ его бытіи и въ бытіи за гробомъ; что онъ все ограничиваетъ наслажденіемъ; что у него умъ, добродѣтель и другія высокія свойства и понятія человѣка суть средства для наслажденія и слѣдственно, что онъ ведетъ насъ къ Эпикуреизму, всѣмъ жертвующему для наслажденія, къ эгоизму, который свое я поставляетъ центромъ и все обводитъ въ окружность. Нѣтъ у Дроза ни высокаго понятія о любви къ отечеству, нѣтъ пылкаго стремленія всѣмъ жертвовать благу человѣчества, нѣтъ побужденія совершенствовать свое бытіе! Carpe diem — его правило! Розовый

софіи Дроза, и когда въ 1823 г. онъ выдалъ примѣненіе своей *Науки быть счастливымъ* къ нравственной Философіи, книга Дроза не возбудила ни малѣйшаго вниманія. Недавно мы читали извѣстіе, что Дрозъ въ прошломъ году выдалъ еще книгу, прилагая свою систему уже къ Политикѣ; но не смотря на любопытство Французовъ до всего, что относится къ Политикѣ, книга Дроза осталась незамѣченною и самые пріятели его признаются, что въ *ней нѣтъ даже логическаго порядка мыслей.*

Разумѣется, что такого писателя назвать просвѣтителемъ міра, можно только въ шутку. Впрочемъ, это шутка жестокая — и вообще съ Дрозомъ Г. Ф. поступилъ очень несправедливо. Когда Г. Ф. передѣлалъ извѣстную повѣсть Герцог. Дюра: *Урику — это было дѣло позволенное. Урика легкая сказочка* — и только! Книга Дроза, напротивъ, сочиненіе, хотя и косвенно, но философское. Она расположена систематически. Дрозъ назвалъ свою книгу *Опытомъ;* съ самаго начала книги объявилъ, что пишетъ ее для людей средняго состоянія; предложилъ *условія* для описываемаго имъ счастія; вездѣ говорилъ условно; распространялся въ изложеніи предмѣтовъ шакъ, что книга его, при всѣхъ недостаткахъ, можетъ доставить довольно пріятное чтеніе. — Г. Ф. Дрозово счастіе распространилъ на всѣхъ людей; придѣлалъ громкое названіе, громкое предисловіе; изъ 243 стр. въ 8 составилъ 66 маленькихъ страничекъ, слѣдственно выкинулъ *около трехъ четвертей* книги и

вѣнокъ, чаша вина, мечта и воспоминаніе о прошлыхъ наслажденіяхъ, наслажденіе въ настоящемъ, забвеніе о будущемъ — вотъ весь міръ счастія Дрозова!

остальное сжалъ, передѣлалъ по своему. Онъ заставляетъ Дроза противорѣчить самому себѣ и говорить самыя странныя вещи, рѣшать самыя трудныя положенія Метафизики, на примѣръ:

»Человѣкъ *рожденъ быть счастливымъ* (стр. 1). Есть блага существенныя, *необходимыя для всѣхъ*. Кто умѣлъ пріобрѣсти ихъ, тотъ счастливъ; слѣдовательно есть Искуство быть счастливымъ« (стр. 2). — Сличите послѣ этого.

Стр. 68. »Искуство быть счастливымъ *мечтательно*, если захотятъ чтобы оно украшало всѣ состоянія, въ которыя судьба насъ помѣщаетъ.« Не явный-ли contre-sens? — Какія-жъ это блага, *необходимыя* для всѣхъ? Вотъ они: здоровье, душевное спокойствіе, хорошее имѣніе (особливо хорошая деревня, говоритъ Г. Ф.), презрѣніе людскаго мнѣнія, супружество и дружба. — Но если нѣтъ здоровья? Что за бѣда! »*Когда почувствуемъ жестокое страданіе, соединимъ силы: или исцѣлимся, или — умремъ!*« Прекрасно! Это похоже на извѣстіе, что *въ Россіи есть люди, читающіе по-Русски!* Но что такое смерть? — »*Смерть ничто, мгновеніе: или нѣтъ, или прошла!* — Но если у кого нѣтъ деревни или имѣнія? — *Разсмотрите, какое состояніе для васъ необходимо — и пріобрѣтайте его!*« Совѣтъ благоразумный! Пріобрѣтать имѣніе собственно для себя Авторъ позволяетъ; но спросите: должно-ли стараться быть полезнымъ? Вотъ его отвѣтъ: »*Увѣренности быть полезнымъ, мы почти никогда не имѣемъ*« (стр. 10). Спросите еще: что такое истина? Узнаете, что — »*Истина льститъ уму какъ прелестный цвѣтъ — зрѣнію; очаровательный*

»вукъ — *слуху*.« — Мы готовы сказать, что такое понятіе объ истинѣ недостойно ни просвѣщенія нашего вѣка, ни высокаго достоинства ума человѣческаго; но находимъ еще мнѣніе Автора, что »*изъ предметовъ, существующихъ въ нашемъ мірѣ, болѣе трехъ четвертей съ половиною не стоятъ того чтобы имѣть волю!*« — Послѣ этого конечно пропадетъ охота опровергать Писателя, которому принадлежатъ такія мысли. Оставляемъ въ совершенномъ покоѣ *Искуство жить* и только повторяемъ слова, найденныя нами на стр. 29: »Потребность быть *счастливымъ* столь-же общa людямъ »какъ жизнь; просвѣщенное желаніе благополучія »рѣдко какъ мудрость!« —

Извѣщаемъ читателей, что Дрозу въ Русскомъ переводѣ *приписано* то чего онъ не говорилъ или что онъ говорилъ, *но не такъ*. Надобно знать притомъ, что книга Дроза писана прелестнымъ слогомъ. Русское извлеченіе напротивъ: Переводчикъ передавалъ мысли Автора невѣрно противъ подлинника и — съ ошибками противъ Русскаго языка. Дрозъ былъ достоинъ лучшей участи. Жалѣемъ объ немъ. —

1826.

57. *De methodo, ad pleniorem et solidiorem Medicinae cognitionem, felicioremque exercitationem, conducente.* Oratio, in anniversariis solemnibus inaugurationis Universitatis Caesareae literarum Mosquensis, habita a Friderico Hiltebrandt, Med. et Chir. D. etc. M. 1826. in 4. 26 стр.

58. *Слово о средствахъ, ведущихъ къ полному и основательному познанію Врачебной Науки, и лучшему упражненію въ Медицинской практикѣ*, въ мор.

жественномъ годичномъ Собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Іюля въ 3 й день 1826 года, произнесенное на Латинскомъ языкѣ Федоромъ Гильтебрандтомъ, Статскимъ Совѣтникомъ, онаго Университета Профессоромъ Хирургіи П. О., Медицины и Хирургіи Докторомъ и проч. Перев. съ Латинскаго Петромъ Страховымъ. М. 1826. in 4. 29 стр.

59. *Слово о неподвижныхъ звѣздахъ*, произнесенное въ торжественномъ Собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Іюля 3 го дня 1826 года, Э. Профессоромъ Астрономіи, Дмитріемъ Перевощиковымъ. М. 1826. in 4. 29 стр.

60. *Краткая Исторія Московскаго Университета съ 3 го Іюля 1825 го по 3 е Іюля 1826 года.* in 4. 23 стр.

Послѣ Рѣчи Г-на Профессора Перевощикова приложены стихи: *Геній*, соч. Г. Полежаева, а въ концѣ Исторіи Московскаго Университета, *заключительная рѣчь*, что было произнесено въ томъ-же торжественномъ Собраніи Университета; *Гимнъ Русскому Царю*, на голосъ: God save the King, соч. Его Превосходительствомъ, Господиномъ Попечителемъ Московскаго Университета, А. А. Писаревымъ и *Хоръ* — пѣтые въ Собраніи Университета. Изъ Исторіи Московскаго Университета за прошедшій годъ замѣтимъ слѣд. любопытныя подробности. Въ начатомъ 1821 г. строеніемъ корпусѣ для Университетской Аптеки, по окончаніи его открыта Октября 18 дня, 1825 г. Аптека Университетская. — По представленію Начальства ВЫСОЧАЙШЕ утверждено различіе мундировъ казенныхъ и своекоштныхъ студентовъ: первые отличены погончиками. — Ордин. Проф., Статск. Сов. и Кав. Х. А.

Шлецеръ (сынъ знаменитаго А. Л. Шлецера), прослужившій въ семъ званіи въ Университетѣ болѣе 35 лѣтъ, почтенъ титломъ заслуженнаго Профессора и съ полною пенсіею уволенъ изъ Университета. — Въ Цензурномъ Комитетѣ разсмотрѣно и одобрено къ напечатанію 182 рукописи. — По испытаніямъ удостоено степени: Докторовъ Медицины 8, Магистровъ Словеснаго и Политическаго отдѣленій 3. — По всѣмъ казеннымъ и частнымъ Училищамъ подвѣдомымъ Москов. Университету введено преподаваніе Славянскаго языка. — Открыто одно Уѣздное Училище въ городѣ Алексинѣ; приходскихъ Училищъ 10; частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ 2, въ Воронежѣ 2, въ Рязани 1, въ Орлѣ 1. — Число учащихся въ Университетѣ было 876, а во всѣхъ Училищахъ подвѣдомыхъ Университету 13,790 человѣкъ. Почетный Смотритель Карачевскихъ Училищъ, Прапорщикъ Хитровъ пожертвовалъ для училища домъ, стоющій 19,426 рублей; Почетн. Смотритель Мценскихъ Училищъ, Подпоручикъ Телепневъ построилъ для Училища домъ въ 17,634 руб. — На 1826 г. Университетъ предлагаетъ для рѣшенія слѣдующую задачу: «Названія рѣкамъ, озерамъ и урочищамъ обыкновенно даются первыми людьми, открывшими оныя или оставшимися жить при тѣхъ рѣкахъ, озерахъ, урочищахъ и сіи названія большею частію удерживаются новыми пришельцами, хотя бы они были другаго племени и происхожденія. Въ Россіи находимъ немало именъ, неизвѣстно въ какое время данныхъ Славянами водамъ и урочищамъ на сушѣ, на примѣръ рѣки: *Великая, Красная, Бѣлая*; озера: *Бѣло-озеро, Великое, Щучье;* мѣста и урочища: *Нов-городъ, Любичъ, Смоленскъ, Бере-*

»стово, *Вышеградъ*; но есть въ Россіи превелико »множество именъ собственныхъ, которыя даны »водамъ и урочищамъ еще до пришествія Славянъ »племенами другаго происхожденія, на примѣръ рѣкъ »*Ворскла*, *Псіолъ*, *Яуза*, *Москва*, *Клязма*, *Ва*»*зуза*, *Гжать* и проч.; озера: *Ильмень*, *Нево*, »*Селигеръ* и проч.; мѣста и урочища: *Изборскъ*, »*Ракома*, *Хутынь*, *Кловъ* и проч. Университетъ »предлагаетъ собрать не менѣе двухъ сотъ на»званій не-Славянскихъ, преимущественно же дан»ныхъ рѣкамъ и озерамъ внутри Европейской Россіи »между 48 мъ и 65 мъ градусами широты Сѣверной; объ»яснить значеніе оныхъ изъ нарѣчій Финскихъ, Латыш»скихъ, Монгольскихъ, Татарскихъ или даже и »другихъ, буде можно, сообразуясь впрочемъ съ »законами критики, основываясь на ученыхъ доказа»тельствахъ. Сіе можетъ открыть слѣды тѣхъ »широкихъ путей, коими народы шествовали при »медленномъ своемъ движеніи, переселяясь изъ одно»го мѣста на другое и вообще любителямъ отечест»венной Исторіи дастъ поводъ къ заключеніямъ »любопытнымъ и достовѣрнымъ.« За лучшее рѣше»ніе сей задачи назначается 250 рублей.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Объ улучшеніи Англинскихъ уголовныхъ законовъ. Многіе сравнивали Англію съ хорошо перестроеннымъ домомъ, въ которомъ осталось однакожь много гнилыхъ бревенъ. Не странно-ли, что при всемъ просвѣщеніи Англичанъ, кодексъ уголовныхъ законовъ представляетъ у нихъ странную

разнообразную смѣсь старыхъ и новыхъ законоположеній, иногда противорѣчащихъ одно другому? Отъ этого происходили безчисленныя неудобства и давно многіе здравомыслящіе Члены Правительства думали объ улучшеніи законовъ; но донынѣ всѣ покушенія къ тому были устраняемы худо-понимаемымъ мнѣніемъ о неприкосновенности старыхъ законовъ Государства. Наконецъ свѣтлые лучи истины и справедливой человѣколюбивой законодательной Политики проницаютъ во мракъ Англинскихъ уголовныхъ законовъ. Услугу сію нынѣ оказываетъ соотечественникамъ, богатый умомъ и свѣдѣніями Спайсъ-Секретарь Департамента Внутреннихъ дѣлъ Г. Пиль. Марта 9 го сего года, предложилъ онъ въ Нижнемъ Парламентѣ о позволеніи представить билль, которымъ-бы всѣ многочисленныя постановленія, касающіяся до воровства, соединены были въ одинъ общій и краткій законъ. Предложеніе о необходимости реформы Англинскихъ уголовныхъ законовъ Г. Пиль подкрѣпилъ любопытнымъ изображеніемъ недостатковъ, находящихся нынѣ въ уголовномъ законодательствѣ Англинскомъ. Превосходную рѣчь свою началъ онъ изображеніемъ трудностей, встрѣчающихся при управленіи большими обществами и оказывающихся при каждомъ новомъ покушеніи къ преобразованію, котораго уже столько столѣтій тщетно ожидали всѣ благомыслящіе Англичане.

»Предметъ, о которомъ хочу разсуждать,« говорилъ Г. Пиль, »не представляетъ великаго торговаго или политическаго интереса, а потому, въ сравненіи съ послѣдними изслѣдованіями, отъ коихъ зависитъ безопасность нашего политическаго суще-

ствованія, можетъ быть, и не найдетъ столь жи
ваго участія; но въ ряду важныхъ моральныхъ во
просовъ стоитъ онъ на столь высокой степени
столь тѣсно связанъ съ улучшеніемъ политической си
стемы нашей, что и для народа и для Правительств
долженъ быть чрезвычайно важенъ Нынѣ, когда Госу
дарство наслаждается всѣми благами мира, когда он
не раздѣляется никакими политическими расколами
нынѣ настала минута, хотя не для общей пере-
мѣны основныхъ пунктовъ нашихъ уголовныхъ зако-
новъ, но для утвержденія безчисленныхъ статутовъ о преступленіи воровства въ одинъ общій статутъ.« — Въ этомъ состоитъ первый предметъ предложенія Г. Пиля. Нынѣ законы о воровствѣ раздѣлены на безчисленныя постановленія, коихъ самыя названія изобрѣтены, кажется, для того, чтобы вводить въ заблужденіе толкователей законовъ. Второе предложеніе его касается до исправленія и улучшенія узаконеній. Упрощеніе законовъ въ каждомъ Государствѣ не можетъ, кажется, встрѣчать никакихъ сопротивленій. Напротивъ, оно согласно съ здравымъ разсудкомъ, ибо всякій законъ долженъ быть понятенъ не только для юристовъ, но и для каждаго гражданина. Въ подкрѣпленіе сказаннаго о недостаткахъ Англинскаго законодательства, приводилъ Г. Пиль въ доказательство Бакона, который за 220 лѣтъ передъ симъ, настоятельно говорилъ о потребности исправленія оныхъ. Вторымъ доказательствомъ было донесеніе Сейма подъ предсѣдательствомъ нынѣшняго Лорда Кольчестера, въ 1796 году, изъ коего видна была необходимость исправленія. Такіе доводы удостовѣряютъ, что предложеніе соединить многочислен-

ные законы относящіеся къ воровству въ одинъ статутъ, будетъ поддержано всѣми безпристрастными членами Парламента. »Если спросятъ,« продолжалъ Г. Пиль, »для чего не началъ я требованія исправленій съ законовъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ, то на сіе будемъ отвѣчать, что важныя преступленія не столь многочисленны, какъ воровство и что гораздо сообразнѣе съ цѣлію улучшенія законовъ начать съ тѣхъ статутовъ, которые распространяются на большее нежели на меньшее число. Въ 1825 году число жалобъ на различныя преступленія простиралось до 14,437, изъ коихъ 12,530 касались воровства. И такъ, по крайней мѣрѣ, *шесть седьмыхъ долей* противъ всего количества преступленій составляло воровство: Это будетъ еще разительнѣе, если распространить обозрѣніе на большій періодъ. Въ послѣднія 7 лѣтъ произнесено 241 приговоръ за поддѣлку, 111 за смертоубійство, 50 за зажигательство, 43 за кляпвопреступленіе и — *не менѣе* 43,000 *за воровство*! Вновь предлагаемый биллъ помѣщается на 30 *страницахъ*, но въ немъ находится вся сущность прежнихъ статутовъ. Могутъ сомнѣваться: возможно-ли было сократить такимъ образомъ огромную книгу статутовъ? Заботливое стараніе многихъ, желавшихъ имѣть особые законы на каждое случившееся съ ними происшествіе, невниманіе Парламента, въ таковыхъ случаяхъ издававшаго законы для особенныхъ происшествій, произвели то, что различныя постановленія часто дѣланы были въ одно время. Члены узнавали иногда о какомъ-либо преступленіи, случившемся въ какомъ

нибудь углу государства, предлагали билль не-противъ всѣхъ преступленій того-же рода, которыя очень легко можно было подвести подъ общій итогъ, но единственно противъ особеннаго преступленія, о которомъ доносили имъ — и книга статутовъ возросла до нынѣшней величины своей. Въ доказательство разнородной смѣси законовъ въ одномъ статутѣ представимъ, что одинъ изъ членовъ, можетъ быть, имѣлъ причину жаловаться на пропажу краповыхъ корней и желалъ, чтобы за воровство оныхъ положено было особое наказаніе; его требованіе исполнялось и отъ того-то, о кражѣ строеваго лѣса находится не менѣе 20 узаконеній.

Г. Пилъ читалъ многія узаконенія о воровствѣ, въ которыхъ предметы набросаны въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Если-бъ дѣло было не столь важно, то всѣ члены Парламента конечно стали-бы смѣяться надъ странными юридическими нелѣпостями, читанными Спашсъ-Секретаремъ въ его предложеніи. Противъ принимающихъ краденыя вещи находится не менѣе двенадцати различныхъ статутовъ, которые очень легко можно соединить въ одинъ. За покупку краденой мѣди положено одно наказаніе, а за покупку краденаго олова, другое. Запрещено отравлять рыбу въ своемъ ручьѣ, который протекаетъ также черезъ землю другаго владѣльца; но если ручей составляетъ границу между двухъ земель, то рыба не защищается никакимъ закономъ. Законы противъ воровства домашнихъ людей весьма странны. Хозяинъ, у котораго въ домѣ сдѣлалась покража, непремѣнно долженъ оз-

начнешь, изъ котораго угла его дома покрадено, а если деньги, то золото или серебро и какою монетою. Когда онъ сего сдѣлать не можетъ, то не можетъ дѣлать никакого взысканія съ вора, и пр. и. — Нѣкоторыя преступленія, наказываемыя въ Графствѣ Миддлесекскомъ, въ другихъ Графствахъ, на пр. въ Гертфордскомъ или Эссекскомъ, остаются ненаказанными Судебныя жалобы вообще сопряжены съ чрезвычайною обширностію. Женщина, жалующаяся на причиненное ей насиліе, не иначе можетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ своего оскорбителя, какъ будучи принуждена къ заплатѣ всѣхъ расходовъ по судебному мѣсту. »Не ужасно-ли,« говоритъ Г. Пиль, »что женщина, въ противность всѣмъ природнымъ чувствамъ стыда, не только должна предстать предъ судъ лично, но еще взять на себя всѣ издержки или возложить ихъ на своихъ родственниковъ? Такой законъ способенъ болѣе возбуждать нежели уничтожать преступленіе. — Если-бы кто, изъ любви къ общему благу или справедливости, сталъ жаловаться на Коннетабля въ злоупотребленіи власти, то онъ долженъ взять на себя всѣ издержки разысканія. Такъ недавно Г. Сидней Смитъ, въ Графствѣ Іоркскомъ, уличилъ передъ судомъ Коннетабля въ забвеніи его должности и за сію услугу, оказанную публикѣ, вмѣсто награжденія, долженъ былъ заплатить 80 ф. стерл. за расходы судебные!« Въ заключеніе предлагалъ Г. Пиль отмѣнить употребляемое при всѣхъ судебныхъ дѣлахъ безполезное словопреніе. »Одно изъ величайшихъ несовершенствъ нашихъ законовъ,« говорилъ онъ, »состоитъ въ удобности, съ какою

виновный можетъ избѣжать заслуженнаго имъ наказанія, идя черезъ лабиринтъ судебныхъ формулъ и рѣчей.« — Громкое и продолжительное одобреніе его предложенію, съ которымъ позволено ему представить *билль объ улучшеніи Англинскихъ статутовъ относительно преступленія воровства*, утверждено безъ всякаго прошиворѣчія.

НЕКРОЛОГІЯ. Баронъ Карлъ Марія Веберъ. Поставя обязанностію сообщать хотя краткія извѣстія о знаменитыхъ людяхъ, въ наше время оканчивающихъ свое земное поприще, извѣщаемъ о невознаградимой потерѣ для всѣхъ друзей Изящнаго — смерти знаменитаго Вебера.

Онъ родился въ Голстинскомъ городкѣ Эйтинѣ, въ 1786 году. Отецъ старался дать ему блестящее, *модное* воспитаніе. Изящныя Искусства были особеннымъ предметомъ вниманія его — и не даромъ. Юный Веберъ оказалъ необыкновенные успѣхи въ Живописи и Музыкѣ. Будучи десяти лѣтъ, онъ считался первымъ ученикомъ извѣстнаго Гейшкеля, жившаго въ Гильдбургсгаузенѣ, а послѣ былъ и однимъ изъ первыхъ современныхъ фортепіанистовъ. Впрочемъ игра Вебера на фортепьяно навсегда осталась блестящею, но не совершенно отчетистою; можетъ быть это произошло и отъ того, что отецъ Вебера, изыскивая своему сыну лучшихъ учителей и слѣдуя собственной наклонности, безпрестанно перемѣнялъ мѣсто своего жительства. Нѣсколько времени оставался молодой Веберъ въ

Сальцбургѣ, подъ руководствомъ Михаила Гайдна. — Въ 1798 году, отецъ Вебера издалъ *шесть фугъ*, сочиненныхъ сыномъ его, котораго желалъ онъ ободрить. Музыкальныя Газеты отзывались о нихъ съ похвалою. Въ концѣ этого-же года Веберъ переѣхалъ въ Мюнхенъ и учился тамъ пѣнію у Валеси и музыкальной теоріи и практикѣ у Кальхера. Здѣсь въ первый разъ блеснула въ воображеніи Вебера мысль — писать для театра. Подъ смотрѣніемъ учителя написалъ онъ: *Могущество любви и вина* — кромѣ того сочинилъ еще *обѣдню*, нѣсколько мелкихъ музыкальныхъ пьесъ — и все это бросилъ въ огонь, какъ недостойное своего таланта.

Здѣсь слѣдуетъ перерывъ въ музыкальной жизни Вебера, показывающій его необыкновенно пылкое воображеніе. Мы упомянули, что онъ любилъ Живопись и занимался ею. Въ это время Зеннефельдеръ заставлялъ всѣхъ говорить о своей литографіи. Веберъ рѣшился перебить у него славу изобрѣтателя. Зеннефельдерова литографія почиталась тайною и Веберъ неутомимо занялся изобрѣтеніемъ подобной. Для удобности и для полученія большихъ средствъ, онъ переѣхалъ съ отцомъ во Фрейбергъ, въ Саксоніи, долго испытывалъ неудачу — и наконецъ бросилъ свои кисти и соперничество. Онъ видѣлъ что не здѣсь было его назначеніе: и могъ-ли нетерпѣливый Веберъ приучиться къ механическимъ пріемамъ литографіи?

Снова пустившись на музыкальное поприще, Веберъ (написалъ *Лѣсную Дѣву* (Das Waldmädchen), оперу, слова для которой были сочинены

Кав. Шпейнсбергомъ. Напомнимъ читателямъ, что это было въ 1800 году, следовательно Веберъ былъ тогда только 14 летъ — но опера его имела успехъ довольно блистательный. Ее представляли и хвалили въ Вене, въ Париже, въ Петербурге. Веберъ жалелъ въ последствии, что позволилъ сделать несколько копій съ этого сочиненія своего: онъ признавалъ всѣ несовершенства въ оном.

Говорятъ, что прочитавъ статью въ одномъ журнале, Веберъ перемѣнилъ свой образъ мыслей о Музыкѣ. Онъ рѣшился писать въ новомъ, необыкновенномъ родѣ, употреблять несправедливо забытые его предшественниками инструменты, такимъ образомъ, чтобъ они производили дѣйствіе новое, неожиданное и сильное. Первымъ опытомъ его въ этомъ новомъ родѣ была опера: *Петръ Шмолль и его сосѣди*, представленная въ Августѣ 1801. Она принята была съ похвалою: въ ней замѣчали вѣрное наблюденіе правилъ, согласіе словъ съ Музыкой, нѣжность и силу. Послѣ этого Веберъ былъ еще съ отцомъ своимъ въ Лейпцигѣ, Гамбургѣ и въ Голстиніи. Во время сихъ почти безпрестанныхъ путешествій онъ собралъ множество сочиненій о теоріи Музыки и не былъ ими совершенно доволенъ. Онъ намѣревался издать когда нибудь свой полный курсъ по сей части — и мы имѣемъ прекрасный опытъ его въ семъ родѣ: *Разборъ 12 хоралей Себастіана Баха.* — Въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ славнаго Фоглера, Веберъ кончилъ свое музыкальное ученіе. Это было въ 1803 году. Послѣ сего Веберъ въ первый разъ

занялъ должность капельмейстера, въ Бреславлѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ образовать и оркестръ и пѣвцовъ, что, послѣ наставленій и—кинъ самъ Веберъ говаривалъ — послѣ *ученій оригинальнаго Аббата Фоглера*, было для него послѣднею школою. Между тѣмъ онъ безпрестанно сочинялъ или занимался разсматриваніемъ и разборомъ знаменитыхъ музыкальныхъ произведеній. Въ эту эпоху онъ написалъ одно сочиненіе, стоющее вниманія: оперу *Рюбецаль*.

Прусская война 1806 года принудила Вебера оставить Силезію. Его принялъ къ себѣ просвѣщенный любитель Изящныхъ Искуствъ, Герцогъ Евгеній Виртембергскій. Здѣсь плодомъ досуговъ Вебера было нѣсколько концертовъ; двѣ симфоніи и нѣсколько мелкихъ сочиненій. Между тѣмъ война кончилась, но театръ Бреславскій былъ разрушенъ. Веберъ сдѣлалъ небольшое путешествіе и опять возвратился къ Герцогу Виртембергскому. Въ это время онъ передѣлалъ свою оперу *Лѣсная Дѣва* и издалъ ее подъ названіемъ *Сильваны*. Тутъ-же онъ написалъ: der erste Ton, кантату, нѣсколько увертюръ и много пьесъ для форшепьяно. Послѣ этого нашъ Композиторъ поѣхалъ во Франкфуртъ, въ Минхенъ, въ Берлинъ. Вездѣ видѣлъ онъ, какъ спѣшили слушать его концерты и оперы. Пріѣхавъ въ Вѣну, Веберъ увидѣлся со своимъ учителемъ Фоглеромъ и нашелъ у него Мейербера и Генсбехера. Въ 1810 году отдалъ онъ на театръ свою оперу *Абугассанъ*: она представлена въ первый разъ въ Дармштадтѣ. Съ 1813 до 1816 года Веберъ былъ капельмейстеромъ

театра въ Прагѣ, гдѣ преобразовалъ онъ оркестръ по своей методѣ. Здѣсь же онъ написалъ свою великолѣпную кантату Kampf und Sieg. — Исполнивъ контрактъ въ Прагѣ, Веберъ рѣшился жить на свободѣ. Его не обольщали самыя лестныя приглашенія; но въ Дрезденѣ рѣшились образовать оригинальную Нѣмецкую оперу — и Веберъ не выдержалъ искушенія, къ счастію всѣхъ друзей Музыки.

Четыре года посвятилъ Веберъ на сочиненіе оригинальной оперы и плодомъ его поэтическихъ трудовъ и соображеній былъ — *Вольный Стрѣлокъ*, опера, представленная въ Берлинѣ въ 1822 году. Говорить объ успѣхѣ ея почитаемъ излишнимъ: Въ Германіи, Франціи, Россіи — Музыка сей оперы сдѣлалась народною. Нѣмцы не могутъ наслушаться *Вольнаго Стрѣлка*; въ Парижѣ онъ представленъ въ Одеонѣ болѣе двухъ сотъ разъ и театръ всегда полонъ, когда даютъ сію Оперу. Въ Россіи — *Вольный Стрѣлокъ* представленъ былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ множество разъ. Знаемъ, что успѣхъ не всегда порука за достоинство; но здѣсь онъ былъ только достойною наградою. Сочиненіемъ *Фрейшица* Веберъ поставилъ себя на ряду съ первѣйшими композиторами въ мірѣ и развѣ одинъ Моцартъ, *общностію своихъ сочиненій*, превосходитъ его. *Какъ могъ Веберъ* написать большую оперу, въ которой все превосходно, нѣтъ ни малѣйшаго признака усталости генія? Этотъ вопросъ дѣлали себѣ многіе и старались выискать какіе нибудь недостатки въ безсмертномъ произведеніи Вебера — напрасно! Трудъ его выдержалъ всѣ возможные ре-

цензія. Одни находили нѣкоторое сходство съ старинною аріею *Мальборуга* — и въ чемъ же? въ *хорѣ охотниковъ*! Если это подражаніе, то — какъ справедливо говоритъ Journal des Débats — такое подражаніе выше всякаго изобрѣтенія! Другіе находятъ въ одномъ изъ Моцартовыхъ концертовъ пассажъ, очень похожій на вторую половину Trink-Lied — но мы увѣрены, что Веберъ или не зналъ или не думалъ о Моцартовомъ пассажѣ, когда писалъ свою неподражаемую вакхическую пѣсню — скажемъ болѣе: можетъ быть, это самая оригинальная арія во всемъ Фрейшицѣ.

О прекрасномъ не льзя говорить мало — сказалъ одинъ Англичанинъ. Мы испытываемъ это на себѣ и спѣшимъ бросить взглядъ на остальные труды Вебера. Послѣ *Вольнаго Стрѣлка* онъ написалъ еще двѣ оперы: *Эвріанту* и *Оберона*. Первая извѣстна не менѣе *Вольнаго Стрѣлка*. Увертюра и нѣкоторыя пьесы въ ней превосходны; но вообще она отстаетъ отъ *лучшей* Веберовой оперы. *Оберонъ* намъ неизвѣстенъ. Онъ былъ данъ за нѣсколько передъ симъ времени въ Лондонѣ, куда Вебера пригласили нѣкоторые любители Музыки. Впрочемъ успѣхъ и сей оперы былъ чрезвычайный. Англичане самый не-музыкальный народъ, но по окончаніи перваго представленія *Оберона*, Веберъ былъ единодушно вызванъ ими на сцену и всѣ сидѣвшіе въ креслахъ кланялись ему и рукоплескали.

26 Мая Веберъ управлялъ концертомъ въ Argyle Rooms, гдѣ играли и пѣли многія новыя его произведенія. Миссъ Стеффенсъ плѣнила всѣхъ пре-

лестнымъ романсомъ: From Chèndara's warbling fount i come etc., изъ Лалла-Рукъ, для котораго Музыку написалъ Веберъ. Онъ такъ былъ восхищенъ Поэзіею Мура, что нетерпѣливо желалъ съ нимъ познакомиться. Но судьбѣ это было не угодно? . . . Перемѣна климата разстроила здоровье Вебера. Онъ страдалъ болью въ груди и хотѣлъ поскорѣе возвратиться на родину; впрочемъ ни что не предвѣщало близкой смерти его. Одинъ соотечественникъ, оказывавшій нѣжное участіе въ состояніи Вебера, былъ у него вечеромъ 4 Іюня, ужиналъ вмѣстѣ съ нимъ и оставилъ его не подозрѣвая никакого несчастія. Утромъ, 5 числа, нашли Вебера въ постелѣ; бездыханный, онъ былъ опершись головою на руку. Употребили всѣ возможныя пособія врачей — но тщетно!

Послѣ Вебера остались жена и двое маленькихъ дѣтей. Въ ихъ пользу хотятъ представить на Ковентгарденскомъ Театрѣ *Фрейшица*. Въ Парижѣ также *Одеонъ* хочетъ представить сію оперу во всей полнотѣ, какъ играютъ ее въ Германіи, ибо извѣстно что въ переводѣ на Французскій языкъ, изъ Фрейшица выпущено многое, что казалось Французамъ *тяжелымъ*, и отъ того теряла Музыка, въ которой каждая фраза Вебера есть новое приобрѣтеніе. И это представленіе будетъ дано въ пользу семейства незабвеннаго Композитора.

Пѣснь казака.

Вѣй сильнѣе вѣтръ игривый
Въ бѣлый парусъ челнока;
Понеси насъ въ путь счастливый,
Волга, свѣтлая рѣка!

*

Ты узнала насъ: за нами
Плещутъ весело струи
И помчалися стрѣлами
Наши легкія ладьи.

*

За туманною горою
Скрыты десять кораблей;
Тамъ вечернею порою
Будетъ слышанъ стукъ мечей.

*

Злато тамъ, драгія ткани,
Тамъ заморское вино:
Сладко, братцы, послѣ брани
Будетъ пѣниться оно.

*

Пѣлъ казакъ. Надъ влагой ясной
Вздулся парусъ челнока
И какъ грудь дѣвицы красной
Всколыхалася рѣка.

Х. . . . . ъ

Парижъ. 1826.

К Эрмію.

Гимнъ Грека (*).

Атланта отрасль, Богъ младой,
Краснорѣчивыхъ покровитель,
Одинъ межь небомъ и землей
Глаголовъ Дія возвѣстишель!

Тебя пою, тебя молю:
Открой мнѣ пѣсней дивныхъ чары —
Да крѣпость слабымъ въ грудь волью,
И разолью надъ сильнымъ кары!

Да голосъ мой, какъ трубный гласъ,
Исполнитъ падшихъ новой жизни. . .
Да соберу вновь, Греки, васъ
На пеплѣ гибнущей отчизны.

Но падшихъ нѣтъ: имъ смерти честь!
Да видятъ въ чести сей живые,
Какъ сладко жизни даръ принесть
За кровы родины святые!

Что въ жизни, коль надъ ней, какъ стражъ,
Губитель бодрствуетъ съ позоромъ!
Кто скажетъ утромъ: день сей нашъ?
Кто встрѣтитъ вечеръ смѣлымъ взоромъ?

Звѣрей ошъ жаднаго ловца
Въ пустынѣ дикой ночь укрыла:

(*) Подражаніе Горацію.

Вамъ домы, храмы, грудь отца,
Вамъ чрево матери — могила!

И тщетно жены ваши ждутъ
Извнѣ спасительной десницы;
Одни лишь враны гнѣзда вьютъ
Вкругъ Греціи, какъ вкругъ бойницы!

Что-жь медлите? Кто держитъ васъ?
Что испытуютъ ваши взоры?
Да смолкнутъ въ сей великій часъ
Измѣнъ и слабости укоры!

Всѣ — раздѣленные враждой,
Корыстью, властолюбья жаждой —
Сомкнитесь дружно въ грозный строй,
Съ высокой мыслью смерти — каждый!

Она героевъ пощадитъ
И тяжко на врага наляжетъ:
Въ крови его омыть свой стыдъ
Отчизны мстителямъ укажетъ!

Упорный превратится рокъ:
Воспроситъ жизни тотъ какъ дара,
Кто истребленью васъ обрекъ,
А самъ трепещетъ янычара.

Эрмій! слабѣетъ голосъ мой,
Неисповѣдныхъ мыслей полный!
Сойди-же самъ: сердца ихъ взрой,
Какъ роетъ вѣтеръ бурны волны!

Повѣдай Грекамъ: самъ Эрмій
Провелъ въ Элизіумъ ихъ брашій (*)
И ждутъ они: достойны мы
Благословеній иль проклятій?

Орловъ.

Ц. Село.

Отрывокъ изъ Гомеровой Ватрахоміомахіи,

или

брани лягушекъ съ мышами.

Пѣснь начиная, молю: да Музы, нисшедъ съ Геликона
Въ душу мою, вдохнутъ мнѣ жаръ оный Марсовъ, воинскій
Шумъ, безконечную оную брань, которую прежде
Я описалъ для себя, на лирѣ достойно и громко
Каждому смертному днесь во внимающе ухо воспѣти.
Брань лягушекъ съ мышами, гдѣ пѣ и другіи, сражались,
Подвигамъ грозныхъ Гигантовъ, сыновъ Земли, подражали.
Сице бо древность сіе предала намъ; се-же начало.

(*) Эрмій, какъ думали Древніе, сопровождаетъ умершихъ черезъ Стиксъ. *Сост.*

Мышь, отъ когтей кота убѣжавъ и томимая жаждой,
Мягкой брадою склонилась на свѣтлыя озера воды,
Сладкой какъ медъ прохлаждаяся влагой; и се сквозь осоку
Гостя зритъ квакающъ водъ обитатель, и рекъ ему тако:

»Странникъ! кто ты? Откуда грядешь? И кто твой родитель?
»Истину всю мнѣ повѣдай, да ложью мой слухъ не осквернится.
»Если твой родъ знаменитъ и достоинъ цы дружбы, не медля
»Въ свой чертогъ введу, и дары богатые прямешь:
»Ибо я Царь Физигнаевъ, любовію великій чтимый
»Въ царствѣ водномъ семъ, могущій владыка лягушекъ.
»Мнѣ родитель Пелей, который съ Гидромедузой
»Въ нѣжной любви меня произвелъ на брегахъ Эридана.
»Также тебя нещую великаго, храбраго бывши,
»Мощнаго даже Царя, непоступнаго въ бишвахъ кровавыхъ.
»Но, повѣдай мнѣ землю, и племя, и родъ благочестный!«

И отвѣщалъ ему сице Психарпакосъ: »Почто ты желаешь
Знать мой родъ, искони извѣстный безсмертнымъ и смертнымъ,
И поднебеснымъ птицамъ. Знай, Психарпаксъ мнѣ имя:
Сынъ бо есмь я Троксарша, великосердаго мужа,

Матерь моя Лейхомила, дщерь Царя Птернотрокта.
Въ свѣтъ Лейхомила меня родила въ глубокой пещерѣ;
Тамъ отъ нея воздоенъ я орѣхами, клюквой, изюмомъ.
Мужъ благородный! Дивно, что дружбу ты мнѣ предлагаешь.
Мы далеко отстоимъ другъ отъ друга образомъ жизни!
Ты обитаешь во влагѣ, я же на сушѣ; питаюсь
Тамъ отъ крупицъ человѣка. Нѣтъ! не легко утаится
Отъ проницательныхъ взоровъ моихъ пирогъ мягковздушный,
Сладкаго хлѣба укрухъ въ красивомъ коробѣ кругломъ,
Алая часть ветчины, икра зернистая, печень,
Желтый, тучный сыръ, изъ млека ухищренно созданный,
Винныя ягоды, пряникъ, заѣдки боговъ на Олимпѣ,
Дивное стряпанье мудраго повара рукъ искушенныхъ,
Полнящихъ конобъ кипящій шуками, зельемъ и мясомъ.
Я никогда не бѣжалъ безсердо, послышавши трескъ трубъ,
Всѣхъ впереди, гдѣ опаснѣй, туда съ мечемъ устремлялся;
Мнѣ никогда человѣкъ, сколь огромный и хитрый, не страшенъ:
Прыгаю смѣло на ложе, мизинецъ грызу, уязвляю
Въ пяту, но язва моя человѣку вредна не бываетъ,
Сладкаго даже сна не лишается онъ ради язвы.

Два-же врага между всѣми на семъ мнѣ ужаснѣе свѣтѣ,
Сирѣчь котъ и ястребъ — злодѣи, которые оба
Мнѣ всегда несказанное зло причиняютъ; не меньше
Духъ западни ужасаетъ — шамъ смерть косою грозится;
Паче-жь всего страшусь я кота: коварный и гибкій
Онъ и въ нору пробирается темную тихо за мною.
Рѣпы, капусты, зеленой пеструшки и вашихъ закусокъ,
Зелени вашей озерной никакъ не могу я вкушати.

Съ Грец. Вилламовъ (*).

(*) Сіи стихи получилъ Издатель отъ одного изъ друзей юнаго переводчика, столь много обѣщавшаго и столь рано похищеннаго смертію, среди надеждъ всѣхъ знавшихъ необыкновенныя его познанія и таланты.

Изъясненіе Греческихъ именъ въ семъ отрывкѣ: *Физигнавъ* (*Φυσίγνάθος*) — раздувающій щеки; *Пелей* (*Πηλεύς*) — живущій въ тинѣ; *Гидромедуза* (*Υδρομεδούση*) — царица водъ; *Психарпаксъ* (*Ψιχάρπαξ*) — крадущій хлѣбныякрошки; *Троксартъ* (*Τρώξάρτης*) грызущій хлѣбы; *Лейхомила* (*Λειχομύλη*) — лижущая муку въ мѣльницахъ; *Птернотроктъ* (*Πτερνοτρώκτης*) — грызущій ветчину. *Изд. Телегр.*

Спящая Передслава.

(Отрывокъ.)

Глухая полночь; сонъ цѣлебный
Смыкаетъ скорбные глаза;
Его десницею волшебной
Отерта горькая слеза.
Лишь въ Передславиной свѣтлицѣ
Горитъ лампада, и Княжна,
Въ чудесно-убранной ложницѣ,
Въ глубокій сонъ погружена.
Въ богатыхъ кудряхъ, распущенныхъ,
Лежатъ небрежные власы
И на ланитахъ округленныхъ
Пылаетъ свѣжій блескъ красы.
Лилейныхъ персей волнованье
Подъемлетъ тихо крестъ златой;
Какъ запахъ розы молодой,
Уста прекрасной льютъ дыханье;
На лонѣ руки сложены
И тонетъ станъ въ одрѣ пуховомъ:
Красы его утаены
Подъ легкимъ пурпурнымъ покровомъ.
Какъ мило ангелъ-дѣва спитъ!
Какъ свѣтлый сонъ воображенья
Въ лучахъ любви и вдохновенья,
Волшебной дѣвы спящій видъ.
Ахъ! что онъ сердцу говоритъ?
Напоминаетъ вѣру, радость,
Святой невинностью своей,
Невинность милыхъ, прошлыхъ дней,

Любви наполненную младость! . . .
Тому блаженство не мечта,
Кого младая красота
Манитъ божественнымъ сіяньемъ;
Блаженъ, кому сіи уста
Однимъ пожертвуютъ лобзаньемъ. . .

Лампадой чуть озарена,
Почіетъ юная Княжна.
Что съ нею? Вздохи перервали
Спокойство дѣвственнаго сна,
И грудь какъ будто стѣснена,
И, мнится, тяжкій сонъ печали
Паритъ надъ русою главой.
Увы! взгляните: за слезой,
Слеза блестящая, большая
Катится, тихо цвѣтъ живой
Ланитныхъ розъ перебѣгая.
Разцвѣтши дивною красой
Въ веснѣ потерянnаго рая,
Быть можетъ, скорбною душой
Свою отчизну вспоминая,
О небѣ плачетъ неба дщерь. . . .

Баронъ Розенъ.

Весенній праздникъ.

Когда луга оживлены
И съ горъ потокъ веселый льется,
И отъ небесной вышины
Залетныхъ странниковъ весны

Пѣснь вдохновенная несется —
Я, грустный, праздную слезой
Весну, какъ день ужасной битвы,
И надъ почившей красотой
Творю священныя молитвы;
Кладу на жертвенникъ цвѣты,
Завѣтный крестъ съ кольцомъ цѣлую —
И волю сладкую дарую
Пѣвцу небесной высоты.

Алексѣевъ.

Мая 11 го,
1826.

Предчувствіе.

Тоски не испытавъ, любви не понимая,
Какъ роза юная взлелѣяна весной,
Не долго будешь ты, красавица младая,
Своей минутною гордиться красотой! . . .
Онъ вспыхнетъ, страсти жаръ, до времени сокрытый
Въ душѣ неопытной твоей! . . .
Поблекнутъ юныя, румяныя ланиты;
Изъ голубыхъ твоихъ очей
Мелькнетъ унылое мечтанье,
Какъ тощный лучъ за облакомъ луны! . . .
И ты, красавица! узнавъ любви страданье,
Увянешь, какъ цвѣтокъ, не переживъ весны! . . .

В. Астафьевъ.

Къ N. N., нарисовавшей букетъ поблекшихъ цвѣтовъ (*).

Зачѣмъ поблекшіе цвѣты
Ты легкой кистью ошпѣняешь,
И въ свѣтлый день твоей весны
О мрачной осени мечтаешь?

Зачѣмъ несбывшихся надеждъ,
Ты представляешь видъ унылый?
Загадкой грустной съ ясныхъ вѣждъ
Зачѣмъ покровъ снимаешь милый?

Оставь печальныя мечты;
Возьмись за кисть съ улыбкой счастья —
И пусть цвѣты твои, какъ ты,
Не знаютъ бури и ненастья.

Анна Готовцева.

Г. Кострома.
1826.

(*) Издатель благодаритъ почтенную особу, доставившую ему сіе прелестное произведеніе юнаго поэтическаго дарованія.

Безголовый мертвецъ (*).

На берегу одного изъ заливовъ, обра
зуемыхъ извилинами Гудзоновой рѣки, с
правой стороны ея теченія, тамъ гдѣ он
расширяетъ воды свои и составляетъ об
ширный разливъ, названный старинными
Голландскими плавателями Таппаанским
моремъ, гдѣ обыкновенно подвязывали он
свои паруса и просили о помощи Св. Нико
лая, тамъ находится красивый городок
Гренбургъ, называемый также Торри
тоунъ (веселый, задерживающій). Это им
дано ему, какъ говорятъ, добрыми хозяй
ками изъ окрестныхъ деревень, по причи
нѣ непреодолимой привычки почтенных
супруговъ ихъ, застаиваться въ торговы
дни подлѣ Гренбургскаго трактира. Не
отвѣчаю за справедливость преданія, я
только передаю его читателямъ как
исправный историкъ.

Миляхъ въ трехъ отъ Гренбурга есть
небольшая долина или лучше сказать
кружокъ земли, стѣсненный превысокими
горами — самое уединенное мѣсто въ свѣ
тѣ! Ручеекъ вьется по этой долинѣ и
шумомъ своимъ нечувствительно засып
ляетъ странника. Изрѣдка только крикъ
перепела или красношейки тревожитъ
тишину окрестностей.

(*) Повѣсть Ирвина Вашингтона.

Помню, какъ бывши ребенкомъ я любѣжалъ спрѣлять бѣлокъ и въ первый разъ отважился на подвигъ этотъ въ кустахъ орѣшника, которымъ съ одной стороны обросла долина. Былъ полдень; вся природа казалась въ глубокомъ отдыхѣ. Я испугался выстрѣливъ изъ ружья и нарушивъ этотъ всеобщій отдыхъ звуками, повторенными въ отзывахъ по окружности. Если когда нибудь вздумаю я удалиться отъ свѣта и отъ всѣхъ его суетъ, вздумаю отдать остатокъ жизни мечтаніямъ и думамъ, не знаю, гдѣ лучше сыскать мнѣ убѣжище, если не въ этой небольшой долинѣ.

За тишину вѣчно тамъ царствующую и за особенный характеръ жителей, которые происходятъ отъ первыхъ Голландскихъ переселенцовъ, долина эта, съ давняго времени, извѣстна подъ именемъ *Усыпительной долины* (Sleepy-Hollow) и ея добрые обитатели во всей окружной сторонѣ называются дѣтьми Усыпительной долины. Точно, какъ-будто усыпительные пары разсѣяны по долинѣ и смѣшались тамъ съ воздухомъ! Одни говорятъ, что долину эту околдовалъ докторъ Нѣмецъ, при началѣ заселеній; другіе, что старикъ Американецъ, вѣщунъ и колдунъ, собиралъ тамъ шабаши колдуновъ и вѣдьмъ, еще до открытія сей земли Гудзономъ. Достовѣрно только, что долина всегда находится подъ властію чего-то сверхъесте-

ственнаго, а отъ этого всякій кто ту
да зайдетъ, дѣлается задумчивъ — точн
какъ сонный. Жителямъ долины безпр
станно чудятся привидѣнія, видятс
чудеса, явленіе за явленіемъ: то бродят
пѣни, то слышна музыка, то на воздух
кто-то кричитъ и пляшетъ и шу
митъ. О мертвецахъ тамъ безпрерывны
вѣсти, звѣзды падаютъ, огненные змѣ
летаютъ чаще, нежели гдѣ нибудь въ дру
гомъ мѣстѣ. Словомъ: демоны и мертвец
выбрали эту долину любимымъ себѣ пр
кошомъ и шалятъ тамъ безпрестанно.

Но есть одно привидѣніе, видно, спар
шина надъ всѣми привидѣніями и чудесам
этого очарованнаго мѣста — и каковъ-ж
старшина? Мертвецъ безъ головы
ѣздитъ на черномъ конѣ! Носится пред
ніе, что это какой-то Нѣмецкій солдат
у котораго въ сраженіи оторвало голов
ядромъ, когда Нѣмцы помогали Англича
намъ драться съ Американцами. Жител
постоянно видятъ этого безголоваго как
онъ въ темныя ночи вихремъ мчится н
своемъ конѣ. Его прогулки не ограничи
ваются долиною: онъ ѣздитъ по всѣм
окреснымъ дорогамъ; особливо подлѣ ста
риннаго кладбища, недалеко отъ долины.
Самые достовѣрные историки тамошніе,
съ величайшимъ трудомъ собирая всѣ раз
сѣянныя въ народѣ извѣстія о привидѣніи,
полагаютъ, что на кладбищѣ похороненъ
былъ этотъ безголовый солдатъ и что

всякую ночь ѣздитъ онъ за своею головою, ищетъ ее на полѣ сраженія; и что быстроту, съ какою пролетаетъ онъ иногда черезъ Усыпительную долину, какъ ночной вѣтеръ, приписывать должно тому, что онъ въ полѣ загуливается и потомъ до пѣтуховъ спѣшитъ улечься въ могилу.

Таково достовѣрнѣйшее повѣствованіе, служившее канвою для множества разсказовъ самыхъ чудныхъ. Привидѣніе, о которомъ говорю, въ этой землѣ чудесъ и въ окрестностяхъ извѣстно вообще подъ именемъ безголоваго мертвеца Усыпительной долины.

Замѣтимъ, что наклонность къ чудесному, о которой мы упомянули, неограничивается одними урожденцами долины, но присщаетъ ко всѣмъ, кто ни живетъ тамъ. Какъ-бы кто ни думалъ о мертвецахъ и привидѣніяхъ до вступленія своего въ долину, можетъ быть увѣренъ, что подышавъ нѣсколько времени околдованнымъ тамошнимъ воздухомъ, забредитъ мертвецами, увидитъ страшные сны и познакомится съ привидѣніями.

Люблю поговорить объ этой долинѣ. Въ подобныхъ маленькихъ Голландскихъ долинахъ, замкнутыхъ въ обширныя области Соединенныхъ Штатовъ, постоянно остались донынѣ старое народонаселеніе, старые нравы и обычаи, между тѣмъ какъ наводненіе переселенцовъ и нововведеній, все перевертывающее въ непостоянной

Америкѣ, пробѣгаетъ мимо сихъ округовъ, даже и незамѣченное ихъ обитателями. Эти долины Голландцовъ подобны маленькимъ запишбямъ съ застоялою водою, по берегамъ шумнаго ручья: соломенки и вѣточки спокойно стоятъ на якори въ сихъ пристанях, непронутыя быстротою теченія. Много лѣтъ прошло съ того времени какъ я пробѣгалъ молчаливые лѣса Усыпительной долины; между тѣмъ я увѣренъ, что приду нынѣ и найду прежнія безъ перемѣны деревья и тѣхъ же чно прежде жителей, прозябающихъ подъ вѣтвями прежнихъ деревъ.

Въ этомъ уединеніи самой природы, жилъ въ отдаленныя эпохи Американской исторіи, но есть лѣтъ съ тридцать тому, весьма почтенный человѣкъ, по имени Ичабодъ-Кранъ. Онъ жилъ въ Усыпительной долинѣ и училъ дѣтей изъ всѣхъ окрестностей. Родился онъ въ Коннектикутѣ — землѣ, изъ которой наводняются Соединенные Штаты полчищами дровосѣковъ и школьныхъ учителей: одни ходятъ вездѣ рубить лѣса, а другіе рубятъ здравый смыслъ. Названіе *Кранъ* (журавль), было ему удивительно кстати. Онъ былъ высокъ и чрезвычайно сухъ, въ плечахъ тонокъ, а руки его были предлинныя — на нѣсколько вершковъ торчали онѣ изъ рукавовъ платья; ноги какъ лапы преширокія и все шевелилось у него, какъ на крючкахъ. Маленькая голова его была сплю-

тыква въ верхней части, украшалась большими ушами и зеленоватыми, точно какъ остеклѣвшими глазами. Носъ длинный, похожій на носъ большаго кулика, уподоблялся вертушкѣ, поставленной на шестѣ, длиной какъ веретено.

Когда въ бурный день видали его ходящаго большими шагами по скатамъ горъ — и платье его развѣвалось кругомъ — онъ казался духомъ голода, нисшедшимъ на землю или пугаломъ, какія ставятъ въ огородахъ, если вообразить, что одно изъ такихъ пугалъ ожило и зашевелилось.

Школа, гдѣ засѣдалъ Ичабодъ, была невысокое, бревенчатое зданіе, съ одною комнатою во всю длину и ширину, съ окнами, которыя отчасти были со стеклами, отчасти заклеены лоскутьями старыхъ прописей. Когда въ школѣ никого не было, дверь ея завязывалась весьма искусно ивовою веревкою, а окна запирались ставнями и задвижками такъ, что воръ легко могъ залѣзть туда и съ трудомъ могъ вылѣзть. Идею сего устройства, вѣроятно, возбудилъ въ головѣ Юста-Фанъ-Гутена, Архитектора школы, горшокъ, какимъ ловятъ угрей. Школа находилась въ мѣстѣ уединенномъ, но пріятномъ, при подошвѣ лѣсистаго холма, на берегу ручья, который оттѣняла огромная береза — дерево страшное для дѣтей: оно снабжало розгами грознаго Ичабода-Крана! Въ хорошій лѣтній

день слышанъ былъ глухой шумъ, произво
димый голосами учениковъ, жужжащихъ
какъ рой пчелъ. По временамъ этотъ
шумъ прерывался суровыми повелѣніями
или угрозами учителя; иногда болѣе ужа
сающимъ гуломъ ударовъ березовой лозы,
которою мудрый наставникъ подвигалъ
лѣнивыхъ учениковъ ко храму Наукъ.

Сказать правду: учитель былъ чело
вѣкъ совѣстливый и всегда имѣлъ въ го
ловѣ драгоцѣнное правило: лоза не убьетъ
а память даетъ. Замѣчено послѣ, что
всѣ ученики Ичабода-Крана отличались
хорошею памятью.

Между тѣмъ, прошу не думать, что
онъ былъ одинъ изъ тѣхъ школьныхъ ти
рановъ, которымъ весело смотрѣть на
терпѣливость людей подчиненныхъ ло
ихъ. Нѣтъ! Ичабодъ исправлялъ школь
ное правосудіе болѣе съ умѣренностью,
нежели съ жестокостью. Спокойно расха
живалъ онъ по рядамъ бѣдныхъ мальчиковъ,
трепетавшихъ при каждомъ движеніи лозы,
и часто проходило нѣсколько времени безъ
всякаго побудительнаго исправленія; но за
то первому виноватому опредѣлялось нака
заніе двойное: правосудіе требовало награ
ды за бездѣйствіе! Впрочемъ, педагогъ назы
валъ это исполненіемъ долга своего въ от
ношеніи родителей и никогда не приступалъ
къ исполненію долга, не доказавши напе
редъ ученику ясно и неоспоримо, что онъ

будетъ благодарить за это учителя всю жизнь свою.

По окончаніи времени назначеннаго для ученія, Ичабодъ участвовалъ въ играхъ старшихъ своихъ учениковъ а въ праздники и въ вакаціи, съ младшими, отправлялся онъ къ ихъ отцамъ и матерямъ, если зналъ у кого красивенькихъ сестеръ, или когда маменьки ихъ славились умѣньемъ стряпать, извѣстны были хорошимъ столомъ. Ему и должно было дружиться съ хорошими хозяевами и съ людьми, которые любятъ хорошо поѣсть. Доходъ приносимый школою былъ весьма умѣренъ и едва окупалъ ему хлѣбъ необходимый для существованія. Не смотря на тощій видъ и худобу, почтенный педагогъ ѣлъ ужасно; желудокъ его по удобству пищеваренія уподоблялся желудку Индѣйскаго пѣтуха. Дополняя недостатки, благоразумный Ичабодъ, по заведенному въ той сторонѣ обычаю, имѣлъ столъ и ночлегъ у всѣхъ тѣхъ обитателей чьи дѣти находились въ его школѣ. Каждую недѣлю его составлялъ круглый обходъ по домамъ въ окрестности; онъ въ извѣстное время являлся въ извѣстный домъ, неся всѣ свои пожитки завязанные въ бумажномъ платкѣ.

Онъ не хотѣлъ быть въ тягость добрымъ людямъ, которые на издержки для ученія дѣтей смотрятъ какъ на тяжкое бремя, а на учителя, какъ на человѣка пустяками добывающаго хлѣбъ. И потому

съ большою ловкостью умѣлъ онъ сдѣлать себя во всѣхъ домахъ пріятнымъ и полезнымъ: помогалъ хозяевамъ въ легкихъ работахъ, ворочалъ сѣно, плелъ плетни, водилъ лошадей на водопой, стерегъ козъ и коровъ и иногда, весьма ловко — рубилъ дрова для очага. Такъ слагая съ себя на время достоинство и важность, съ какою правилъ маленькими своими подданными, Ичабодъ-Кранъ былъ чрезвычайно ласковъ и уклончивъ. Онъ добивался благоволенія матушекъ, лаская дѣтокъ, особливо младшихъ. Какъ нѣкогда гордый левъ великодушно перетаскивалъ маленькихъ ягнятъ, такъ Ичабодъ, держа на колѣнахъ одного ребенка, въ тоже время качалъ ногою люльку, другаго, иногда по цѣлымъ часамъ.

Кромѣ всѣхъ сихъ занятій, онъ еще былъ учителемъ пѣнія и не одинъ свѣтленькій шиллингъ перекатывался къ нему за умѣнье, съ какимъ научалъ онъ молодежь пѣть Псалмы. Не малымъ поводомъ гордиться было для него то, что въ каждое воскресенье онъ обыкновенно помѣщался въ галлереѣ съ избранными учениками. Дьячокъ приходскій приходилъ въ отчаяніе видя, что пальма пѣнія похищается Ичабодомъ. Голосъ учителя возвышался изъ всего хора прихожанъ и теперь еще иногда можете услышать громкія рулады, ощутительныя за полъ-мили, и всѣ

согласно говорятъ, что рулады эти выдуманы Ичабодомъ Краномъ.

Такъ-то ловко и умно, достойный педагогъ вывертывался изъ трудностей житейскихъ и всякій, кто не понималъ цѣны и запрудненій работать головою, почиталъ его житье-бытье самымъ легкимъ и самымъ счастливымъ.

Школьный учитель, разумѣется, важный человѣкъ въ собраніи деревенскихъ женщинъ. На него глядятъ какъ на *нѣчто въ родѣ дворянина*, на особу которая знаніями и дарованіями превосходитъ простыхъ поселянъ и въ достоинствѣ уступитъ — развѣ, развѣ церковному старостѣ! Его приходъ всегда производитъ какое-то волненіе за чайнымъ деревенскимъ столикомъ: всегда спѣшатъ подложить чаю, выставить чашку получше. Нашъ ученый человѣкъ былъ любезный гостъ для молодыхъ крестьянокъ. Ахъ! какъ онъ ловокъ бывалъ между ними, когда онѣ прогуливались въ праздничный день! Онъ доставалъ имъ ягоды съ высокихъ кустовъ, читалъ имъ всѣ эпитафіи на кладбищѣ, провожалъ ихъ въ прогулкахъ по берегамъ мѣльничнаго пруда — а между тѣмъ молодые крестьяне стояли вдали, робѣли какъ глупцы и завидовали ловкости и щегольскому виду Ичабода.

Бродящее бытіе дѣлало его также и перелетною газетою. Онъ носилъ вѣсти и новости изъ дома въ домъ; за то вездѣ

принятъ былъ онъ съ отличнымъ удовольствіемъ. Особливо женщины смотрѣли на него какъ на человѣка преумнаго и преученаго — и можно-ли иначе? Отъ доски до доски прочелъ онъ нѣсколько книгъ и наизустъ зналъ *Исторію о чудесахъ и диковинкахъ Новой Англіи*, сочиненную Коттономъ-Маттеромъ, чудесахъ, которымъ — замѣтимъ мимоходомъ — онъ крѣпко вѣрилъ.

Маленькое искусство ловко обходиться не мѣшало нашему учителю отъ чистаго сердца вѣрить существованію колдуновъ и мертвецовъ. Охота его слушать разсказы о нихъ и легковѣріе его были чрезвычайны. Никакая исторія, никакая сказка не казалась ему нелѣпою и недостовѣрною. Онъ любилъ, по окончаніи ученыхъ занятій въ школѣ, растянуться на муравѣ подлѣ ручейка и чтеніемъ услаждать умъ, утомленный учеными предметами. Тутъ вникалъ онъ въ страшныя повѣсти Коттона-Маттера до тѣхъ поръ, пока вечернія тѣни не мѣшали ему разбирать слова и буквы. Тогда отправлялся онъ чрезъ перелѣски и болоты въ тотъ домъ, гдѣ по разсчету долженъ былъ ночевать. Всякій шумъ въ сіи опасные часы наполнялъ трепетомъ его голову, разстроенную чтеніемъ. Печальное квакканье лягушки — вѣрное предвѣщаніе бури — странные клики кукушекъ, шумъ листьевъ пошевеленныхъ птичкою, кото-

ую шествіе его спугнуло съ гнѣзда — все причиняло ему смертельный ужасъ! блестящій червякъ казался сверхъестественнымъ свѣтомъ. Если иногда жукъ съ тяжелаго размаха задѣвалъ его за носъ, испуганный наставникъ юношества готовъ былъ къ смерти, воображалъ что вѣдьма какая нибудь, уже летаетъ надъ нимъ съ грозною погибелью. Тутъ собравъ остатокъ силъ своихъ, начиналъ онъ заклинаніями гнать духовъ и колдуновъ, или пѣть Псалмы — и добрые жители Усыпительной долины часто вздрагивали, сидя у пороговъ своихъ домовъ и слыша носовое гудѣніе учителя, раздававшееся по отдаленнымъ холмамъ и вдоль темной дороги.

Долгіе зимніе вечера (которые любилъ онъ проводить со старыми Голландками, между тѣмъ какъ онѣ пряли шерсть или варили картофель) еще болѣе прибавляли у него робости. Онъ внимательно выслушивалъ чудесныя повѣсти женщинъ о мертвецахъ, привидѣніяхъ, о мостахъ, домахъ и ручьяхъ, которые посѣщаются духами и особенно о безголовомъ мертвецѣ или *оторви-головѣ*, какъ называли его иногда разскащицы. Онъ въ свою очередь забавлялъ ихъ анекдотами о вѣдьмахъ, о чудесныхъ предвѣщаніяхъ, о страшныхъ явленіяхъ, звукахъ, крикахъ, обо всемъ что бывало такъ обыкновенно въ Коннектикутѣ при первыхъ поселенцахъ.

Онъ сыпалъ также ихъ другими диковинками, иногда разсказывая, на примѣръ: о комегахъ и падающихъ звѣздахъ и часто увѣрялъ ихъ даже, что земля вертится и что онѣ половину жизни своей висятъ внизъ головою и вверхъ ногами.

Если такія небывальщины производили ужасъ въ слушательницахъ и веселили Ичабода, въ то время какъ онъ грѣлся подлѣ огонька, яркое пламя освѣщало хижину и прогоняло всѣхъ мертвецовъ, то дорого платилъ онъ за сіе наслажденіе страхомъ, какой испытывалъ потомъ, когда принужденъ бывалъ въ сумерки брести изъ своей школы. Сколько тѣней и страшилищъ являлось ему при слабомъ отблескѣ отъ снѣга! Съ какимъ безпокойнымъ вниманіемъ разсматривалъ онъ каждый лучь свѣта, мелькавшій сквозь мракъ изъ какой нибудь кухни, по обнаженнымъ полямъ! Одинъ-ли разъ, кустарникъ покрытый снѣгомъ, принималъ онъ за мертвеца обвернутаго саваномъ! Часто кровь застывала въ его жилахъ отъ шороха шаговъ по замерзшей поверхности земли, попираемой его ногами. Тогда не смѣлъ уже онъ взглянуть назадъ — и что за радость увидѣть какую нибудь страшную рожу! Нѣтъ! онъ шелъ впередъ, на цыпочкахъ и трепеталъ его достигалъ высочайшей степени если въ это время мимолетный вѣтерокъ коле-

балъ деревья: Ичабодъ того и ждалъ, что безголовый мертвецъ полетитъ мимо его и вздумаетъ свою голову замѣнить его головою. Богъ знаетъ, въ барышахъ-ли остался-бы въ этомъ случаѣ мертвецъ...

Всѣ страхи и ужасы тревожившіе *Ичабода*-Крана, разумѣется, были только мечты, какія производитъ разгоряченное воображеніе, мечты исчезающія при дневномъ свѣтѣ. Сколько ни видалъ онъ страшилищъ, сколько ни думалъ, что самъ дѣдушка домовыхъ, подъ разными предлогами, заманиваетъ его въ свои сѣти, но день всегда оканчивалъ его безпокойства. На зло мертвецамъ и духамъ, Ичабодъ провелъ-*бы* жизнь свою спокойно, если, бы не встрѣтилъ существо, гораздо опаснѣйшее для мущины всѣхъ духовъ, домовыхъ и мертвецовъ слитыхъ вмѣстѣ, словомъ, чтобы сказать вамъ просто — женщину.

Между учениками, собиравшимися одинъ разъ въ недѣлю для изученія Псалмовъ отъ почтеннаго Ичабода, были и ученицы, а между ними всѣхъ замѣтнѣе была Катрина Фанъ-Тассель, единственная дочь богатаго Голландскаго мызника. Она украшена была всѣми прелестями девятнадцатилѣтняго возраста; щеки ея были какъ свѣжій персикъ. Притомъ она столько-же славилась за свою красоту, какъ и за наслѣд-

ство послѣ батюшки. Впрочемъ, была она немножко кокетка, что можно было замѣтить изъ ея одежды, представлявшей смѣсь новыхъ и старыхъ модъ, умножавшихъ ея прелести. Она украшалась золотыми серьгами и перстнями какіе привезла бабушка ея изъ Заандама, носила узкій корсетъ старыхъ временъ и старинную юбочку, чрезвычайно коротенькую, потому что надобно было показать маленькую ножку, которой не было подобной во всей округѣ.

Ичабодъ-Кранъ всегда имѣлъ слабость плѣняться прелестными дѣвушками. Чего-жь дивиться, что это премиленькое твореніе растрогало его ученую голову вмѣстѣ съ сердцемъ, когда онъ посмотрѣлъ и на Катрину и на домъ отца ея. Старый Бальтусъ Ванъ-Тассель представлялъ собою совершенный образецъ богатаго мызника, большаго хозяина, довольнаго своимъ жребіемъ. Правда, его взоры и мысли не переходили за предѣлы его мызы, за то въ мызѣ его все цвѣло и благоденствовало. Онъ былъ доволенъ своимъ богатствомъ, но не гордился имъ и старался жить болѣе съ избыткомъ во всемъ, нежели съ разсчетомъ.

Жилище его было на берегу Гудзоновой рѣки, въ одномъ изъ тѣхъ отдаленныхъ, цвѣтущихъ и изобильныхъ мѣстъ, гдѣ Голландцы любятъ строиться. Огромнѣйшій вязъ осѣнялъ это жилище своими

ирокими вѣтвями. При корняхъ его билъ
ючъ чистой, холодной воды, въ полу-
очку врытую въ землю, вырывался отъ-
юда, лился черезъ лугъ и соединялся съ
лижнимъ ручьемъ, журчавшимъ между ивъ
буковъ. Противъ дома было преогромное
строеніе, въ которомъ, сквозь каждое окно
каждую отдушину, видны были богат-
ства тамъ собранныя; съ утра до вечера
тучали тамъ цѣпы. Стрижки и ласточ-
ки увивались подъ застрѣхами; множе-
ство голубей, одни слетали и прилетали,
другіе сидѣли, спрятавъ головки подъ
крылья или воркуя подлѣ голубокъ своихъ,
на крышкѣ; хрюканье гладкихъ, жир-
ныхъ свиней слышно было изъ глубины
ихъ жилища, наполненнаго кормомъ: малень-
кіе поросята выбѣгали оттуда подышать
чистымъ воздухомъ. Огромная станица гу-
сей, бѣлизны ослѣпительной, прогулива-
лась по берегамъ пруда, усѣяннаго утка-
ми. Полчища индѣекъ важно расхаживали
по двору, гдѣ Гвинейскія курицы бѣгали
съ такою-же заботливостію, съ какою
обыкновенно бѣгаютъ добрыя хозяйки.
Передъ дверьми строенія отличался пѣ-
тухъ — примѣръ супруговъ и воиновъ!
Онъ хлопалъ своими блестящими крыльями
и пѣлъ своимъ важнымъ и величествен-
нымъ голосомъ, иногда раскидывая землю
и великодушно отдавая находку милымъ
подругамъ и нѣжнымъ дѣткамъ, которыя

дрались за чужое приобрѣтеніе, что ч
сто случается и между людьми.

Какъ разыгрались глаза нашего пед
гога при видѣ такихъ сокровищъ! Онъ в
ображалъ каждаго поросенка уже набит
го фаршемъ и съ жаренымъ яблокомъ в
зубахъ; голубей запеченныхъ въ жирны
пирогъ; гусей изжареныхъ съ приправам
и утокъ въ душистомъ луковомъ соус
Его воображеніе рубило уже свиней на ч
сти и коптило окорока. На индѣекъ онъ н
смотрѣлъ иначе, какъ мечтая видѣть их
уже общипанныхъ и набитыхъ сосиськ
ми. Горделивый пѣтухъ, казалось ему, уж
лежитъ на блюдѣ, вверхъ ножками, как
будто проситъ пощады, которую ры цар
скій духъ его заставлялъ презирать в
время жизни.

Рисуя такія прелестныя картины
восхищенный Ичабодъ обращалъ зеленова
тые глаза свои на луга, на поля, засѣян
ныя пшеницею, пшеномъ и пшеничкою
на сады, которые окружали домъ Фанъ
Тасселя цвѣтистыми плодами. Сердце учи
теля билось жаркою любовью къ прелест
ной наслѣдницѣ всего имъ видимаго. Он
разсчитывалъ, какъ легко будетъ превра
тить все это въ наличныя деньги, на ко
торыя накупить обширныхъ дачь, земел
и домовъ въ какой нибудь малозаселенной
области. И воображеніе его уже осущест
вляло надежды быть богатымъ помѣщи
комъ, представляло ему прелестную Ка

рину, домашнихъ и дѣтей, на тѣлегахъ, агруженныхъ мебелью и снарядами. Онъ ыпалъ уже скрыпъ тѣлегъ, видѣлъ себя ерхомъ на толстой лошади, за которою ѣжалъ жеребенокъ, видѣлъ, какъ все это правляется въ Кентукки, въ Теннессе, амъ богатѣетъ, живетъ. . .

Но входя въ домъ, Ичабодъ совсѣмъ ше- ялъ свое сердце. Домъ этотъ состоялъ ъ обширномъ зданіи, съ высокою кровлею, которая оканчивалась пологимъ скатомъ, о образцу строеній первобытныхъ Гол- андцовъ. Скатъ образовывалъ огромное рыльцо, которое въ дурную погоду можно ыло запирать. По стѣнамъ висѣли тутъ еретена, хомуты, сѣти которыми ло- или въ ближней рѣкѣ рыбу. Тутъ-же тояли для лѣта скамейки: прялицы и аслобойныя кадушки показывали, для его стояли здѣсь скамейки. Изъ этого ригото вительнаго отдѣленія восхищен- ый Ичабодъ входилъ въ большую комна- у, занимавшую средину дома и гдѣ обык- овенно толпилась вся семья. Тутъ по- суда изъ блестящаго олова, разставлен- ная на предлинномъ буфетѣ, ослѣпля- ла его глаза; толстый мѣшокъ съ шерстью, въ одномъ углу, выткапное сук- но въ другомъ, довершали восторгъ. Раз- вѣшанныя по стѣнамъ гирлянды изъ су- шеныхъ яблоковъ, персиковыхъ косточекъ и кукурузныхъ шишекъ, перемѣшан- ныхъ съ красными стручьями перцу,

увеселяли зрѣніе. Полуотворенная двер
давала свободу заглянуть въ другую ком
нату, гдѣ стулья съ кривыми ножками
столы, все изъ темноватаго краснаго де
рева, блистали какъ зеркала. Въ нихъ от
свѣчивались щипцы, таганы и лопаты
Искусственные померанцы и раковины
украшали каминъ, на которомъ висѣл
цѣпи изъ разноцвѣтныхъ яицъ. Большо
строфокамиловое яйцо висѣло среди комна
ты и красивая горка, съ намѣреніемъ от
крытая, показывала множество старинна
го серебра и фарфора.

Только что разглядѣлъ Ичабодъ вс
красоты этого царства наслажденій, как
спокойствіе души его улетѣло навсегда
Онъ только и началъ думать о томъ
какъ-бы понравиться безподобной дочер
добродушнаго Фань-Тасселя. Между тѣм
испытывалъ онъ въ этомъ предпріятіи
гораздо болѣе трудностей, нежели ста
ринный странствующій рыцарь, кото
рому надобно было только побѣждать ве
ликановъ, волшебниковъ, драконовъ и дру
гихъ соперниковъ столь же незначитель
ныхъ. Стоило рыцарю разломать желѣз
ныя или мѣдныя двери, перескочить че
резъ магнитную стѣну и пробраться въ
башню, гдѣ страдала дѣва — идолъ его серд
ца — а это рыцарю гораздо легче бывало
сдѣлать, нежели намъ не-рыцарямъ, разрѣ
зать хорошій праздничный пирогъ — и
послѣ такихъ бездѣлокъ дѣва отдавала ему

руку и сердце. Ичабодъ, напротивъ, долженъ былъ завоевать сердце деревенской кокетки, окруженное безчисленными капризами, безпрерывно дѣлавшими ему новыя препятствія. Онъ долженъ былъ также побѣдить войско страшныхъ противниковъ, состоявшее изъ многочисленныхъ обожателей Катрины, осаждавшихъ сердце ея со всѣхъ сторонъ, глядѣвшихъ другъ на друга съ завистью и готовыхъ при всемъ томъ гурьбою подняться на всякаго новаго обожателя.

Самый ужасный изъ всѣхъ ея обожателей былъ молодой здоровякъ и забіяка, Авраамъ или, какъ говорятъ Голландцы сокращая имена, Брамъ-Фанъ-Брунъ, герой *окрестной стороны*, которую наполнилъ онъ шумомъ о своей силѣ и смѣлости. Въ плечахъ онъ былъ широкъ — точный атлетъ; волосы его были курчавые и черные, а круглое, красивое лицо выражало коварство и своевольство. Его Геркулесовская сила и огромные кулаки доставили ему прозваніе Бойца. Въ примѣръ ставили его ловкость и умѣнье ѣздить на лошади и въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ онъ сравнялся-бы съ лихимъ Татарскимъ наѣздникомъ. На лошадиныхъ скачкахъ, на пѣтушьихъ бояхъ, Брамъ былъ первый. Судья во всѣхъ спорахъ, онъ надвигалъ шляпу на одно ухо и произносилъ рѣшенія такимъ голосомъ, съ такимъ видомъ, что никто не спорилъ и не возражалъ. Впрочемъ, всегда готовый

повеселиться и подраться, онъ показывалъ въ своихъ подвигахъ болѣе шалостей, нежели злости и не смотря на грубую поступь, былъ веселый и добрый малый.

У него было три или четыре товарища, такіе-же повѣсы какъ онъ, которые смотрѣли на него какъ на образецъ свой Съ ними хаживалъ онъ во всѣ стороны и на нѣсколько миль въ окружности не было ни одной драки, ни одного разгулья, гдѣ не являлись бы Брамъ и его друзья. Зимой отличали ихъ по мѣховымъ шапкамъ съ лисьими хвостами; иногда бывало завидятъ эти хвосты въ толпѣ удалыхъ молодцовъ, навѣрное бьются, что тутъ не пройдетъ безъ шалостей — и никто не обманывался въ надеждѣ Иногда бывало веселая шайка въ полночь идетъ мимо окошекъ какого нибудь дома, загикаетъ, зарычитъ какъ Донскіе казаки: смиренныя старушки просыпаются въ испугѣ, слушаютъ и когда шумъ замолкнетъ вдали, говорятъ: »Вотъ опять Брамъ гуляетъ!« Сосѣди смотрѣли на Брама съ боязнью и съ удивленіемъ и когда разсказывали имъ о какой нибудь сильной сшибкѣ, они покачивали головою и спрашивали; »Сильная сшибка? а Брамъ былъ тамъ?«

Этотъ герой шалостей, съ нѣкотораго времени выбралъ Катрину предметомъ своего обожанія и хотя ласковыя привѣтствія его походили немного на ласки медвѣдя, сосѣди шептали, что пре-

мѣстная Катрина не совсѣмъ была нечувствительна и не отнимала у него надежды. Какъ-бы то ни было, но появленіе Брама въ толпѣ ея обожателей было знакомъ удаленія всѣхъ его соперниковъ, которые затрепетали отъ страха перебить дорогу лѣву.

Когда въ воскресенье вечеромъ видѣли Брамова коня привязаннаго къ кольцу у воротъ Фанъ-Тасселя (вѣрный знакъ, что господинъ его увивался въ это время около Катрины и отца ея), всѣ вздыхатели шли мимо, съ горемъ размышляли о суетѣ мірской и отправлялись строить свои вздыхательныя баштареи въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ какого ужаснаго соперника надобно было побѣдить Ичабоду! Разсмотрѣвши дѣло со всѣхъ сторонъ и посильнѣе его человѣкъ побоялся-бы вступить въ споръ — и поумнѣе его отказался-бы отъ всего; но къ счастію, Ичабода Крана составила природа изъ удивительныхъ противорѣчій робости и твердости духа.

Открыто сразиться съ своимъ противникомъ, который нелегче Ахилла заступился-бы за свою любовь, было глупо. Ичабодъ рѣшился употребить средства болѣе тихія и болѣе вѣрныя. Онъ началъ пѣть, что спалъ то и дѣло являться въ домъ отца Катрины, подъ предлогомъ ученья пѣть, хотя предлогъ былъ совсѣмъ не нуженъ: ни кто не думалъ подсматривать за частыми его приходами.

Балтусъ-Фанъ-Тассель былъ преснисходительный человѣкъ и предпочиталъ дочь свою даже своей трубкѣ; а въ силу этого предпочтенія, онъ оставлялъ на благоразуміе своей дочери дѣлать что угодно и какъ угодно.

Супруга Г. Балтуса была слишкомъ занята хозяйствомъ и кухнею, потому что, говорила она, очень благоразумно надобно смотрѣть за утками, да за гусями, а дѣвушки могутъ сами за собой смотрѣть. Такимъ образомъ, когда съ заботливымъ видомъ она ходила по своему хозяйству или вертѣла самопрялку, въ сѣняхъ своего дома, почтенный Г. Балтусъ сидѣлъ на другомъ краю сѣней, курилъ свою трубку и внимательно разсматривалъ подвиги деревяннаго мужичка, который съ саблями въ обѣихъ рукахъ воздвигнутыхъ былъ на крышѣ сарая и рубилъ вѣтеръ. Въ это время Ичабодъ увивался около ихъ дочери сидя подлѣ нее на берегу ручья, или подъ тѣнью огромнаго вяза, или прогуливаясь съ нею при блескѣ вечерней зари, времени столь благопріятномъ для краснорѣчивыхъ вздыхателей.

Признаюсь: я не знаю, какимъ образомъ плѣняютъ сердца дѣвушекъ. Это всегда было для меня загадкою и предметомъ удивленія. Впрочемъ, мнѣ казалось иногда, что для покоренія сердца дѣвушки долженъ быть одинъ путь, которымъ надобно идти не спотыкаясь. Иногда напротивъ я думалъ, что къ сердцамъ дѣ-

вушекъ ведутъ тысячи дорогъ и что всѣ-
ми дорогами надобно владѣть, а безъ того
мы никогда не будемъ владѣть ни однимъ
сердцемъ. Въ первомъ случаѣ завоеваніе
сердецъ дѣло не трудное; но въ послѣд-
немъ, сколько умѣнья и искусства надобно
имѣть! Какъ-бы то ни было, я соглаша-
юсь, что завоеватель нѣсколькихъ сер-
децъ обыкновенныхъ заслуживаетъ нѣко-
торыя права на славу; но тотъ, кто под-
держиваетъ неоспоримое владычество надъ
сердцемъ своенравной кокетки, для меня
герой. Опасный Брамъ не могъ похвалить-
ся этимъ преимуществомъ. Его кредитъ
начиналъ явно упадать съ тѣхъ поръ,
какъ Ичабодъ явился въ рядахъ обожате-
лей *Катрины*. Чѣмъ болѣе и чаще посѣ-
щалъ Ичабодъ домъ Фанъ-Тасселя, тѣмъ
рѣже по воскресеньямъ видали лошадь
Брама у кольца воротъ и — смертельная
ненависть постепенно возгаралась, возга-
ралась, наконецъ явно вспыхнула между Бра-
момъ и наставникомъ юношества Усыпи-
тельной долины.

Брамъ былъ вообще наклоненъ къ ры-
царской управѣ, хотѣлъ открытой, яв-
ной войны и всю ссору, весь споръ же-
лалъ-бы кончить рукопашнымъ боемъ,
одинъ на одинъ, какъ дѣлали старинные
единоборствовавшіе герои; но Ичабодъ очень
хорошо понималъ преимущества соперни-
ка на поприщѣ такого рода. Онъ слышалъ
о похвальбѣ Брама, который увѣрялъ, что

согнетъ учителя въ переплетъ книги и потому, съ величайшимъ благоразумiемъ, старался онъ не дать ему случая къ такому, слишкомъ рѣзкому доказательству правъ. Его миролюбивая система отнимала у Брама всѣ средства къ дѣйствiю. Браму оставалось только бранить своего противника и истощать на его счетъ всѣ силы насмѣшливаго ума и бойкаго языка. Впрочемъ, если Ичабодъ и умно отдѣлывался отъ преслѣдователя, то Брамъ и его друзья преслѣдовали Ичабода съ величайшимъ ожесточенiемъ. Они нападали даже на его школьныя владѣнiя, забили трубу у камина, отъ чего вся школа наполнилась ѣдкимъ дымомъ, и не боясь замысловатыхъ запоровъ, забрались въ школу ночью, переворочали тамъ всѣ вещи и мебели. На другой день Ичабодъ подумалъ, что всѣ вѣдьмы изъ окрестности праздновали шабашъ въ мѣстѣ его ученыхъ подвиговъ. Но всего было досаднѣе, что Брамъ находилъ случаи осмѣивать учителя въ глазахъ Катрины; даже выучилъ своего пуделя рычать точно такъ, какъ пѣвалъ Ичабодъ, и многiе обманывались, не умѣя отличить голоса учителя пѣнiя отъ голоса его мохнатаго подражателя.

Такъ шли происшествiя въ теченiе нѣкотораго времени, не производя никакихъ значительныхъ перемѣнъ въ военномъ положенiи обѣихъ воюющихъ сторонъ. Въ

одно прекрасное осеннее утро, задумчивый Ичабодъ сидѣлъ на возвышенномъ сѣдалищѣ своемъ, какъ на почетномъ мѣстѣ своего достоинства. Онъ держалъ въ рукахъ ферулю — сей выразительный знакъ трудной обязанности наставника юношества. Березовая лоза покоилась на трехъ гвоздикахъ, позади учителя, на стѣнѣ и грозила непокорству и лѣности. Передъ нимъ на пульпитрѣ и на столѣ лежало множество контрабанды, найденной въ карманахъ учениковъ и отобранной отъ нихъ *впредь до рѣшенія*, какъ то: полуизгрызенныхъ яблоковъ, хлопушекъ, вертушекъ и большое количество бумажныхъ пѣтушковъ и солдатиковъ. Видно было, что готовится грозное исполненіе правосудія: ученики читали внимательно и перешептывались изъ за тетрадокъ своихъ, скоса поглядывая на наставника. Уже голоса умолкали, уже наступалъ часъ страшнаго, всеобщаго молчанія. . . . Вдругъ послышался у дверей стукъ и шумъ. Негръ въ полосатой одеждѣ, съ обрывкомъ шляпы, похожимъ на колпакъ Меркурія, сидящій на худой, полудикой клячѣ, которою управлялъ онъ посредствомъ веревки, петлею закинутой вокругъ шеи, явился у входа школы. Это былъ приглашитель Ичабода на веселую вечеринку къ Фанъ-Тасселю. Съ важнымъ видомъ, какъ Негры обыкновенно привыкли дѣлать всякій вздоръ, выполнилъ свою

должность посланникъ и горделиво отправился назадъ.

И вдругъ шумъ и сумятица заступили мѣсто тишины! Началось быстрое повтореніе уроковъ, при чемъ никто не останавливался на какихъ нибудь бездѣлицахъ. Ловкіе ученики пропустили половину и были похвалены, а увальни, которые тихо и ясно провозглашали свои успѣхи въ урокахъ, получили нѣсколько выразительныхъ понужденій читать скорѣе, вѣроятно, чтобы приучиться безъ задержанія выговаривать самыя трудныя слова. Никто не думалъ класть книгъ и тетрадей порядкомъ: все сбросали кое-какъ — чернилицы были опрокинуты, лавки полетѣли вверхъ ногами — и за часъ до обыкновеннаго срока почтенный учитель прогналъ учениковъ своихъ. Между тѣмъ, какъ съ шумною радостью торжествовали они благополучное окончаніе учебнаго дня на лугу вокругъ школы, Ичабодъ занятъ былъ важнѣйшимъ дѣломъ: онъ принялся за свой туалетъ...

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

СМѢСЬ.

Вѣсти изъ Парижа (*).

Новыя театральныя пьесы не перестаютъ являться въ Парижѣ, не смотря на лѣтнее время: съ Марта по Май явилось ихъ на всѣхъ Парижскихъ театрахъ — 42. Въ томъ числѣ на театрѣ водевилей — *восемь*, а мы все еще никакъ не хотимъ вѣрить, что водевили во Франціи родятся и гибнутъ каждый годъ *сотнями!* — Казимиръ Бонжуръ отдалъ на театръ свою новую Комедію: *l'Argent*. Вотъ еще новость. Пѣвица Монтано, въ антрактѣ какой-то пьесы, пѣла большую арію изъ оперы: *Маргарита Анжуйская* (музыка Майербера). Она не держала нотъ въ рукахъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ пѣвицы, но положила ихъ на пульпитръ. Парижанамъ это не понравилось: они увѣряютъ, что пѣвица теряетъ всю прелесть въ такомъ принужденномъ положеніи.

Въ числѣ *отличій* хорошаго тона почитается нынѣ имѣть за каретою трехъ лакеевъ: одинъ бываетъ въ ливреѣ; другой одѣтъ въ зеленое охотничье платье, обшитое золотомъ; третій въ синее или красное гусарское, обшитое серебромъ. Маленькіе лакеи, называемые *грумами*, въ величайшей модѣ, на прогулкахъ верхомъ или въ шилбюри. — На Америку пошла во всемъ мода. Щеголи являются на прогулки въ сюртучкахъ зеленаго цвѣта, называемаго *Панамскимъ* — и въ панталонахъ синяго

(*) До 15 Іюня 1830 года.

цвѣта, называемаго *Гаитскимъ*. Болливарскія шляпки все еще въ модѣ. — Щеголи, которые сами правятъ въ тильбюри или въ колясочкахъ, не кричатъ, какъ прежде: gare (берегись)! И бѣда пѣшеходу, который не знаетъ нынѣшняго крика: Hé! houp! —

Альковы въ модныхъ спальняхъ дѣлаются готическаго вида. Надобно замѣтить, что все готическое въ ужасной модѣ, даже буквы Нѣмецкія или готическія видны вездѣ: въ заглавіи книгъ, на сувенирахъ, на карешахъ. — Извѣстно-ли читателямъ, что такое *деревенская необходимость*? Длинная корзина, гдѣ лежатъ разныя игры, какъ-то: мячи, кегли, билбокетъ и проч. Эта необходимость обклеивается сафьяномъ, украшается сталью и стоитъ — 300 франковъ!

Теперь вошли въ моду великолѣпные молитвенники. Дамы являются въ церковь не только съ разолоченными книжками, но часто убираютъ застежки ихъ драгоцѣнными каменьями. Объ изданіяхъ *ни* слова; золота, серебра и рисунковъ не жалѣютъ. Судите сами. Молитвенникъ Графини R*** стоитъ ей — 3600 франковъ! — Женихи щеголяютъ нынѣ корзинками для подарка невѣстамъ: хорошую корзинку не льзя купить менѣе 200 франковъ. — Въ хорошемъ тонѣ считается теперь, чтобы дамы, особливо дѣвушки, говорили тихо: иныя дѣвушки почти шепчутъ, а не говорятъ. Но если можно почесть ихъ нѣмыми, то никто, какъ увѣряютъ, не почтетъ глухими: онѣ слышатъ очень хорошо. Модныя кольцы дѣлаются створчатыя: девизъ или изображеніе внутри — подавите пружинку и кольцо раскрывается. Вообще носятъ нынѣ щеголихи по четыре кольца на обѣихъ рукахъ и одно бываетъ всегда просто плетушка изъ

волосокъ любимой особы, съ золотымъ сердечкомъ. — Кожа внутри шляпы у щеголя должна быть бѣлаго цвѣта, но подбой шляпы бываетъ синяго, зеленаго и оранжеваго. — Шлицки, платья, жилеты съ большими и маленькими цвѣтными четырехъугольниками, которые называются Шотландскими квадратами, давно въ большой модѣ. Теперь Шотландскіе квадраты перешли и на пироги. Одинъ изъ кандитеровъ продаетъ пирожки разцвѣченные квадратами и называетъ ихъ — *Шотландскими пирожками*. Наконецъ начали раскрашивать Шотландскими квадратами кабріолеты и тильбюри. Въ деревнѣ, молодыя дамы и дѣвушки носятъ до обѣда передники изъ шелковой матеріи съ Шотландскими квадратами и съ карманчиками. Въ числѣ игръ, прежде бывавшихъ только на вечерахъ, но которыми занимаются нынѣ и въ деревнѣ, замѣтны двѣ новыя, очень забавныя: проводятъ на паркетѣ черту мѣломъ. Ловкій танцоръ, костюмированный, представляетъ танцовщика на веревкѣ и дѣлая забавные прыжки, старается не упасть съ веревки, то есть не сойдти съ черты. Другая игра: *волшебный фонарикъ*, при чемъ представляющій фокусника имѣетъ случай къ остротамъ и шуткамъ. — За два года удивлялись, что одинъ Англичанинъ глядитъ въ лорнетъ, не держа его руками; нынѣ многіе Парижскіе щеголи такъ дѣлаютъ. Для этого надобно только искривить немного лицо. — На столы ставятъ нынѣ цвѣты непахучіе, чтобы не разстроить обонянія гостей, которое занято запахомъ суповъ и соусовъ. — Хотите-ли оцѣнить важность хорошаго вытка или волана на дамской оборкѣ? Каждый зубчикъ волана занимаетъ самую прилежную модистку — 10 ми-

путь; на воланѣ, длиною въ аршинъ, 32 зубчика — и такъ: отдѣлать одинъ только воланъ, надобно часовъ, 20 минутъ, искусной и прилежной модист кѣ. — Змѣя согнутая кольцомъ — самая модна пряжка для пояса. — Маленькія дѣвочки носят нынѣ огромныя соломенныя шляпки, которыя по величинѣ неуступятъ шляпкамъ взрослыхъ дам Модные вѣера называются теперь *Китайскими* дѣлаются изъ тоненькихъ бамбуковыхъ пластинок Кажется, это старая мода снова.

Въ Парижѣ много говорили въ послѣднее врем объ одномъ иностранцѣ, который живетъ довольн богато: въ одинъ день тратитъ онъ — 25 ты сячъ франковъ! Когда надобно отвезть куда нибуд записочку, подаютъ карету. Слуга подходитъ с великолѣпною подушкою, получаетъ *письмо* и ѣдет въ каретѣ.

Извѣстно, какъ многочисленны бываютъ Париж скіе балы. Многіе гости совсѣмъ не знаютъ хозяй ки, не знаютъ кому должны они говорить учтивости Одна знатная дама поставила свой портретъ в залѣ, чтобы гости могли узнавать ее въ толпѣ Хорошо хозяйкѣ, если она мила. — Огромное зданіе Базаръ, сгорѣвшее мѣсяцовъ за 15, строятъ вновь и говорятъ, что оно будетъ еще великолѣпнѣе стараго. — Г. Бродъ, отличный гобоистъ, изобрѣлъ новый духовой инструментъ, нѣчто въ родѣ гобоя, Англинскаго рожка и бассона. Онъ назвалъ его *Баритонъ*. Другой вновь изобрѣщенный Г-мъ Пайе инструментъ, называется *Физгармонika*. Онъ похожъ на форщеціано с

флейтами; но что плѣняетъ въ немъ, это подражаніе звукамъ гармоники и звукамъ гобоя, которые едва слышны, какъ будто вдалекѣ. — Давно не видали такого блестящаго собранія, какое находилось въ концертѣ, данномъ въ пользу Грековъ, 28 Апрѣля. Изъ благороднаго чувства приличія ни одна дама не была въ тюрбанѣ. У Г-жи Д. замѣтили головной уборъ: искуственныя розы, которыхъ тычинки въ срединѣ убраны были бриллiантами. Сборъ въ концертѣ простирался до 3000 фр. — Прекрасный Альбомъ, составленный Г-жею В*** изъ 40 рисунковъ, работы лучшихъ художниковъ, разыгранъ въ лоттерею, въ пользу Грековъ. Онъ достался Герцогинѣ Орлеанской, которая взяла 20 билетовъ. Каждый билетъ стоилъ 40 франковъ. — Драгоцѣнное собраніе произведеній Искуствъ, принадлежавшее Барону *Денону*, назначено въ продажу съ публичнаго торга наслѣдниками. Каталогъ вещей составилъ около 750 стр. in 8. Говорятъ, что въ этомъ собраніи много весьма рѣдкаго и любопытнаго, на примѣръ: 145 рисунковъ, представляющихъ барельефы колонны Вандомской площади: все изданіе и доски, коими гравировались сіи рисунки, были истреблены въ 1814 г. Денонъ сохранилъ только для себя *одинъ* экземпляръ. Въ его собраніи находится также чернилица, служившая Фридриху II во время семилѣтней войны; кольцо Іоанна безстрашнаго, Герцога Бургундскаго; статуйка работы Бенвенуто Челлини и проч. — Нѣкоторыя картины уже проданы и довольно дорого. Двѣ маленькія, работы Антонія Ватто, за 3015 фр.; портретъ Актрисы Жоржъ, Жерара, за 2010 фр. Впрочемъ продажа лучшихъ вещей отложена до Декабря. Любители изящнаго издержа-

лись на аукціонѣ галлереи живописца Давида и со
бранія Китайскихъ рѣдкостей Г. Салле. Изъ слѣду
ющаго можно судить, какъ дорого продавались рѣд
кости: одинъ коммисіонеръ получилъ отъ об
щества нѣсколькихъ Англинскихъ любительницъ
изъ Лондона, 150,000 фр. на покупки и жалѣлъ
что хорошаго не на что купить! — Во врем
коронаціи Короля Французскаго говорили о бога
томъ столовомъ сервизѣ Герцога Нортумберландска
го. Пишутъ теперь, что сервизъ, который отпра
вилъ въ Москву Герцогъ Девонширскій, стоитъ —
375,000 фр. — 3 Іюня, проданы въ Парижѣ 8
писемъ знаменитыхъ и извѣстныхъ особъ. Огромно
письмо Фенелона продано за 27 фр. 50 с.; малень
кое письмо Ж. Ж. Руссо за 21 фр.; Г-жи Менте
нонъ за 23 фр., а собственноручный приказъ На
полеона, данный имъ при Тулонской осадѣ, за 60 фр. —
5 Іюня было публичное засѣданіе въ Академіи Наукъ
Собраніе было блестящее и дамъ множество: он
апплодировали оратору Дюпену, который, говоря о
зрѣніи, сказалъ имъ нѣсколько комплиментовъ. В
засѣданіи Института раздавали посѣтителямъ пять
разныхъ брошуръ, всѣ въ четвертку и всего до
150 страницъ. Каждая дама старалась достать вс
тетрадки. Онѣ отдавали ихъ услужливымъ кавале
рамъ нести за собою до кареты. Нѣкоторые ка
валеры, имѣя свой участокъ и порученія отъ двухъ
или трехъ дамъ, несли огромныя кипы бумаги.

Парижскія моды (*).

A la campagne et en demi-soirée, les merveilleuses ont des chapeaux de paille d'Italie à bord très-plat et très-grand. Le tour de la forme de ces chapeaux est orné d'un rang de têtes de plumes blanches, couleur de rose, ou bleues, que retiennent deux rubans, l'un de satin, l'autre de taffetas moiré cousus ensemble. De chaque côté, ces rubans descendent sous la passe où ils forment une rosette. Les brides non coupées sont d'un pareil ruban. Quelques chapeaux de paille d'Italie ont sur le dessus de la forme un gros noeud de ruban, dont les bouts passent, de chaque côté, dans des entailles, et forment brides. Sur le devant de la forme est une branche de nymphea, avec ses fleurs jaunes ou blanches. — Les toques les plus habillées sont de tulle brodé en soie et en perles. La soie, couleur de rose, lilas ou bleue, dessine une petite feuille, dont les perles forment la fleur. Ces toques sont plissées à très-gros plis autour de la tête. Des bérets en gaze lisse bleue ou rose, et à petites raies bombées, sont entièrement plats du dessus. Vers la tempe droite est posée une aigrette. Pareille aigrette sur l'oreille gauche. Une de ces aigrettes est en marabouts, l'autre en plumes d'oiseau de paradis. Presque tous les chapeaux de gros de Naples sont garnis de larges biais d'étoffe bordés d'un rouleau de satin pareil, ou d'une autre couleur. Ces biais sont disposés en arcades autour de la forme, et entre chaque arcade est placée une grosse fleur, comme rose nymphe, boule de neige, ou anémone. Les bleuets et les coquelicots sont employés, soit pour orner des capotes de taffetas à carreaux, soit pour garnir des chapeaux de tissu de gros de Naples blanc à

(*) До 30 Іюня, 1826 г.

raies de paille tramés dans l'étoffe. — En toilette quelque dames portent des bonnets sans fond, ou plutôt de couronnes de plumes montées sur un ruban jaune, lila vert ou ponceau, et que séparent quatre rosette de rubans de couleurs différentes. Nous avons vu dan un atelier de couture deux robes destinées à madam la duchesse d'E..; l'une est en gros de Naples chamois et a pour garniture trois ruches de taffetas écossais: l seconde est de barèges bleu clair: et ce sont troi volans pareils, brodés en soie plate de couleur jonquille qui les garnissent. — Au bal de Sceaux, nous avon remarqué que les jeunes personnes ne portaient plus d écharpe ni sautoir, mais des canezous de mousseline brodée par dessus des robes de cotpali unies ou à carreaux, et su des robes de jaconnat bleu ou jaune. Une des danseuse les plus admirées, mademoiselle Z... L..., avait un robe de barèges à carreaux écossais, garnie de volans liserés et à dents arrondies. Les pointes des volans étaien attachées à la robe. Au bas des manches, mêm garniture. Chapeau de sparterie, à passe plate et doublé de taffetas à carreaux écossais: autour de la forme, troi rosettes de taffetas à bouts, qui avançaient jusqu'au bor de la passe. Souliers et guêtres grises. Les merveilleuse qui ne dansaient pas avaient des chapeaux à très-grand passe, et sur ces chapeaux, du tulipier, du *seringat* de la camomille, ou bien cinq ou six plumets e houppe et de couleurs différentes.

Въ деревнѣ и на полу-вечерахъ щеголихи надѣваютъ соломенныя шляпки съ полями весьма широкими и плоскими. Тулья у такой шляпы убрана бываетъ рядомъ верьхушекъ бѣлыхъ перьевъ розоваго или синяго цвѣта что придерживаютъ двѣ ленты, одна атласная, другая изъ морелевой шелковой матеріи, сшитыя вмѣстѣ. Съ каждой стороны сіи ленты сходятъ подъ поля шляпы, гдѣ образуютъ розетку. Завязки не разрѣзныя составляетъ одна изъ такихъ лентъ. На иныхъ соломенныхъ шляпкахъ сверху тульи бываетъ огромный бантъ изъ ленты, которой концы идутъ выемками съ обѣихъ сторонъ и составляютъ завязки. Напереди тульи находится вѣтка кувшинчиковъ или водянаго лапушника съ его бѣлыми или желтыми цвѣтами.

Самые нарядные токи дѣлаются изъ тюля шитаго шелкомъ и жемчугомъ. Розовымъ, синимъ или лиловымъ шелкомъ вышиваются маленькіе листочки, при которыхъ жемчугъ образуетъ цвѣты. Токи сіи уложены огромными складками. — Береты, изъ лощенаго синяго или розоваго газа, съ маленькими выпуклыми полосками, дѣлаются сверху совершенно плоски. На правомъ вискѣ и надъ лѣвымъ ухомъ бываютъ у нихъ пучки или кисти: одна изъ марабу, другой изъ перьевъ райской птички. Почти всѣ гроденаплевыя шляпки украшаются большими косяками изъ шелковой матеріи, убранными руладкою изъ атласа, такого-же какъ косяки или другаго цвѣта. Сіи косяки расположены аркадами вокругъ тульи и между ними находятся большіе цвѣты, какъ по: розы, бульденейжи и анемоны. — Васильки и макъ употребляютъ нынѣ на уборку шляпокъ-капотовъ изъ шелковой матеріи съ квадратами и на уборку шляпокъ изъ гроденапля съ соломенными полосками.

Въ нарядъ нѣкоторыя дамы надѣваютъ чепчики безъ верха, или лучше сказать, гирлянды изъ перьевъ, прикрѣпленныхъ на желтую, лиловую,

зеленую или пунцовую ленту, которыя раздѣляют четыре розетки изъ лентъ разныхъ цвѣтовъ. Изда шели Парижскаго Моднаго Журнала видѣли дв плашья, приготовленныя для Герцогини Э***. Одн гроденаплевое, цвѣта серны, съ уборкою из трехъ рюшей, сдѣланныхъ изъ Шотландской матe рiи; другое изъ свѣтло-синяго барежа. Три волана того-же цвѣта, вышитые жонкилевымъ шелкомъ составляютъ ихъ уборку.

На балѣ въ Сѣо замѣтили, что молодыя осо бы не носятъ уже нынѣ ни шарфовъ, ни перевязе крестъ на крестъ, но каньзу изъ шитой кисеи на плашьяхъ изъ кошпали, сплошнаго цвѣта или с квадратами и на плашьяхъ изъ жаконна синяго ил желтаго. Одна изъ первыхъ танцорокъ, дѣвица З. Л была въ барежевомъ платьѣ, изъ матерiи съ Шот ландскими квадратами, убранномъ воланами съ ли зере и съ круглыми зубцами; въ дроковой шляпк съ плоскими полями, подбитыми матерiею с Шотландскими квадратами, у которой вокруг тульи были три изъ шелковой матерiи розетки коихъ концы шли до края полей. Башмаки и шити леты сѣрые. Нетанцовавшiя дамы были въ шляп кахъ съ большими полями, убранными бѣлою сирены ромашкою, тюльпанами или пятью и шестью плю мажами разныхъ цвѣтовъ.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Соломенная шляпка. Казимировая юб ка и базеновыя панталоны.

1. *Мущина.* Суконный фракъ съ шелковыми пуговицами и бархатнымъ воротникомъ. Жилет изъ пике. Базеновыя брюки. Полосатые шелковы чулки. 2. *Мущина.* Фракъ съ позолоченными пуго вицами. Нанковыя брюки à bande de castor.

Въ Парижѣ 25 Іюня, 1326 г.

Въ Парижѣ 20 Іюня 1826 г.

Отдѣленіе второе.

Стр.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Пѣснь казака (Г-на Х. , , ва). - - 105
Къ Эрмію (Г-на Орлова). - - - 106
Отрывокъ изъ Гомеровой Ватрахоміомахіи или брани лягушекъ съ мышами (Г-на Вилламова). - - - - - 108
Спящая Переяслава (Барона Розена). - 112
Весенній праздникъ (Г-на Алексѣева). - 113
Предчувствіе (Г-на Астафьева) - - 14
Къ N. N., нарисовавшей букетъ поблекшихъ цвѣтовъ (А. , . . . Готовцовой). - - 115

Проза.

Безголовый мертвецъ (повѣсть Ирвина-Вашингтона). - - - - - 116

II. СМѢСЬ.

Вѣсти изъ Парижа (до 30 Іюня, 1826 г.). 143
Парижскія моды (на Французск. и Русскомъ язык.). - - - - - - 149

При сей книжкѣ *двѣ* картинки Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

Подписка на Телеграфъ принимается: *въ Москвѣ* — у А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ (цѣна 35 р. ассигн.); *въ С. Петербургѣ* — у А. Ф. Смирдина, въ Библіотекѣ для чтенія, подлѣ Синяго моста. Особы живущія во всѣхъ другихъ городахъ благоволятъ адрессоваться въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта (цѣна въ Спбургѣ и во всѣхъ другихъ городахъ 40 руб. ассигн.).

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Отвѣтъ Ѳ. Р. Качанова, который съ 1710 по 1715 годъ, начальствовалъ надъ Нерчинскими заводами.

Когда Нерчинскіе заводы поступили въ вѣдомство къ Генералъ-Маіору В. Н. Геннину, то извѣстился онъ, что прежній начальникъ оныхъ Ѳедоръ Качановъ постригся въ монашество и находится Намѣстникомъ при Тобольскомъ Архіерейскомъ домѣ. Желая получить обстоятельное свѣдѣніе о Нерчинскомъ краѣ, писалъ Геннинъ къ Намѣстнику и получилъ отъ него слѣдующій любопытный отвѣтъ (*):

»Въ бѣльцахъ было имя мое Ѳедоръ Родіоновъ сынъ Качановъ, а въ монашествѣ именуюся Ѳеодосій. Отецъ мой,

(*) Сообщенный намъ отъ В. Н. Берха. Просвѣщеннымъ читателямъ извѣстно, что В. Н. Берхъ составилъ жизнеописаніе Геннина, знаменитаго основателя Россійскихъ Горныхъ заводовъ; которое помѣщено въ *Горномъ Журналѣ*, сего 1826 года. *Изд. Тел.*

LIBRARY
MAR 7 1962
UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Новогородской пятой пятины, города Торопца, помѣщикъ. Въ Сибирь прибылъ онъ въ 154 (1646) году. Я родился въ Сибири; отъ роду мнѣ 76 лѣтъ. При какихъже дѣлахъ я находился и отъ кого посыланъ былъ, тому слѣдуетъ ниже сего извѣстіе. Постригся я по челобитной моей, за болѣзнію, которою одержимъ былъ цѣлый годъ. Монашество воспріялъ въ Троицкомъ монастырѣ, въ 1717 году; а въ 1720 мъ, по Указу Преосвященнаго Архіерея схимонаха Ѳеодора взятъ въ Тобольскъ, и опредѣленъ Намѣстникомъ.

»Въ прошломъ 7197 (1689) году пожалованъ я былъ по Москвѣ въ Дворяне и окладъ учиненъ мнѣ помѣстный: первое верстанье 500 четей, а денежное по Указу. И имя мое изъ разряду вынесено въ Сибирскій Приказъ, того ради что-бъ служить въ Сибири. По посылкѣ съ Москвы, при Боярине Кн. Иванѣ Борисовичѣ Репнине служилъ я въ разныхъ Сибирскихъ городахъ, до 1717 года.

»Въ началѣ служилъ я въ Тобольскихъ слободахъ писцомъ; а въ 198 (1690) году, взятъ отъ писцоваго дѣла въ Москву, и того же года посланъ въ Якутскъ, для разбора ясачныхъ иноземцовъ и для пріиску не-ясачныхъ дѣтей, братей и захребетниковъ, дабы обложить ихъ вновь ясакомъ и открыть, отъ чего учинился

ясачной недоборъ и заповѣдное винное куреніе?

»У сборщика, боярскаго сына, Леонтія Грифонова, открылъ я на заставѣ много мягкой рухляди: соболей, лисицъ и шубу соболью. По розыску открылось, что сборщики сбирали на себя соболей, лисицъ, коней и рогатый скотъ. Въ 24 волостяхъ нашелъ я не-ясачныхъ, захребетниковъ, дѣтей ихъ и братій, которые ясаку не платили, 6782 человѣка. Изъ нихъ въ совершенномъ возрастѣ 5020, а малолѣтныхъ 1762 человѣка; съ нихъ будетъ сбору мягкою рухлядью по 1717 годъ, 155,480 рублей. Заповѣднаго вина нашелъ я на 2000 рублей; посуды мѣдной 40 пудовъ.

»Лисицъ и соболей, которыхъ приносили мнѣ въ Якутскѣ, объявилъ я въ Сибирскомъ Приказѣ, и оныхъ продано въ Москвѣ на 1015 р. Денегъ мнѣ за оную не выдали, а на выпискѣ помѣчено было: *выдать*.

»Видя мое великое радѣніе въ томъ разыскномъ дѣлѣ, Кн. Иванъ Михайловичъ Гагаринъ держалъ меня въ Якутскѣ за крѣпкимъ карауломъ, въ осадѣ, 3 года и 7 мъ мѣсяцовъ, и многократно присылалъ отъ себя по 300,400 и 700 человѣкъ, давая имъ наказныя памяти за своею рукою, чтобъ меня стрѣлять по ниже поя-

ся и (*) привести къ нему, хотя меня погубить, дабы ихъ явное похищеніе казны Е. И. В. было не извѣстно. И оттуда я по Указу взятъ въ Москву, о чемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ предъявилъ изустно.

»По розыску моему открылось при Ленѣ многое винное куреніе и отъ того на кружечномъ дворѣ было такъ мало сборовъ, что деньги на жалованье присылались изъ Москвы. При мнѣ продано вина 1000 ведръ, цѣною на 4000 рублей и служимые люди удовлетворены жалованьемъ безъ присылки денегъ изъ Москвы.

»Въ 204 (1696) году, возвратился я въ Москву и тогда же отправленъ опять въ Сибирь, съ Думнымъ Дьякомъ Даніиломъ Леонтьевичемъ Полянскимъ, для розыску по 8 городамъ. Въ 205 году прибылъ я въ Москву.

»Въ 206 (1698) году опредѣленъ я былъ Комендантомъ въ Илимскъ, ибо тамъ всякая казна въ сборѣ противъ прежняго уменьшилась, а мнѣ повелѣно было привести сборы сіи въ прежнее состояніе. Здѣсь получалъ я разные Указы, по ко-

(*)?

шорымъ слѣдовалъ: въ 1701 году, на Красномъ-Яру; въ 1702, въ Иркутскѣ про Воеводу Мирона Башковскаго; въ Братской и Балаганской, про Стряпчаго Христофора Кофтырева. Потомъ о потерѣ ясачной казны на 7000 рублей. Въ 1704 при рѣкѣ Ленѣ, о убійствѣ прикащика Чекавинскаго. Въ 1705 въ Илимскѣ про Воеводу Богдана Челищева.

»Въ Илимскѣ принялъ я тяглыхъ людей 338 человѣкъ; но умножилъ оныхъ до 1448 человѣкъ. Къ посылкѣ хлѣба изъ Илимска въ Якутскъ подряжали въ Москвѣ гостя Ивана Ущакова, по 17 коп. за пудъ, и въ Якутскѣ становился оный по 50 коп. пудъ; но я писалъ къ Москвѣ объ отставкѣ сего подряда и посылалъ туда своего хлѣба, по вся годы, по 9458 четвертей. Въ Илимскѣ же учинилъ прибыли у варенія соди на 8400 рублей.

»Въ 1708 году, велѣно мнѣ было ѣхать въ Иркутскъ, Нерчинскъ и Якутскъ, дабы разыскать о привозѣ заповѣдныхъ Китайскихъ товаровъ и мягкой рухляди, выправясь: кто и когда ходилъ для торгу въ Китай и къ Мунгаламъ; сіи же города повелѣно мнѣ было вѣдать.

»По розыску открылъ и взялъ Китайскихъ товаровъ;

Камокъ, барберетовъ и атласовъ	31 кусокъ
Лензовъ - - - - - - - - - -	3981 ——
Дабъ - - - - - - - - - -	108 ——
Китайки - - - - - - - - - -	10 ——
Бархату - - - - - - - - -	9 аршинъ
Шелку сканова - - - - - - -	18 фунт.
Жемчугу половинчатаго - - -	107,000 зеренъ
Посуды Китайской - - - - -	1 ящикъ
Чашекъ ценинныхъ - - - - -	9 штукъ
Чаю зеленаго - - - - - - -	846 фунт.
Сандалу - - - - - - - - -	240 ——
Бадьяну - - - - - - - - -	862 ——
Перцу - - - - - - - - -	120 ——

Цѣною на 80,000 руб. (*).

»Пенныхъ соболей вынуто у Степана Бобровскаго, съ товарищи, 10 сороковъ 1 соболь, цѣною на 2000 рублей.

»Въ 1709 году повелѣно мнѣ было ѣхать въ Нерчинскъ и быть у серебрянаго промыслу, для пріиска золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ. Въ то же время повелѣно мнѣ было смѣнить Нерчинскихъ Воеводъ, Стольниковъ Петра и Ѳедора Мусиныхъ-Пушкиныхъ и быть на ихъ мѣстѣ Воеводою.

»Въ Нерчинскѣ принялъ я тяглыхъ людей 258 человѣкъ, казны 575 рублей, табаку 29 пуд. 16 фун. Таможенныя головы продали онаго въ 5 лѣтъ 16 пудъ, по цѣнѣ на 360 руб., а при мнѣ въ 5 же лѣтъ

(*) ? —

продано шабаку на 3702 руб. 87 коп. — У таможенныхъ головъ становилось вино по 1 р. 30 коп. ведро, а при мнѣ по 50 и 45 коп. ведро. Къ серебряному промыслу подряжали дрова по 40, а при мнѣ по 9 коп. сажень. Свинецъ перевозили изъ Аргунска до Нерчинска по 15, а при мнѣ по 6 копѣекъ пудъ. Серебра при моей бытности съ 1710 по 1715 годъ выплавленнаго отправлено въ Сибирскій Приказъ 41 пудъ, 13 фунтовъ, 49 золотниковъ (*). За сіи службы взысканъ я серебянымъ кубкомъ и пожалованъ Стольникомъ. Прилагаю здѣсь копіи съ двухъ Грамотъ.

»1. Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Сибирь, въ Нерчинскъ, Воеводѣ Нашему Ѳедору Родіоновичу Качанову, да подъячему Ивану Архипову. Въ прошломъ 1709 году Декабря въ 25 день писали вы къ НАМЪ Великому Государю, въ трехъ отпискахъ, что послали къ Москвѣ въ Сибирскій Приказъ НАШЕЙ В. Г. ясачной и десятинной казны сбору 709 года, 7 сороковъ, 36 соболей, въ кожѣ, 518 бѣлокъ черныхъ, 149 россомахъ. Покупныхъ 3 сорока, 1 соболь. Да отъ ясачныхъ и отъ покупныхъ 109 хвостовъ собольихъ. Таможеннаго сбору, 708 году,

(*) Намѣстникъ Ѳеодосій показалъ сіе количество серебра не на память, но по справкѣ съ Тобольскою Канцеляріею. Справка сія находится при томъ же дѣлѣ, изъ коего я почерпнулъ ошибки монаха Ѳеодосія. Б.

двѣ россомаки; 34,677 зерень половинчатыхъ выплавленнаго серебра 5 пудъ, 26 гривенокъ, съ Нерчинскимъ сыномъ Боярскимъ съ Семеномъ молодымъ, съ служилыми людьми съ Иваномъ Смольниковымъ, съ Григорьемъ Бѣломѣсовымъ. И вышеписанная НАША В. Г. казна у нихъ въ Сибирскомъ Приказѣ принята сполна. И какъ вамъ ся НАША В. Г. Грамота придетъ и вы бы велѣли въ Нерчинскѣ въ Приказной избѣ справиться: сколь число всякой НАШЕЙ казны отпущено, да о томъ къ НАМЪ В. Г. писали. А отписку велѣли подать въ Сибирскій Приказъ, Генеральному нашему Президенту, Московскому Коменданту и Сибирскимъ Провинцій Судьѣ Кн. Матвѣю Петровичу Гагарину. Писано на Москвѣ, лѣто 1710 года, Марта въ 16 день.

»Дьякъ Афанасій Герасимовъ.

»Подъячій Михайло Щепининъ.

»Въ Нерчинскѣ подана Марта въ 3 день 1711 года.

»2 я. Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Сибирь, во Нерчинскъ, Стольнику НАШЕМУ и Воеводѣ Ѳедору Родіоновичу Качанову. Въ нынѣшнемъ 711 году, Января въ 3 й день, указали МЫ В. Г., за многіе твои труды и радѣніе, писать тебя Стольникомъ. И за присылку серебра, что при бытности твоей выплавилъ и прислалъ къ НАМЪ В. Г., къ Москвѣ, серебра не малое число, послали къ Тебѣ НАШЕ В. Г. жалованье: кубъ серебряный, вѣсомъ въ 3 фунта. И какъ тебѣ ся НАША В. Г. Грамота придетъ и ты-бъ впредь въ пріиску руды и въ плавкѣ серебра ще-

казалъ прилежное свое раденіе, что-бъ въ выплавкѣ
и въ присылкѣ къ Москвѣ серебра было съ великимъ
довольствомъ. И за такое свое прилежное радѣніе
НАЩЕЮ В. Г. милостію будемъ впредь жадовать.
Да изъ Нерчинской пахаты взять тебѣ 500 пудъ
муки ржаной, да 50 ведръ вина. Писанъ на Москвѣ,
лѣта 1711, Января въ 4й день.

»Дьякъ Иванъ Чепелевъ.

»Подъячій Михайло Щепининъ.

»Въ Нерчинскѣ подана: 1711 года Апрѣля въ 30 день.

»Въ 1716 году опредѣленъ я въ Томскъ Комменданшомъ, для сбору ратныхъ людей, и выслалъ оныхъ 1200 человѣкъ въ Тобольскъ. Въ 1717 году, по Указу бывшаго Губернатора Кн. Гагарина, перемѣненъ я изъ Стольниковъ и посланъ въ Тобольскъ, гдѣ по болѣзни моей уволенъ постричься, о чемъ показано выше.

»Въ разыскномъ дѣлѣ про бывшаго Сибирскаго Губернатора Кн. Гагарина, ни кто на меня ни въ Москвѣ, ни въ Сибири ничего не показалъ. Казнѣ же Е. И. В. во всякихъ сборахъ, въ поселеніи вновь пашенныхъ крестьянъ, сборѣ хлѣбныхъ запасовъ, въ пріискѣ серебряной и мѣдной рудъ и въ плавкѣ серебра, учинилъ я много прибыли безъ людской тягости и безъ жалобъ.

Намѣстникъ монахъ Ѳеодосій.«

1724 года,
Января 7 дня.
Тобольскъ.

Могаммедъ Али правитель Египта (*)

Имя Могаммеда-Али часто является въ журналахъ Европейскихъ. Его честолюбіе и выборъ способовъ для удовлетворенія онаго; ненавистная жестокость и обширныя дѣянія имъ совершенныя; покровительство оказываемое изысканіямъ уче

(*) Сочиненіе Барона Сильвестра де-Саси, написанное имъ по выходѣ любопытной книги: Histoire de l'Egypte sous le gouvernement de Mohammed-Ali, соч. Ф. Манжена, съ прибавленіями Г-дъ Лангле, Жомара и Агуба. Правитель Египта, конечно, человѣкъ необыкновенный; но объ немъ слишкомъ много преувеличеннаго разсказываютъ въ Европѣ люди, которые изъ жадности къ пріобрѣтеніямъ поселились въ областяхъ имъ управляемыхъ. Сіи разсказы повторяютъ приверженцы Турковъ и энтузіасты, которымъ непремѣнно хочется, даже въ каждомъ смѣломъ разбойникѣ, видѣть генія и великаго человѣка. Никто не споритъ, что человѣкъ, самъ собою взошедшій на высокую степень повелителя обширной области, который одною рукою сокрушаетъ Грецію, а другою, въ тоже время, истребляетъ орды Аравійскихъ народовъ, долженъ имѣть великую силу духа, смѣлость и отличное соображеніе; но какимъ путемъ достигъ до своего величія Паша Египетскій? Благоденствуютъ-ли подвластные ему народы? Просвѣщенная-ли охота ведетъ его къ пріобрѣтенію различныхъ Европейскихъ изобрѣтеній? Глубоко-ли сѣетъ онъ сѣмена образованія и приноситъ-ли они благодѣтельные плоды подъ желѣзнымъ скипетромъ его деспотизма? Если народы стенаютъ подъ

ыхъ Европейцовъ въ Египтѣ и вкусъ его, олѣе пылкій нежели просвѣщенный, ко семъ нововведеніямъ, посредствомъ которыхъ онъ надѣется или утвердить свое огущество или умножить свои богатства; частыя путешествія агентовъ его ъ различнымъ народамъ Европы и наконецъ — завѣса, покрывающая будущую удьбу его: все это обратило на него особенное вниманіе политиковъ и всѣхъ просвѣщенныхъ Европейцовъ. Публика приметъ конечно благосклонно сочиненіе, назначенное, какъ для ознакомленія ея съ симъ необыкновеннымъ человѣкомъ, такъ и съ судьбою Египта подъ его управленіемъ и писанное Французомъ, бывшимъ свидѣтелемъ всего имъ разсказываемаго, даже иногда бравшимъ участіе въ происшествіяхъ. Ограничиваемся краткимъ извлеченіемъ изъ сочиненія Г. Манжена и присовокупленіемъ къ тому нѣкоторыхъ примѣчаній.

Г. Манженъ начинаетъ повѣствованіе свое со времени выступленія Французской арміи изъ Египта. Отступленіе Францу-

---

его властію, и гнусная корысть, ненавистный эгоизмъ руководствуютъ его охотою къ просвѣщенію, Могаммедъ-Али заслуживаетъ названіе дерзкаго тирана и дальновиднаго эгоиста; но не героя, не благодѣтеля человѣчества и не покровителя просвѣщенія. С. де-Саси показываетъ его въ истинномъ видѣ. *Изд.*

зовъ оставляло Египетъ безъ всякаг
правительства. Оттоманская Порта до
жна была страшиться вліянія Мамелюк
скихъ Беевъ и старалась о сохраненіі
связей съ Англіею, которая столь сильно
помогала ей возвратить право владѣні
Египтомъ. Несогласія Великаго Визир
Юзефъ-Паши, начальствовавшаго Турец
кою арміею, съ Капитанъ-Пашою, кото
рый съ флотомъ своимъ стоялъ на Абукир
ской рейдѣ, увеличивали затрудненія
Порта, для устраненія препятствій к
утвержденію своей власти, рѣшилась
истребить Беевъ и Мамелюковъ. Въ слѣд
ствіе приказаній Дивана (какъ увѣряет
Г. Манженъ, не приводя однако-же ника
кого доказательства) и съ согласія Англій
скаго Посланника въ Константинополѣ
Великій Визирь и Капитанъ-Паша долж
ны были истребить сначала Беевъ. Пред
пріятіе сіе частію исполнено жесто
кимъ вѣроломствомъ Капитанъ-Паши
неблагоразумною довѣренностію Беевъ к
притворнымъ изъявленіямъ благосклон
ности, которымъ Англинскій Генералъ
Гутчинсонъ, не подозрѣвавшій нена
вистныхъ умысловъ Турецкаго Адмира
ла, придавалъ еще болѣе вѣсу своими
тихими и миролюбивыми поступками.
Между тѣмъ, когда Капитанъ Паша
приказалъ войску своему атпаковать Бе
евъ, по убѣдительнымъ просьбамъ его
прибывшихъ къ нему въ лагерь для сов-

аній, Великій Визирь велѣлъ захватить ставшихся въ Каирѣ — и всѣ Беи, смер-ію своею, избавили-бы Порту отъ силь-ыхъ опасеній ими внушаемыхъ, если-бы егодованіе, оказанное въ семъ случаѣ Ге-ераломъ Гутчинсономъ и угрозы его, не становили обоихъ начальниковъ Турец-ихъ силъ, въ дальнѣйшемъ исполненіи редпріятія ихъ. Послѣ сего можно сомнѣ-аться, былъ-ли увѣдомленъ Англинскій ославникъ о ненавистномъ предпріятіи урковъ и далъ-ли на оное свое согласіе.

Вскорѣ Капитанъ-Паша и Великій Ви-ирь отбыли изъ Египта, оставивъ про-инцію сію подъ управленіемъ Могаммеда-ашши Хузруфа. Назначеніе сего человѣка Египетскимъ правителемъ было слѣдствіе-ъ привязанности къ нему Капитанъ-Па-ши и благорасположенія Султана къ Ту-ецкому Адмиралу. Правленіе Хузруфа было сцѣпленіемъ неудачныхъ бореній ъ Беями и внутреннихъ безпокойствъ. Черезъ полтора года Египетъ и столица его остались безъ правителя и во власти Мамелюковъ самъ Хузруфъ былъ ихъ плѣн-икомъ. Могаммедъ-Али, получившій чинъ Генерала въ Абукирскомъ лагерѣ, уча-ствовалъ во многихъ происшествіяхъ, слу-чившихся подъ правленіемъ Хузруфа.

8го Іюля 1803 г. Али-Паша-Гезаирли, но-вый правитель, посланный Портою для возстановленія порядка въ Египтѣ, при-

былъ въ Александрію; но не успѣвши, н
обмануть Беевъ, ни побѣдить ихъ силою
онъ самъ отдался въ ихъ волю и уличен
ный потомъ, что хотѣлъ возмутить
противъ нихъ часть войска, былъ умерщ
вленъ 31 Января 1804 года.

Англичане, очистивъ городъ и укрѣп
ленія Александріи, взяли съ собою одного
Бея, по имени Могаммеда, прозваннаго Эл
фи, который, по особенной любви к
нимъ, сдѣлался ненавистенъ Туркамъ. Фев
раля 12, 1804 г., Англинскій фрегатъ при
везъ его на Абукирскую рейду. Возвраще
ніе сего Бея возбудило живѣйшія опасенія
въ другомъ Беѣ, Османѣ Бардисси, кото
рый, отъ имени своихъ товарищей, само
властно правилъ Каиромъ. Онъ отправилъ
войско сухимъ путемъ и въ лодкахъ по Ни
лу для взятія Элфи; но сей послѣдній,
неожидавшій впрочемъ такихъ непріязнен
ныхъ дѣйствій, избавился, какъ будто чу
домъ, отъ нападенія и ушелъ въ степь,
оставивъ на разграбленіе богатый багажъ
свой и сокровища, привезенныя имъ изъ
Лондона. Бардисси не долго наслаждался
своими успѣхами. Войско, не получавшее
жалованья, возмутилось и подъ предводи
тельствомъ Могаммеда-Али требовало
отъ Бардисси выдачи слѣдующаго ему жа
лованья. Большія контрибуціи наложены
были на домы и жителей Каирскихъ для
удовлетворенія войска; но такія мѣры
произвели возмущеніе въ народѣ. Могам-

дъ-Али воспользовался довѣренностію рдисси, возмутилъ противъ Беевъ ходившееся подъ начальствомъ его войс-, также народъ и вскорѣ Беи, ат-ковавные нечаянно (12 Марша, 1804 г.), инуждены были выйдти изъ Каира. огаммедъ-Али освободилъ изъ тюрьмы ежняго намѣстника Хузруфа и заста-лъ признать его начальникомъ; но че-зъ два дни Хузруфъ снова былъ смѣненъ посланъ въ Розетту, откуда отправил-на кораблѣ въ Константинополь. Замѣ-тельно, что въ семъ нечаянномъ воз-ущеніи не было кровопролитія. Должно ло учредить правительство. Начальни-войска отправили посланныхъ къ Хур-иду-Пашѣ (находившемуся тогда въ Алек-ндріи и которому Али-Паша Гезаирли алъ начальство надъ симъ городомъ), риглашая его принять бразды правленія. прибытія его Могаммеду-Али поручено ло исправлять должность *Каймакама* и помощника. Въ ту самую ночь, когда огаммедъ-Али съ войскомъ своимъ ат-ковалъ Мамелюковъ, извѣстилъ онъ Ка-о полученіи фирмана Порты (вѣро-тно подложнаго), по которому мѣсто равителя должно было занять Хурши-у-Пашѣ. Съ сего времени приобрѣлъ огаммедъ-Али, всегда болѣе и болѣе воз-ставшее вліяніе, возведшее его въ ослѣдствіи на степень верховнаго Прави-еля Египта.

Хурщидъ-Паша спѣшилъ соотвѣтс
ствовать желанію начальниковъ и при
былъ въ Каиръ 3-го Апрѣля, а 28-го полу
чилъ отъ Порты фирманъ, назначавшій
его Египетскимъ правителемъ. Сопротив
ляться Беямъ, которые безпрестанно
приближаясь къ Каиру, препятствовали
сообщенію и не допускали жизненныхъ
припасовъ въ столицу; удерживать необ
разованное войско, всегда готовое взбун
товаться для полученія своего жалованья
укрощать возмущенія народныя каждый
разъ, когда для удовлетворенія войск
должно было собирать какіе нибудь чрез
вычайные налоги — таковы были без
прерывныя заботы Хурщидъ-Паши, в
все время его правленія. Ему тѣмъ труд
нѣе было побѣждать всѣ сіи затрудненія
что Могаммедъ-Али безпрерывно под
держивалъ бунты, для своего возвыше
нія. Между тѣмъ Могаммедъ-Али по
лучилъ отъ Порты приказаніе оста
вить Египетъ и притворился, что хо
четъ повиноваться сему повелѣнію. Он
назначенъ былъ Пашею Гиддскимъ и пра
вителъ Египта самъ торжественно воз
ложилъ на него знаки новаго его достоин
ства; но Могаммедъ-Али совсѣмъ не
думалъ оставлять Египта въ такое вре
мя, когда онъ скоро надѣялся собрать
плоды своихъ происковъ.

Мая 14-го 1805 г. недовольные произ
вели возмущеніе, свергли Хурщида и вру

ияли начальство Могаммеду - Али, въ
жиданіи отвѣта на отношеніе, посланное
ъ Константинополь. Однако-же, какъ
Хуршидъ не соглашался покориться тако-
му противозаконному опредѣленію, то
Могаммедъ-Али осадилъ крѣпость и скоро
начались непріязненныя дѣйствія между
войскомъ въ крѣпости бывшимъ и войскомъ
Могаммеда-Али. Они продолжались до 9го
іюля, дня прибытія Капиджи, привезшаго
ирманъ, возводившій Могоммеда-Али въ до-
стоинство правителя Египта и повелѣвав-
шій Хуршиду отправиться въ Александрію
и ожидать тамъ повелѣній Порты. Хуршидъ
все еще упорствовалъ въ своемъ отказѣ и
держался въ крѣпости, когда въ Каиръ при-
шло извѣстіе, что эскадра, подъ началь-
ствомъ Капитанъ-Паши, пристала 17 Іюля
на Абукирской рейдѣ. Того-же мѣсяца 19-го
числа, Селиктаръ Капитанъ-Паши принесъ
Хуршиду повелѣніе сдать крѣпость и безъ
промедленія отправиться въ Александрію.
Послѣ долгихъ переговоровъ Хуршидъ ре-
шился наконецъ, 4-го Августа, выйдти
изъ крѣпости. Если можно сказать, что
въ немъ не было способностей, нужныхъ
для управленія въ трудныя времена, то
по крайней мѣрѣ должно признаться, что
главная ошибка его состояла въ излишней
довѣренности къ вѣроломнымъ совѣтамъ
той партіи, которая хотѣла погубить
его. Со времени выхода его изъ Египта,
онъ во многихъ случаяхъ употребляемъ

былъ Портою и ему поручено было на
конецъ истребить знаменитаго Али Пашу
Янинскаго. Подозрѣваемый въ похищеніи со
кровищъ послѣ смерти Али, храбрый Х
шидъ Паша умерщвленъ по приказанію
Султана.

Могаммедъ-Али, достигнувъ высокаго
званія, бывшаго предметомъ всѣхъ его
желаній, не сдѣлался нерадивымъ и не
скрывалъ отъ себя трудностей своего
положенія. Вниманіе его обратилось на два
главные предмета: истребленіе Беевъ,
коихъ присутствіе на землѣ Египетской
держало-бы его въ безпрестанномъ безпо-
койствѣ и избавленіе отъ неустроеннаго
войска, всегда готоваго низвергнуть его
съ мѣста, на которое онъ возвысился,
заставляя сіе войско дѣйствовать по сво-
имъ видамъ. Для исполненія перваго изъ
сихъ предпріятій, несогласія и зависть,
царствовавшія между Беями, были ему
очень полезны. Вѣроломство, клятво-
преступленіе и подлая измѣна довершили
ихъ погибель. Второе предпріятіе, не
менѣе важное для безопасности правите-
ля, было гораздо труднѣе и политика
Могаммеда-Али едва не ошиблась въ семъ
случаѣ. Война съ Вехабитами окончила
начатое многократными экспедиціями и
то, что могло быть орудіемъ его гибели,
послужило къ распространенію и утверж-
денію его могущества. Правда, Египетъ
получилъ нѣкоторыя выгоды отъ утверж-
денія власти, которая для собственной

ользы утушила или истребила зародышъ
ятежей и внутреннихъ раздоровъ; но
гипетъ дорогою цѣною купилъ слабый
лескъ спокойствія, судя по всѣмъ вѣроя-
іямъ долженствующій исчезнуть вмѣстѣ
ь человѣкомъ, произведшимъ его. Трудно
ообразить себѣ насилія и притѣсненія
сякаго рода, безпрестанно возобновляе-
ыя подъ правленіемъ деспота, котораго
ногіе величаютъ нынѣ титломъ велика-
о человѣка! Читая извѣстія Г. Манжена,
дивляешся, что онъ могъ хладнокровно
писывать страшныя явленія ужаса и гра-
ительства, наполняющія страницы Исто-
іи Могаммеда-Али! Не будемъ слѣдовать за
сторикомъ въ описаніи всего, что случи-
ось въ Египтѣ, съ того времени, какъ
Іогаммедъ-Али сдѣлался повелителемъ его.
Остановимся только на нѣкоторыхъ об-
тоятельствахъ, могущихъ дать понятіе о
олитикѣ и слабости Оттоманскаго прави-
ельства и объ управленіи Могаммеда-Али.

Онъ торжественно былъ утвержденъ
ъ должности правителя. Указъ Султана,
тверждавшій его достоинство, приве-
енъ былъ въ Каиръ 1 го Апрѣля 1806 г.
Капиджи Пашею. Могаммедъ-Али, съ тре-
ія бунчуками и прочими принадлежностя-
и своего чина, получилъ пышные подар-
и. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ того,
Порта, уступая, какъ говорятъ, убѣди-
тельнымъ просьбамъ Британскаго прави-
тельства, но по всѣмъ вѣроятіямъ; не

ошибаясь въ цѣли предпріятій Могаммеда Али и отрашась честолюбія одного человѣка, богатаго средствами, болѣе нежели неповиновенія Беевъ, раздѣленныхъ взаимными выгодами и завистливыхъ одного к другому, рѣшилось отозвать Могаммеда-Али и вручить Египетъ Элфи, которому Англичане всячески помогали. Для исполненія сего предпріятія, Турецкая эскадра подъ начальствомъ Капитанъ-Паши, прибыла въ гавань Александріи, а 1 го Іюля Капиджи привезъ Могаммеду-Али указъ Порты, въ слѣдствіе котораго онъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Александрію, тамъ сѣсть на корабль и плыть въ Салоники, куда былъ назначенъ правителемъ. Могаммедъ-Али, въ семъ случаѣ, поступилъ весьма хитро. Онъ объявилъ, что повинуется повелѣніямъ Порты, а между тѣмъ противопоставилъ свое войско успѣхамъ Элфи. Подъ диктатурою его самого написаны были просьбы отъ всѣхъ начальниковъ военныхъ и гражданскихъ Капитанъ-Пашѣ, объ уничтоженіи Султанскаго указа; деньги, разсыпанныя кстати, дали сильную опору симъ требованіямъ. Неловкость Элфи, безпечность и зависть другихъ Беевъ, отказавшихся дѣйствовать съ нимъ за одно, послужили также хорошо къ пользѣ Могаммеда-Али, которому удалось склонить на свою сторону Капитанъ Пашу и такимъ образомъ уничтожить всѣ происки своихъ непріятелей.

ворятъ, что въ семъ важномъ случаѣ по-
ралъ ему Французскій П санникъ въ
нстантинополѣ. Наконецъ, Декабря 2 го,
ыбылъ въ Каиръ Капиджи-Паша и при-
ъ Фирманъ, снова утверждавшій Могам-
да Али въ прежнемъ званіи. Элфи, тщет-
покушавшійся заключить миръ съ Мо-
ммедомъ-Али, продолжалъ военныя дѣй-
вія и причинялъ ему безпокойства. Въ
варѣ 1807 г. непредвидѣнный случай ли-
лъ жизни сего Бея и тѣмъ окончилъ опа-
нія правителя.

О финансовомъ управленіи Могаммеда-
и политикѣ его можно судить по слѣ-
ющему.

Обыкновенное средство Могаммеда-
ди, когда ему нужны деньги, состояло
режде въ изнурительныхъ налогахъ на
оптовъ, бывшихъ его казначеями. Для
его справлялся онъ только съ своими по-
требностями, ни мало не заботясь, сораз-
ѣрны-ли были его требованія со способа-
ми платящихъ. Если сіе средство было
недостаточно, то онъ бралъ половину до-
ходовъ съ имѣній принадлежащихъ мече-
тямъ. Недоволенъ будучи симъ, онъ при-
казалъ однажды пересмотрѣть всѣ грамо-
ты, по которымъ владѣли имѣніями, от-
казанными уже за нѣсколько вѣковъ въ
пользу богоугодныхъ заведеній и богадѣ-
ленъ, также имѣніями для содержанія водо-
емовъ и Улемовъ. Придумывали всякія лбе-
ды, желая уничтожить достовѣрность

документовъ и отнять имущества у вл
дѣльцовъ. Могаммедъ-Али и тѣмъ не уд
вольствовался. Онъ наложилъ ежегодну
подать на всѣ права владѣній и приказал
агентамъ своимъ захватить всѣ земл
помѣщенныя въ разрядѣ завѣщательныхъ
Такая мѣра возмутила народъ и Шеик
собрались для разсужденія что имъ д
дать. Слѣдствіемъ собранія ихъ было от
ношеніе, въ которомъ они просили пра
вителя объ уничтоженіи притязаній н
наслѣдства, на имѣнія принадлежащія ме
четямъ и на доходы владѣльцовъ. Потом
совѣтовались, какимъ образомъ соединитьс
для поддержанія правъ народныхъ и дл
забвенія въ семъ случаѣ взаимной ненави
сти и частныхъ неудовольствій. Паша
увѣдомленный о собраніи Шеиковъ, велѣл
пригласить ихъ къ себѣ. Они отказалис
отъ приглашенія и послали къ нему прос
бу. Нѣсколько дней прошло; Шеики н
получая никакого отвѣта и упорно отказы
ваясь отъ приглашеній Паши, отправил
двухъ членовъ за отвѣтомъ. Онъ был
грозенъ и быстръ; объясненія двухъ послан
ныхъ къ Могаммеду-Али не имѣли ника
кого послѣдствія; но многіе изъ Шеиковъ
соображаясь съ своими выгодами, начал
смягчаться, показывая притворно вид
сопротивленія.

Собравшись снова у одного изъ Шеиков
по имени Сеида-Омара-Макрама, пользовав
шагося великимъ уваженіемъ и занимавшаго

зсто *Накибъ Аласкрафа*, то есть, началь-
ика всѣхъ шерифовъ или потомковъ Маго-
ета, получили они опять приглашеніе
итьея къ Могаммеду-Али для общихъ со-
щаній о примиреніи. Сеидъ Омаръ клят-
нно увѣрялъ, что онъ до тѣхъ поръ не
ойдетъ, пока Магоммедъ-Али не оставитъ
амѣренія своего касательно новыхъ нало-
овъ. »Если Паша,« говорилъ онъ, »будетъ
родолжать угнѣтенія, мы напишемъ къ
Іортѣ и взбунтуемъ противъ него на-
одъ Я сведу его съ мѣста, также какъ
возвелъ.« Между тѣмъ собраніе отпра-
ало къ Пашѣ трехъ Шеиковъ Онъ не
тказался ни отъ одного изъ своихъ намѣ-
еній и только пустыми предлогами ста-
ался уменьшить ихъ несправедливость.
Іо возвращеніи посланныхъ, Сеидъ-Омаръ
прекалъ ихъ въ слабости и несохраненіи
лятвы, данной ими для дѣйствія общими
илами. Собраніе опять не имѣло никакого
лѣдствія.

Тогда Магоммедъ-Али, отъ котораго
Великій Визирь требовалъ уплаты трехъ
тысячь шести сотъ мѣшковъ (онъ обязал-
ся заплатить сію сумму для содѣйствія въ
издержкахъ при войнѣ съ Вехабитами), ве-
лѣлъ написать просьбу о прощеніи сей
суммы. Ее должно было послать за
подписью Сеида-Омара-Макрама; но Шеикъ
не захотѣлъ подписать ее, приводя причи-
ною, что въ ней находится ложное по-
казаніе. Могаммедъ-Али, встревоженный

такимъ отказомъ, велѣлъ пригласить къ себѣ Омара, но Омаръ отказался и отвѣчалъ только, что если Паша захочетъ придти къ Шеику Садату, то и онъ, съ своей стороны, придетъ туда-же.

Паша, раздраженный отвѣтомъ, на другой или на третій день возобновилъ приглашеніе Сеида-Омара, который снова упорствовалъ въ своемъ отказѣ. Тогда Паша велѣлъ собраться Кадіямъ и всѣмъ Шеикамъ и по его повелѣнію Кади послалъ просить Сеида-Омара явиться къ Могаммеду-Али для примиренія съ нимъ. Шеикъ остался непреклоненъ. Паша самовластно отрѣшилъ Сеида-Омара отъ занимаемаго имъ мѣста начальника шерифовъ, возвелъ въ сіе званіе Шеика Садата и сослалъ Омара въ Даміетту. Когда Омаръ оставлялъ Каиръ, всѣ Шеики и большая часть жителей провожали его изъ почтенія къ нему и по чувству признательности, хотя многіе и не одобряли его сопротивленія и непреклонной упорности.

Жители съ горестью видѣли, что никого не осталось для защищенія ихъ отъ притѣсненій Паши. Съ своей стороны Могаммеду-Али нужно было оправдаться передъ Портою въ жестокости, оказанной Омару, и потому онъ приказалъ написать записку, въ которой обременялъ его важными обвиненіями. Многіе члены изъ сословія Улемовъ отказались подписать записку сію и отъ того произошли между

ними непріязненность, ненависть, взаимныя клеветы, которыя раздѣляя ихъ и потому ослабляя ихъ вліяніе, обратились въ пользу самовластія правителя.

Приготовленія къ войнѣ противъ Вехабишовъ оказались средствомъ къ новымъ утѣсненіямъ. Сначала обрушились они на Коптовъ, финансовыхъ смотрителей Паши, а съ нихъ отразились на писателей или Катебовъ той-же націи. »Сборы »сего налога,« говоритъ Г. Манженъ, »за»ставили проливать кровавыя слезы. Мно»гіе продали своихъ невольниковъ, свою »движимость, драгоцѣнныя вещи женъ сво»ихъ; другіе прибѣгнули къ тягостнымъ »займамъ; заточеніе и побои достались въ »удѣлъ тѣхъ, коимъ бѣдность не позволя»ла выплатить налога.« Десять тысячь мѣшковъ, полученныхъ такимъ образомъ, были еще недостаточны для Могаммеда-Али. Политика его требовала, чтобы онъ изыскалъ предлогъ, посредствомъ коего сложилъ-бы съ себя ненавистныя дѣйствія, употребленныя имъ для наполненія казны и обратилъ ихъ на начальниковъ разныхъ сословій и на тѣхъ, кто казался урожденнымъ защитникомъ правъ народа. Онъ приказалъ собрать Шеиковъ, Оджаклисовъ и владѣльцовъ, представилъ имъ свои нужды, положеніе дѣлъ и притворно спрашивалъ у нихъ совѣта о средствахъ, которыя можно употребить для пріобрѣтенія денегъ, безъ отягощенія

владѣльцовъ. »Я думаю,« говорилъ онъ »что нашелъ средство, не оставляющее »ничего на произволъ. Всѣ владѣльцы долж»ны имѣть документы, въ которыхъ »означены *мири* и *фаицъ* (*); мы заимооб»разно выпросимъ отъ каждаго на годъ или »на два всѣ подати и доходы.« Айубъ Кіа́ія, начальникъ Оджаклисовъ, замѣтилъ на это, что принявъ такія мѣры, *никого* не должно исключать изъ оцѣнки, и что съ собственностей Шеиковъ должно собрать такіе-же налоги, какъ и съ другихъ. Это было знакомъ шумныхъ возраженій. Паша удалился и выслалъ своего Драгомана для наложенія молчанія. Всѣ замолчали, собраніе разошлось и Паша опредѣлилъ взыскать предполагаемый налогъ со всѣхъ имуществъ.

Первый походъ противъ Вехабитовъ былъ неудаченъ, и послужилъ новымъ поводомъ къ налогамъ. Всѣ недвижимыя имѣнія опредѣленныя на благотворительныя заведенія и называемыя *ризакъ*, обложены были чрезвычайными податями. Начался всеобщій ропотъ. Шеики, почитаемые органами публичнаго мнѣнія и покровителями всѣхъ духовныхъ заведеній тщетно представляли правителю, что такія мѣры разрушатъ мечети, училища и всѣ благодѣтельныя заведенія. Представленія ихъ ос-

(*) *Мири* — подать, а *фаицъ* — часть дохода, остающаяся владѣльцу по заплатѣ податей.

тались безъ дѣйствія, и подать была собрана.

Въ послѣдствіи, когда правитель съ войскомъ своимъ былъ въ Аравіи, намѣстникъ его въ Каирѣ, исполняя полученныя повелѣнія, рѣшительно присоединилъ къ казнѣ *всѣ недвижимыя владѣнія*, принадлежавшія частнымъ людямъ и началъ выдавать доходы съ нихъ изъ казначейства. Народъ оказывалъ негодованіе, но сила восторжествовала надъ всѣми жалобами.

Много можно-бы набрать такихъ примѣровъ; но мы сказали уже довольно, для доказательства, какъ права собственности уважаются Могаммедомъ-Али и какимъ образомъ сей человѣкъ, коего политику столько превозносятъ Европейцы, смотритъ на благосостояніе народа. Если можно чему нибудь удивляться, то развѣ тому, что есть еще люди, которые при такомъ правленіи, трудятся въ обработываніи земли. Обративъ взоръ на торговлю и промышленность, увидимъ, что управленіе Могаммеда-Али, коего основаніе составляетъ монополія, находится въ совершенной противоположности со всѣми правилами, какихъ требуетъ народное благосостояніе, со всѣми выгодами частными и съ его собственными выгодами. Что касается до правосудія, то и слѣдовъ настоящаго суда не видно въ Египтѣ, ибо учрежденіе Могаммедомъ-Али строгой полиціи должно болѣе приписывать робости дес-

пота и необходимости содержать народъ въ страдательномъ повиновеніи, нежели понятіямъ правителя о порядкѣ, правосудіи и необходимости покровительства, которымъ правительство обязано подданнымъ. Удивляться должно, что ученый человѣкъ, присоединившій замѣчанія свои къ сочиненію Г. Манжена, безъ отвращенія сказалъ, что *если-бы съ Исторіи Могаммеда-Али можно было стереть одно кровавое пятно* — убійство Мамелюковъ, *то слава его могла-бы не страшиться непреклоннаго суда потомства!* Мы думаемъ напротивъ, что не только въ глазахъ потомства, но даже въ глазахъ каждаго безпристрастнаго человѣка можно хвалить въ Могаммедѣ-Али дѣятельность его ума, всегда богатаго въ способахъ, искуство его обращать всѣ происшествія въ свою пользу, силу его характера и даръ его укрощать всѣ сопротивленія; но сіи дарованія, приведенныя въ дѣйствіе честолюбіемъ и соединенныя съ вѣроломствомъ и жестокостію, внушаютъ чувство негодованія, а не удивленія. И потому, не раздѣляемъ мы надеждъ о будущей счастливой судьбѣ Египта подъ управленіемъ Могаммеда-Али. Блестящія мечты о благоденствіи и самобытности сей страны исчезнутъ вмѣстѣ со властію, ихъ произведшею и по смерти, или паденіи тирана замѣнившаго Мамелюковъ, истощенный Египетъ будетъ добычею

другаго похитителя, можетъ быть не столь искуснаго и не столь предпріимчиваго, но коего власть будетъ ни болѣе законна, ни болѣе пагубна жителямъ.

Не входимъ въ подробности военныхъ дѣйствій Могаммеда-Али и сыновей его противъ Вехабитовъ и противъ жителей странъ, лежащихъ отъ Египта къ Югу, какъ-то: Сеннара, Кордуфана и Дарфура. Мы хотѣли только изобразить въ истинномъ свѣтѣ характеръ Могаммеда-Али. Война противъ Вехабитовъ была оправдана повелѣніями Порты и выгодами закона; прочія предпріятія скорѣе можно назвать порывами ненасытимаго честолюбія, а не благоразумными предпріятіями, коихъ слѣдствія могли бъ быть полезны для безопасности Египта или для его благосостоянія. Они имѣли слѣдствіемъ только маловременныя завоеванія. Правда, что Науки и Искуства приобрѣли отъ нихъ нѣкоторую пользу; но выгоды сіи, стоившія слишкомъ дорого человѣчеству, ни мало не входили въ виды Могаммеда-Али.

(Съ Французск.)

II. КРИТИКА.

Птицы и Цвѣты, нравственныя аллегоріи Ацуъ-Эддина Эльмокаддесси, изданныя въ Арабскомъ подлинникѣ съ Французскимъ переводомъ и примѣчаніями Гарсенемъ де Тасси. Парижъ. 1 т. in 8. около 380 стр.

(Окончаніе.)

Въ небольшомъ своемъ сочиненіи: *Взглядъ на Восточную Литтературу* (in 8. 1822), Г. Гарсенъ де Тасси защищалъ сію Литтературу отъ упрековъ въ надутости и дурномъ вкусѣ. Доказательства его, мнѣ кажется, если не совершенно убѣдительны, то по крайней мѣрѣ новы и остроумны. Одна выписка дастъ понятіе о томъ, какъ Г. Гарсенъ судитъ о своемъ предметѣ.

»Говорятъ, что увеличенныя фигуры составляютъ основаніе въ сочиненіяхъ Азіятцовъ. Справедливъ-ли этотъ упрекъ въ увеличеніи?

»Точно, фигуры употребляемыя Азіятцами удивительно смѣлы и гигантски возвышенны въ сравненіи съ нашими фигурами. Нашъ вкусъ есть рабъ строгихъ правилъ — ихъ вкусъ не знаетъ никакихъ. Обладая искуствомъ въ открытіи аналогіи между самыми отдаленными предметами, *жители* Востока признаютъ одинъ законъ — воображеніе, одинъ границы — природу. Но, что-бы здраво судить о нравахъ сихъ народовъ, должно-ли мѣрять ихъ нашими частными понятіями? У всякаго народа въ этомъ случаѣ есть свой образъ сужденія и можно-ли вообще знать точку, на которой смѣлость должна останавливаться, гдѣ дѣлается она не-

достаткомъ? Безъвсякаго сомнѣнія увеличеніе судится относительно, потому что въ самыхъ несмѣлыхъ языкахъ есть метафоры, выраженія самыя гиперболическія и свои способы выражаться, но, увлекаясь употребленіемъ, на нихъ не обращаютъ никакого вниманія.

»Какъ не воскликнули-бы, встрѣтивъ у восточныхъ писателей слѣдующія фразы: »*Этна бросала огненные шары и лизала звѣзды; Это такъ дѣлается что мой умъ твердѣетъ?*« Между тѣмъ это очень пріятныя Латинскія фразы: онѣ находятся у Виргилія и Теренція (Attolitque (Aetna) globos flammarum et sidera lambit; (ua pacto id fieri solent calleo).

Также, если-бы встрѣтили у восточнаго поэта: »il donna le pain du discours; il contracta mariage avec la dispute de son ami« этѣ фразы почли-бы неполинскими и странными, но между тѣмъ на Французскомъ, несмѣломъ и осмотрительномъ языкѣ, всегда говорятъ: »le pain de la parole, épouser la querelle de quelqu'un.«

»Основательнѣе-ли упрекъ въ дурномъ вкусѣ? Восточные жители думаютъ, что ничего нѣтъ слишкомъ возвышеннаго и слишкомъ низкаго: все равно прекрасно, все равно достойно обращать на себя вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ природѣ ничего нѣтъ *гнуснаго*; это низкія понятія, приданныя людьми нѣкоторымъ предметамъ; но сіи понятія совсѣмъ не одинаковы у различныхъ народовъ. Если въ числѣ восточныхъ сравненій и найдутся нѣкоторыя, кажущіяся намъ низкими, то они конечно не такови въ глазахъ жителей Востока, также, какъ у Гомера и Виргилія сравненіе Аякса и Турна *съ осломъ*,

Грекамъ и Римлянамъ не должно было казаться грубымъ.

»Можно сказать, что всего болѣе мы находимъ увеличеніе и дурной вкусъ въ восточныхъ тропахъ по двумъ причинамъ. Первое, часто мы совсѣмъ не знаемъ предметовъ ихъ сравненій. Пусть, на примѣръ, Персидскій Поэтъ сравниваетъ *станъ* своей юной подруги — съ буковымъ *деревомъ*: у насъ это не отличное, только замѣчательное своими вѣчнозелеными листьями — и мы улыбаемся, не зная что въ Азіи оно чрезвычайно прелестное деревцо, красиво и пріятно видомъ.

»Вовторыхъ, жители Востока гораздо чаще насъ употребляютъ фигуры. У нихъ метафоры рѣдко бываютъ отдѣльно: они, обыкновенно, соединяютъ ихъ вдругъ по нѣскольку и это образуетъ аллегорію, фигуру, почти безпрестанно господствующую въ ихъ сочиненіяхъ. Отъ того, конечно, слогъ ихъ не такъ сафпелъ и опредѣленъ какъ нашъ.

»Посмотримъ теперь, что есть особенное въ тропахъ и въ слогѣ Азіятцовъ.

»Прежде всего должно замѣтить явную разницу между ихъ нѣкоторыми сравненіями и нашими. Мы обыкновенно уподобляемъ человѣка разнымъ предметамъ, взятымъ изъ природы: они, напротивъ, сравниваютъ съ человѣкомъ всѣ сотворенные предметы.

»Они вездѣ видятъ человѣка, или, лучше сказать, женщину, изящнѣйшее произведеніе природы. Молнія есть ея улыбка или дѣйствіе производимое ею на чувства, когда она снимаетъ покрывало; благоухающій зефиръ сихъ красивыхъ долинъ — ея

ыханіе »Утренній вѣтерокъ!« восклицаетъ славный лирикъ Персидскій Гаафизъ — »всего-дня благоухаетъ онъ амброю; конечно гурія, мною обожаемая, уже вышла на лугъ собирать цвѣты.« Распускается роза? Это юная дѣва Іемена, открывающая уста для разговора со своимъ милымъ другомъ. Фіалка спрыснута росою? Это глаза любовницы, омоченные слезами разлуки.

»Восточные писатели не останавливаются на томъ. Въ энтузіазмѣ, внушаемомъ симъ предметомъ, сотвореннымъ Богомъ, сказалъ Магометъ, для счастія человѣка, они безъ раздумыванія уподобляютъ шитье на платьяхъ красоты — звѣздамъ, или величественнымъ шѣламъ, удивляющимъ насъ Плеяды, посреди свода небесъ,« говоритъ одинъ Персидскій Поэтъ, »подобны золотымъ цвѣтамъ, украшающимъ платье моей подруги.«

»Восточные писатели не довольствуются уподобленіемъ неодушевленныхъ существъ существамъ живымъ, подъ ихъ огненною кистью, истиннымъ магическимъ прутикомъ, нѣтъ ничего въ природѣ не чувствующаго: все живетъ, все дышетъ. Роза блѣднѣетъ отъ досады, видя розовый цвѣтъ лица прелестной Зенабы; жасминъ краснѣетъ отъ гнѣва, видя близну ея груди. Пѣніе соловья не просто тщетное чириканье, нѣтъ! онъ воспѣваетъ свою любовь къ царицѣ цвѣтовъ. Не инстинктъ неизъяснимый направляетъ бабочку къ зажженной свѣчѣ: любовь, которую она чувствуетъ къ ней, видитъ ее въ пламя. Они не сомнѣваются одушевлять и такія существа, которымъ менѣе всего можно вложить чувство. »Пробуждающееся утро« говоритъ одинъ Турецкій Поэтъ »освобождаетъ розу отъ зеленой

оболочки, которая покрывала ея красоты; его сладостное дыханіе проливаетъ капли росы, на глаза нарциссовъ. Растенія, какъ будто составляютъ живую легкую пляску: они разсыпаютъ по землѣ увлаженной своей цвѣты, столь-же блестящіе какъ золотыя монеты.

»Источникъ,« восклицаетъ одинъ Поэтъ Арабскій »цвѣты, вѣтви — волнуются въ аренѣ любви моей, при звукахъ моей лиры.«

»Сіи понятія очень могутъ показаться слишкомъ исполинскими, но въ нихъ есть нѣчто великое, чего не можетъ чувствовать холодный разсудокъ и что легко понять живому воображенію.

»Не должно смѣшивать съ метонимією вида метафоры, чрезвычайно употребительнаго у восточныхъ писателей, что есть, сравненія, въ которомъ предметъ составляетъ первый пунктъ отношенія. Такъ выраженіе: *супруга солнца*, значитъ: »солнце, подобное новобрачной.« Три метафоры такого рода соединены у Гафица въ слѣдующемъ стихѣ: »Когда солнце вина распространяется отъ востока вазы — тысячи тюльпановъ распускаются въ саду, на щекахъ виночерпія.« Это должно переведсти такъ: »Когда виночерпій наливаетъ вино, блескомъ подобное солнцу, изъ вазы, блестящей какъ утро, его щеки, подобные саду, раскрашиваются, и можно сказать, что тюльпаны на нихъ распускаются.«

Если поэтическая прелесть состоитъ всего болѣе въ мысляхъ веселыхъ или возвышенныхъ, въ выраженіяхъ цвѣтущихъ или величественныхъ, въ сравненіяхъ блестящихъ или смѣлыхъ, въ описаніяхъ, иногда красивыхъ, иногда сильныхъ и всегда живописныхъ — то я осмѣлюсь сказать, что во-

стопочныя стихотворенія могутъ состязаться съ изящнѣйшими произведеніями Европейцовъ.

Чтеніе книги, о которой извѣщаемъ въ настоящей рецензіи, можетъ дать справедливое понятіе объ Арабской Поэзіи, потому что въ сочиненіи Эльмокаддесси находится большая часть качествъ и недостатковъ, отличающихъ восточное воображеніе: много ума и оригинальности, блестящія изображенія, новыя фигуры, легкій, пріятный слогъ, выраженія истинно поэтическія — и вмѣстѣ съ симъ дурной вкусъ, темнота, недостатокъ связи въ идеяхъ и утомительный мистицизмъ.

Самое названіе: *нравственныя аллегоріи*, говоритъ уже о существѣ сочиненія. Но Авторъ не ограничился тѣмъ, что у него на сценѣ *цвѣты и птицы*: онъ также заставляетъ говорить насѣкомыхъ, четвероногихъ и неодушевленныя созданія.

«Алцъ-Эддинъ», Авторъ сихъ Аллегорій, съ самаго начала утверждаетъ, что въ природѣ все одарено способностію заставлять себя понимать чувствительнымъ или понятнымъ образомъ. Человѣку одному предоставлено употребленіе слова, но другія творенія, одушевленныя и неодушевленныя, кажется, выражаются также на языкѣ необыкновенномъ, который понятенъ по образу ихъ бытія, особенностямъ и привычкамъ. Авторъ называетъ сей языкъ *языкомъ состоянія или положенія*, что можно назвать также *нѣмымъ языкомъ*. Принявъ эту мысль, онъ воображаетъ себя въ саду; тамъ, занятой изученіемъ эмблеммашическаго разговора предметовъ, которые передъ нашими чувствами, онъ старается изъяснять сіи разговоры и

въ книгѣ его развивается все, что только восторженное воображеніе можетъ открыть въ семъ таинственномъ языкѣ.

»Ясно,« продолжаетъ Г. Гарсенъ, »что намѣреніемъ Автора въ сихъ разговорахъ было изключеніе изъ нѣмаго языка природы идей, не только нравственныхъ и религіозныхъ, но также духовныхъ и мистическихъ, гораздо болѣе существенныхъ человѣку, нежели какъ вообще думаютъ. Но, чтобы усладить края несладостнаго сосуда, наполненнаго нравственностію и благочестіемъ, Авторъ наблюдалъ постепенность въ ходѣ своего сочиненія; такъ на примѣръ, его первыя Аллегоріи гораздо привлекательнѣе и менѣе отличаются мистицизмомъ нежели слѣдующія. Покровъ таинственности, сначала непроницаемый, мало помалу проясняется и даже иногда истина является совсѣмъ безъ него; наконецъ, онъ совершенно исчезаетъ и имя Бога въ послѣдней аллегоріи, изъясняетъ всѣ загадки.

»Мистицизмъ, постоянно господствующій въ семъ сочиненіи, не всегда совершенно непостижимъ; но его трудно понимать всего болѣе отъ того, что (какъ и во всѣхъ книгахъ восточныхъ мистическихъ авторовъ) многія слова употреблены въ отвлеченномъ отъ обыкновеннаго ихъ значенія смыслѣ и приняты въ смыслѣ духовномъ.«

Представимъ, словами Г. Гарсена, понятіе о восточномъ мистицизмѣ.

»Мистицизмъ или спиритуализмъ восточный, извѣстный подъ названіемъ *ученія софіевъ*, называется по-Арабски *марафать-Алла* (*познаніе Бога*) и дѣлится на различныя степени, исчисленіе которыхъ было-бы здѣсь слишкомъ продолжи-

нельно (*). Сей мистицизмъ состоитъ вообще въ отвлеченіи себя отъ человѣческаго *я*, въ желаніи одного Бога, въ существованіи только для Бога, въ стремленіи къ одному наслажденію совершеннымъ состояніемъ лицезрѣнія сверхъестественнаго, восхитительнаго; онъ иногда восходитъ не только до возвышенія себя надъ первымъ ученіемъ вѣры, но до состоянія равнодушія къ безвѣрію и вѣрѣ; до забвенія міра настоящаго и будущаго. Подтверждаю слова мои слѣдующимъ стихомъ Гаафица.

»Я, неудостоивающій ни тотъ ни другой »міръ склоненіемъ главы, преклоняю выю подъ »бременемъ желанія, которое стремитъ меня къ *приобрѣтенію милостей Бога.*«

»Необходимо должно замѣтить также, что мистическіе авторы всегда говорятъ о Божествѣ подъ видомъ красоты человѣческой. Для означенія Божества Арабы обыкновенно употребляютъ слово *габибъ*, *любовникъ*, а Персіяне слово *дость*, имѣющее тотъ-же смыслъ. Очень рѣдко софіи называютъ Его настоящимъ именемъ: ихъ стихотворенія почти всегда сладострастны, иногда даже очень вольны и сіи трудно было-бы различить отъ другихъ стихотвореній, если-бы немногія слова иногда не вырывались у сихъ пламенныхъ почитателей Бога.

»Аццъ-Эддинъ Эльмокаддесси не впадаетъ въ излишества, какъ многіе изъ Персидскихъ Кіетистовъ и особенно Гаафицъ. Въ его книгѣ, правда,

*) См. Pend-Nameh, C. de Sacy, стр. 167 и слѣдующія, и *Записки Литтературнаго Бомбайскаго Общества* (на Англ.) с. 94 и слѣд.

господствуетъ мистическій образъ выраженія, то-же самое, въ умѣренности, даетъ сочиненію *оттѣнокъ* пріятности и задумчивости, столь привлекательной для читателя, одареннаго чувствомъ.«

Нѣсколько образчиковъ оправдаютъ мнѣніе Г. Гарсена.

СОЛОВЕЙ.

»Когда я сидѣлъ на берегу ручья, *наслаждаясь* тѣмъ въ этомъ саду, и преклонялъ вниманіе къ нѣмому языку цвѣтовъ — вдругъ краснорѣчивые голоса возвысились изъ гнѣздъ, вившихъ на верхахъ деревъ, которыя покрывали меня своею тѣнью.

»Сначала я услышалъ мелодическій голосъ соловья; онъ, надѣясь прельстить красотою своего пѣнія, нечаянно высказалъ тайны, тщательно имъ хранимыя и, казалось, въ эмблематическомъ своемъ щебетаньи, лепеталъ сіи слова: »Я, страстный любовникъ, упоенный любовію, пожираемый задумчивостью и сожигаемый жаждою *желанія*. Когда придетъ весна и вся природа опять явится въ радостномъ видѣ — тогда ты увидишь меня совершенно радостнаго, въ садахъ, или тамъ и тамъ въ рощицахъ! Буду вздыхать о любви моей, пѣть и непрестанно прыгать по вѣтвямъ. Если мнѣ подаютъ чашу — я утоляю изъ нея жажду мою и довольный гармоническимъ звукомъ моего голоса, упоенный благоухающимъ запахомъ, мною вдыхаемымъ — когда легкія листья трепещутъ отъ ласкающаго дыханія вѣтерка — качаюсь на колеблющихся вѣшняхъ Цвѣты и пробѣгающій въ долинѣ источникъ, какъ-бы вѣчное для меня празднество! И ты воображаешь, что я вѣтреный любовникъ?

ъ-тъ! Я клялся и не клятвопреступникъ. Пѣснь я есть пѣснь горести, а не радости; звуки ою выражаемые суть звуки печали, а не удоволь-твія. Всякій разъ, когда перелетываю въ саду, я печу о грусти, готовой заступить царствую-ее тамъ веселье; если бываю въ пріятномъ мѣстѣ, вздыхаю о близкомъ его разрушеніи; если вижу истающее общество — плачу о скоромъ его разъ-иненіи. Да! никогда не видывалъ я прочнаго сча-тія! Самое сладостное спокойствіе возмущается ишкомъ скоро; самая усладительная жизнь скоро ановится горестною. Я читалъ гдѣ-то, въ ал-егорическихъ писаніяхъ мудрецовъ: *»все проходитъ здѣшнемъ мірѣ!«* Какъ-же не грустить о столь епрочномъ состояніи; о времени, предоставлен-омъ прихотямъ счастія; о жизни, которая исче-етъ; о минутѣ сладострастія, которая тотчасъ ончится? Вотъ разгадка моихъ поступковъ. Ка-ется, этого тебѣ довольно (*).«

Прочитанный нами отрывокъ писанъ прозою ъ Арабскомъ текстѣ, но и эта Аллегорія, какъ сѣ другія, оканчивается нѣсколькими стихами. — ій стихи, какъ замѣчаетъ Г. Гарсенъ, никогда ючти не связаны съ прозою. Они, обыкновенно, ложены въ уста Автора, хотя идутъ послѣ рѣчи ивотнаго или цвѣтка, выведеннаго на сцену и часто, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кажутся слѣд-ствіемъ сей рѣчи.«

(*) Этотъ отрывокъ составляетъ пятнадцатую аллегорію которыхъ тридцать семь во всемъ сочиненій.

Вотъ одна изъ сихъ пьесъ въ стихахъ: она оканчивается Аллегорія тридцать пятая, называемая *Паукъ*:

»О ты, услаждающійся въ пышныхъ, великолѣпныхъ чертогахъ! Ты забылъ, что сей міръ есть »храмъ для поклоненія Богу и для обожанія Его. »Проведя ночь на сихъ роскошныхъ ложахъ, завтра »сойдешь ты въ тѣсный и мрачный могильный погребъ. Ты будешь среди существъ молчаливыхъ, но »ихъ могущественное молчаніе равняется рѣчамъ! Ахъ! »да будетъ простое платье твоею одеждою и нѣсколько кусковъ — всею твоею пищею. Подобно паруку, живи въ скромномъ обиталищѣ, говоря самому себѣ: »Побудемъ здѣсь, въ ожиданіи смерти.«

Стихи очень милы; мысли, выражаемыя ими, исполнены пріятности, прелести и задумчивости. Не всѣ такъ занимательны, но многія.

Вотъ Аллегорія восьмнадцатая, подъ названіемъ *Ласточка*: это одна изъ лучшихъ.

ЛАСТОЧКА.

»Разговаривая съ голубкой, я увидѣлъ ласточку, летавшую вокругъ хижины. Дивлюсь, сказалъ я ей мгновѣнно, дивлюсь, видя тебя всегда близь домовъ: ты ищешь дружбы человѣка? Не умнѣе-ли было-бы не оставлять подобныхъ тебѣ, предпочитая сладостную свободу полей узничеству въ нашихъ жилищахъ? Для чего-же всегда обитаешь ты въ мѣстахъ обработанныхъ, тамъ, гдѣ живутъ люди?

»Если твой умъ такъ мало проницателенъ и ухо твое столь грубо« — отвѣчала мнѣ она — то узнай причину моихъ поступковъ и причину моего разлученія отъ другихъ птицъ. Я оставила по-

добныхъ себѣ; я бываю у существъ, природы отличной отъ моей; я избрала обиталищемъ моимъ крыши, а не вѣтки и дуплы деревъ — потому, что въ моихъ глазахъ быть чужою всего лучше и что я хочу подѣлаться къ привлекательному образенію общества. Вмѣшиваюсь въ среду существъ чуждыхъ моему роду, только для того, чтобы чуждою быть между ними. Ищу сосѣдства того кто превосходитъ меня, для приобрѣтенія его достоинствъ; я живу всегда путешествуя и наслаждаюсь такимъ образомъ обществомъ людей образованныхъ. Къ тому-же, далекаго родиною принимаютъ съ радушіемъ и обходятся съ нимъ ласково. Когда поселяюсь въ домахъ, я не позволяю себѣ никакого вреда обитателямъ домовъ: мнѣ довольно устроить тамъ свое гнѣздо, которое я дѣлаю изъ матеріяловъ, взятыхъ на берегахъ ручьевъ; за пищею летаю въ мѣста пустынныя. Ни одной несправедливости, ни одного вѣроломства къ тому, у кого живу! Напротивъ, я исправляю самыя строгія правила вѣжливости, какія существуютъ между сосѣдями и притомъ хозяинъ никогда не заботится о моемъ дневномъ существованіи. Обитая въ домѣ, я умножаю число живущихъ въ немъ, но не прошу ихъ дѣлиться со мною запасами. Стараясь удаляться отъ всего имъ принадлежащаго, я приобрѣтаю ихъ привязанность, потому, что если-бы я вздумала участвовать въ ихъ пищѣ, они-бы не приняли меня въ свои обиталища. Я съ ними, когда они вмѣстѣ, но удаляюсь, когда они принимаются за свой обѣдъ; я приближаюсь къ нимъ во время ихъ молитвъ и никогда не бываю съ ними въ залахъ пиршествъ. Я хочу участвовать въ ихъ добрыхъ каче-

сиваxъ; а не въ обѣдахъ; меня плѣняетъ ихъ счастливое состояніе, а не богатства; я ищу ихъ достоинства, а не пшеницы ихъ; желаю ихъ дружбы, а не хлѣбныхъ зеренъ. Сообразуюсь въ моихъ поступкахъ съ тѣмъ, что сказалъ тотъ, кого Всевышній удостоилъ откровеніемъ своей воли (да будетъ праведенъ къ нему Богъ и дастъ ему спасеніе!): »Если умѣешь лишать себя наслажденій »здѣшняго міра — ты насладишся дружествомъ Бо»га; если тщательно удаляешся отъ достоянія »людей, ты заслужишь ихъ уваженіе.«

Думаемъ, что сихъ выписокъ довольно: изъ нихъ можно составить себѣ понятіе о существѣ сочиненія и достоинствѣ перевода (*).

(*) Г. Гарсенъ де Таси обогатилъ свой переводъ учеными примѣчаніями, относящимися къ восточной филологіи или къ Естественной Исторіи. Сіи послѣднія еще драгоцѣннѣе отъ того, что, составляя ихъ, Авторъ прибѣгалъ къ богатому свѣдѣніями А. Тумбольдту и къ двумъ своимъ ученымъ сотрудникамъ: Г. Кунту, Проф. Ботаники въ Берлинѣ, и Г. Валансьену, младшему Натуралисту въ Музеѣ Королевскаго сада. Самое любопытное и подробное изъ ботаническихъ замѣчаній, о деревѣ, называемомъ по-Арабски *баанъ* и которое должно переводить по Французски saule d' Egypte *(Египетская ива)*, а не myrobalan, какъ переводили донынѣ. Изъ критическихъ и филологическихъ замѣчаній я приведу одно, довольно забавное. *Тааке или Таака* значитъ по Арабски *окно*. Въ Левантѣ обращаются Венгерскія серебряныя монеты, съ изображеніемъ щита, Голландскіе доллары съ изображеніемъ льва, наконецъ Испанскіе піастры, съ двумя столбами Геркулеса и со славною подписью: Non plus ultra. Арабы, принимая щитъ на Венгерскихъ монетахъ за окно, называютъ ихъ *Абу-таака*, *отецъ окна* (отъ чего произошло слово *патакъ*); думая что левъ на Голландскихъ долларахъ есть собака, называютъ ихъ *абу-калбъ*, *отецъ собаки*; наконецъ, воображая, что столбы на Испанскихъ піастрахъ суть пушки, называютъ ихъ *абумидефахъ*, *отецъ пушки*.

»Арабскій Авторъ сихъ Аллегорій извѣстенъ, ...акъ мало, что даже не знаютъ настоящаго имен... его. ибо *Аццъ-Эддинъ* есть почетное назва... е, значущее: *сила вѣры;* а прилагательное *Эль-окаддесси* значитъ *Іерусалимскій.* Это показы...ветъ, что Аццъ-Эддинъ родился въ Іерусалимѣ, ...но сей городъ былъ его родиною, или мѣстомъ ...ительства. Абулмагассанъ, въ своемъ *Словарѣ звѣстныхъ людей* (хранящемся въ Парижѣ, въ ...ролевской Библіотекѣ подъ No 747 и слѣдующи...), говоритъ только, что Аццъ-Эддинъ испра...лялъ должность Имана и *Ваеца*, то есть пропо...ѣдника, что онъ былъ ученъ, краснорѣчивъ и его ...лушали съ удовольствіемъ; что однажды онъ тор...жественно говорилъ рѣчь, передъ Каабою, въ при...утствіи множества знатныхъ и ученыхъ людей; ...что онъ исполнилъ это какъ нельзя лучше и знаю...щіе люди сняли вѣрные списки съ его рѣчи; что ...мерть застигла его 18 Шевала, 678 года Эгиры (21 Февраля, 1280 года отъ Р. Х.) и приключилась ...отъ паденія съ одного возвышеннаго мѣста. Кромѣ ...Аллегорій Аццъ-Эддина, есть еще нѣкоторыя его ...очиненія, почти все мистическія и отшельническія.

Имя Аццъ-Аддина, доселѣ бывшее мало из...вѣстнымъ на Западѣ, должно быть помѣщено, если ...не между классиками Арабскими (*), то по край...ней мѣрѣ въ числѣ отличнѣйшихъ писателей вто...раго разряда. Такъ, когда-бы другіе Оріенталі-

(*) Сіи классики суть, между прочими, Гарири, Мотенабби — Арабскій Пиндаръ — Фаредхъ, Сочинители военныхъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Гамазы*, и наконецъ Сочинители Моаллакатъ,

сты, по примѣру Г. Гарсена; издумали оказать такую-же услугу восточнымъ поэтамъ, они затруднялись-бы только въ выборѣ, потому что число Арабскихъ стихотвореній удивительно многочисленно.

Каталогъ неизвѣстнымъ историкамъ не менѣе значителенъ, а потому, издавая историческія сочиненія, оказали-бы еще большую услугу и объяснили-бы множество событій, относящихся къ Крестовымъ походамъ и къ Исторіи Восточной Римской Имперіи, о которыхъ желаютъ извѣстій болѣе полныхъ и достовѣрныхъ. Къ сожалѣнію, очень немногіе изъ Арабскихъ Историковъ умѣли избѣгнуть упрековъ заслуженныхъ. Почти всѣ ихъ исторіи не иное что какъ сухія лѣтописи, ничѣмъ неукрашенныя, или надутые разсказы, запечатлѣнные смѣшными баснями. Сей послѣдній недостатокъ встрѣчается всего чаще. Такъ Боха-Эддинъ и Арабша, въ жизнеописаніяхъ *Саладина* и *Тамерлана*, всегда исполненные удивленія и энтузіасма, утомляютъ здраво судящаго читателя, который знаетъ, что у великихъ людей есть также свои слабости. Болѣе поэты нежели историки, они изображаютъ самыя простыя событія — чрезвычайными и, совершенно занимаясь чудеснымъ, оставляютъ путь справедливости.

Но если Арабы ниже Древнихъ въ Исторіи и Поэзіи, то они берутъ надъ ними преимущество въ иномъ родѣ сочиненій: въ *романахъ;* да и какой изъ новыхъ народовъ можетъ сравниться съ ними въ сей отрасли Словесности? Кто не читалъ, не перечитывалъ, не наслаждался чтеніемъ *Тысяча и одной ночи* и другихъ сказокъ, столь-же увлекательныхъ, какъ

и разнообразныхъ, гдѣ видимъ столь живую, разительную картину восточныхъ нравовъ? По возобновленіи Наукъ въ Европѣ, всѣ романисты много заимствовали изъ сего неисчерпаемаго источника ума и веселости. Аріостъ и Провансальскіе поэты большею частію своихъ успѣховъ одолжены Арабамъ.

Но оставимъ поле Литтературы и окинемъ взглядомъ область Наукъ; здѣсь-то общій приговоръ утвердитъ славу Арабовъ и присудитъ имъ вѣчную дань признательности.

Съ девятаго вѣка до четырнадцатаго, въ продолженіе столь длиннаго періода времени, когда Европа коснѣла въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, когда дворяне и государи едва знали грамоту и Грамматику, когда монахи, невѣрные хранители человѣческихъ знаній, занимались въ монастыряхъ своихъ только изглаживаніемъ съ пергаментовъ образцовыхъ произведеній Древности — въ эту эпоху мрака и темнаго невѣдѣнія, Арабская Монархія и на Востокѣ и въ Испаніи была озарена самымъ яркимъ свѣтомъ. Благодаря щедрости, благородному стремленію и ободреніямъ Калифовъ Алъ-Мансора, Гарунъ-Алъ-Рашида и особенно славнаго, незабвеннаго сына его Алъ Мамуна, всѣ свободныя Искусства, всѣ отрасли Литтературы были ревностно обрабатываемы (*).

(*) Вотъ собственныя слова Андре, въ его Исторіи Наукъ и Литтературы, т. 1- с. 59 и, перевода Ортолани: „Аль-Мансоръ, второй Калифъ изъ поколѣнія Омміадовъ, занимался изученіемъ законовъ, Философіи, Литтературы и Астрономіи. Ему также обязаны введеніемъ Медицины. Онъ призвалъ ко Двору своему Георга Бахтишуа, Христіанскаго Медика, который привезъ въ Аравію многія Медицинскія книги и весьма многія перевелъ съ Греческаго, Сирійскаго и Персидскаго языковъ.

Знаменитыя Академіи были основаны въ Багдадѣ, въ Бассорѣ, въ Куфѣ и другихъ мѣстахъ, и Науки, которыхъ самое имя едва извѣстно было въ Европѣ, возвысились на берегахъ Тигра до необыкновенной степени величія.

Въ этомъ отношеніи, что скажу я моимъ читателямъ? Арабы изобрѣли Алгебру (*), усовершенствовали Тригонометрію, принесли на *Западъ* Цифры и Ариѳметику Индійскія. Въ Астрономіи они оставили намъ многочисленныя сочиненія объ отраженіяхъ, рефракціяхъ и видимыхъ или измѣняющихся величинахъ, исправили таблицы, сочиненныя Греками

„Калифъ-Гарунъ-Аль-Рашидъ, наслѣдникъ его, также поддержалъ блескъ Литтературы. Онъ велѣлъ перевесть многія книги съ Греческаго, основалъ первыя училища въ Багдадѣ и во всей Аравіи и назначилъ главнымъ правителемъ училищъ славнаго Іоанна, сына Месуева, Дамасскаго христіанина и ученаго Эллинисша.

„Аль-Мамунъ былъ истинный покровитель Арабской Литтературы: это Августъ Арабовъ и его имя вѣчно будетъ сіять въ лѣтописяхъ Литтературы. Дворъ его былъ жилищемъ Поэтовъ, Философовъ, Медиковъ, Математиковъ. Онъ окружилъ себя учеными всѣхъ странъ; Багдадъ сдѣлался средоточіемъ Наукъ. Ученые люди были возведены на первыя степени въ Государствѣ. Они были посылаемы въ разныя области, въ Сирію, Арменію, въ Египетъ, для изысканія древнихъ рукописей и въ тоже время для распространенія свѣта просвѣщенія. Въ Багдадъ приходило множество верблюдовъ, обремененныхъ рукописями и книгами на разныхъ языкахъ, которыя были переводимы, списываемы и распространяемы между всѣми классами народа. Ничто столько не доказываетъ ревности Аль-Мамуна къ просвѣщенію, какъ мирный трактатъ, заключённый имъ съ Михаиломъ III, Императоромъ Восточнымъ, въ силу котораго онъ просилъ себѣ всѣ Греческія рукописи, какія находились въ Константинополѣ."

(*) Если вѣрить Валлису. Обо всемъ этомъ спрашивайте у Андре, въ Histoire des sciences et de la Littérature, переводъ Орцоланни, стр. 74.

и сами сдѣлали значительныя открытія. — Въ Медицинѣ довольно наименовать Авиценна, Серапіона, Рази, Аверроэса, напомнить что Арабы первые сдѣлали примѣненіе Химіи къ Медицинѣ и что, до конца семнадцатаго вѣка, правила Авиценна были исполняемы въ нашихъ Университетахъ какъ приговоры оракула. — Географія, неоспоримо, обязана имъ многимъ. Альбуфеда, Эдризи, Макризи и Географъ Нубійскій, оставили описанія Сиріи, Аравіи и Сѣверной Африки, столь достовѣрныя, что и нынѣ не льзя составить ихъ лучше.

Испанскіе Мавры, болѣе занимавшіеся Естественною Исторіею, дали земледѣлію Испаніи полное и прочное направленіе.

Если Арабы ничего не открыли въ Философіи, то они способствовали сей Наукѣ, сохранивъ для насъ въ своихъ переводахъ лучшія системы Философовъ Греческихъ, и такимъ образомъ исхитивъ отъ кораблекрушенія многія сочиненія Платона, Аристотеля, Архимеда, Климента Александрійскаго, Аполлонія и другихъ.

Неутомимые въ трудахъ, они не копили основаться чуждыми какому-либо знанію и сочинили полезныя разсужденія о Грамматикѣ, Риторикѣ, Пиитикѣ, Краснорѣчіи; Словари Энциклопедическіе, Біографическіе, Историко-Географическіе, Словари всѣхъ Наукъ.

Наконецъ, повѣрятъ-ли мнѣ, если я скажу, что Искусства одолжены имъ знаменѣйшими открытіями: изобрѣтеніемъ бумаги, пороха, компаса? Я могъ-бы доказать это (*), если-бы не пора была кончить.

(*) См. Андре, въ упомянутомъ выше сочиненіи, стр. 110 — 148 и Сисмонди Littérature du midi de l'Europe, стр. 71 и слѣд.

По крайней мѣрѣ то не подлежитъ сомнѣнію и есть доказанная истина, что число ученыхъ и литтературныхъ сочиненій Арабовъ безчисленно, даже чудесно. Въ Эскуріальской Библіотекѣ столько ихъ рукописей, что одинъ каталогъ онымъ занимаетъ четыре огромные тома; въ библіотекахъ Парижской, Вѣнской, Оксфордской, Миланской, Лейденской, Римской хранится множество другихъ рукописей Арабскихъ, которыхъ нѣтъ въ Эскуріальской Библіотекѣ. Это доказываетъ, что если на поляхъ Литтературъ Греческой и Римской нынѣ должно съ трудомъ подбирать колосья, то обѣими руками можно жать на обширныхъ владѣніяхъ Арабской Литтературы.

»Довольно долго,« говоритъ Г. Гарсенъ, »искали образцовъ исключительно въ Литтературахъ Рима и Аѳинъ; для чего не взять ихъ также изъ Литтературы Азійской? Эта мина щедро наградила-бы золотомъ людей, умѣющихъ извлекать его.

»Я совсѣмъ не думаю уменьшать достоинства авторовъ Греческихъ и Латинскихъ: они навсегда останутся удивленіемъ Европейцовъ. Но, во всякомъ случаѣ, станемъ подражать тѣмъ путешественникамъ, которые, не довольствуясь обозрѣніемъ странъ, тысячу разъ наблюденныхъ прежде ихъ, устремляются въ края неизвѣстные, и влекомые желаніемъ распространить границы Науки, не страшатся переходить черезъ крутыя горы, неизмѣримыя пустыни и переправляться чрезъ глубокія рѣки. Рѣдко остается невознагражденнымъ стремленіе: труды ихъ почти всегда бываютъ совершенно выкупленными (*).«

(*) Coup d'oeil sur la Littérature orientale, p. 13.

Во Франціи Восточною Литтературою начали заниматься съ настоящимъ успѣхомъ только съ тѣхъ поръ, какъ Сильвестръ де Саси, корифей всѣхъ Оріенталистовъ, издалъ для руководства въ изученіи *Хрестоматію Арабскую*, и особенно *Грамматику* Арабскаго языка, образецъ Логики и учености, истинный путеводный маякъ въ темнотѣ Арабскаго синтаксиса. Лекціи, преподаваемыя симъ ученымъ Профессоромъ въ продолженіе болѣе нежели тридцати лѣтъ въ особенномъ Училищѣ живыхъ Восточныхъ языковъ, образовали достойнѣйшихъ учениковъ. Таковы, у Французовъ: Гг. Этьенъ Катрмеръ и Шези, Члены Академіи Надписей и Литтературы Изящной; Шармуа и Деманжъ, профессоры Персидскаго, Арабскаго и Турецкаго языковъ въ С. Петербургѣ; Гранжре Де ла Гранжъ, служащій при Королевской Типографіи и прелестно переведшій избранныя Лирическія Стихотворенія Арабовъ (*); Аббатъ Рейно, одинъ изъ Издателей Всеобщей Біографіи и Издатель Восточнаго Музея Графа Блакаса (**). Между иностранцами, образовавшимися подъ руководствомъ Г. де Саси и составляющими красу своихъ отечествъ, вспомнимъ съ особеннымъ уваженіемъ о Гг. Козегартенѣ, Іенскомъ Профессорѣ; Фрейтагѣ (***); Размуссенѣ, Проф. въ Копенгагенѣ и Г. Гаугтонѣ,

---

*) Въ Mines de l'Orient и въ другихъ изданіяхъ,

**) Покойный Журданъ, умершій 30-ти лѣтъ, жертвою своей страсти къ Восточной Литтературѣ, былъ также однимъ изъ лучшихъ учениковъ Г. де Саси. См. Biographie universelle, t. XXII.

***) Г. Фрейтагъ, столь-же отличный знатокъ Персидскаго какъ и Арабскаго языковъ и которому Восточная Лит-

Профессоръ Индостанскаго языка въ военной Адди-скомбской Семинаріи въ Круадонѣ (въ Англіи). Не менѣе приноситъ чести своему знаменитому наставнику и Г. Гарсенъ де Тасси. Теперь, когда языки Турецкій, Арабскій и Персидскій стали ему совершенно извѣстны, онъ занимается Индостанскимъ, народнымъ языкомъ Индійцовъ, происходящимъ отъ Санскритскаго и Персидскаго и которымъ никто еще не занимался ни во Франціи, ни въ Германіи (*).

Такъ-то искусный Профессоръ и человѣкъ одаренный геніемъ заставляетъ расцвѣтать таланты, ободряя ихъ, направляя и руководствуя своимъ примѣромъ.

Но воспитанники Г. де Саси не одни занимаются съ успѣхомъ Арабскою Литературою, и не только ими гордится Франція. По классическимъ сочиненіямъ или ученымъ изслѣдованіямъ давно извѣстны и пользуются должнымъ уваженіемъ: Гг. Коссенъ де Персеваль, Жомаръ и Сенъ-Мартенъ, Члены Института; Г. Руссо, бывшій главнымъ Консуломъ въ Багдадѣ, Гг. Форіель, Амедей Жоберъ и (недавно скончавшійся) Г. Ланглесъ, Меценатъ и

---

* …тература одолжена изданіемъ многихъ хорошихъ сочиненій, занимается изданіемъ Арабскаго Словаря, полнѣйшаго всѣхъ прежнихъ.

(*) Г. Гарсенъ перевелъ съ Турецкаго: l'Exposition de la foi musulmane, соч. Могаммедомъ Бенъ-Пиръ-Али-Э…-Беркеви; къ этому сочиненію присовокупилъ онъ Pend-Namch, пер. съ Персидскаго изъ Саади. Онъ также перевелъ всего Гарира на Французскій языкъ, съ прелестнаго изданія, in folio, Г. де Саси.

другъ юныхъ Ориенталистовъ, обязательнѣйшій изъ наставниковъ, о которомъ всѣ ученики его воспоминаютъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и неизмѣнною признательностію.

Ж ГУМБЕРТЪ, Профессоръ Арабской Литературы въ Женевѣ.

Съ Франц. К.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1825.

172. *Abulghasi Bahadûr Chani historia Mongolorum et Tatarorum* nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentiâ illustrissimi Comitis Nicolai de Romanzoff, Imperii Russici Cancellarii supremi (Исторія Монголовъ и Татаръ, сочиненная Абулгази Баядуръ Ханомъ). Казань, 1825. Въ полулиста, IX и 215 стр.

Важное вліяніе Азіи на Европу въ средніе вѣки, доказываетъ намъ необходимость разбора и разсмотрѣнія Азіятскихъ лѣтописей, въ отношеніи къ Исторіи Европы. Г. Клапротъ полагаетъ, что Азіятскія лѣтописи принимаютъ характеръ Историческій въ слѣдующемъ порядкѣ: Персидскія съ III вѣка по Р. Х., Арабскія съ V, Монгольскія съ XII, Турецкія съ XIV. Съ этимъ трудно согласиться, если разсмотрѣть какой еще великій трудъ Критикѣ представляютъ лѣтописцы Азіи. Прежде всякаго начала Критики, не должно-ли намъ знать: что такое лѣтописи Азіятскія? Мы еще такъ мало знакомы съ Азіятскими лѣтописями, что видя

ссылки Европейскихъ изслѣдователей на Азіятцовъ и отъ времени до времени встрѣчая, даже споры и доказательства, основанныя на извѣстіяхъ Азіятцовъ, невольно приходимъ въ изумленіе, какъ поверхностно и нынѣ судятъ объ Исторической Критикѣ, многіе изъ Историковъ и изслѣдователей! Еще недавно не-открылъ-ли знаменитый Оріенталистъ Френъ, что одно изъ доказательствъ о сродствѣ Хазаръ съ Турками, основывалось на ошибкѣ Англинскаго переводчика Ибнъ-Гаукаловой Географіи (*)? Такихъ открытій предстоитъ намъ, вѣроятно, еще очень много. Чтобы судить о достоинствѣ и достовѣрности повѣствованій Азіятскихъ и потомъ основываться на нихъ, должно прежде всего узнать и хорошо узнать, подлинники; должно, чтобы Оріенталисты сличили, исправили ихъ тексты и передали намъ оные въ вѣрныхъ и строгихъ переводахъ. Повторяемъ, что поступки Европейскихъ Историковъ, въ разсужденіи споровъ и гипотезъ, прежде разсмотрѣнія и узнанія въ подробности Азіятскихъ лѣтописцовъ, кажутся намъ довольно неосновательны.

Мы видѣли неоднократно, что на одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ Исторіи Магометанскихъ народовъ, сочиненіе Абулгази-Баядура (умер. въ 1663 г.), который ханствовалъ въ Хивѣ и потомъ писалъ Исторію Татаръ, Европейскіе Историки ссылаются и основываются на семъ творенія въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но какъ дошла къ намъ

(*) Переводчикъ читалъ: „ихъ (Хазарскій) языкъ, почти-же что Турецкій," а надобно было читать: „ихъ (Хазарскій) языкъ отличенъ отъ Турецкаго."

торія писанная Абулгази-Баядуръ Ханомъ? Она извѣстна была въ Европѣ до первой четверти III вѣка. Страленбергъ и нѣсколько другихъ нныхъ Шведскихъ Офицеровъ жили въ Тобольскѣ. ъ купили они рукопись сей Исторіи у одного карца; со словъ коего кто-то списалъ имъ ее по сски. Шведы, какъ могли, съ Русскаго перевели ее Шведскій и Нѣмецкій и кто-то, изъ Нѣмцовъ кепся, перевелъ ее на Французскій и издалъ въ іденѣ; въ 1726 г. (*). Не говоримъ о томъ, о Тредьяковскій перевелъ Исторію Абулгази-Баядуръ-на съ Французскаго на Русскій; важность сей иги дала ей всеобщій ходъ. Французскій переводъ ъ употребленъ и нашимъ Исторіографомъ Н. М. рамзинымъ. Между тѣмъ Оріенталисты говорили ъ давно, что переводы Исторіи Абулгази-Баяръ-Хана исполнены ошибокъ. Это неостанавли-о Историковъ нашихъ.

Должно согласиться, что изданіе сочиненія . Баяда. Хана, прежде всего въ вѣрномъ оригиналѣ, добно было почесть драгоцѣнностію для Исто-, особенно Русской. Это неукрылось отъ про-цательности незабвеннаго нашего Румянцова. Онъ отребилъ большое иждивеніе и стараніе для ис-лненія сего предпріятія. Въ прошломъ году выш- наконецъ Исторія Абулгази-Баядуръ-Хана въ Та-арскомъ оригиналѣ. Мы не имѣемъ еще сей любо-ытной книги и потому сообщаемъ извѣстіе о семъ даніи изъ *Библіограф. Листовъ*, почтеннаго П. И. оппена.

) См. Предисловіе къ сему изданію, стр. 1 и 6.

Списковъ Исторіи Аб. Баяд. Хана извѣстно въ Европѣ весьма немного. Г. Френъ насчитываетъ ихъ всего только *четыре*, ибо два списка бывшіе въ С Петербургской Академіи Наукъ неизвѣстно какъ утрачены (*). По одному изъ сихъ четырехъ списковъ (находящемуся въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранн. дѣлъ) сличенному съ другимъ, полученнымъ изъ Оренбурга, Г. Адъюнктъ-Профессоръ Казанскаго Университета, И. И. Халфинъ, напечаталъ текстъ Татарскій, снабдивъ его примѣчаніями и любопытнымъ введеніемъ, которое написалъ Г. Френъ. Вотъ еще ученое предпріятіе, совершенное знаменитымъ любителемъ отечественной Исторіи, Графомъ Н. П. Румянцовымъ и подающее новый поводъ къ сожалѣнію о кончинѣ сего почтеннаго споспѣшествователя Русской Исторіи!

Порадуемся, что его стараніями Европа одолжена Россіи изданіемъ подлинника книги важной и единственной въ своемъ родѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы для пользы Русской Исторіи книга сія переведена была на какой-нибудь Европейскій языкъ. Этого можемъ мы надѣяться теперь отъ трудолюбія Нѣмецкихъ Оріенталистовъ, если при усиливающейся въ Россіи охотѣ заниматься Восточною Литтературою, Русскіе не предупредятъ ихъ.

173. *Россійскій ратникъ* или общая военная повѣсть о Государственныхъ войнахъ, непріятельскихъ нашествіяхъ, уронахъ, бѣдствіяхъ, побѣдахъ

(*) Г. Клапротъ имѣетъ списокъ сей Исторіи. См. его Mémoires relatifs à l'Asie, Парижъ, 1824. стр. 126. Г. Френъ, кажется, не упомянулъ объ этомъ.

и приобрѣтеніяхъ отъ древности до нашихъ временъ по 1805 годъ. По достовѣрнымъ Россійскимъ бытописаніямъ сочинилъ Коллежскій Ассессоръ Тимоѳей Мальгинъ. М. 1825. in 8. VI. 843 стр.

174. *Исторія Россійско-Австрійской кампаніи* 1799 г. подъ предводительствомъ Генералиссимуса, Князя Италійскаго, Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, изданная Е. Фуксомъ. 3. Ч. in 8. 1 я Спб. 1825 г. XXVII и 413, 2 я и 3 я Спб. 1826 г. XXIX и 717; XXXIV и 667 стр.

Вотъ двѣ книги, которыя должны быть любопытны для всѣхъ читателей и особенно для военныхъ. Въ одной, они могутъ надѣяться найдти историческое описаніе всѣхъ военныхъ дѣйствій Россіянъ *отъ древности* (какой?) по 1805 г.; въ другой — *Исторію* похода Суворова въ Италію.

Истина кажется намъ иногда жестокою и сухою, но она спасительна и предразсудки неизмѣняемо должны быть жертвуемы истинѣ, если хотимъ не ошибаться и судить о предметахъ, какъ они суть въ самомъ дѣлѣ, а не какими они намъ кажутся. Это необходимо. Изъ понятій несправедливыхъ извлекаемъ слѣдствія несправедливыя и заключеніе ложное. Но какъ дѣти не понимаютъ спасительнаго дѣйствія истины, такъ и люди, въ младенчествѣ своихъ понятій бывая дѣтьми, не думаютъ объ изысканіи истины и веселятся блестящими выдумками воображенія или прихотливаго своенравія. Отъ того видимъ, что Исторія, которой краеугольный камень составляетъ истина совершенная и безпристрастная, не бываетъ удѣломъ младенчества народовъ и младенчества лишце-

рашуръ народныхъ. Въ первомъ, она не различается отъ сказокъ и состоитъ въ смѣшанныхъ преданіяхъ и несбыточныхъ повѣствованіяхъ, гдѣ только строгая, опытная Критика можетъ отыскать истину; во второмъ случаѣ, люди не понимая еще важности Исторіи, не знаютъ Исторической Критики и что говорило имъ легковѣріе предковъ, повторяютъ они съ неуступчивою важностію, поставляя народную гордость оскорбленною, любовь къ отечеству нарушенною, если происхожденіе и дѣла предковъ не гремятъ въ пышномъ разсказѣ, если предки ихъ не дѣлаютъ чудесъ храбрости, не разбиваютъ имъ враговъ и не отличаются вездѣ рыцарскими качествами. Отъ того происходятъ нелѣпые разсказы лѣтописей всѣхъ народовъ; отъ того Олегъ на колесахъ ѣдетъ въ Царь-градъ, Ольга сжигаетъ Коростенъ голубями, Бѣлгородъ спасается киселемъ, Святославъ разбиваетъ Цимисхія, и проч. и проч., что было принято въ нашу Исторію безъ разбора, изъ лѣтописей.

Смотря такимъ образомъ на старину и не понимая что такое Исторія, первые *Историки* народа, обыкновенно впадаютъ еще въ двѣ странныя погрѣшности. Они стараются ученымъ образомъ присвоить Исторіи разсказы старины и современную Исторію сбиваютъ въ разрядъ безкритичныхъ лѣтописей. Имъ неизвѣстно, что Историкъ, кромѣ самаго строгаго критицизма, долженъ быть не простой *регистраторъ* фактовъ, но глубокомысленный философъ и притомъ, долженъ хорошо знать Политическую Экономію, Статистику каждаго вѣка, быть ученымъ Законовѣдцомъ и въ Исторіи своей изображать причины и слѣдствія дѣй-

даго событія, обнимая вполнѣ событія и соображая прошедшее въ отношеніи къ другому прошедшему и настоящему.

Русская Исторія, только ознакомясь съ Германскими критиками перешла за періодъ младенчества Исторической Литтературы. Наши Татищевы, Щербатовы, Болтины, Нехачины, Эмины не знали и неумѣли писать Исторіи. Къ сожалѣнію, это незнаніе видимъ еще въ нѣкоторыхъ современныхъ намъ Литтераторахъ; видимъ, что въ сочиненіяхъ, которыя называютъ они *Историческими*, древняя Исторія наша является у нихъ со всѣми разсказами лѣтописей, что Геродотъ и Несторъ, Страбонъ и Стриковскій, Рудбекъ и Плиній, Тацитъ и Гизель идутъ у нихъ рядомъ. Что касается до новой Исторіи, то ее обыкновенно ограничиваютъ они сборомъ реляцій, указовъ, кой-какихъ анекдотовъ и — громкими восклицаніями! Когда узнаемъ мы наконецъ, что пристрастныя разсказы о славѣ, просвѣщеніи, учености и непреклонной рыцарской чистотѣ людей необразованныхъ, жившихъ за 2000 лѣтъ до насъ, ни мало не сдѣлаютъ насъ ни славнѣе, ни умнѣе, ни благороднѣе? Римъ основала шайка разбойниковъ, но Римъ безсмертенъ. Славнѣе-ли будетъ Римъ, если мы станемъ утверждать, что Ромулъ былъ внукъ Царя Нумитора, сынъ Марса, вскормленъ волчицею и — *воевалъ* на большихъ дорогахъ, а не разбойничалъ? Нимало! Будемъ гордиться тѣмъ, что Славяне, предки наши, принадлежатъ къ одному изъ первобытныхъ народовъ, сохранимъ и украсимъ литтературными подвигами ихъ сильный, звучный и богатый языкъ, будемъ гордиться смѣлостью, храбростью и от-

важными предпріятіями Норманновъ, завоевавшихъ Славянскіе народы и положившихъ начало великому нашему Отечеству, но не будемъ ни суевѣрны, ни пристрастны: не будемъ утверждать, что предки наши за 1000 лѣтъ были народъ просвѣщенный; что они всегда и всѣхъ разбивали, побѣждали; не будемъ ставить ихъ выше Римлянъ и Грековъ за то, что они грабили и опустошали *окрестности* Царяграда, Оракію или Болгарію; не будемъ нашихъ Святославовъ, Игорей, Аскольдовъ изображать рыцарями и непобѣдимыми. Они были храбры; но не слава вела ихъ на брань, и часто побѣжденные бѣгали они отъ трусливыхъ Грековъ! Къ чему скрывать намъ истину? Слава наша и величіе основываются не на родословныхъ, какъ у какого нибудь вновь разбогатѣвшаго барина.

Предразсудокъ почитать за Исторію сборъ современныхъ реляцій и разныхъ актовъ, также страненъ. Должно удостовѣриться въ томъ, что Исторія столько-же отличается отъ сборниковъ и отъ сказокъ, какъ и отъ собранія актовъ и отъ панегириковъ. И какъ не могутъ Литтераторы наши убѣдиться въ томъ, что сочиненіе не-критическое, исполненное похвалъ безусловныхъ и восклицаній наборныхъ, заставляетъ болѣе сомнѣваться въ истинѣ, нежели вѣрить тому, въ чемъ насъ увѣряютъ, и что напротивъ, сочиненіе исполненное безпристрастной Критики, выраженій скромныхъ, благороднаго сознанія въ недостаткахъ, что такое сочиненіе болѣе убѣждаетъ насъ и что только такимъ образомъ должно писать Историческія сочиненія!

Почтенный Сочинитель *Россійскаго ратника*, безъ всякихъ изысканій, безъ всякихъ доказательствъ, выбралъ изъ Русскихъ лѣтописей всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о сраженіяхъ и битвахъ. Потомъ выбралъ что было ему нужно изъ *Дѣяній Петра Великаго*, изд. Г. Голиковымъ и наконецъ, сдѣлалъ выборъ изъ Реляцій и Газетъ, до 1805 г. Вотъ содержаніе *Россійскаго ратника!* Ни слѣда критики и — что непонятнѣе — вездѣ гдѣ Русскіе проигрывали, Сочинитель молчитъ, или съ жаромъ порицаетъ непріятелей вѣроломствомъ, измѣной, коварствомъ и проч. — Касательно вѣрности извѣстій, скажемъ, что Олегъ съ 280,000 ѣдетъ у него подъ Царьградъ на колесахъ; трактаты Грековъ съ Олегомъ пишутся *по-Русски*, ибо Соч. не вѣритъ, что Кириллъ и Меѳодій передали намъ грамоту; Олегъ прибиваетъ щитъ къ вратамъ Царяграда; Торки значатъ у него *Турковъ*, а Берендеи — *Бендеровъ*; на стр. 61 находимъ грамоту Алексія Комнина при посылкѣ Царскихъ регалій къ Мономаху! Сочинитель старается выражаться какимъ-то страннымъ языкомъ лѣтописей, ошибается въ подробностяхъ новѣйшихъ происшествій — и мы не понимаемъ, для чего было издавать въ 1825 г. книгу, для которой время прошло уже лѣтъ пятьдесятъ назадъ, съ Эмиными, Щербатовыми и другими старыми Историками?

Но скажутъ, что Соч. хотѣлъ собрать воедино всѣ извѣстія о войнахъ Россіянъ. Для чего-же быть пристрастну, ошибаться, измѣнять истину и замѣнять ее восклицаніями и порицаніями? Довольно намъ славы и безъ всякаго утаенія неудачъ. Притомъ надобно знать, что нынѣ Исторія ошдѣ-

ается уже отъ сборниковъ. Издавайте лѣтописи, собранія реляцій, но не называйте ихъ Исторіею и напрошивъ, пишите Исторію, возводя ее въ надлежащее достоинство. Положимъ, что кто нибудь захотѣлъ-бы написать Исторію военныхъ дѣйствій Россіянъ, отъ начала Государенна до 1805 года; онъ долженъ въ каждомъ періодѣ изобразить военное состояніе Россіи, степень военныхъ свѣдѣній, войдши въ стратегическія и тактическія подробности, при чемъ необходимъ политическій обзоръ каждаго періода. Угодно ему представить только *отдѣльныя выписки и свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ*, назови онъ книгу свою не *военною повѣстью*, не *Исторіею*, но *сборникомъ* реляцій, извѣстій, выписокъ. Пусть предложитъ онъ выписки свои *подлинными словами* лѣтописей, реляцій, какъ онѣ суть вполнѣ, означая откуда что взято, не прибавляя своихъ вставокъ и предоставляя судить и заключать другимъ, *болѣе искуснымъ*, довольствуясь скромнымъ названіемъ *Собирателя свѣдѣній*, а не Историка.

Если смотрѣть съ сей точки зрѣнія, то увидимъ, что сочиненіе Г. Фукса не должно было называться *Исторіею Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года*. Признаемся, что Г. Фуксъ далеко не удовлетворилъ нашимъ ожиданіямъ. Предпріятіе Г. Фукса написать Исторію великаго Суворова и исполненіе сего предпріятія будутъ предметомъ особеннаго, подробнаго разсмотрѣнія нашего, въ отдѣленіи *Критики*. Здѣсь довольно сказать, что Г. Фуксъ не отдѣлилъ въ объявленіи своемъ послѣднихъ, вновь изданныхъ 3-хъ книгъ, отъ двухъ первыхъ, изданныхъ имъ въ 1811 г. подъ названіемъ:

Исторіи Генералиссимуса Князя Италійскаго, Графа А. В. Суворова-Рымникскаго, и потому мы почитаемъ ихъ за *одно сочиненіе*, хотя послѣднія три части и имѣютъ особенные заглавные листки. Не смѣемъ безъ доказательствъ произнесть нашего мнѣнія о трудѣ Г. Фукса и прибавимъ только, что мнѣніе Г. Рецензента Сѣверной Пчелы (No 66.) поставившаго сочиненіе Г. Фукса на ряду съ *Исторіею Гос. Росс.* соч. Н. М. Карамзинымъ, кажется намъ слишкомъ увеличивающимъ достоинство книги. *Рецензентъ* (С. П) *не находитъ словъ для возблагодаренія Г. Фукса за сочиненіе, которое можно назвать*, говоритъ онъ, *сокровищемъ для Современной Русской Исторіи.* Даже двѣ довольно плоко литографированныя карты кажутся ему *отдѣланными съ необыкновеннымъ искуствомъ.* Со всѣмъ этимъ мы несогласны!

175. *Карманный Словарь Россійско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Россійскій*, въ пяти частяхъ, изданный Евстафіемъ Ольдекопомъ, Дѣйствительнымъ членомъ Курляндскаго Общества Любителей Словесности и Художествъ. Rußisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Taschenwörterbuch in fünf Theilen herausgegeben von August Oldekop и проч. Ч. 1, 2 и 3 *содержащія въ себѣ Россійско-Нѣмецкій Словарь.* I-я отъ А. до Н. Спб. 1824 г. in 16. XV и 1508 столбцовъ; Ч. II. буквы О—Р. Спб. 1825, in 16. 1200 столбцовъ; Ч. III. отъ С. до послѣдней буквы, съ тремя особыми прибавленіями. Спб. 1825, in 16. 1058 столбцовъ.

Неоспоримую заслуживаетъ благодарность Г. Ольдекопъ за полезные труды имъ предпринимаемые. Онъ взялъ на себя, такъ сказать, посредничество

между Русскими и Нѣмцами. Изданіемъ *С. Петербургскаго Журнала*, на Нѣмецкомъ языкѣ, онъ старается знакомить Германцовъ съ нашими *Литературными произведеніями, примѣчательными событіями, Статистическими и Историческими памятниками*. Между тѣмъ и другое занятіе, столь же значительное, привлекло его вниманіе. *Видя* чувствительный недостатокъ хорошихъ *Словарей* Нѣмецкихъ, онъ рѣшился принять на себя трудную и тягостную обязанность — издать новые и полные Словари языка Нѣмецкаго и Русскаго. Уже болѣе восьми лѣтъ, Г. Ольдекопъ посвящаетъ сему труду и, теперь кончилъ и выдалъ онъ въ трехъ томахъ *Словарь Россійско-Нѣмецкій*. Г. Ольдекопъ сначала предположилъ было весь трудъ свой заключить въ двухъ томахъ, »но *богатство языка принудило меня*,« говоритъ онъ въ предисловіи къ 1-й Части, »во время печатанія сдѣлать перемѣну.« Авторъ рѣшился распространить Словарь на четыре тома. Кончилось тѣмъ, что одинъ Россійско-*Нѣмецкій* занялъ *три* тома и вѣроятно двумя, какъ теперь полагаетъ Авторъ, Нѣмецко-Россійскій не ограничится, а также три тома составятъ оный.

Если принять въ соображеніе трудность сего подвига (ибо Г. Ольдекопъ не довольствовался выборкою словъ и изъясненій изъ Геймова Словаря, какъ другіе дѣлывали донынѣ, а трудился самъ, *исправлялъ*, прибавлялъ вновь), то не льзя не повторить и за сей трудъ того особенно, что мы сказали вообще выше сего: Г. Ольдекопъ заслуживаетъ благодарность нашу. Но въ тоже время не льзя не пожалѣть, что при всемъ стараніи Автора, Словарь его носитъ на себѣ признаки нѣсколько по-

спѣшной работы и если не ошибаемся, Г. Ольдекопу надобно было до изданія Словаря совѣтоваться объ немъ съ Русскими знатоками Русскаго языка. Кажется, что Авторъ самъ хорошо знаетъ Русскій языкъ; но мы думаемъ, что никогда иностранцу не возможно узнать всѣхъ тонкостей языка чужаго и по причинѣ богатства, и не устроенныхъ еще совершенно формъ, всегда самый ученый иностранецъ впадетъ въ такія ошибки, которыя можетъ ему указать простой Русскій писецъ. Приводимъ въ примѣръ славнаго Фатера, который открылъ намъ многіе законы языка Русскаго, а писавъ по-Русски ошибался весьма забавно (*). У Г. Ольдекопа *такихъ* ошибокъ не находимъ; но нѣкоторыя погрѣшности (кажется иногда происходившія даже отъ Аналогическихъ предположеній) встрѣчаются. Мы не можемъ подробно заняться исчисленіемъ всего; но полагая, что благонамѣренныя замѣчанія не могутъ оскорблять почтеннаго Автора, представляемъ ему на усмотрѣніе нѣсколько критическихъ отмѣшокъ. Можетъ быть нѣкоторыми онъ воспользуется и нынѣ; другія-же пригодятся для

(*) Это легко изъяснить. Законы Русскаго языка, Фатеръ, бывшій однимъ изъ первыхъ Лингвистовъ нашего времени, выводилъ изъ соображенія Логическаго съ другими языками, но познанію подробностей мѣлочныхъ, это соображеніе не могло его научить: для этого надобно родиться Русскимъ, или весьма долго, практически упражняться въ сочиненіи и разговорахъ на Русскомъ языкѣ. Фатеръ *первый* далъ намъ ключъ къ Русскимъ спряженіямъ — и въ тоже время, онъ писалъ въ своей Грамматикѣ: *я сомнѣваюсь онъ-ли бы пришелъ — насъ слишкомъ много, чтобы наше дѣло кончить — возможно это доставлять.* Въ Хрестоматіи своей онъ пишетъ: „Свистокъ — *отъ* Карамзина" — и проч.

втораго изданія его полезной книги (чего искренн желаемъ и надѣемся).

Не будемъ говорить о томъ, что для самаго Лексикографа было-бы полезнѣе издать сперва Словарь Нѣмецко-Россійскій. Это познакомило-бы его лучше съ нашими словами и свойствами ихъ, а для Рускихъ было-бы услугою болѣе важною, *нежели* изданіе Словаря Россійско-Нѣмецкаго. Мы увѣрены, что это болѣе дало-бы Автору и средствъ къ скорѣйшему напечатанію его книги. Замѣтимъ лучше, что у Г. Ольдекопа, повидимому, не было опредѣленнаго плана для Словаря: изъ *двухъ* предположенныхъ сначала сдѣлалось *пять*, а будетъ можетъ быть и *шесть* книгъ; не значитъ-ли это, что Авторъ началъ печатать Словарь, когда онъ не былъ еще совершенно конченъ? По нашему мнѣнію надобно было не только кончить его, но обсудить подробно и дать разсмотрѣть другимъ вполнѣ, а потомъ уже начинать печатаніе. Касательно расположенія и удобства, намъ кажется, что гораздо лучше было издать Словарь in 8, въ одномъ томѣ; ибо одинъ томъ in 8, гораздо удобнѣе трехъ маленькихъ, квадратныхъ и толстыхъ книжекъ. Если-же Авторъ избралъ *для удобства* маленькій форматъ, надобно было употребить умѣнье Нѣмецкихъ или Французскихъ типографщиковъ, котораго, повидимому, наши типографщики еще не знаютъ. Указываемъ для примѣра на *Нѣмецко-Французскій Словарь*, изданный въ Страсбургѣ, у Левро. При типографической хорошей сноровкѣ, конечно три части Словаря Г. Ольдекопа помѣстились-бы въ двухъ и чрезъ-то Словарь былъ-бы дешевле и удобнѣе.

Предоставляемъ людямъ болѣе насъ опытнымъ соображать переводъ Русскихъ словъ на Нѣмецкій, хотя не можемъ не замѣтить, что нѣкоторыя особенно малоупотребительныя слова переведены не совсѣмъ правильно На примѣръ: *Басма*, не значитъ статуя Хана, которую привозили изъ Золотой Орды; *Батракъ* не значитъ *рабъ*. Также неправильно переведены: *Веретье*, *Вертепъ*, *Баянъ*, *Аргамакъ*, *Байбакъ*, *Бабръ*, *Барсъ*, *Аулъ*, *Аханье* и другіе. Но вотъ что можно сказать касательно языка Русскаго собственно:

1-е. Предполагая, что Словарь Росс.-Нѣм. преимущественно назначается для Нѣмцовъ, замѣтимъ, что напрасно Г. Ольдекопъ не отмѣтилъ какое Русское слово неупотребительное, какое низкое и провинціяльное и какое употребляется только въ приказномъ слогѣ. Онъ ставилъ надъ нѣкоторыми словами slav. vulg. provinc., Но далеко не-надъ-всѣми. Для перваго разряда замѣтимъ слова: *Обаянникъ*, *Обвопльствовать*, *Обвѣнчаніе*, *Обдарованный*, *Обдержнѣйше*, *Обдолженіе*, *Самоборецъ*, *Самонравіе*, *Самобратъ*, *Самомнѣніе*, *Бальствовать*, *Баснословствовать*, *Снузникъ*, *Сопло*, *Сѣмо*, *Тать*, *Толикожды*, *Толить*, *Тожде*, *Щажденіе*, *Щегла*, *Южскій*; для втораго: *Барабошить*, *Затормошить*, *Портомой*, *Балаканье*, *Балясничать*, *Баять*, *Сботать*, *Спакостить*, *Тезка*, *Яруга*, *Ярыга*; для третьяго: *того ради*, *уразительно*. Подобныхъ словъ могли-бы мы представить сотни. Не говоримъ, что ихъ не должно было помѣщать въ Словарѣ; они найдутся въ старыхъ книгахъ Славянскихъ и Русскихъ, или въ разговорѣ черни, или въ приказныхъ бумагахъ, но что если

безъ ошибки Лексикографа, какой-нибудь Нѣмецъ вздумаетъ употреблять ихъ на письмѣ или въ разговорѣ?

2-е. Г. Ольдекопъ помѣстилъ въ Словарь множество иностранныхъ словъ, которые нынѣ или замѣнили, или стараются замѣнить Русскими. Приводимъ изъ множества: *Стиль*, *Полонезъ*, *Диверсія*, *Девіація*, *Эллеборъ*, *Абшитъ*, *Авва. Адамантъ*, *Аккуратность*, *Акциденціи*, *Алембикъ*, *Амнистія*, *Анитъ*, *Аплодиссементъ*, *Лажъ*. Этимъ словамъ и собраніи ихъ давно ошказано въ правѣ Русскаго гражданства.

3-е. Много словъ находимъ неправильно написанныхъ. Они не помѣщены въ опечаткахъ и вотъ нѣкоторые: *Сливошникъ*, *Столешникъ*, *Стоканъ*, *Аритметика*, *Визиръ*, *Вострый*, *Дрябъ*, *Щяпной*, *Саврасій*, *Бальсамъ*, *Бальсамировать*, *Юхтъ*, *Яртоулъ*, *Ярмонка*, *Авантгардія*, *Контребанда*. Г. Ольдекопъ ошибается также въ сложныхъ словахъ, на примѣръ вмѣсто того, чтобы *Ъ* и *И* измѣнять на *Ы*, онъ пишетъ: *Отъималка*, *Отъискать*.

4-е. Много словъ помѣщено вовсе ненужныхъ. Г. Ольдекопъ включилъ слова, производимыя отъ сложенія нарѣчій и предлоговъ (*Пре-Пере-Присно-Безъ-Много-Тре* и даже — *Не*) съ именами и глаголами. У него находимъ слова: *Премерзкій*, *Презрядный*, *Прелегкій*, *Преострый*, *Пресвѣтлѣйшій*, *Перекривить*, *Перегрѣть*, *Присноцвѣтущій*, *Безбѣдно*, *Безвкусный*, *Безвѣдома*, *Безковарно*, *Многобѣдный*, *Неявно*, *Неясно*, *Неслужливый*, *Необиженный* и проч. Это все равно, если-бы

Французскомъ Словарѣ, мы находили plusfort, plus sage, le plus sage, или въ Нѣмецкомъ ſchöner, ſchönſte.

5-е Наконецъ встрѣчаемъ нѣсколько словъ (и довольно много) совершенно намъ неизвѣстныхъ. Нѣкоторыя, если не ошибаемся составлены Г. Ольдекопомъ по Аналогіи производства другихъ словъ, какъ-то: *Ѣханіе, Скамѣчный, Сореніе, Отъѣзжаніе, Свайнобойный, Свѣданіе.* Безспорно, что есть глаголы: *ѣхать, отъѣзжать, свѣдать*, но отъ нихъ нѣтъ именъ существительныхъ; также какъ есть *засореніе* и глаголъ *сорить*, но существительнаго отъ него нѣтъ. То-же и о прочихъ. Но гдѣ взялъ Г. Ольдекопъ слова: *Обезображать, Среброкузнецъ, Стекленѣть, Числословіе, Ахать, Яростивый; Дарикъ* и т. п., мы не понимаемъ.

Если-бы все ненужное и излишнее было выкинуто, конечно это послужило-бы къ уменьшенію огромности и къ умноженію достоинствъ Словаря Г Ольдекопа. По крайней мѣрѣ отъ благонамѣренности Г Ольдекопа можемъ надѣяться большей осмотрительности при второмъ изданіи. Повторяемъ, что кое-какія погрѣшности можно исправить и нынѣ, приложивъ поправки при Словарѣ Нѣмецко-Россійскомъ.

Само по себѣ разумѣется, что въ Словарѣ Г. Ольдекопа нѣтъ рѣченій, которыя поясняли-бы смыслъ: но должно было помѣстить по возможности *всѣ* значенія словъ. Это у него не совсѣмъ исправно.

Три особыя прибавленія, о которыхъ упомянуто на заглавномъ листкѣ 3 й части, суть три росписи собственныхъ именъ и Географическихъ названій. Хотя нынѣ въ обычаѣ прилагать такія росписи

си къ Словарямъ, но мы осмѣливаемся замѣтить, что это пустое умноженіе страницъ Помѣщаются-ли *всѣ* Историческія и Географическія имена въ такихъ росписяхъ? Нѣтъ. И такъ, слѣдовало-бы выставлять только тѣ имена, которые совершенно не-сходны въ двухъ языкахъ, на примѣръ: Баварія, die Bayern, Нѣмецъ, der Deutsche; но для чего помѣщать въ Словарѣ: *Офенъ*, *Офиръ*, *Охотскъ*, *Очаковъ*, которые и по Нѣмецки и по Русски пишутся одинаково? — По крайней мѣрѣ, слѣдуетъ уже составлять такія росписи вѣрно, а у Г. Ольдекопа много словъ написано неправильно, какъ-то: *Мараннонъ*, *Анспахъ*, *Апенцелль*, *Ашемъ*, *Бирма*, *Галиція*, *Ѳессалонихъ*, *Аячіо*. Вообще Англинское New онъ пишетъ чрезъ Русское *Ню*, а Нѣмецкое Al чрезъ Русское *Ал*; но у насъ въ сихъ случаяхъ всегда почти придается буква ь, и мы пишемъ: *Нью-Кастль*, *Альтенбургъ* и проч. *Пурпурное море* у насъ совсѣмъ не-извѣстно, а Баффиновъ *заливъ* неправильно переведенъ die Baffins Straße (*). Замѣтимъ, что Г. Ольдекопъ, въ доказательство необходимости росписей Географическихъ, приводитъ двухъ Русскихъ переводчиковъ, изъ которыхъ одинъ написалъ: *Боссиманы*; а другой: *островъ Элефантинъ* перевелъ *Слоновымъ островомъ*. Г. Ольдекопъ говоритъ, что оба ошиблись, что *Боссиманы* есть Нѣмецкое Buschmänner и должно быть переведено по Русски, *Лѣсные Кафры*. Мы съ этимъ не согласны. Ни слова, что *Боссиманы* значитъ буквально *Лѣсные люди*, но это

(*) Въ именахъ Историческихъ встрѣчаются также ошибки: *Бокачій*, *Бойстъ*, *Анкетилъ*, *Гаспарій*, *Гваринiй*, *Алкай*, *Удней*, *Удинотъ*, *Турготъ*, *Торвалдсонъ*, *Шамфортъ*, и пр.

имя сдѣлалось собственнымъ. Такъ называется поколѣніе Кафровъ, живущее на Оранжевой рѣкѣ и само себя называющее *Саабъ*. Ссылаемся на Риттерово Землеописаніе, Т. I. стр. 100 Называть сихъ Боссимановъ *Лѣснымп людьми* все равно, что имя *Негра* перевесть по Русски *Черныш*. Элефантинъ замѣненъ Слоновымъ островомъ несправедливо, но Г. *Ольдекопъ* опять ошибся. Онъ говоритъ, что Элефантинъ названъ по городу, а городъ по его основателю. Развертываемъ Риттерову книгу, стр. 692 и читаемъ: Woher der Name Elephantine komme darüber ſchweigen alle Autoren und Kommentatoren, ſelbſt Champollion hat keine Etymologie im Koptiſchen auffinden können. И что еще болѣе: многіе полагаютъ, что именно *отъ слоновъ*, Элефантинъ получилъ свое названіе. Объ этомъ говоритъ Малтебрёнъ, въ своихъ *Основаніяхъ Всеобщей Географіи*, Т IV. стр. 500. Замѣчательно, что Г. Ольдекопъ шутитъ надъ переводчиками и приводитъ Боссимановъ и Слоновый островъ, какъ доказательства ошибокъ.

176. *Общая Паѳологія* Филиппа Карла Гартмана, Доктора и Профессора Медицины въ Вѣнскомъ Университетѣ. Переведена съ Нѣмецкаго Академикомъ, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Даніломъ Велланскимъ. Спб. 1825 г. in 8. X и 650 стр.

Паѳологія есть наука о болѣзненномъ состояніи человѣческаго тѣла. Что такое болѣзнь? Противоположное здоровому состояніе человѣка. Слѣдственно — *Паѳологія* есть *отрицательная* сторона Медицинскихъ знаній, которая не должна быть иначе разсматриваема, какъ въ отношеніи

къ *положительной* сторонѣ оныхъ *Физіологіи*. Всѣ созерцанія Паѳологическія должны имѣть основаніемъ общное созерцаніе организма, и оттуда должны быть выводимы условія разстройства онаго въ *отношеніи* къ цѣлому и въ отношеніи къ частному. Но въ такомъ-ли состояніи находится нынѣ Паѳологія? Взглянемъ на Паѳологію предлагаемую нынѣ въ переводѣ съ Нѣмецкаго почтеннѣйшимъ *соотечественникомъ* нашимъ Д. М. Веллянскимъ.

Сочиненіе Г. Гартмана »отличается« — говоритъ Г. Велланскій, »особливымъ порядкомъ въ раз»дѣленіи и способомъ въ изложеніи представленныхъ »тамъ предметовъ, по коему она признана многими »способною къ руководству въ публичныхъ настав»леніяхъ.« Но дѣло не *въ особливомъ порядкѣ*, а въ сущности предмета. Сіе сочиненіе, по словамъ Г. Велланскаго, »весьма согласно *съ обыкновеннымъ* »нынѣ *ученіемъ Медицины*, гдѣ не признаютъ го»сподствующею никакой системы и не слѣдуютъ »исключительно никакой сектѣ, *но по примѣру* »*Эклектиковъ*, избираютъ, *что кому кажется* »*лучшимъ*, *основательнѣйшимъ и понятнѣйшимъ*.«

Видя, что въ Паѳологіи Г. Гартмана — »всѣ »роды болѣзней и *обстоятельства*, *въ которыхъ* »*онѣ происходятъ и являются извѣстными види»ми*, представлены подробно, и такъ какъ *оныя* на»блюдаемы были опытнѣйшими практиками« — мы согласны, что »сочиненіе сіе можетъ быть весьма »полезнымъ для молодыхъ врачей въ практическомъ »ихъ занятіи, показывая имъ вкратцѣ и обстоя»тельно возможные случаи и происшествія, со»бранныя въ теченіи многихъ временъ разными на»блюдателями;« мы должны благодарить, какъ со-

чинителя, такъ и переводчика книги, тѣмъ болѣе послѣдняго, что на Русскомъ языкѣ донынѣ не было еще полной и хорошей Паѳологіи. Рекомендуемъ его книгу молодымъ врачамъ; но позволимъ себѣ сдѣлать притомъ небольшое замѣчаніе.

Оно не относится къ Г. Гартману, котораго предпріятіе весьма хорошо: онъ собралъ, что зналъ, и издалъ учебную книгу для врачей. Но довольно-ли подобныхъ книгъ для усовершенствованія науки? Подвигаютъ-ли онѣ науку впередъ и представляютъ-ли ее въ ясной полнотѣ? Судя по сочиненію Гартмана, нынѣшняя Паѳологія наша что иное, если не собраніе наблюденій, большею частію безъ связи и можетъ быть иногда ошибочныхъ, не-такъ понятыхъ? Конечно, ученые врачи стараются о системахъ, о приведеніи въ порядокъ разбросанныхъ свѣдѣній, но Галенъ, Бозелли, Шталь, Броунъ развѣ не старались объ этомъ? болѣе, развѣ системы ихъ не признаваемы были за вѣрнѣйшія и неошибочныя? Системы сіи оказались несправедливы, и въ то-же время какъ Гуфеландъ, Гарлесъ, Бурдахъ, Шпренгель думаютъ о соединеніи практики съ теоріею, »наибольшее число практическихъ врачей »(скажемъ словами Г. Гартмана, стр. 55),« »подъ »видомъ Гиппократовой Медицины, Натуральной »Философіи, контрастимула, Бруссеева раздражи»тельнаго способа, Магнетизма и Гомеопатической »системы, лѣчатъ больныхъ по одной грубой эмпи»ріи.« Надобно вспомнить, *что* бываетъ слѣдствіемъ Медицинскихъ ошибокъ! Прочитывая *Исторію Паѳологіи* (стр. 18—56) и видя искреннее сознаніе автора, касательно системъ Медицинскихъ, не льзя простому даже читателю не изумиться, что нынѣ

такъ мало обращаютъ старанія возвысить Медицину надъ грубымъ эмпиризмомъ; что нынѣ слѣдуютъ примѣру Эклектиковъ, когда Естественныя науки и Философское созерцаніе природы достигли столь высокой степени. Мысль несправедливая появилась въ головахъ многихъ Медиковъ, что Медицина не можетъ быть подведена подъ общія, непреложныя правила, выведенныя изъ *теоріи* природы и организма и соображенныя съ практическими опытами. Лѣность однихъ, практическія занятія другихъ (при чемъ нѣкогда подумать о теоріи) поддерживаютъ сію мысль. Но не уже-ли не видятъ врачи, что практика ихъ получитъ отъ теоріи столько настоящее достоинство. *Системы* не нужны говорятъ намъ — и мы согласны, что системы вздоръ; но должна быть одна истинная, полная, всеобъемлющая *Система*, и ее должны непремѣнно отыскать Медики, дабы наука ихъ была въ самомъ дѣлѣ наука. Къ сожалѣнію, съ этимъ не соглашаются многіе Врачи. Справедливо-*ли* сіе несоглашеніе? Новѣйшіе Философы открывали имъ пути новые и прекрасные — за чѣмъ пренебрегаютъ они ими? И справедливо-ли сіе пренебреженіе? Посмотримъ для образца на книгу Г. Гаршмана. Г. Гаршманъ рѣшительно говоритъ — »*Мы не слѣдуемъ Натуральной Философіи и ея Методѣ*. (стр. »52), однакожъ онъ не отвергаетъ, что Натур. Философія оказала не малую услугу Паѳологіи (*).

(*) „Она вывела врачей изъ заблужденія, считавшихъ жизнь органическихъ тѣлъ произведеніемъ какого-то неизвѣстнаго качества (qualitas occulta), жизненной силы собственнаго рода, возбуждаемости и тому подобнаго. Бытіе каждаго особаго существа представила она во внутренней связи съ

Но сія Философія „ говоритъ Г. Гартманъ, „или паче *поверхностные послѣдователи оной*, остановили успѣхи Паѳологіи и всей Медицины тѣмъ, что безъ частныхъ опытовъ и наблюденій, хотѣли по одному умозрѣнію вывесть Врачебную Систему изъ высочайшаго и общаго начала, и наполнили оную смѣлыми, произвольными положеніями, которыя суть только уродливыя порожденія необузданной фантазіи.“ — Есть-ли тутъ ученая, философская основательность? *Поверхностные послѣдователи* всегда и вездѣ дурны, крайности вездѣ не хороши; но между тѣмъ Г. Гартманъ говоря о Паѳологіи, по системѣ Натуральной Философіи, показываетъ явное незнаніе сей Философіи (что замѣтилъ и Г. Переводчикъ на стр. 52); слѣдственно, онъ или не понялъ или не читалъ книгъ Гёдена, Трокслера и другихъ славныхъ врачей и Философовъ, и въ то-же время онъ самъ соглашается, что Наш. Фил. разрѣшила важнѣйшую задачу Физіологіи, оказала немалую услугу Медицинѣ. Зачѣмъ-же онъ смотритъ на *поверхностныхъ послѣдователей*, не выкая самъ, не разсмотрѣвъ даже несообразности въ своихъ словахъ, не подумавъ о томъ: какимъ-же образомъ могла Наш. Фил. услу-

---

общею жизнію всей природы, и тѣмъ показала необходимость для врача, заниматься естественными изслѣдованіями. Наконецъ доказана ею погрѣшность односторонняго разсматриванія организма въ здоровомъ и болѣзненномъ его состоянія, гдѣ принимались въ счетъ одни количественныя отношенія жизненной дѣятельности, безъ всякаго вниманія къ качественнымъ содержаніямъ, которыя однако должны составлять важнѣйшій предметъ органическаго изслѣдованія (стр. 52 и слѣд.).“

жить Медицинѣ и Физіологіи, если она *должна быть отвергаема?*

Счастливымъ себя почту, когда сіи немногія мысли могутъ внушить хотя нѣкоторымъ Врачамъ истинныя понятія о томъ, какъ должны они смотрѣть на Медицинскія науки. Я не хочу обращать ихъ рѣшительно къ теоріи — теорія безъ *практики* никуда не годится — я прошу ихъ только, *изъ собственнаго* сознанія почтеннаго сочинителя полезной книги, убѣдиться, что и одной практики не довольно. Должно изучать не болѣзни однѣ, но природу и человѣка, должно быть Философомъ-Медикомъ, а не реэстромъ болѣзней и лѣкарствъ. Говорятъ, что въ Турціи на каждую болѣзнь бываетъ особый лѣкарь; въ Европѣ развѣ не видимъ, что иной врачъ отличается удачнымъ лѣченіемъ одной, другой врачъ другой болѣзни? Не доказываетъ-ли это, что знаніе того и другаго составляетъ нѣсколько опытовъ, нѣсколько наблюденій? Какъ *выше* подобныхъ людей станетъ уже и тотъ, *кто приготовилъ* духъ свой къ философскому созерцанію основательнымъ познаніемъ Анатоміи, Физіологіи и Естественной Исторіи вообще и потомъ практику соединяетъ съ теоріею философскою! Но какая лестная надежда представляется нынѣ каждому врачу, стать на ряду съ величайшими *людьми древнихъ* и новыхъ временъ, приведеніемъ Медицины вообще въ единыя философическія основанія, посредствомъ соединенія умозрѣнія съ опытностію! Сего ожидаетъ отъ нихъ страждущее человѣчество; слава и благословеніе современниковъ и потомства будетъ ихъ наградою. Между тѣмъ, конечно полезно издавать собранія опытовъ, наблюденій, но

ризнаемся, что мы желали-бы отъ почтеннаго Переводчика Пасологіи, чего нибудь болѣе важнаго; желали-бы, на примѣръ, самую Гарпманову Пасологію видѣть не просто переведенную, но передѣланную. Его силъ и способностей далеко достаточно-бы для приведенія оной въ общую, по возможности полную систему цѣлаго. Но можетъ быть исполненіе желанія *нашего* не возможно — и объ этомъ не льзя не пожалѣть. . : . .

И. Ѳ — й, Д. М.

1826.

61. *Отчетъ Московскаго Коммерческаго Училища со времени учрежденія онаго до* 1826 *года.* Читанный при публичномъ испытаніи, происходившемъ въ ономъ 6 Іюля 1826 года. М. 1826 г. in 8. 18 стр.

62. *Разсужденіе и рѣчи*, говоренныя Воспитанниками Московскаго Коммерческаго Училища на публичномъ годовомъ испытаніи Іюля 6 дня 1826 года. М. 1826 года. in 4. 28 стр.

63. *Рѣчь о ложности положенія причинъ упадка торговли въ недостаткѣ денегъ*; показаніе истинныхъ причинъ онаго и нѣкоторыхъ средствъ, могущихъ воспрепятствовать губительному вліянію ихъ на благо народное, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества Любителей Коммерческихъ знаній, въ Московской Практической Коммерческой Академіи, Іюля 9 го дня, 1826 года, Секретаремъ Общества и Академіи Егоромъ Классенъ. М. 1826 г. in. 4, 6 стр.

Разсужденіе, читанное при публичномъ годовомъ испытаніи Воспитанниковъ Московскаго Коммерче-

скаго Училища, есть *Краткое обозрѣніе торговли древнихъ народовъ*, соч. Пансіонеромъ 4 возраста Г. Крашенинниковымъ. Рѣчи произнесены Воспитанниками Тирнымъ, Маляевымъ, Тихомировымъ и Пузырецымъ. Но вниманіе особенное привлекаетъ Отчетъ Московск. Коммерческ. Училища. Оно основано было въ 1804 г. на иждивеніе Московскаго купечества, дабы *споспѣшествовать образованію Коммерческаго званія гражданъ*, ибо почтенное купечество признало неоспоримымъ, что воспитаніе купца должно отличаться значительною разницею отъ воспитанія гражданъ другихъ званій. Изъ Отчета видимъ, что благородная ревность Московскаго купечества заставляла его не щадить расходовъ. Со времени основанія Училища, Московское купечество употребило на оное болѣе *шести сотъ тысячъ рублей*, не считая *ста восьмидесяти пяти тысячъ*, употребленныхъ на покупку и передѣлку дома, положило умѣренную плату съ пансіонеровъ и кромѣ того было множество *частныхъ* пожертвованій. Училище облагодѣтельствовано также благотвореніями ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Слѣдствіемъ всего было, что кромѣ пансіонеровъ, штатныхъ воспитанниковъ Московскаго Градскаго Общества донынѣ изъ училища выпущено 58. Желательно-бы знать *имена* и *нынѣшнее званіе* сихъ воспитанниковъ, ибо вѣроятно, оные украсили *купеческое общество* своимъ дѣятельнымъ стараніемъ и знаніями, приобрѣтенными ими въ училищѣ, предназначенномъ для образованія *купцовъ*; вѣроятно, что воспитаніе еще болѣе раскрыло въ нихъ то чувство благороднаго сознанія, что купеческое званіе стоитъ въ

яду другихъ званій Россійскаго гражданства, какъ очетное и заслуживающее уваженіе въ глазахъ истинно-просвѣщеннаго человѣка и сына Отечества.

Рѣчь Г. Классена, какъ видно изъ заглавія, произнесена была въ Московской Практической Коммерческой Академіи, учебномъ заведеніи, также назначенномъ для особеннаго образованія купечества. Мы не имѣемъ свѣдѣнія о состояніи онаго. Касательно рѣчи должно замѣтить почтенному Сочинителю, что мысль его, совершенно справедливая, худо раскрыта имъ. Политическая Экономія доказываетъ намъ неоспоримо, что упадокъ торговли бываетъ не отъ недостатка денегъ; но средства, для улучшенія торговли и промышленности, предложены авторомъ далеко не всѣ и между прочимъ одно изъ нихъ, т. е. ограниченіе ввоза иностранныхъ товаровъ, должно сопровождаться нѣкоторыми особенными обстоятельствами, о которыхъ Г. Классенъ не сказалъ ни слова. Желательно вообще, чтобы предметы столь важные были раскрываемы съ большею основательностію и откровенностію; иначе сужденія и сочиненія наши будутъ только умножать безчисленное множество брошюръ и книгъ, отъ которыхъ не видимъ мы никакой пользы и которыя послѣ мгновеннаго прочтенія поступаютъ въ мирную пыль библіотекъ, сохраняясь тамъ до истлѣнія.

64. *Списокъ Физическихъ инструментовъ* ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, составленный 1826 года Профессоромъ Физики. М. 1826. in. 8. 27. стр.

Кромѣ 52, уцѣлѣвшихъ отъ всеобщаго пожара въ 1812 году, собраніе физич. инстр. Моск. Унив. умножено вновь покупкою на штатную и хозяйственную суммы и приношеніями разныхъ особъ. Оно состоитъ нынѣ изъ 395 нумеровъ. Есть замѣчательныя.

65. *Записка объ открытіи Аптеки ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета*, на Моховой. М. 1826. in 8. 8 стр.

Мы упоминали объ открытіи сего полезнаго заведенія (Тел No XI стр. 236) Прекрасный двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ Аптека и Университетская Лабораторія помѣщаются, выстроенъ на экономическую сумму 83,525 руб., оставшихся отъ суммы (401,288 р.) ассигнованной изъ Государственнаго Казначейства для выстройки при Университетѣ корпусовъ Медицинскаго Института, Учебныхъ больницъ и Анатомическаго театра. Къ сему прибавлено изъ экономической Университетской суммы 21,000 р. Для обзаведенія Аптекарскими матеріялами, взято заимообразно изъ типографской суммы 17,766 рублей. Главныя выгоды сей Аптеки для Университета состоятъ въ томъ, что она, кромѣ практики учащихся, отпускаетъ лѣкарства въ Университетскія больницы съ уступкою трети изъ цѣны, назначенной по таксѣ. Отпуски по рецептамъ врачей производятся въ ней какъ обыкновенно.

66*. *Краткое начертаніе Естественной Исторіи животныхъ*, изданное Докторомъ Медицины Алексѣемъ Ловецкимъ. Ч. I. Животныя позвоночныя. М. 1826 г. in 8. 476 стр.

Разборъ сей книги будетъ помѣщенъ въ Теле-
фѣ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Лондонъ въ 1825 году. Недавно издана была
Англіи любопытная книга, подъ названіемъ: *Но-
я Аѳины*, гдѣ неизвѣстный сочинитель весьма
оно и остроумно описалъ, подъ именемъ Аѳинъ,
имбургъ. Вниманіе публики ободрило его описать
дъ именемъ Вавилона (*) — столицу Англіи, без-
рный Лондонъ. Онъ исполнилъ это съ успѣхомъ.
авы, обычаи, памятники и достопамятности
ндона вошли въ его планъ. Выписываемъ его об-
е обозрѣніе Лондона, гдѣ находимъ много любо-
тнаго и новаго. Французскіе Журналисты гово-
тъ съ похвалою вообще о всѣхъ подробностяхъ
иги.

»Безъ всякаго увеличенія можно сказать, что
ндонъ есть богатѣйшій и многолюднѣйшій городъ
свѣтѣ: 15,000 кораблей ежегодно привозятъ въ
го богатства изъ всѣхъ частей свѣта, а въ об-
ирномъ объемѣ сего города, *болѣе нежели на се-
и квадратныхъ миляхъ* живетъ 1,263,595 чело-
ѣкъ (**). Положеніе Лондона, по берегамъ широ-
ой и глубокой рѣки, въ шестидесяти миляхъ отъ
оря, способствовало при благопріятныхъ полити-

*) Babylon the great etc, Лондонъ 1825 г. 2 тома in 8.

**) Ревизія 1821 г. По донесенію судьи Колькгоуна, въ Лон-
донѣ находится между прочимъ 115,000 воровъ или мошен-
никовъ и 3,000 воровскихъ укрывателей.

ческихъ обстоятельствахъ, къ возведенію его на степень перваго города въ мірѣ. Въ немъ считается 70 площадей, 8,000 улицъ, 160,000 домовъ, 394 церкви, 14 судебныхъ Палатъ, 10 полицейскихъ Приказовъ, 14 темницъ (*), 14 рынковъ, 10 залъ, посвященныхъ Изящнымъ искусствамъ, 13 Театровъ, 30 ученыхъ Обществъ, 16 высшихъ училищъ, 5 училищъ для Богословія, 13 для Правъ, 12 для Медицины, 299 училищъ для первоначальнаго обученія дѣтей безъ платы, 147 гофшпиталей или больницъ, и около 1700 другихъ заведеній для облегченія участи несчастныхъ и бѣдныхъ. Ни одна столица Европы не можетъ сравниться съ столицею Англіи. Многія красивѣе, богатѣе монументами Архитектуры и древности, особливо же, пріятнѣе и веселѣе Лондона, но ни одна не представляетъ столько предметовъ поучительныхъ и достойныхъ примѣчанія. Ваятель и живописецъ мало ощутятъ вдохновенія въ семъ городѣ тумановъ и дыма (**), гдѣ безцвѣтное солнце освѣщаетъ некрасивые монументы, но другъ человѣчества, законодатель, ученый находитъ въ Лондонѣ неистощимый рудникъ для ученія и любопытства.

»Не должно судить о Лондонѣ по первому впечатлѣнію; въ противномъ случаѣ вы сообщите картинамъ вашимъ мрачную и печальную тѣнь, закрывающую достопамятности сего туманнаго города.

(*) Въ 1823 г. въ Ньюгатской тюрьмѣ было 2,480 заключенныхъ; въ 1817, въ Вестминистерскихъ и Колдбатфильдскихъ тюрьмахъ было 6,324.

(**) Въ Лондонѣ ежегодно сжигаютъ 54,000,000 квинталовъ земляныхъ угольевъ, коихъ дымъ покрываетъ весь городъ и копитъ всѣ зданія.

При вступленіи въ него, взоръ поражается единообразіемъ домовъ, утомительною правильностію площадей, множествомъ улицъ, на западной сторонѣ прекрасныхъ, широкихъ, прямыхъ, на восточной сторонѣ узкихъ, грязныхъ, кривыхъ, безпрестанно ведущихъ отъ площади къ церкви, отъ церкви къ кладбищу. Сначала удивляетъ васъ чрезмѣрное множество каретъ, пѣшеходовъ, лошадей наполняющихъ мосты и улицы (*). Съ удивленіемъ останавливаетесь на широкихъ троттуарахъ, смотрите на богатство лавокъ; но вскорѣ обратя взоры на безчисленную толпу, васъ окружающую, коей наружный видъ не показываетъ ни величія, ни счастія, вы станете сомнѣваться: тотъ-ли это самый городъ, который почитается въ Европѣ самымъ богатымъ, самымъ счастливымъ? Въ зимній день, Лондонъ покажется вамъ самымъ скучнымъ и самымъ непріятнымъ городомъ въ мірѣ; въ каждую субботу, вечеромъ, покажется онъ самымъ блистательнымъ и самымъ одушевленнымъ. Освѣщаемый газомъ, онъ представляется всегда иллюминованнымъ. Каждый перекрестокъ — рынокъ; каждая улица — базаръ, гдѣ въ красивыхъ лавкахъ, искусно разложены вся-

(*) Въ Лондонѣ шесть мостовъ, два чугунныхъ и четыре каменныхъ. Увѣряютъ, что черезъ Лондонскій мостъ ежедневно переходитъ 125,000 человѣкъ. 11 Іюля 1811 г., нарочно считали цѣлый день и нашли, что въ этотъ день перешло черезъ мостъ 89,640 пѣшеходовъ, переѣхало 1,240 дилижансовъ или фіакровъ, 485 одноколокъ, 769 каретъ, 2,924 тѣлеги и 784 человѣка верхомъ. Считая по четыре минуты времени, для перехожденія Лондонскаго моста, найдемъ, что на семъ мосту безпрерывно находится 547 лошадей, каретъ, людей и проч.

каго рода товары, отъ богатѣйшихъ матерій Индійскихъ, до самой грубой пищи, необходимой бѣдному. Трудно пробиться сквозь толпу, со всѣхъ сторонъ движущуюся, и между тѣмъ нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ трещотками, содержатъ ее въ тишинѣ и порядкѣ (*). Вечеръ субботы есть время сатурналій Лондонской черни, а воскресенье, день ея отдыха. Засыпая посреди шума, *просыпаетесь* въ глубочайшемъ безмолвіи. Городъ, представлявшій на канунѣ картину живѣйшихъ движеній и смятеній, на другой день предстаѣляется обширною, молчаливою пустынею. Всѣ домы, всѣ лавки заперты. Улицы, площади пусты; часть народа собралась въ церквахъ; другая въ семейственныхъ собраніяхъ набожно читаетъ Библію, между тѣмъ, какъ третья часть собравшись въ питейныхъ домахъ, грубымъ пьянствомъ вознаграждаетъ себя за другія удовольствія, запрещаемыя уставомъ (**).

»Для совершеннаго узнанія Лондона не довольно того, чтобы пройдти по всѣмъ его улицамъ, видѣть его парки и монументы. Нѣсколько мѣсяцовъ пребыванія не могутъ дать совершеннаго понятія о семъ городѣ, гдѣ *все*, такъ сказать, тайна: правленіе, законы, обычаи. Его внутренняя организація столь

(*) Въ Англіи нѣтъ жандармовъ; полиція отправляется черезъ караульныхъ (watchmen) и коммисаровъ (Constables); ихъ считается 3,000 для одного Лондона.

(**) Въ Лондонѣ около 6,000 питейныхъ домовъ; сочтено, что въ нихъ ежегодно продается 1,400,000 бочекъ *портера* и 80,000 бочекъ *пива*.

многосложна, учрежденія его столь не сходны между собою, народъ раздѣленъ на столь большое число классовъ, его мануфактуры, его верфи, его складочныя мѣста, столь различны отъ всего того, что можно видѣть въ другихъ городахъ Европы, что должно прожить цѣлые годы, чтобы посвящену быть въ таинства сего обладателя морей; должно имѣть время изучить всѣ классы общества во внутренности ихъ семействъ, посреди ихъ удовольствій и въ часы ихъ трудовъ; должно быть наконецъ, если возможно, Лондонскимъ жителемъ, для познанія семейственныхъ подробностей и присоединить къ тому строгое изслѣдованіе иностранца.«

Сочинитель Вавилона неоспоримо имѣетъ первое изъ сихъ качествъ. Привычка и нравъ Джонъ-Булля (*), обычаи дворянъ, краснорѣчіе Густингса (верховнаго Лондонскаго Суда), свобода книгопечатанія, Журналы, Литтература, уголовное правосудіе, Парламенты, публичное воспитаніе, все описано имъ съ умомъ, знаніемъ предмета и основательностію. Можно сказать, что онъ истощилъ сіи предметы и если можно сожалѣть что въ твореніи его находимъ только часть обширной картины, которую онъ долженъ былъ изобразить, то по крайней мѣрѣ та, которую онъ намъ представилъ, заслуживаетъ нашу похвалу. Онъ сдѣлалъ все, что можно было Англичанину. Онъ означилъ смѣшные

(*) Такъ называютъ вообще Англинскій народъ, а частно Англичанъ имѣющихъ и среднихъ классовъ. *Пер.*

обычаи Англинскихъ модъ и нынѣшніе недостатки Англичанъ, хотя привыкнувъ къ наслѣдственнымъ погрѣшностямъ, къ національнымъ предразсудкамъ, освященнымъ длинными рядами вѣковъ, онъ не всегда отличаетъ ихъ рѣзкими чертами. Онъ показываетъ, на примѣръ, что Англинскій народъ въ Гугтингсахъ, простираетъ вольность *свою до* своевольства, кидаетъ грязью въ кандидатовъ *при* народныхъ представленіяхъ, кидаетъ каменьями въ карету Короля, и говоритъ: »Вотъ доказательство власти народа!« забавное доказательство!

Сочинитель не объяснилъ также безчисленныхъ противорѣчій и недостатковъ, обезображивающихъ Англинскіе законы и учрежденія. Домъ гражданина есть ненарушимое убѣжище; но правительство можетъ насильно брать матросовъ съ купеческихъ кораблей въ свою службу. Уголовные законы окружаютъ покровительствующими формами *жизнь* гражданина и они-же не позволяютъ имѣть защитника несчастному, на котораго сдѣлано уголовное обвиненіе. Законъ запрещаетъ мучить животныхъ, а позволяетъ наказывать плетьми солдатъ; запрещаетъ поединки, а позволяетъ людямъ убивать другъ друга кулаками за какую нибудь сумму денегъ. Правительство провозглашаетъ терпимость, *даетъ* полное право гражданства Жидамъ, Тринитарамъ, Квакерамъ и другимъ *тридцати* сектамъ, а между тѣмъ гонитъ и преслѣдуетъ Ирландскихъ Католиковъ. Въ Англіи говорятъ о свободѣ и подаютъ голоса въ пользу *alien bill*; о равенствѣ — и какое-нибудь мѣстечко, состоящее изъ полу-дюжины гни-

лыхъ домовъ, посылаетъ двухъ членовъ въ Парламентъ, между тѣмъ какъ Манчестеръ, имѣющій 134,000 жителей, не имѣетъ тамъ ни одного представителя!

Подобныя странности и противорѣчія находятся также и въ характерѣ націи, но Сочинитель и въ семъ случаѣ, часто забываетъ ихъ. Англичанина надобно изучивать долго, прежде нежели можно справедливо оцѣнить его. Не имѣя качествъ любезныхъ, онъ подъ холодною и гордою наружностію скрываетъ свойства почтенныя. Онъ не такъ учтивъ, не такъ услужливъ, не такъ остроуменъ, какъ Французъ; молчаливъ въ обществѣ, простъ, спокоенъ, разсудителенъ вездѣ — и великій говорунъ въ клубахъ, горячій, запальчивый фанатикъ въ народныхъ возмущеніяхъ! Удовольствія его менѣе шумны, менѣе веселы нежели удовольствія Француза, но впрочемъ не лучше выбраны и не имѣютъ цѣли болѣе нравственной. Важность и холодность Англичанина показываютъ что-то отдаляющее; но если онъ почтитъ кого своею дружбою, то уже безъ всякихъ условій. Онъ щедръ, человѣколюбивъ, даже сострадателенъ; но притомъ эгоистъ, жаденъ, иногда кровожаденъ. Хорошій отецъ и хорошій мужъ — онъ обходится жестоко съ своими слугами и презрительно съ низшими. Онъ любитъ путешествія, живетъ далеко отъ своего отечества и вездѣ показываетъ особенное предпочтеніе къ своей націи, часто оскорбительное для другихъ. Гордъ своимъ политическимъ образованіемъ, онъ до чрезмѣрности простираетъ сіе чувство —

и сами отъ себя скрываетъ злоупотребленія, дабы въ собственныхъ глазахъ своихъ не показаться менѣе завидными. Ни въ какомъ Государствѣ народъ не терпитъ столько отъ презрѣнія Аристократовъ и однакожъ нигдѣ Аристократія не окружена такою уступчивостію народа и такими почестями. Жажда къ богатству общая въ Англіи. Бѣдность въ Англіи не только несчастіе, но даже порокъ и при всемъ томъ — нигдѣ нѣтъ такого множества бѣдныхъ (*)! Всѣ граждане занимаются торговлею и промышленностію; великія богатства ихъ не препятствуютъ имъ занимаяся предпріятіями нужными для увеличенія богатствъ — и ни въ одной землѣ нѣтъ столько расточителей и людей страстныхъ къ игрѣ!

Жаль что Сочинитель упустилъ всѣ сіи любопытныя черты и противорѣчія въ характерѣ, поступкахъ, нравахъ и обычаяхъ своихъ земляковъ. Лондонъ ждетъ еще своего Жуи.

НЕКРОЛОГІЯ. Фридрихъ Теодоръ Шубертъ.

10. Октября 1825 года, скончался въ Санктпетербургѣ Академикъ Г. Шубертъ, славный послѣдователь великаго Эйлера. Онъ родился въ Гельмштедтѣ, 30 Октября 1758 года и былъ 8 й изъ 9 сыновей тогдашняго Профессора Богословія Іоанна Эрнста Шубер-

(*) Въ Лондонѣ считается 14,164 нищихъ, и 107,310 человѣкъ бѣдныхъ, получающихъ подаянія.

шта, котораго слава, какъ ученаго Богослова и Оратора подтверждается и нынѣ еще многими глубокомысленными сочиненіями. — Фридр. Теод. Шуберть съ раннихъ лѣтъ оказывалъ ту силу ума, которая со страстью къ ученію развернулась въ немъ столь блестящимъ образомъ. Съ 1776 до 1779 года учился онъ въ Геттингенѣ, Богословію и Восточнымъ языкамъ. Потомъ поѣхалъ въ качествѣ гувернёра съ двумя молодыми Шведами въихъ отечество. Послѣ онъ занялъ мѣсто домашняго учителя у Маіора Гронгельма, въ Бартельсгагенѣ, близь Стральзунда. Гронгельмъ страстно любилъ Астрономію и имѣлъ собраніе лучшихъ Астрономическихъ инструментовъ. Шуберть? началъ также заниматься Астрономіею и вскорѣ полюбилъ Математическія Науки, такъ что рѣшился совершенно посвятить себя имъ. Съ прилежаніемъ и проницательностію онъ оказалъ быстрые успѣхи. Въ 1783 году онъ осматривалъ Ревель, куда поѣхалъ опредѣлиться въ учители; въ 1785 принятъ Географомъ въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Академію Наукъ, въ С. Петербургѣ; въ 1786 г. сдѣланъ Адъюнктомъ Математическаго класса и Членомъ Конференціи; въ 1789 г. получилъ степень настоящаго Академика; въ 1799 г. сдѣланъ Библіотекаремъ. Въ 1804 г. ему, какъ первому Астроному, ввѣрена была обсерваторія Академіи, гдѣ при немъ находилось нѣсколько помощниковъ. Планъ для постройки обсерваторіи въ Николаевѣ, былъ сдѣланъ Шубертомъ. Въ 1805 г. онъ былъ отправленъ съ Россійскимъ посольствомъ въ Китай, въ должности Начальника ученаго отдѣленія, особенно для Астрономіи и Восточной Литтературы. При семъ случаѣ Шу-

бертъ получилъ истинно Царскія милости: жалованье по чину и званію ему продолжалось и, кромѣ готоваго содержанія, назначено 8000 рублей единовременно, а по возвращеніи или вслучаѣ смерти во время путешествія, долженъ былъ онъ или семейство его получать пенсіону по 1000 рублей. Съ нимъ поѣхалъ сынъ его (*). Посольство было ввѣрено Графу Головкину; при немъ находились также четверо другихъ ученыхъ, для Естественныхъ Наукъ. Извѣстно что цѣль сего посольства не была достигнута и всѣ составлявшіе оное должны были возвратиться въ С. Петербургъ. — Въ 1813 г. Шубертъ именованъ Членомъ Адмиралтейскаго Департамента; еще прежде возложено было на него преподаваніе Астрономіи Свитскимъ Офицерамъ. Будучи Членомъ Адмиралтейства, онъ ежегодно издавалъ для флотскихъ Офицеровъ Морской Календарь. Съ 1799 г. былъ онъ Коллежскимъ Совѣтникомъ; въ 1804 году пожалованъ Статскимъ, а въ 1816 году Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ. ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ также ему Ордена Св. Анны 2-го класса и Св. Владиміра 2го класса. — Слава его въ Астрономіи главнѣйше основывается на изданныхъ имъ:

(*) Достойный своего знаменитаго отца, нынѣ Генералъ Маіоръ по Квартирмейстерской части въ Россійской службѣ. Онъ былъ, послѣ кампаніи, Генералъ-Квартирмейстеромъ въ корпусѣ Графа Воронцова, во время пребыванія онаго во Франціи. Король Прусскій избралъ его своимъ сопутникомъ въ 1817 г. для обозрѣнія мѣстъ сраженій во Франціи. Генералъ Шубертъ снялъ подробную карту пространства Франціи, замѣтаго во время похода.

Lehrbuch der theoretischen Astronomie (Учебная книга теоретической Астрономіи), которая издана была въ 1791 году на Французскомъ, а въ 1798 году на Нѣмецкомъ языкахъ. Въ 1822 г. сія-же книга издана была Авторомъ, по желанію Французскихъ Астрономовъ, вторымъ изданіемъ на Французскомъ языкѣ, въ четырехъ томахъ in 4 (для сего изданія ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ ему 9000 рублей). Она переведена была на Англинскій языкъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Бостонѣ. Другія книги его: populäre Astronomie 3 т. 189-1810 гг. и Anleitung zu der astronomischen Bestimmung der Länge und Breite, для Офицеровъ Главнаго Штаба, въ Спб., 2-е изд. 1803 г., 83 стр. in 4. — Съ 1788 г. подъ его смотрѣніемъ составлялся Календарь, издаваемый С Петербургскою Академіею. СП. бургскій Карманный Календарь, на Нѣмецкомъ, также издавался съ 1808 по 1818 годъ его трудами. — Съ 1810 принялъ онъ на себя редакцію С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей и много работалъ для Записокъ, издаваемыхъ Академіею. Его gesammelten vermischten Schriften большею, частію статьи, относящіяся къ Физикѣ и Астрономіи, основательныя, умныя, писанныя яснымъ и цвѣтущимъ слогомъ, составятъ томовъ 7 mь in 8. До сихъ поръ издано 4 тома 1823-1825 гг.

Шубертъ былъ Членомъ многихъ Ученыхъ Обществъ Германіи, Даніи, Швеціи, Франціи, Италіи, Сѣверной Америки и велъ обширную переписку со множествомъ славнѣйшихъ ученыхъ и знатныхъ людей. Онъ основательно зналъ древніе

Классическіе и Восточные языки; Французскій и Англинскій были ему извѣстны — какъ свой собственный; Русскій языкъ также зналъ онъ хорошо.

Наружность Шуберта была важна и благородна. Онъ одаренъ былъ необыкновенною способностію къ общественнымъ разговорамъ, но жилъ единственно для Наукъ и своего семейства. Въ домашнемъ кругу, отдыхомъ его была Музыка, которую онъ любилъ страстно и какъ артистъ игралъ на форшепьяно, флейтѣ, скрыпкѣ и гобоѣ.

Обширныя познанія, ясность, остроуміе въ разговорныхъ и письменныхъ объясненіяхъ и Европейскія заслуги Шуберта, были награждены общею признательностью и въ отечествѣ и въ другихъ странахъ.

Шубертъ всегда исполнялъ свои должности съ отличною ревностію. Во время своей послѣдней осьмидневной болѣзни, даже 9 числа вечеромъ отмѣтилъ онъ въ иностранныхъ Газетахъ тѣ статьи, которыя должно было напечатать въ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ, и хотя былъ такъ слабъ, что не могъ держать въ рукахъ листка газетъ, но не прежде успокоился какъ окончивъ сію работу, вѣроятно ускорившую и смерть его. На 9-е число, ночью, онъ впалъ въ жестокій бредъ: ему вездѣ казались Математическія фигуры, которыми занятъ былъ умъ его во время болѣзни. Онъ всталъ, спросилъ грифельную доску, громко считалъ, писалъ непонятные знаки,

но подробно вывелъ результатъ одной трудной задачи. — Смерть его возбудила общее участіе.

Въ заключеніе, выписываемъ слова знаменитаго Цаха о покойномъ Шубертѣ.

»Обширный умъ Шуберта занятъ былъ разнообразнѣйшими и обширнѣйшими отраслями знаній. Онъ умѣлъ соединять глубокую ученость съ украшеніями блестящей фантазіи и съ привлекательностью особеннаго, прелестнаго образа изложенія. Если-бы нужно было опровергнуть старый, несправедливый предразсудокъ, будто ученость, Литература и прекрасное Ораторское искуство не соединяемы съ математическимъ умомъ — тогда примѣръ Шуберта былъ-бы лучшимъ доказательствомъ противнаго.«

Элегія.

Нѣтъ, нѣтъ! Я не рожденъ съ благословеньемъ неба,
Не ждетъ меня безсмертія вѣнецъ,
Не буду никогда жрецомъ прекраснымъ Ѳеба! . .
Ударитъ часъ . . . могила — мой конецъ.
За чѣмъ-же предо мной летаетъ призракъ славы,
Тревожитъ дни, тревожитъ сна покой
И указуетъ мнѣ на подвигъ величавый,
Чтобъ вознестись надъ смертію самой,
Чтобы исторгнуться изъ мрака гробоваго,
Гдѣ грустно лечь со всѣми на ряду?
За чѣмъ? . . . Какъ многіе, безъ жребія святаго,
Невѣдомый я по землѣ пройду.
Но ахъ! испытанный блаженствомъ скоропечнымъ,
Застигнутый внезапною бѣдой,
Стремлюся я все къ наслажденьямъ вѣчнымъ
И прочь иду отъ радости земной.
Давно-ль, надеждою въ храмъ бытія введенный,
Я не желалъ въ грядущее смотрѣть,
И счастьемъ роковымъ, любовью упоенный,
Прекрасно жилъ, не думалъ умереть?
Съ подругой юною я, вѣруя мгновенью,
Любви давалъ безсмертіе въ удѣлъ;
Не понималъ конца такому наслажденью,
Которому конца я не хотѣлъ.
Увы! минутному не льзя повѣрить дважды,

А вѣчное избраннымъ суждено (*).
И славы на алтарь дары приносишъ каждый,
Но каждому-ль безсмертіе дано?
Кто, жизни доблестной послѣдній мигъ встрѣтивъ,
Во мглу вѣковъ нетлѣнный перейдетъ?
Чей камень гробовой потомства длань святая
Лавровыми вѣнками обовьетъ?
О мысль высокая! . . . Томительной тоскою
Исполнятся мои минуты бытія:
Не такъ я сотворенъ . . . . Небеснаго не стою (*),
Въ земномъ-же прелести не обрѣтаю я.
Ничтожество! Съ тобой дружиться я намѣренъ,
Забыто всё мелькнувшее во снѣ;
Все, все покинулъ я, тебѣ останусь вѣренъ
И чувствую, ты не измѣнишь мнѣ.

Н. Павловъ.

Пѣсня.

О чемъ, скажи, твое стенанье
И безутѣшная печаль?
Твой умеръ другъ, или изгнанье
Его умчало въ синю даль?
— Когда-бъ онъ былъ въ странѣ далёкой
Я друга-бы назадъ ждала;

*

(*) Вѣчность и безсмертіе приняты здѣсь въ поэтическомъ смыслѣ, въ отношеніи къ славѣ. *Изд.*

(*) Т. е. наслажденія славою, въ противоположность чего Поэтъ говоритъ о ничтожествѣ, какъ о состояніи безъ наслажденія славою. *Изд.*

И въ скорбяхъ жизни одинокой
Надежда-бы еще цвѣла.

*

Когда-бъ онъ былъ въ могилѣ хладной
Мои-бы плакали глаза:
А слезы грусти безотрадной
Небесъ вечерняя роса.

*

Но онъ преступникъ, онъ убійца,
О немъ и плакать мнѣ не льзя;
Ахъ! разступись моя гробница,
Раскройся тихая земля.

X. . . . . .

Парижъ. 1826.

Къ А. Г. Сталыпину (*).

Спокойный духъ въ дни тяжкой нужды,
Въ дни счастія презорства чуждый,
Умѣй сберечь, о Делій мой!
Равно добыча смерти жадной,
Влачить-ли будешь вѣкъ съ бѣдой,
Или за чашею отрадной,
На муравѣ уединенъ,
Ты сладко вкусишь жизни сонъ!

*

Смотри, какъ съ сосной величавой
Слетаетъ тополь верхъ кудрявой;
Гостепріимной сѣни другъ
Потокъ журчитъ и вьется вкругъ;
Покуда молодъ, до напасти,

(*) Горац. Кн. 2. ода 3.

Сюда неси вино и маслы;
Чело вѣнкомъ изъ розъ увей,
На память краткихъ жизни дней.

*

Неодолима Парки злоба!
Оставишь все у двери гроба,
Что собралъ дорогой цѣной;
Гдѣ Тибръ твой домъ, усадьбу, рощи
Лобзаетъ желтою струей,
Богатствомъ собраннымъ тобой,
Упьется тамъ наслѣдникъ тощій!

*

Царей-ли сильныхъ отрасль ты,
Или презрѣнный сынъ рабыни. . . .
Различій сгладитъ всѣ черты
Рука безжалостной судьбины.
Она всѣхъ жребіи равно
Въ ужасной урнѣ потрясаетъ:
И рано-ль, поздно-ли — кто знаетъ —
Всѣмъ быть за Стиксомъ суждено!

Орловъ.

Москва.

Элегія.

Къ Ал. . . . . .

Вотъ роза — милый другъ! сорвемъ ее скорѣй,
И запахомъ цвѣтка подышемъ хоть весною;
Наполнимъ душу всю любовію одною —
Безъ мѣры, милый другъ, мы предадимся ей.

*

Пловецъ, застигнутый грозой, въ непѣрномъ бѣгѣ
На утломъ челнокѣ, среди кипящихъ водъ —
Напрасно сѣтуетъ о невозвратномъ брегѣ,
И обращая вспять свой непокорный челнъ,
Взываетъ къ родинѣ: нѣтъ! счастіе прямое
Кипѣть на родномъ брегу среди своихъ друзей —
Не покидать-бы мнѣ отеческихъ полей —
И безъ опасностей, безъ славы жить въ покоѣ!..
Но поздно..., поглощенъ онъ мутною волной....

*

Такъ старецъ сѣтуетъ, покрытый сѣдиной,
О юности своей уже невозвратимой —
Зоветъ ее: о вѣкъ неоцѣнимой!.....
Вернись, хотя на мигъ, мой возрастъ молодой —
Я не успѣлъ тобою насладиться!...«
Ему внимаетъ смерть .... неумолимый рокъ
Влечетъ его — не можетъ воротиться,
Чтобъ на пути поднять имъ брошенный цвѣтокъ.

*

Счастливая весна проходитъ незамѣтно —
Спѣшимъ ее ловить: другъ друга любимъ мы.....
Въ заботахъ, почестяхъ пусть смѣлые умы
Хотятъ быть счастливы.... но тщетно—
И половина жизни ихъ
Проходитъ суетно въ забвеньи благъ прямыхъ.

*

Не позавидуемъ ихъ гордости безплодной:
Надежды долгія оставимъ для другихъ;
Для страсти пылкой, благородной
Жить поспѣшимъ: невѣренъ каждый мигъ —
Грядущій, можетъ быть, умчитъ восторги наши.

Мы бились изъ полной чаши;
Пока у насъ въ рукахъ она,
По каплѣ выпьемъ все до дна.

*

Слѣпцы надменные, увѣнчанные славой,
Которыхъ имена останутся потомъ
На хладномъ мраморѣ, на камнѣ гробовомъ —
И на листахъ исторіи кровавой....
И неизвѣстные, забытые въ глуши,
Которые презрѣвъ высокія злодѣйства
Живутъ для нѣжныхъ чувствъ возвышенной души,
Для счастья мирнаго и добраго семейства. . . . .
Мы всѣ равно плывемъ — и всѣмъ намъ суждено
Чрезъ море къ пристани достигнуть
— — — — — — — — — — (*)
Тогда, о, милый другъ, пловцу не все-ль равно:
Корабль ли крѣпкій и огромной
Погибъ съ нимъ въ пропасти бездонной —
Иль потонулъ съ нимъ легкій чолнъ,
Скользившій тихо между волнъ? . . .

(Изъ Ламартина)

Ю. Познанскій.

Москва. 1826 года.

Поле битвы.

Я вижу, послѣ грозной битвы,
Долина спитъ въ глубокомъ снѣ
И кровь на ней еще дымится,
Кони и всадники лежатъ.
Тотъ мукой страшною томится,

(*) Тире поставлены самимъ Переводчикомъ. *Изд.*

Того объемлетъ смерти хладъ;
Тотъ изву тяжкую зажавши,
Послѣдней кровью дорожитъ;
Тотъ жизнь и образъ потерявши,
Конемъ растоптанный лежитъ;
Тотъ обезглавленъ; тотъ безъ членовъ;
Тотъ вырвать силится копье,
Глубоко въ грудь его вонзенно —
Клянетъ безсиліе свое,
Изнемогаетъ . . . цѣпенѣетъ. . .
По жиламъ смерти хладъ бѣжитъ. . . .
Тамъ брошенъ въ прахъ и шлемъ и щитъ,
Тамъ мечъ булатный кровью рдѣетъ.

Несутся тучи — и луну
Мгновенной тмою покрываютъ;
Кругомъ могильну тишину
Лишь стоны скорби прерываютъ.

П. Сумароковъ.

Къ * * *.

Я избалованъ съ дѣтскихъ дней,
Я издавна привыкъ не вѣрить
Разсказамъ вѣтренныхъ рѣчей
И въ шуткахъ страстныхъ лицемѣрить;
Напрасно ласкою живой
Меня плѣняешь, къ нѣгѣ нудишь —
Моей любви полуживой,
На сердцѣ хладномъ не пробудишь.
Ея докучливые сны,

Ея ревнивыя желанья,
Какъ плодъ сердечнаго мечтанья;
Разнообразны и смѣшны;
Ея запѣйливую повѣсть,
Я всю прочелъ и зашвердилъ —
И возмутившуюся совѣсть
Кой-какъ съ минувшимъ помирилъ;
Съ улыбкой слушаю разсказы
Про дни былые, про любовь:
Но не ушѣшатъ сердца вновь
Самолюбивыя проказы
И разгорѣвшаяся кровь.
Мои исчезли сновидѣнья
Въ густомъ дыму разувѣренья:
Какъ исчезаетъ вдалекѣ
Ружейный выстрѣлъ на рѣкѣ.

Алексѣевъ.

Эпитафія

Россійскому Исторіографу Н. М. Карамзину.

Согражданъ слава, мудрыхъ честь,
Безсмертный въ подвигахъ писателя, внимій,
Успѣлъ отчизнѣ ты великій даръ принесть:
Покойся, окропленъ слезами всей Россіи!

Николай Ивановичъ-Писаревъ.

Безголовый мертвецъ.

(Окончаніе.)

Щеголеватый наставникъ юношества употребилъ на свой нарядъ полчаса времени болѣе обыкновеннаго: прилаживалъ свое нарядное или, лучше сказать, единственное, черное платье и дѣлалъ разныя ужимки и улыбки передъ кусочкомъ зеркала, прилѣпленнымъ къ стѣнкѣ школы: такъ сильно хотѣлось ему понравиться Катринѣ! Онъ досталъ себѣ лошадь у стараго мызника, сосѣда школы, сердитаго Голландца Ганса-Фанъ-Риппера. Такимъ образомъ отправился Ичабодъ не пѣшкомъ а верхомъ, какъ рыцарь странствующій за приключеніями. Если подражать разсказамъ романтиковъ, то должно сдѣлать вамъ описаніе моего героя и его лошади. Животное, которое удостоивалъ онъ симъ именемъ, по преданіямъ, точно было нѣкогда рабочею лошадью. Впрочемъ, оно забыло всѣ способности лошадей, кромѣ общей всѣмъ животнымъ — способности старѣть. Кости его были обтянуты кожею, на которой торчали, какъ щетина, волосы; шея походила на баранью, а голова была преогромная. Въ гривѣ и хвостѣ его всегда впутано было множество репейнику; одинъ глазъ носилъ уже печать разрушенія — не существовалъ для

свѣта; за то другой пылалъ необыкновеннымъ выраженіемъ. Судя по имени, надобно-бы этой лошади въ молодости ея быть пламеннымъ и бѣшеннымъ отвореніемъ: ее звали — *Вспыхнувшій порохъ!* Она была любимая лошадка своего хозяина, капризнаго Фанъ Риппера, а онъ славился какъ смѣлый наѣздникъ и, кажется, умѣлъ передать свои капризы любимой своей лошади. Какъ ни казалась она старою и хилою, но больше всякаго молодаго жеребенка показывала коварства и шалостей: лягалась, кусалась, пугалась и проч.

Все, нарядъ и положеніе Ичабода, совершенно соотвѣтствовало удалости его лошади. Стремена у него такъ были коротки, что колѣна поднявшись кверху, почти равнялись съ верхушкой сѣдла. Локти растянулъ онъ встороны, какъ стрекоза свои ножки и бичъ держалъ въ рукѣ перпендикулярно, какъ жезлъ правленія. Лошадь его ступала увалисто, отъ чего руки Ичабода были въ безпрерывномъ движеніи, точно какъ крылья и при каждомъ толчкѣ, шляпа его сдвигалась на глаза; фалды кафтана спускались къ низу, вѣялись вмѣстѣ съ хвостомъ лошади. Таково было зрѣлище, которое представляли Ичабодъ и бодрый конь его, выступая изъ воротъ Фанъ-Риппероваго дома — зрѣлище рѣдкое: согласитесь, что привидѣнія рѣдко являются днемъ, а Ичабодъ былъ сущее привидѣніе!

День, какъ я уже сказалъ, былъ прекрасный осенній; небо ясно и свѣтло. Вся природа, казалось, одѣта была въ богатое, позолоченное платье, съ которымъ всегда соединяемъ мы идею изобилія. Листья изъ зеленыхъ сдѣлались уже темно-желтыми, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя деревья, болѣе нѣжныя, расписаны уже были блестящими желтыми, пурпуровыми и красноватыми оттѣнками. Дикія утки уже спаялись въ воздухѣ; бѣлки кричали въ орѣшникѣ и перепелки шныряли по сжатымъ полямъ, съ важными своими восклицаніями.

Маленькія птички прощались въ это время съ природою: въ безпечной радости щебетали онѣ, перелетая съ дерева на дерево, съ кусточка на кусточикъ, какъ будто разнообразіе лѣса сдѣлало ихъ соперницами въ выборѣ убѣжищъ. Ряболовъ, этотъ любимецъ дѣтей, возглашалъ свой шумный гимнъ; черные дрозды собираясь стаями, казались чернѣющими облаками; краснозобка расстилала свои золотыя крылушки, сверкала краснымъ хвостикомъ, черною шейкою и блестящими перышками; кедровникъ гордился цвѣтными крылѣями, желтымъ хвостомъ своимъ и краснымъ хохломъ на головѣ; журавль — забавный щеголь, въ синеватой одеждѣ съ бѣлымъ подбоемъ, кричалъ, пѣлъ и выступалъ гордыми шагами.

Между тѣмъ, Ичабодъ продолжалъ путь свой и взглядъ его, всегда разбѣгавшійся на признакахъ богатства, съ удовольствіемъ созерцалъ изобиліе осени. Со всѣхъ сторонъ видѣлъ онъ безчисленное количество яблоковъ: одни гнули еще вѣтви подъ своею тяжестію, или раскладены были порядкомъ въ корзины и приготовлены на продажу; другіе свалены въ кучу и назначены для вкуснаго сидра. Далѣе Ичабодъ видѣлъ обширныя поля съ пшеничкой: золотыя шишки, развернувъ свои листики и оболочки, казалось, обѣщали уже ему славные пироги и пуддинги; ниже ихъ являлись пожелтѣлыя тыквы и манили его воспоминаніе къ тыквенной кашѣ и жареному. Проѣзжая подлѣ полей съ сарачинскимъ пшеномъ и вдыхая медовой запахъ его, онъ воображалъ маленькія, пухленькія ручки Катрины, дѣлающія шорпъ, напитанный масломъ и покрытый сахаромъ.

Такими сладкими надеждами питая умъ и душу и полагаясь на славныя кушанья, какъ полагалъ онъ, ожидавшія его на пиру, Ичабодъ продолжалъ путь свой вдоль цѣпи горъ, ограничивающихъ величественную Гудзонову рѣку. Огромный шаръ солнца западалъ постепенно за обзоръ; обширное пространство Тапаанскаго моря, недвижное, какъ глыба хрусталя, оцинѣвалось только синеватыми полосами отдаленныхъ горъ, рисовавшихся въ его вол-

нахъ; нѣсколько красныхъ облаковъ висѣ-
ло на воздухѣ — но нигдѣ даже не шело-
кался вѣтеръ. Края небосклона блистали,
здали золотыми пеленами; чѣмъ выше,
тѣмъ болѣе переливались въ зелень и на-
конецъ терялись сіи оттѣнки въ синей
лазури полусвѣтлой высоты; послѣдній
отблескъ солнца свѣтилъ на лѣсистыхъ
вершинахъ прибрежныхъ горъ и бросалъ
тѣнь съ высоты ихъ на сѣрые утесы,
при ихъ подошвѣ. Шлюпка тихо катилась
на поверхности водъ — безполезные па-
русы висѣли на ея мачтѣ, и какъ спящія
воды отражали въ себѣ небо, парусы ка-
зались тамъ повѣшенными въ воздухѣ.

Была ночь, когда Ичабодъ доѣхалъ до
жилища Фанъ-Тасселя, гдѣ собрался уже
цвѣтъ всей окрестности. Старики Гол-
ландцы, съ загорѣлыми лицами, были въ
шелковыхъ кафтанахъ домашняго руко-
дѣлья, въ синихъ чулкахъ и въ большихъ
башмакахъ, съ великолѣпными оловянны-
ми пряжками. Небольшія ростомъ, сухія
и веселыя подруги ихъ были въ чепчикахъ
съ небольшими складочками, въ длинныхъ
шушунахъ, въ коротенькихъ юбкахъ, къ по-
ясу которыхъ привѣшены были у нихъ
ножницы, клубки и огромные карманы.
Молодыя Голландки были въ такихъ-же
старинныхъ нарядахъ, какъ ихъ мамушки,
но у каждой сохранялось отличіе, ка-
кое нибудь городское нововведеніе: соло-
менная шляпка, красивая лента, бѣлая

юбочка. Одежду молодыхъ мущинъ составляли квадратныя куртки ихъ съ мѣдными пуговицами. Всѣ они носили косы — такова была тогда мода — и что еще? Косу завязывали они въ кожу угря почитая это лучшимъ средствомъ растить и укрѣплять волосы.

Брамъ казался героемъ собранія. Онъ пріѣхалъ туда на своемъ любимомъ конѣ Даредевилѣ, на которомъ кромѣ его никто не могъ ѣздить и который, какъ говорили, такой-же забіяка, какъ его хозяинъ. Впрочемъ всѣмъ было извѣстно, что Брамъ ѣзжалъ на такихъ только лошадяхъ, на которыхъ ѣздокъ можетъ сломить голову. Объѣзженная, смирная лошадь, говаривалъ Брамъ, не достойна смѣлаго наѣздника.

Напрасно желалъ-бы я изобразить прелести, очаровавшія нашего Ичабода при первомъ взглядѣ, при первомъ шагѣ его въ домъ Фанъ-Тасселя! Но, не толпа дѣвушекъ, не ихъ хорошенькія личики и модные наряды поразили его — нѣтъ! Онъ живо почувствовалъ красоты Голландскаго стола, покрытаго всѣмъ величіемъ осени и громадами стряпни множества родовъ, неизвѣстныхъ никому, кромѣ добрыхъ Голландскихъ хозяекъ! Тутъ видны были бисквиты, пастеты медовые и имбирные; цѣлыя семейства пирожковъ; яблочные, сливные, тыквенные торты, окорока, печенье, варенье, пивы; жареные цыплята, кувшины молока и сли-

вокъ, разставленные туда и сюда, кругомъ огромнаго чайника, дымящаго благовонные пары. Право у меня нѣтъ ни времени, ни умѣнья описать подробно это прелестное соединеніе стола Голландцовъ, какъ-бы оно стоило; притомъ, я спѣшу разсказывать событія. Но къ счастію, Ичабоду не зачѣмъ было спѣшить, какъ спѣшитъ его Историкъ, и онъ прилѣжностью своею отдалъ полную справедливость всему, что ни было поставлено!

Ичабодъ бывалъ добръ, смотря по состоянію своего желудка; сердце его расширялось по мѣрѣ того, какъ желудокъ наполнялся, и веселость его всегда тѣмъ болѣе умножалась, чѣмъ болѣе онъ ѣлъ, такъ, какъ у другихъ возрастаетъ она по мѣрѣ того, какъ они пьютъ. Теперь онъ не могъ удерживать восторга при каждомъ глоткѣ, думая что все его окружающее, можетъ быть, будетъ со временемъ принадлежать ему. О! какъ бы поторопился онъ тогда откланяться своей скучной школѣ, насвистать подъ носъ Фанъ-Ринперамъ и Фанъ-Оффамсамъ, стариннымъ патронамъ своимъ и за просто выталкивать за дверь каждаго невѣжду-педагога, который нынѣ очень спокойно смѣетъ называть его своимъ собратомъ!

Старикъ Фанъ-Тассель ходилъ кругомъ между гостями, съ веселою, какъ

полная луна, круглою фигурою. Его привѣтствія были коротки, но выразительны. Онъ ограничивался пожатіемъ руки, хлопаньемъ по плечу, громкимъ смѣхомъ или неотступною просьбою что нибудь выпить, что нибудь съѣсть.

Звуки музыкальныхъ инструментовъ пригласили всѣхъ къ танцованью. Впрочемъ весь хоръ составлялъ одинъ скрыпачъ, негръ, уже съ полвѣка бывшій бродящимъ оркестромъ во всей округѣ. Его инструментъ былъ спаръ, какъ онъ самъ. Иногда на четырехъ, иногда и на трехъ струнахъ гудѣлъ онъ, что зналъ, сопровождая каждое движеніе смычка движеніемъ головы и нагибаясь почти до земли, сильно топая ногою, когда надобно было дѣлать другую фигуру, танцовать другой парѣ.

Ичабодъ столько-же гордился своимъ умѣньемъ танцовать, какъ и талантомъ пѣть. Каждый мускулъ его, каждая косточка шевелились, когда начиналъ онъ свои па. Онъ изумилъ всѣхъ негровъ, сбѣжавшихся изъ окрестныхъ мызъ и выставившихъ въ двери и окошки черные, лоснящіяся рожи. Негры смотрѣли на него съ умиленіемъ, ворочали бѣлками глазъ и въ непритворной радости выставляли наружу два ряда бѣлыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ. Страшилище дѣтей не останавливалъ ихъ — и какъ можно было препятствовать ихъ веселью и радости,

когда предметъ его сердечныхъ помышленій, прелестная Катрина, танцовала съ нимъ рука въ руку и лукавыми усмѣшками отвѣчала на каждое желаніе его понравиться, между тѣмъ какъ Брамъ, задыхаясь отъ любви и ревности, сидѣлъ забытый въ углу?

Танецъ кончился. Ичабодъ хотѣлъ отдохнуть и присоединился къ обществу почтенныхъ особъ, собравшихся отдѣльно въ сѣняхъ, гдѣ пуская облака дыма, они бесѣдовали о старыхъ временахъ и разсказывали продолжительныя исторіи о быломъ, о прежнихъ войнахъ.

Ихъ страна, въ ту эпоху, когда случилось все мною описываемое, была однимъ изъ привилегированныхъ мѣстъ, обильныхъ великими людьми и великими событіями. Войска Американскія и Англинскія приближались къ ней нѣсколько разъ во время войны, что дѣлало ее сборнымъ мѣстомъ мародеровъ, убѣжищемъ бѣглецовъ и бѣглыхъ солдатъ. Послѣ того пропекло уже столько лѣтъ, что каждый повѣствователь могъ облекать свой разсказъ прелестью выдумокъ и прибавленій и по недостатку памяти слушателей представлять себя героемъ въ каждой были имъ разсказываемой

Старый Голландецъ; съ синею бородою, по имени Доффинъ-Мартлингъ повѣствовалъ, какъ онъ овладѣлъ-было Англинскимъ фрегатомъ, съ помощію одной

девяти-фунтовой чугунной пушки, поставленной на прибрежномъ редутѣ, и что это непремѣнно-бы случилось, но, къ досадѣ побѣдителя, при шестомъ выстрѣлѣ пушка лопнула. Тутъ-же сидѣлъ старый Господинъ, котораго не называли по имени, потому что онъ былъ очень богатъ. Богатство, какъ извѣстно, вещь значительная, а объ вещахъ значительныхъ не говорятъ по-пусту. Этотъ господинъ былъ такой фехтовальщикъ, что на Гвейльдъ-Плейнской битвѣ шпагою отбилъ отъ себя пулю: онъ самъ слышалъ, какъ эта пуля свистѣла, ударилась въ кончикъ его шпаги и скатилась по острею до эфеса. И теперь еще на кружкѣ у эфеса видна была у него ямка, произведенная паденіемъ этой пули. Многіе другіе собесѣдники также отличили себя на поляхъ брани и были душевно увѣрены, что способствовали благополучному окончанію войны своими подвигами.

Но всѣ такія повѣствованія не могли сравниться съ разсказами о мертвецахъ и привидѣніяхъ, которые за тѣмъ слѣдовали. Всѣ окрестности исполнены были тогда богатствомъ чудесныхъ приключеній, видѣній и явленій. Вообще подобныя событія скорѣе случаются въ мѣстахъ уединенныхъ, между тѣмъ какъ имъ нѣкогда укорениться въ большей части нашихъ земель, многолюдныхъ и шумныхъ. Тутъ народъ безпрестанно движется и

у мертвецовъ отбиваетъ охоту являться Пока они надумаются посѣтить жилища живыхъ людей, уже нѣтъ ни одного стараго знакомаго, некого пугать въ ночныхъ прогулкахъ. Вотъ потому-то, можетъ быть, слышимъ мы о привидѣніяхъ только въ Голландскихъ селеніяхъ, гдѣ все такъ постоянно, прочно и живуще — и старые люди, и старыя повѣрья.

Между тѣмъ, что подавало болѣе всего поводъ къ сверхъестественнымъ событіямъ, это было сосѣдство Усыпительной долины, откуда самый воздухъ вѣялъ, кажется, привидѣніями и разносилъ повсюду сны и мечтанія. Многіе изъ коренныхъ обитателей Усыпительной долины были въ гостяхъ у Фанъ-Тасселя и по обыкновенію, они отличались чудесными повѣстями. Много повѣствовали гости о плачевныхъ крикахъ, вздохахъ и жалобахъ, слышанныхъ подлѣ дерева, гдѣ взятъ былъ несчастный Маіоръ Андре и которое расло по сосѣдству ихъ. Много разсказано было извѣстій о женщинѣ, одѣтой въ бѣлое, являющейся въ мрачной долинѣ Товенъ-Рокской и которая зимою передъ каждою бурею жалобно воетъ, потому что погибла въ мятели. Но всего болѣе вертѣлись разсказы надъ любимымъ привидѣніемъ Усыпительной долины, надъ безголовымъ мертвецомъ, котораго часто начали видать въ послѣднее время, кото-

рый почти каждую ночь путешествовалъ, на своей лошади, съ кладбища.

Запустѣлое мѣсто подлѣ кладбища явно казалось пришономъ духовъ. Кладбище это на холму, закрываемомъ огромными вязами, очень мило мелькало для глазъ своими бѣлыми стѣнами, сквозь мракъ зелени. Ровная покатость вела къ серебристымъ водамъ ближняго ручья, оттѣненнаго большими деревьями. Отсюда видны были близкія горы Гудзонскія. Глядяна это кладбище, заросшее травою, гдѣ лучи солнца такъ тихо пригрѣвали землю, казалось-бы, что̀ за мысль мертвецамъ оставлять такое тихое убѣжище и шататься по окрестностямъ, пугать живыхъ! Напротивъ! въ одну сторону отъ кладбища простиралась долина, покрытая кустарникомъ, гдѣ вился ручеекъ, между обломками скалъ и пнями деревъ. На этомъ ручейкѣ, недалеко отъ кладбища, былъ деревянный мосшикъ, который, равно какъ и дорога къ нему ведущая, окруженъ былъ деревьями, заслонявшими лучи солнца днемъ и дѣлавшими страшнѣе темноту ночью: здѣсь-то было любимое мѣстечко безголоваго проказника, мѣстечко, гдѣ всего чаще встрѣчали его!

Разсказали исторію стараго Бронвера, настоящаго еретика касательно привидѣній, какъ онъ, возвращаясь съ поля, встрѣтилъ незнакомца, ѣдущаго верхомъ, который пригласилъ его ѣхать съ собою.

Они скакали по кустарникамъ и лѣсамъ, по горамъ и болотамъ, пока доскакали до мостика. Тутъ вдругъ незнакомецъ превратился въ привидѣніе, сталкнулъ стараго Бронвера въ ручей, а самъ полетѣлъ на вершину деревьевъ, съ громовыми ударами.

За тѣмъ, кстати привели исторію о чудномъ случаѣ съ Брамомъ, когда онъ, какъ ловкій ѣздокъ скакалъ съ безголовымъ взапуски. Брамъ увѣрялъ, что возвращаясь изъ деревни Сингъ-Сингъ, онъ догнанъ былъ ночнымъ скакуномъ и предложилъ ему удариться о чашкѣ пуншу, кто кого перегонитъ. И Брамъ выигралъ было закладъ, потому что Даредевилъ перегналъ черную лошадь безголоваго, какъ вдругъ, прискакавъ къ мостику — мертвецъ исчезъ въ блескѣ молній.

Всѣ сіи приключенія, разсказанныя въ полголоса, какъ обыкновенно говорится въ темнотѣ, и выраженіе страха на лицахъ слушателей, освѣщенныхъ только огнемъ ихъ трубокъ, сильно врѣзались въ голову Ичабода. Онъ въ свой чередъ также разсказалъ кое-что изъ повѣствованій любимаго своего писателя Коттона Маттери, присоединивъ къ тому множество чудесныхъ приключеній, бывшихъ на родинѣ его, въ Коннектикутѣ и также собственную свою встрѣчу съ ужасными чучелами, въ одной изъ прогулокъ по Усыпительной долинѣ.

Наконецъ стали думать о разставаньи. Старики собрали свои семейства въ *тел*ѣги, простились съ хозяиномъ и долго еще слышанъ былъ скрыпъ и стукъ экипажей по избитымъ окрестнымъ дорожкамъ. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ сѣли на коней, позади женіховъ своихъ: смѣхъ и хохотъ долго отзывались по молчаливой окрестности и наконецъ потерялись въ отдаленіи. Мѣсто веселья и забавъ опустѣло. Одинъ Ичабодъ еще остался на нѣсколько минутъ. Ему хотѣлось, какъ бываетъ обыкновенно у любовниковъ, переговорить наединѣ съ любезною дѣвицею Фанъ-Тассель. Онъ увѣренъ былъ, что наконецъ тронулъ ея сердце — и желалъ только услышать ея признаніе въ любви.

Не беру на себя обязанности отдать отчетъ въ томъ, каково было *это* свиданіе, потому что — я не знаю, каково оно было. Могу сказать только, что оно по видимому кончилось не въ пользу бѣднаго Ичабода. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ съ видомъ человѣка огорченнаго и сердитаго. О женщины! Можно-ли было предполагать? Такая молодая дѣвочка только проводила мудраго наставника дѣтей, только кокетствовала съ нимъ! Она ласкала почтеннаго педагога, устилала цвѣтами путь, по которому довела его до отказа, до торжества соперника! Впрочемъ, право я не знаю, что случилось точно съ Ичабодомъ; знаю, что онъ

вышелъ съ наружностью человѣка, который ошибся въ разсчетѣ, а не съ выраженіемъ счастія, которое одушевляетъ лицо любовника, увѣрившагося въ обладаніи сердцемъ своей милой. Не глядя ни на право, ни на лѣво, отворотясь отъ богатствъ, столько разъ обольщавшихъ его взоры, онъ прямо пошелъ въ конюшню, нѣсколькими пинками разбудилъ самымъ неучтивымъ образомъ своего коня, растянувшагося на мягкой подстилкѣ и крѣпко храпѣвшаго, можетъ быть также въ надеждѣ обладанія какимъ нибудь полемъ съ овсомъ или пшеницею, или по крайней мѣрѣ съ тучною дягилиною.

Не страшась опасностей путешествовать ночью, Ичабодъ съ грустью ѣхалъ вдоль цѣпи высокихъ горъ, возвышающихся подлѣ Тарри-Тоуна, мѣстами, которыя съ такимъ веселіемъ проѣзжалъ онъ по утру. Унылое молчаніе ночи согласно было съ его мыслями. Вдали Таппаанское море мелькало въ неразличаемой дали: чуть можно было примѣтить мачты какой нибудь шлюпки, спокойно остановившейся на якорѣ, среди мрака, покрывающаго всѣ окрестности. Тишина дозволяла Ичабоду различать лай каждой собаки на противоположномъ берегу Гудзоновой рѣки; но лай этотъ доходилъ къ нему въ такихъ незвучныхъ отголоскахъ, что показывалъ ему только, какъ удаленъ онъ былъ отъ всякаго жилища людей. Иногда

пѣніе пѣтуха, случайно пробужденнаго, вырывалось изъ какой нибудь далекой хижины и чуть слышно было, не смотря на вниманіе Ичабода. Ни одинъ знакъ жизни не прерывалъ однообразной тишины уединенія, кромѣ чиканья кузнечика въ травѣ или кваканья лягушки въ близкомъ болотѣ.

Всѣ исторіи о привидѣніяхъ и мертвецахъ, слышанныя бѣднымъ Ичабодомъ въ продолженіе вечера, толпою пролетѣли въ его воспоминаніяхъ. Ночь сдѣлалась мрачнѣе, звѣзды тускли: мимолетныя облака заслоняли ихъ отъ глазъ. Никогда не бывалъ Ичабодъ въ мѣстѣ болѣе уединенномъ, болѣе подозрительномъ. Онъ приближался къ тому роковому пространству земли, на которомъ всего чаще являлись духи, дѣлались чудеса. Передъ нимъ, среди дороги возвышался огромный тюлиппанъ, какъ исполинъ превосходившій огромностію всѣ окрестныя деревья, точный маякъ гибели и ужаса! Его изогнутыя вѣтви, возвышаясь къ облакамъ и опускаясь къ землѣ, были такъ толсты, какъ пни другихъ деревъ. Это дерево ознаменовано было несчастною смертью Маіора Андре, который схваченъ былъ недалеко отсюда, и его называли обыкновенно дерево Маіора Андре: народъ смотрѣлъ на него съ почтеніемъ и съ робостью, вспоминая и горестный жребій человѣка, котораго носилъ онъ имя, и странныя

явленія, какъ извѣстно было всѣмъ, вокругъ его происходящія.

Приближаясь къ этому ужасному дереву, Ичабодъ началъ посвистывать. Ему слышится, что кто-то отсвистываетъ его звукамъ — но это былъ скрыпъ сухихъ вѣтокъ. Приближаясь еще болѣе, онъ видитъ — что-то бѣлое, сидящее между вѣтвями дерева — и безмодвный отъ страха останавливается! Разсмотрѣвъ внимательнѣе, Ичабодъ распознадъ, что это осколокъ дерева, гдѣ ударила въ него недавно молнія и отщепила кору. Вдругъ раздается стенаніе — зубы его заколотились одинъ объ другой и колѣна сильно забили въ сѣдло. Впрочемъ это былъ шумъ вѣтвей. Ичабодъ безъ всякихъ приключеній проѣхалъ мимо дерева. Новыя опасности ожидали его.

Шаговъ триста далѣе, черезъ дорогу бѣжалъ ручеекъ, пробираясь отсюда въ болотистую и кочковатую долину, называемую Вилей - Свампъ. Нѣсколько толстыхъ деревьевъ, близко одно къ другому положенныхъ, служили вмѣсто мостика черезъ ручей. Со стороны дороги, гдѣ онъ пробирался въ долину, нѣсколько дубовъ и другихъ деревьевъ, переплетенныхъ дикимъ виноградомъ, распространяли страшную темноту. Переходъ черезъ мостикъ было самое опасное предпріятіе. Въ этомъ мѣстѣ Маіоръ Андре былъ схваченъ; за этими деревьями сидѣли солда-

ты, схватившіе его. Съ того времени, это мѣсто считалось въ полномъ обладаніи мертвецовъ, и каждый прохожій *трепеталъ*, если должно было идти здѣсь подъ вечеръ.

Ичабодъ приближился къ этому мѣсту и чувствовалъ, что дыханіе у него занимается. Онъ собралъ однакожъ всю храбрость свою, далъ лошади дюжину ударовъ ногами по тощимъ бокамъ, въ надеждѣ быстро проскакать черезъ мостикъ; но вмѣсто порыва впередъ, упрямая лошадка подалась вбокъ, тутъ впередъ и — мимо мостика! Страхъ заговорилъ сильнѣе въ груди Ичабода — онъ сильно дергаетъ лошадь, бьетъ ногами — напрасно! лошадь движется, правда, но вязнетъ еще болѣе въ тину и грязь. Плеть и длинныя ноги учителя поражаютъ скулистыя ребра Вспыхнувшаго пороха, который пышетъ, идетъ, идетъ къ мостику, хочетъ вскочить туда и съ такимъ усиліемъ, что Ичабодъ чуть не полетѣлъ черезъ голову. Тутъ .... странный звукъ поражаетъ его уши! Подлѣ деревьевъ, на берегу ручья, онъ видитъ что-то черное, огромное, безобразное. Привидѣніе не шевелится, но это не мечта! Страшное что то караулитъ странника и, кажется, готово къ нему ринуться!

Волосы почтеннаго наставника юношества вздыбились на его головѣ. Что дѣлать? Поздно возвращаться и бѣжать! И

какъ убѣжать отъ мертвеца, отъ привидѣнія, летающаго скорѣе вѣтра! Ичаболъ сбираетъ послѣднія силы и дрожащимъ голосомъ восклицаетъ: »Кто тамъ?« Нѣтъ отвѣта! Оставалась одна надежда, на бодрость Вспыхнувшаго пороха, и въ самомъ дѣлѣ — Ичабодъ выѣзжаетъ изъ тины, закрываетъ глаза, поетъ заклинанія. Оглянувшись видитъ онъ, что и ужасное чудовище движется съ мѣста, прыгаетъ и становится на дорогѣ. Какъ ни темна была ночь, Ичабодъ разсматриваетъ довольно хорошо, что это такое — огромный призракъ человѣка, на огромной лошади, молчитъ, какъ могила, и ѣдетъ по дорогѣ! Но что-же? Онъ кажется не думаетъ ни драться, ни говорить даже съ нашимъ героемъ? Онъ ѣдетъ — счастливый путь! дорога широка, къ тому-жъ и Вспыхнувшій порохъ кажется приободрился. . .

Ичабодъ вспомнилъ приключеніе Брама, началъ отдыхать и понуждалъ свою лошадь, въ надеждѣ, авось удастся перегнать привидѣніе! Не тутъ-то было! Привидѣніе скачетъ за нимъ. Ичабодъ ѣдетъ тихонько — и тотъ ѣдетъ также. Силы наставника юношества начинали истощаться. Онъ хочетъ запѣть снова свои заклинанія, но изсохшій языкъ его прилипаетъ къ гортани — слова вылетаютъ невнятными звуками. Упорное молчаніе спутника предвѣщало что-то страш-

ственное и недоброе. Скоро объяснилось, что это за чудакъ! Взъѣхавъ на одинъ пригорокъ, гдѣ тѣнь незнакомца отсвѣтилась на горизонтѣ, Ичабодъ затрепеталъ отъ ужаса, видя что у молчаливаго ѣздока — нѣтъ головы! Ужасъ умножился, когда Ичабодъ разсмотрѣлъ, что голова незнакомца была не на плечахъ, гдѣ обыкновенно бываетъ она у всякаго порядочнаго человѣка, а спокойно положена была на сѣдло впереди незнакомца. Страхъ Ичабода превратился въ отчаяніе; дождь ударовъ посыпался на ребра его лошади, которая не-лошадинымъ скакомъ начинаетъ скакать. Что если учитель успѣетъ уѣхать! Нѣтъ! и привидѣніе прибавило рыси! Вотъ оба наѣздника скачутъ по холмамъ и по долинамъ, камни и искры летятъ изъ-подъ копытъ лошадей. Въ быстромъ скаку, кафтанъ Ичабода вьется по бокамъ лошади и растянувшись на ней, онъ далеко впередъ высунулъ свою голову!

Передъ нимъ его дорога въ Усыпительную долину. Но, кажется, самъ злой духъ вселился въ этотъ проклятый Вспыхнувшій порохъ: онъ скачетъ въ сторону, подъ гору и — попадаетъ на песчаную дорожку, обросшую деревьями, которая ведетъ прямо къ мосту мертвецовъ и къ кладбищу. . .

Какъ-бы то ни было, скаканье лошади Ичабодовой давало ему преимущество передъ соперникомъ, но бѣда за бѣдой! Онъ

чувствуетъ, что отъ сильнаго напряженія Вспыхнувшаго пороха, подпруги у сѣдла лопаются, сѣдло катится. Ичабодъ хватается за луку — напрасно! Едва успѣлъ онъ удержаться и не упасть, крѣпко обхватившись за длинную шею своего коня — сѣдло полетѣло и Ичабодъ слышитъ, какъ черезъ него переѣхалъ противникъ. На мгновеніе блеснула въ головѣ его мыслѣ, что Гансъ-Фанъ-Рипперъ взбѣсится за пошерю сѣдла: это было его праздничное, любимое! Но время ли заниматься такими мѣлочными обстоятельствами, когда мертвецъ почти сидитъ на плечахъ! Нашъ бѣдный учитель думаетъ, какъ-бы удержаться безъ сѣдла, вертится направо, налѣво — иногда падаетъ на лошадь, такъ что чуть не разлетается только на двое. Но вотъ дерева рѣдѣютъ — кажется мостикъ близко. Отблескъ звѣзды въ водѣ ручья показываетъ Ичабоду, что онъ не ошибся. Онъ видитъ что и кладбище бѣлѣется вдалекѣ на пригоркѣ; онъ вспоминаетъ, что здѣсь исчезъ безголовый, когда скакалъ взапуски съ Брамомъ. »Ну!« думалъ Ичабодъ — »переѣхать этотъ мостикъ — и я спасенъ!« Не смѣя оглянуться, онъ слышитъ, какъ пышетъ подъ мертвецомъ конь, чувствуетъ, кажется, даже запахъ сѣры и смолы въ пламени изъ ноздрей его. Отъ двухъ жестокихъ ударовъ ногами по бокамъ — Вспыхнувшій порохъ вскакиваетъ

на мостикѣ — доски застучали подъ его ногами! Ичабодъ оглядывается назадъ исчезъ-ли, какъ обыкновенно водится, мертвецъ, въ дымѣ и огнѣ? Нѣтъ! Онъ видитъ его, видитъ, какъ злодѣй приподнимается въ стременахъ и — раскачиваетъ голову свою, хочетъ бросить ее въ Ичабода! Въ трепетѣ стремится Ичабодъ избѣжать отъ этого ужаснаго подарка — поздно! Голова летитъ — попадаетъ въ неустрашимаго наставника юношества и — онъ падаетъ во прахъ! . . . Вспыхнувшій порохъ, и черная лошадь, и мертвецъ вихремъ пролетѣли мимо и исчезли. . .

Настало прекрасное осеннее утро. Старая лошадь, возившая Ичабода, найдена была безъ сѣдла, подлѣ дома своего хозяина. Она спокойно паслась на травкѣ. Ичабодъ не явился къ завтраку; насталъ часъ обѣда — нѣтъ Ичабода! Дѣти собрались подлѣ школы и въ лѣнивой безпечности ждали своего учителя — не являлся учитель! Гансъ-Фанъ-Ринперъ началъ безпокоиться о своемъ сѣдлѣ, кстати и объ Ичабодѣ. Пошли искать Ичабода и послѣ строгихъ и долговременныхъ разысканій — нашли слѣды его. Сѣдло найдено было, увязшее въ тинѣ, неподалеку отъ мостика, подлѣ кладбища. Распознали слѣды лошадиныхъ копытъ до самаго моста. На противномъ берегу, тамъ гдѣ ручей былъ очень глубокъ и широкъ увидѣли шляпу несчастнаго Ичабода и не дале-

но отъ нее — странное дѣло! разбитую тыкву. . . .

Искали по теченію ручья, но не сыскали тѣла почтеннаго наставника юношества. Гансъ-Фанъ-Рипперъ, уполномочившій себя душеприкащикомъ Ичабода, осмотрѣлъ связку, заключавшую въ себѣ все имущество его. Въ ней найдено было двѣ рубашки, два галстуха, двѣ пары шерстяныхъ чулокъ, тупая бритва, собраніе пѣсенъ съ замѣчаніями на поляхъ, книги и — трубка.

Учебныя книги и мебель въ школѣ принадлежали обывателямъ, исключая исторію Англіи, сочиненную Коттономъ Маттеромъ, Календарь, Сноподкователь и Астрологъ, найденныя тамъ-же. Въ послѣдней книгѣ найденъ былъ листъ бумаги, измаранный и исчерченный, доказывавшій безполезныя усилія Ичабода написать стихотворную рацію въ честь наслѣдницы Фанъ-Гасселя. Всѣ книги неучебныя и этотъ поэтическій памятникъ преданы были огню Гансомъ-Фанъ-Рипперомъ, который сверхъ того рѣшился не посылать болѣе дѣтей своихъ въ школу, замѣчая, что они ничего болѣе тамъ не узнали, кромѣ чтенія и письма, а Гансъ-Фанъ-Рипперъ видѣлъ, что это ведетъ не къ добру. Всѣ наличныя деньги, принадлежавшія наставнику юношества, вѣроятно, были при немъ во время его гибели и вмѣстѣ съ нимъ

пропали. Извѣстно было, что онъ незадолго получилъ нѣсколько шиллинговъ.

Таинственное это приключеніе подало поводъ къ множеству разныхъ предположеній. Въ слѣдующее воскресенье народъ собрался толпами на кладбищѣ, на мосткѣ подлѣ кладбища и на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена была шляпа учителя и разбитая тыква. Вспомнили исторію Брама, множество другихъ приключеній, судили, говорили и рѣшили, что Ичабодъ погибъ отъ руки безголоваго мертвеца.

Онъ не былъ женатъ, слѣдственно — никому не былъ должень — кончилось тѣмъ, что забыли Ичабода. Школа перенесена была въ другое зданіе; другой педагогъ занялъ его мѣсто.

Одинъ старый мызникъ, спустя нѣсколько лѣтъ, ѣздилъ въ Новый-Іоркъ и привезъ извѣстіе, что Ичабодъ-Крань живъ и здоровъ, что боясь мертвецовъ и гнѣва Фанъ-Риппера, онъ оставилъ Усыпительную долину, гонимый горестью, что былъ презрѣнъ Катриною-Фанъ-Тассель; что онъ основался въ другой области, завелъ тамъ школу, научился законовѣдѣнію, сдѣлался политикомъ, адвокатомъ, журналистомъ и наконецъ былъ избранъ депутатомъ. Всѣ качали головами. Брамъ, вскорѣ послѣ погибели своего соперника, посватался и женился на прелестной Катринѣ, и всегда съ значительнымъ видомъ улыбался, когда при немъ разсказы-

вали исторію Ичабода-Крана. Замѣчали, что онъ хохоталъ, когда дѣло доходило до тыквы и вообще видно было, что все это происшествіе было ему извѣстнѣе, нежели другимъ, хотя по видимому онъ не хотѣлъ говорить и никогда не говорилъ объ немъ.

Но извѣстно, что женщины, особливо старыя, самые лучшіе судьи въ подобныхъ случаяхъ и я долженъ увѣдомить читателей, что всѣ женщины донынѣ твердо вѣрятъ и разсказываютъ о погибели Ичабода, какъ о дѣлѣ совершенно сверхъестественномъ. Исторія Ичабода донынѣ составляетъ самую занимательную исторію по вечерамъ. Мѣсто подлѣ кладбища сдѣлалось предметомъ ужаса и безконечныхъ разсказовъ. Школа, оставленная и забытая, развалилась опять времени. Есть слухи, что тѣнь несчастнаго педагога иногда тамъ является. Въ темный, лѣтній вечеръ, когда лѣнивый конь везетъ какого-нибудь хозяина домой, слышны вдали подлѣ школы унылые звуки. Меланхолическое гудѣніе псалма отдается въ окрестности — и жители Усыпительной долины слушаютъ, пугаются, и вспоминаютъ Ичабода-Крана.

Я разсказалъ читателямъ похожденіе учителя Усыпительной долины, точно такъ, какъ самъ его слышалъ въ одномъ многолюдномъ собраніи, недалеко отъ

Новаго-Іорка. Многіе почетные, умнѣйшіе граждане окрестнаго городка были тутъ. Нашъ разсказывалъ какой-то старикъ, съ веселымъ, пріятнымъ лицомъ, оживленнымъ насмѣшливою улыбкою. На немъ было изношенное платье перечнаго цвѣта и кажется, старикъ этотъ былъ человѣкъ небогатый: думаю такъ по стараніямъ его разсмѣшить другихъ. Когда разсказъ кончился, всѣ смѣялись и хвалили повѣствователя, особливо два или три Вице-Альдермана, спавшіе во все время, пока говорилъ старикъ. Между тѣмъ, въ углу сидѣлъ также старикъ, высокій, сухощавый, съ большими бровями дугою; онъ молчалъ и глядѣлъ угрюмо, сурово, сложивъ крестъ на крестъ руки, наклонивъ голову и казалось, сомнѣвался въ томъ, что онъ слышалъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ привязчивыхъ людей, которые никогда не смѣются безъ основательныхъ причинъ, т. е. смѣются только тогда, когда разумъ убѣдитъ ихъ, что въ самомъ дѣлѣ есть чему смѣяться. Когда веселый шумъ слушателей утихъ и все замолчало, онъ опершя рукою на кресла, другою взялся за свои манжеты и дѣлая мягкое наклоненіе головою, сближая густыя брови свои спросилъ разскащика: какое нравоучительное слѣдствіе выводитъ онъ изъ своей повѣсти и что онъ хочетъ доказать?

Разскащикъ подносилъ въ это время стаканъ вина къ губамъ своимъ, желая

освѣжить усталую грудь, остановился, поглядѣлъ на вопрошателя съ улыбкою и ставя тихонько стаканъ свой на столъ, замѣтилъ, что повѣствованіе его доказывало логически — »что нѣтъ въ жизни такого состоянія, которое не представляло-бы своихъ пріятностей, своихъ удовольствій и мы должны почитать шутку такъ, какъ ее передаютъ намъ — шуткою.« —

„Что, слѣдственно, тотъ кто скачетъ врядъ съ привидѣніемъ, долженъ скакать сильно. И такъ — что для школьнаго учителя отказъ наслѣдницы Голландскаго богача можетъ открывать путь къ достоинствамъ Государственнымъ.“

Разсудительный старикъ, сбитый такимъ силлогизмомъ, вдесятеро болѣе нахмурилъ брови, между тѣмъ какъ старикъ въ кафтанѣ перечнаго цвѣта смотрѣлъ на него съ торжественнымъ видомъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что все это хорошо, но впрочемъ исторія кажется ему немного вздорною и въ двухъ, или трехъ мѣстахъ возбуждаетъ его сомнѣнія.

„Да, по правдѣ сказать,“ отвѣчалъ разскащикъ, „что до самой исторіи, такъ я и на половину ей не вѣрю.“ —

СМѢСЬ.

Кто правъ? Кто виноватъ?

Я живо помню моего учителя Логики. Добрый человѣкъ! онъ начиналъ и оканчивалъ каждую лекцію доказательствомъ, что Логика есть первая Наука въ свѣтѣ, что съ Логикой можно все разрѣшить, все рѣшить. »Противорѣчій не было-бы въ свѣтѣ« — говаривалъ онъ, »если бы люди вмѣсто грамматы учились Логикѣ.« Тутъ, бывало, онъ подниметъ вверхъ Логику Баумейстера, по которой преподавалъ свои уроки, выступитъ на средину комнаты и вызываетъ насъ противорѣчить ему. Съ робостію, съ изумленіемъ смотрѣли мы, когда бывало начнетъ онъ вводить насъ въ извилины силлогизмовъ, соритовъ, дилеммъ и энтимемъ, начнетъ доказывать намъ какую нибудь аксіому, на примѣръ: *должно учиться*, *надобно учиться*, *необходимо учиться*, съ усмѣшкой поведетъ глазами и видя глубокое вниманіе наше, съ торжествомъ возглашаетъ: Qui tacet, consentire videtur!

»Если вамъ представится что нибудь въ спорѣ, въ противорѣчіи одно другому, смотрите: *кто правъ*, *кто виноватъ?* Непремѣнно правъ одинъ, непремѣнно другой виноватъ. Не могутъ быть *оба* правы, *оба* виноваты. Спросите каждаго изъ противниковъ, приведите отвѣты ихъ въ силлогизмы — и вы увидите тотчасъ *кто правъ*, *кто виноватъ*, а въ этомъ вся сила!«

»Правда,« прибавлялъ онъ, »есть случаи, что и Логика не легко разрѣшаетъ недоумѣнія . . . .

Тутъ обыкновенно задумывался онъ, открывалъ свою табакерку и прибавлялъ нюхая табакъ: »Да! нелегко!« — Увы! мы не знали, что послѣ каждой лекціи доказывали нашему учителю самыми достаточными силлогизмами, какъ нелегко узнать: кто правъ, кто виноватъ?

Я былъ свидѣтелемъ недостатка Логики его, когда пришелъ прощаться съ нимъ въ послѣдній разъ. Звучно раздавался по комнатѣ голосъ любезной супруги моего учителя, соединяя въ себѣ полный хоръ: она ревѣла какъ волторна, пищала какъ скрыпка, гудѣла какъ кларнетъ, трещала какъ труба. Добрый учитель мой смиренно сидѣлъ въ уголку, нюхалъ табакъ и — перебиралъ Баумейстерову Логику! Отпуская меня, онъ пожалъ мою руку и со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ: »Другъ мой! напрасно говоря вамъ, что люди *должны учиться Логикѣ*, напрасно не прибавлялъ я, что люди *однакожъ неучатся Логикѣ*. Но такъ и быть: ты вступаешь въ свѣтъ; знай-же, что въ свѣтѣ на Логику нѣтъ моды; что если ты захочешь разрѣшать противорѣчія людскія Логическимъ порядкомъ, то потеряешь время и довѣренность къ Наукѣ. Ты никогда не рѣшишь, кто правъ, кто виноватъ, въ этомъ нелогическомъ свѣтѣ! Наука Наукой, а свѣтъ свѣтомъ.«

Я худо повѣрилъ моему учителю. Онъ устарѣлъ, а старикамъ все кажется не такъ и не ладно — это обыкновенное мнѣніе каждаго изъ насъ, когда горячая кровь льется въ жилахъ, голову кружатъ мечты, а сердце въ закладѣ у надежды. Я вступилъ въ свѣтъ, жилъ, смотрѣлъ, слушалъ,

Теперь спрашиваю иногда самъ себя: кто изъ насъ правъ, кто виноватъ — я или учитель мой?

Предлагаю читателямъ рѣшить нѣсколько вопросовъ, которые говорятъ въ пользу моего учителя.

»Ахъ! какими средствами нажилъ Дамонъ »деньги! Кровавый потъ и слезы бѣдныхъ каплютъ „съ каждаго рубля въ сундукахъ его.“ Такъ говорятъ въ свѣтѣ о Дамонѣ, милліонщикѣ. — „Но, мой другъ! какое мнѣ дѣло что говорятъ люди? Мнѣ тепло, хорошо и весело. Посмотрите, какъ за счастіе почитаютъ приглашеніе къ моему обѣду, какъ за полверсты снимаютъ передо мною шляпы, какъ дружески расхаживаютъ со мною рука въ руку; послушайте, что говорятъ мнѣ за бокаломъ Шампанскаго, одинъ на одинъ!“ Такъ говоритъ Дамонъ. Кто правъ, кто виноватъ: Дамонъ, или тѣ люди, у которыхъ, недостаетъ духа, наказать общимъ негодованіемъ презрѣннаго богача?

„Русскіе мастеровые никуда не годятся. Что „ни купи у нихъ, все дрянь, все кое-какъ сдѣлано, все на часъ — дешево, да гнило! Ахъ! mon cœur! А у Нѣмца-то, у Англичанина-то: дорого, да какъ прочно, да какъ мило.“ — Будетъ мило, сударыня, коли вы изволите имъ платить въ три-дорога, да принимаете ихъ какъ баръ, а нашему брату, если что и купите, такъ не изволите заплатить, да изволите говорить: экая невѣжда! не-Французъ — подождетъ! А они вамъ за свое, продаютъ наше рукодѣлье. Русскій экипажъ, либо сдѣлаешь поскорѣе, да везешь на Неглинную; либо сдѣлаешь получше, да везешь къ Нѣмцу, а не то сиди поджавъ руки. — Кто это

разговаривалъ? — Гжа N. N. и добрый Русскій ремесленникъ! Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ?

»Вотъ и дождался отъ дѣтокъ радости! Вотъ отцу и матери на старости печаль, да слезы! Федюша мой проигрался, заложился, подрался! векселя, да горе — нигдѣ не служитъ, буянитъ, озорничаетъ!« — такъ жаловался мнѣ Клитъ! Я нашелъ Федюшу его больнаго, почти полумертваго, съ лицомъ обезображеннымъ страстями низкими и буйными. — »Казнись, отецъ«, говорилъ мнѣ несчастный юноша, »смотри на бѣдственныя слѣдствія худаго воспитанія, потворства и слабости родителей. Я изнѣженъ былъ съ колыбели. Отъ конфектовъ погибли мои зубы, отъ потворства остался я невѣждою! Куда годился я избалованный, неученый, грубіянъ? Что мнѣ было дѣлать въ хорошемъ обществѣ, съ малолѣтства привыкши къ буйству и невѣжеству?« — Съ ужасомъ оставилъ я несчастнаго и съ горестью спрашиваю: кто правъ, кто виноватъ — отецъ-ли слабый или сынъ, погибшій отъ его слабости и потворства?

»Воля твоя, ma chère, говоритъ Тимонъ, почесывая лобъ — » это несносно — прошу тебя отказать Филидору, Филоману и Филетеру. Всѣ замѣчаютъ, шепчутъ, смѣются! Съ однимъ ты всегда на гуляньѣ, съ другимъ поешь, съ третьимъ танцуешь. Полно! Довольно.« — Самъ перестань mon cher! что мнѣ дѣлать, если тебя вѣчно нѣтъ дома: утромъ визиты, обѣдать въ гости; тамъ въ театръ, тамъ въ клубъ, тамъ на балъ. Мнѣ скучно, мнѣ надобно разсѣяніе. — »Загляните въ дѣтскую« — Загляните въ счеты дворецкаго — „Посмотрите за хозяйствомъ“ — Посмотрите за

деревней. — „Полно вамъ покупать шали“ — Полно вамъ играть въ вистъ — „Вы кокетка“ — Вы шалунъ — „Вы . . .“ Но я оставляю угадывать однимъ и припоминать другимъ окончаніе *супружескаго* разговора. Спрашиваю только: кто тутъ правъ, кто виноватъ?

„Охъ! раззорился! какой проклятый сутяга: втянулся я въ эту тяжбу — сплыли мои денежки, какъ соломенки. Земли не оттягалъ, въ карманѣ пусто, а сколько фунтовъ крови испортилось отъ досады, отъ горя, отъ приказныхъ, отъ аппеляцій, отъ протоколовъ, отъ штрафовъ, отъ акциденцій!“ Теперь послушайте стряпчаго, послушайте какъ онъ „говоритъ: Казусное дѣло! Причинное *стеченіе*! „Коликократно убѣдительностію своею форсировалъ онъ мое терпѣніе! Коликократно объявлялъ „я ему, что дѣло его не право. Нѣтъ! то и „твердитъ бывало: выиграешь, батюшка, ты „уменъ, ты законы знаешь, ты какъ нибудь вы„хлопочешь! Вотъ тебѣ и *какъ нибудь*!“ — Повторять-ли мнѣ вопросъ мой? Нѣтъ! довольно. —

Если примѣры, какъ говорятъ умники, лучше разсужденій убѣждаютъ людей, пусть примѣры представленные мною докажутъ читателямъ, что теперь, доживши до старости, я справедливо начинаю сомнѣваться: не правъ-ли былъ мой учитель, говоря, что люди мало знаютъ Логику? Не виноватъ-ли былъ я, думая, что учитель мой ошибается?

Ахъ! Логика! Логика! для чего такъ мало извѣстна ты въ свѣтѣ! Какъ часто слыхалъ я: Бѣдный мужъ! Бѣдный отецъ! когда надобно-бы говорить: бѣдная жена! Бѣдный сынъ!

Двое спорятъ за карты и оба неправы; два поварища поссорились и оба неправы; мужъ съ женой разошлись и оба неправы; два крышика виняшъ другъ друга и оба неправы — но никто изъ нихъ не разберетъ своихъ поступковъ Логически, никто изъ нихъ не приведетъ въ силлогизмы вины своего противника — и сколько зла, ябедъ, ссоръ убавилось-бы на бѣломъ свѣтѣ, если-бъ каждый разсматривалъ хорошенько: кто изъ насъ правъ, кто виновашъ?

Ѳ. Ѳ. Ѳ.

Парижскія моды (*).

Les capotes les plus nouvelles ont la forme et le dessus de la passe en moire blanche. La passe est doublée en croisé de soie jonquille, à gros pois noirs ou bruns. Trois biais moitié en moire blanche, moitié en croisé jaune, plissés en crête de coq, sont distribués autour de la forme. Ces capotes ont des brides de l'une et de l'autre étoffe.

Presque toutes les capotes de taffetas rayé à losanges se font de deux couleurs: la doublure de la passe et les biais qui entourent la forme sont bleus ou blancs; et la capote est verte ou rose.

On voit sur beaucoup de chapeaux de paille d'Italie et sur un plus grand nombre de chapeaux de paille de riz, des bouquets de fleurs des champs et d'herbe, attachés par des noeuds de ruban de gaze, à feuilles ou fleurs de satin: les bouquets sont en plumes.

On commence à employer, pour garnir les chapeaux de paille d'Italie, des rubans de taffetas jaune, bleu ou vert à losanges ou à carreaux. Des brins de fougère,

(*) До 25 Іюля, 1826 года.

placés moitié autour de la forme, moitié sur la forme, accompagnent ces rubans.

La garniture des chapeaux de crêpe crêpé *blanc* consiste souvent en trois ou quatre rosettes de ruban de gaze satiné, et en pareil nombre de grosses roses. Chaque rose se place au milieu d'une rosette.

Pour la demi-toilette, il y a des chapeaux de crêpe crêpé blanc, garnis de blanc de crêpe jonquille, et ornés de liserés. Les bluets servent à fixer autour de la forme, des tulipes dont le calice et les feuilles sont en plumes.

Les taffetas de Florence et les gros de Naples fond jaune, à quadrilles ou à losanges, formés par des raies noires étroites, que l'on emploie en chapeaux, en capotes, en robes et en redingotes, sont imprimés. Quelquefois, au lieu de raies noires, ce sont des *filets* de couleurs plus foncées que le jaune. Quelquefois aussi, les raies sont couleur de rose, bleues, lilas, ou vertes sur un fond blanc.

La mode des fleurs des champs est si générale que l'on en met sur les bonnets parés.

Une autre mode plus générale encore, est celle des canezous. Un canezou de mousseline est moins chaud qu'une robe à corsage; aussi, dans les magasins de nouveautés vend-on souvent de l'*canezou* pour une jupe seule.

Presque tous les canezous, avec ou sans manches, sont en tulle uni, ou brodé: une ruche de tulle borde les mancherons, le bout des manches et le haut du canezou. Ce canezou est très-froncé par devant et au dos.

On porte beaucoup de pointes de dentelle, noire ou blanche. Les écharpes les plus élégantes sont en mousseline des Indes, unie ou brodée en plain.

Beaucoup d'élégans portent un habit-veste ou une redingote-veste, *à l'anglaise*, et un chapeau gris.

У новѣйшихъ капоповъ (шляпокъ) тулья, и верхъ полей дѣлаются изъ бѣлой мерелевой матеріи. Поля подбиваются клѣтчатою матеріею темно-гороховаго или шеманаго цвѣта. Три косяка, половина изъ бѣлой мерелевой, половина изъ желтой клѣтчатой матеріи, сложенные пѣтушьимъ гребешкомъ, расположены бываютъ вокругъ тульи. Завязки у такихъ капоповъ бываютъ двухъ матерій, изъ которихъ косяки сдѣланы. — Почти всѣ капоты изъ шелковыхъ матерій съ кривыми полосками дѣлаются двухъ цвѣтовъ: подбой полей и косяки, окружающіе тулью бываютъ синяго или бѣлаго; а самая шляпка зеленаго или розоваго.

На многихъ соломенныхъ шляпкахъ и еще болѣе на шляпкахъ изъ бѣлой соломы, бываютъ букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ, укрѣпленные бантиками изъ газовыхъ лентъ, съ атласными листками или цвѣтками; букеты дѣлаются изъ перьевъ. — Начинаютъ употреблять для уборки соломенныхъ шляпокъ ленты изъ шелковыхъ матерій желтаго, синяго, зеленаго цвѣта, съ кривыми полосками или квадратцами. Папоротникъ, частію вокругъ тульи, частію на тульѣ бываетъ при сихъ лентахъ.

Уборъ шляпокъ изъ бѣлаго крепъ-крепе, часто составляютъ четыре розетки изъ атласистыхъ, газовыхъ лентъ и столько-же большихъ розъ. Каждая роза находится въ срединѣ розетки. Для полунаряда дѣлаютъ шляпки изъ бѣлаго крепъ-крепе, убранныя лизере и косяками жонкилеваго крепа. Косяки служатъ для укрѣпленія кругомъ тульи тюльпановъ, у которыхъ листочки и чашечка изъ перьевъ

Флорансы и гроденапли желтые съ полосками черными, употребляемые нынѣ на шляпки, платья и реденготы бываютъ писненые. Иногда *вмѣсто* черныхъ полосокъ на нихъ бываютъ сѣточки, цвѣта потемнѣе желтаго. Иногда полоски бываютъ также розовыя, синія, *лиловыя*, зеленыя по бѣлому.

Мода на полевые цвѣтки такъ велика, что даже ими убираютъ и чепчики нарядные. Другая, всеобщая мода на каньзу. Кисейная каньзу разумѣется легче *корсажа* всякаго платья. Въ магазинѣ продаютъ нынѣ мантерія если угодно, только на юбку, а не на цѣлое платье, ибо талія закрывается каньзу.

Почти всѣ каньзу, съ рукавами и безъ рукавовъ дѣлаются изъ сплошнаго или шитаго *тюля*. Тюлевый рюшъ окружаетъ рукавчики, концы рукавовъ, и верхъ каньзу. Сзади и спереди каньзу дѣлается много складочекъ.

Много носятъ блондовыхъ косынокъ, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ. Модныйшіе шарфы дѣлаются изъ Индійской кисеи, сплошной или шитой.

Щеголи носятъ нынѣ фраки-жилеты и даже сертуки-жилеты, на манеръ Англинскій, при чемъ надѣвается сѣрая шляпа.

На приложенныхъ картинкахъ:

1-е Уборъ головы *для замужнихъ*, изобрѣтеніе Плезира. Тюлевое платье, убранное вишнями и туберозами. — 2-е Уборъ головы съ тюлевою косынкою, убранною блондами и розами. Платье изъ писненаго батиста. Органдиновая *фишю*, шитая и обложенная (brodés et bordés) тюлемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стран.

Археологія.
О развалинахъ храма Діаны ловитвы (*αγροτερα*) на островѣ Таманѣ. - - 5
Географія.
Новѣйшія извѣстія о Сіамѣ и Кохинхинѣ (окончаніе). - - - - - - 11
Всеобщая Исторія Литтературы.
Обозрѣніе Голландской Словесности. - 89
Путешествія.
Описаніе новѣйшаго путешествія на вершину Монтблана. - - - - - 177
Россійская Исторія.
Отвѣтъ Ѳ. Р. Качанова, который съ 1710 по 1715 годъ, начальствовалъ надъ Нерчинскими заводами. - - - - 251
Всеобщая Исторія.
Могаммедъ-Алн правитель Египта. - 260

II. КРИТИКА.

Разборъ книгъ:

Полный Французско-Россійскій Словарь — изданіе третіе. Спб. и М. 1824 г. 4 тома 25
Опытъ Библіотеки для военныхъ людей. Изд. В. Сохомъ. Спб. 1826 г. - - 36
Избранныя сочиненія изъ Русскаго Театра. Парижъ. 1823 г. - - - - 43
Русская Математическая Энциклопедія. Книжка I. *Ариѳметика.* М. 1826 г. - 115

Стран.

Опытъ Науки Изящнаго, А. Галича — *Амалтея*, И. Кронеберга — *Разсужденіе о духѣ и характерѣ и силахъ Древнихъ Стихотворцовъ, Ораторовъ и Историковъ*, Кн. А. Мещерскаго — *De natura ac indole litterarum Graecarum et Romanarum*, М. Розберга. - - - - - - 120

Птицы и Цвѣты, нравственныя Аллегоріи Аццъ-Эддина-Эльмокадесси, изд. въ Арабскомъ подлинникѣ, съ Французс. перевод. и примѣч. Гарсенемъ-де-Тасси. Парижъ. in 8. 380 стр. - - - - - 204 и 280

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1825 и 1826 годовъ. - - - - - 57, 146, 220 и 301

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Описаніе Буэнось-Айресской области: Восточная Банда — Извѣстія изъ Египта. 74

О проэктѣ Мардохея Ной основать Жидовское Царство. - - - - - - 166

Объ улучшеніи Англинскихъ уголовныхъ законовъ. - - - - - - - 238

Лондонъ въ 1825 году. - - - - - 329

Некрологія: *Н. М. Карамзинъ — Живолисецъ Давидъ — Баронъ Денонъ — Баронъ К. М. Веберъ — Фридрихъ, Ѳеодоръ Шуберть* - - - - - 80, 172, 244 и 336

Стран.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Алексѣева Ѳ. . . . — Весенній праздникъ. 113
Къ *** - - 159
Астафьева В. И. — Лилея. - - - 9
Предчувствіе. - 114
Вилламова. . . . — Отрывокъ изъ Гомеровой Ватрахоміомахіи или брани лягушекъ съ мышами. - - 108
Волконской Кн. З. А. — На кончину ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ. 3
Глинки Ѳ. Н. — Луна и Кенкеты. 69
Готовцевой А. . . — Къ N. N., нарисовавшей букетъ поблекшихъ цвѣтовъ - - - 115
Н. Д. И—П— Къ *** - - - - 10
Эпитафія Россійскому Исторіографу Н. М. Карамзину. - - - 160
Орлова . . . . — Къ Эрмію. - - - 106
Къ А. Г. Сталыпину. 155
Павлова Н. Ф. — Элегія. - - - - 153
Познанскаго Ю. И. — Курганъ Марили (съ Польск.). - - - 4
Ода Гаафица. - - 66
Къ Ал . . нѣ – ой. - 68
Элегія. Къ Ал... - 136
Барона Розена . . . Спящая Передслава. 112
Ротчева А. Г. — Поэзія. - - - - 61
Стеланова. . . — Унынie (изъ Ламарт.). 65
Сумарокова П. . . — Свѣтлана (отрывки изъ повѣсти). - - - 62
Поле битвы. - - 158

Стран.

X. . . вd. . . — Пѣснь козака. - - 105
Пѣсня. - - - - - 154
— „ — — Геній. - - - - - 3

Проза.

Верховное благо (изъ соч. Платона). - 11
Нѣчто о книгѣ: Phantasien über die Kunst, von einem Kunstliebenden Klosterbruder (Объ искуствѣ и художникахъ — размышленія отшельника, любителя Изящнаго). 17
Мысли Бейрона о самомъ себѣ. - - 25
Замѣчательная музыкальная жизнь Іосифа Берглингера (изданн. Тикомъ). - - 25
Кураме (истинное происшествіе). - 78
Безголовый мертвецъ (повѣсть Ирвина-Вашингтона). - - - - - 116 и 161

II. СМѢСЬ.

Вѣсти изъ Парижа (до 30 Іюня, 1826 г.). 143
Кто правъ? кто виноватъ? (Ѳ. Ѳ. Ѳ.). 188
Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - - 57, 102, 149 и 193

Къ сей части принадлежатъ: *План окрестностей села Акденисовки и основанія храма Діаны ловитвы, на островѣ Таманѣ*, *алфавитъ съ Греческой надписи* и *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.